

Оглавление

Глава 1	3
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	44
Глава 9	47
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	63
Глава 13	70
Глава 14	73
Глава 15	81
Глава 16	85
Глава 17	92
Глава 18	96
Глава 19	102
Глава 20	105
Глава 21	111
Глава 22	116
Глава 23	120
Глава 24	126
Глава 25	132
Глава 26	138
Глава 27	143
Глава 28	150

Глава 29	153
Глава 30	158
Глава 31	166
Глава 32	174
Глава 33	179
Глава 34	185
Глава 35	192
Глава 36	201
Глава 37	205
Глава 38	209
Глава 39	215
Глава 4	222
Глава 41	226
Глава 42	232
Глава 43	244
Глава 44	252
Глава 45	258

Глава 1

Я совершенно уверена, что в жизни каждого человека наступает момент, когда ему хочется кого-нибудь убить. У слабых желание не превращается в действие, и они, поскрипывая зубами, тайно желают зла своему врагу. Сильные пускают кровь. К моим двадцати пяти годам за моей спиной три убийства. Ни за одну из этих жертв меня не призвали к ответу, хотя тоненький, но внятный голос напоминает мне о них по ночам, раскрашивая их лица яркими красками и награждая бессонницей.

После смерти все становятся хорошими. Меня это радует. Когда-нибудь и обо мне скажут: «Ворона не виновата, так сложились обстоятельства»

Начну по порядку. До сих пор я писала только вымышленные истории, которые не захотело печатать ни одно издательство, но сейчас, когда я рассказываю о себе, предпочитаю остаться в тени. Мою исповедь, естественно под птичьим псевдонимом, я выложу в интернете. Интересно, уважают ли у нас реальные истории, и сколько будет комментариев.

Случается, убийца пишет книгу ради оправдания, а мне всего лишь нужно рассказать важному для меня человеку, какая я есть на самом деле. Мне никогда не отыскать тех слов, если он будет сидеть напротив и смотреть в глаза. Возникнет искушение осветлить мои вороньи перышки и, если не скрыть, то хотя бы приукрасить правду. Разоблачения я не боюсь: те, кто могут меня сдать, не ходят на сайты непризнанных авторов и никогда прочтут мою рукопись. Так что Ворона в безопасности.

Вороной меня стали называть в первом классе. До семи лет мой мир состоял из сказок, вкусных обедов с бабушкиными пирожками, поглощая которые я читала книги о попадающих в историю принцессах и спасающих их принцах. Первых принцев я обнаружила, когда пошла в школу. Они каркали мне вслед и втыкали в мои косы вороньи перья, которые по прихоти судьбы оказались такого же цвета, как мои волосы. Уже в первом классе мне довелось стать изгоем. У меня не было подруг: девчонки боялись, что зло моей фамилии Воронцова перейдет на них. Иногда я думаю, какой стала бы жизнь, если бы судьба наградила меня фамилией Лебедева. Но все сложилось так, а не иначе, и однажды я решила не противиться создавшемуся образу, явившись в школу с вороньим пером в косе и с зажатым в кулачке перочинным ножичком, которым я с криком «кар» полоснула по руке первого, обозвавшего меня в тот день Вороной, прыщавого одноклассника.

Меня удивительно быстро оставили в покое. А потом моя жизнь сделала крутой вираж и, руководящий нашими судьбами, которого впредь я буду именовать кукольником, бросил мне новый вызов.

В тот день в школу я опоздала. Отец, который обычно будил нас, уехал в командировку, и мы с мамой проспали до десяти часов. Быстро собравшись, выскочили из подъезда и разбежались в разные стороны. Точнее побежала я, а мама засемила в элегантных сапожках на высоких каблукках. Проходя между двух пятиэтажек, я почувствовала: мир изменился, а наш уютный дворик заполнил страх.

Слухи ползли давно. Но мне было не до раздумий: я спешила на контрольную по алгебре. От вымытых полов в раздевалке тянуло сыростью. С верхних этажей доносились крики. Стрелки настенных часов приближались к одиннадцати, а это означало, что до начала третьего урока осталось пять минут. Я вздохнула с облегчением: успела. Пристроила куртку на вешалку, пригладила растрепавшиеся волосы.

Поднявшись на второй этаж по лестнице, услышала крики, смех и улюлюканье. Раздался дробный стук каблучков. Галина Ивановна, наша географичка, соседка по дому и мамина подруга, чуть не сбила меня с ног. Ее перекошенное от страха лицо испугало бы кого угодно. Увидев меня, она потащила меня за собой вниз по лестнице, выплевывая слова, смысл которых доходил до меня с трудом. Я пыталась вырваться, но Галина Ивановна лишь сильнее стиснула мою руку. В коридоре, напротив вешалок, я заметила надпись: «Русские учителя, идите в уборщицы!»
- Быстро одевайся! - скомандовала Галина Ивановна.

Звонок противно задребезжал, когда мы уже спускались с крыльца. Моя спутница оглянулась, подпрыгнула и ускорила шаг.

- Мать на работе? – спросила она.

- Да. Но что случилось?

- Потом, - буркнула она, тяжело дыша.

Липкий страх проникал сквозь кожу. Вопросы застряли в горле. Мы неслись знакомой дорогой в библиотеку, где работала мама. На стене возле входа в здание появилась еще одна надпись: «Русские – свиньи!» Наши шаги гулко отдавались на каменных плитах фойе. На стенах мирно светились голографические морские пейзажи, нахохлившейся птицей выглядел бронзовый Гоголь. После школы я приходила сюда делать уроки в пустом читальном зале. Здесь, среди моих единственных потрепанных и пожелтевших друзей, мне было уютно и спокойно.

Мама перебирала книги на полках. Она обернулась: удивление на ее красивом лице от нашего неожиданного появления стерлось тревогой. С книгой в руках она бросилась к нам. Галина Ивановна, которую вне школы мне было разрешено называть тетей Галей, с горечью выговаривала слова, от которых становилось жутко.

- Пришла на урок, а они разорвали карты, порезали ножом доску. Я им: «Вы что, ребята?» А они плюются, кидаются учебниками. Орут, чтобы я убиралась из их города к себе. А ведь это был мой класс, я с ними в походы ходила, они доверяли мне секреты. Когда они успели превратиться в зверей? Мы же учителя. Мы далеки от политики. Бежать надо отсюда.

Тетя Галя всхлипнула, неловко потерла глаза, оставив на щеке черную полосу. Мама обняла меня за плечи. Некоторое время они спорили, что делать. Тетя Галя настаивала, что надо собрать вещи, снять деньги со сберкнижек и лететь в Москву. Мама хотела дождаться отца. Тетя Галя завизжала про заполонившие город танки, назвала мою мать дурой и выбежала из библиотеки.

Стало очень тихо и страшно. Я пробежала взглядом портреты писателей: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский. В голове мелькнула мысль: когда вырасту стану писательницей. Мама застыла, прижав к груди томик стихов Блока. Мне нравились потрепанные книги, мне казалось, через страницы я чувствую эмоции прочитавших их людей. Мне нравилось думать над подчеркнутыми предложениями и спорить с предыдущим читателем.

Воронье карканье и звук расколотого стекла прервали мои мысли. Мы обе взглянули на упавший возле нас камень и, схватившись за руки, выбежали из библиотеки. Возле входа трое здоровенных парней с перекошенными от ненависти лицами. Один из них, длинный, с крючковатым носом, преградил нам путь.

- Ты, библиотекаря, катись отсюда вместе со своими книжками!

Слово «библиотекаря» он произнес по слогам. Парни заржали. Мамин голос казался до удивления спокойным, даже равнодушным, когда она попросила дать нам пройти. Ее напряжение чувствовалось в руке. Второй раз за день я чувствовала, как впинаятся в мою ладонь ногти напуганного взрослого человека. Парень посторонился, мы проскользнули. По пути мама вспомнила, что дома нет хлеба. Зашли в булочную рядом с домом. В ответ на просьбу продать батон: знакомая продащица ухмыльнулась:

- С голоду подыхайте, русские свиньи!

На прошлой неделе она любезно помогала выбрать нам торт на день рождения. Мы отправились дальше. В сберкассе отказались выдать деньги со счета. Создалось впечатление, что неожиданно за одну ночь наши носы

превратились в пятаки, так часто нас называли свиньями. Тетя Галя была права. Надо бежать!

Мама написала отцу записку, взяла документы, оставшиеся дома деньги. Перед дорогой решили поесть. От волнения и страха еда с трудом проходила через горло а, попадая в желудок, вызывала чувство тошноты и почему-то нового, еще более сильного голода. Я не чувствовала вкуса колбасы. С улицы донесся страшный вопль. Мы выглянули в окно. Из пятиэтажки напротив выбрасывали вещи. Мама охнула и приказала собираться.

Я поплелась к себе в комнату и замерла, прощально обводя взглядом родные стены. Над полированным – профессорским, как называл его отец – столом, новый календарь. Белая лошадь с развевающейся по ветру гривой. Мне нравятся лошади. Может быть, когда-нибудь я научусь на них ездить. О чем я думаю? Надо собираться. Открыв шкаф с большим зеркалом, на миг заглядываю в свои испуганные глаза и тут же отворачиваюсь. Сложив вещи в сумку, кидаю сверху любимого ежик, папин подарок.

Бегу в другую комнату. Говорю об отце. Из маминых рук падает на пол стопка вещей. Она берет меня за руку.

- Доченька! Он... - по маминой щеке ползет слеза. – Он найдет нас.

Я чувствую ее страх. Она не верит в то, что говорит. Когда отец уезжал, они долго говорили на кухне, а потом я видела ее заплаканной. Я подумала, что мама не хотела, чтобы папа снова уезжал в командировку и не придавала этому значения.

- Мы едем в Москву, да?

Оставив мой вопрос без ответа, мама поспешно застегнула молнию на сумке и подтолкнула меня в коридор.

Когда мы вместе с Галиной Ивановной и ее мужем вышли из подъезда, в нашем дворе солдаты насильовали девочку. Рядом билась в истерике ее мать. Нас пропустили. Мы выбежали на центральную улицу, ужасаясь черным флагом на домах, и увидели танки. Широкие гусеницы навсегда впечатали наши души в асфальт города, который мы привыкли считать родным и называли нас «беженцами».

И мы действительно бежали очень быстро.

Кристина облокотилась на спинку кресла и потянулась, разминая затекшие мышцы. Потом снова уставилась в экран ноутбука, перечитывая написанное.

Вздыхнула. Нет, все было не так. Никакими словами не передать ужас двенадцатилетней девочки, когда привычный мир разваливается на глазах, не оставляя надежд на будущее. Что было бы с ними, если бы мама не сделала выбор между дочерью и мужем, и осталась бы ждать его возвращения? Знакомые, которым удалось выжить, рассказывали, что в наш дом пришли уже вечером. Насилюя, убивая и восстанавливая свои права по составленному заранее списку, враги не пощадили никого. Еще в прошлом году для того, чтобы получить талоны на продукты всех потребовали заполнить анкеты, где была указана национальность. Так в их руках оказались все адреса, где жили русские.

Кристина задумалась. Конечно, сейчас она живет гораздо лучше тех, кто тогда сбежал в Москву. Знакомые говорили, что ей повезло. Но кто знал, через что ей пришлось пройти? Это никогда не забудется. Но она научилась контролировать чувства, чтобы не погружаться прошлым. Единственное, с чем ей повезло, это с характером. Но ведь и себя она сделала сама. Каждый раз, когда ее пинали, она поднималась и давала сдачи. Пусть не сразу, но всегда.

Из-за верхушек сосен выглянуло солнце. Заиграло, засмеялось раскинувшееся внизу озеро. Запахло хвоей, стало тепло и хорошо. Кошмар остался на экране. Это всего лишь книга. Может, главная героиня существует только в ее воображении? Ведь у Кристины сейчас есть свой дом. Осталось еще раз сыграть по крупному. Кто победит она или ее враг? Точнее врагиня: здесь присутствует женский род. И как же они похожи.

Кристина встала и облокотилась на ажурные перила балкона. Пожалуй, если мама еще спит, можно поплавать. Переплыть озеро вдоль и поперек. А потом позавтракать. Она вернулась за маленький столик, за которым так любила работать. Смешно называть работой то, за что не платят денег. Но сочинять - единственная отдушина в жизни Кристины. Придумывая истории и героев, можно забыть о себе и почувствовать себя счастливой. Да разве важно, что ее не печатают? В виртуальном мире у нее достаточно читателей, с которыми можно пообщаться. И если большинство из них говорят, что она написала дрянь, то это так и есть.

В комнате раздались медленные неуверенные шаги. Мама проснулась. Захлопнув ноутбук, Кристина поспешила ей навстречу. Илария, в длинном синем халате с распущенными темными волосами, шла с мобильником в руке.

- Ты почему к телефону не подходишь? Зина хочет узнать, приезжать ли ей сегодня?

Кристина поцеловала маму в щеку, забирая телефон.

- Привет, Корзина! Прости, что не слышала звонков. Начала новый роман и обо всем забыла. Приезжай.

Кристина посмотрела на маму, пытаясь определить, как она себя сегодня чувствует, не мучили ли ее боли по ночам и, вообще, есть у нее силы прожить этот день. Вновь, в который раз, обожгла болью красота маминого лица. Казалось, чем меньше у нее оставалось сил, тем лучше она выглядела. Коварная болезнь с лихвой воплощала потерянное здоровье молодостью. Никто не давал Иларии больше тридцати пяти. Если так пойдет дальше, мама скоро станет выглядеть моложе ее. Уже сейчас, где бы они ни появлялись вместе, их считали сестрами. Иларию это забавляло, Кристину пугало, но она заставляла себя подыгрывать.

Илария улыбнулась дочери, движением губ сообщая, что сегодня все не так уж плохо.

- Корзина разбудила тебя?

- Нет, я уже проснулась. Когда ты перестанешь ее называть этим детским прозвищем?

- Не раньше, чем она перестанет называть меня Вороной.

Илария театрально подняла вверх глаза, выражая недоумение.

- Мамуль, да брось ты это безнадежное дело. Мы уже договорились, что тот, кто из нас умрет позже, вырежет на памятнике наши прозвища. Люди будут ходить мимо и читать, что здесь покоится с миром Корзина, а здесь без мира Ворона.

- Какая же ты у меня дурочка, - Илария откинула назад длинные волосы. — Ты уже плавала?

- Еще нет. Но я быстро. Только туда и обратно. - Кристина выбежала из комнаты.

Илария вышла на балкон, глядя на сосны, озеро и чудесный июльский день. Когда-то и она любила плавать. А теперь нет сил дойти до озера. Да что там до озера дойти, иногда пальцы не слушаются и расческа падает из рук. Остается только благодарить Бога за то, что он позволил прожить еще один день.

Кристина вышла из калитки в одном купальнике, на ходу закалывая длинные волосы на затылке. Почувствовав мамин взгляд, повернулась, помахала рукой и вприпрыжку направилась к озеру. Разбежалась, нырнула и сильными уверенными движениями, выбрасывая руки, погребла на середину.

Илария улыбнулась, в миллионный раз отметив, как они не похожи. Кристина вся в отца. Такая же порывистая, уверенная. От него ей достались:

смугловатая кожа, карие глаза, и этот удивительный, отдающий синевой, черный цвет волос. И, конечно, характер.

Илария передвинула кресло в тень, села и закрыла глаза. Не нужно его вспоминать. От этого будет только больнее. Прошло уже столько лет, и его уже нет на свете, а все еще жжет пальцы это письмо, которое она нашла в кармане. Письмо, из-за которого она проплакала всю ночь, удивительным образом спасло им жизнь. Не прочитав его, она бы не нашла в себе силы уехать, когда в их город вошли танки. Осталась бы ждать его возвращения. Погубила бы себя и Кристинку. Тогда нельзя было медлить. Они чудом остались живы. Надо уметь быть благодарной.

Глава 2

Холодная вода обожгла тело, сдавила обручем голову, залилась в уши. Кристина вынырнула и поплыла кролем. От быстрых движений стало тепло и радостно. Утренний приятный ритуал. Если на свете есть счастье, то оно в движении.

Почувствовав усталость, Кристина перешла на брасс. Тяжелые намокшие волосы, извергнув заколку, окутали шею. Мутноватая озерная вода ласково обнимала за плечи, спускаясь к бедрам, маня улечься на спину и подставить лицо солнцу, но девушка не поддавалась искушению. Кристина плавала все лето и даже в сентябре. Плавание утром, пробежка по вечерам и много-много упражнений. Здоровье и красота самые главные факторы в жизни. На это нельзя жалеть ни сил, ни времени. Уж в этом-то Кристина убедилась на собственном опыте. Пока есть красота, можно использовать мужчин. Подплывая к середине озера, девушка заметила, как загорелый мужчина прыгнул в воду и, выпрастывая высоко руки, поплыл наперерез.

Она усмехнулась и легла на спину. Только на мгновение, чтобы еще раз, глядя в высокое небо, почувствовать себя счастливой. Он здесь, и он плывет к ней. Маленькая секунда счастья. Приятно быть желанной.

Эх, Витька, Витенька. Горе ты мое и счастье. Кристина перевернулась на живот и перешла на кроль. Ну, догони, мальчик мой, догони. Ведь я же на море выросла, лучше тебя плаваю. Но ты мужчина и не должен сдаваться. Он догнал ее напротив утопающего в деревьях островка. Подчиняясь натиску, Кристина свернула к берегу и встала на дно, балансируя на кончиках пальцев ног. Витька обнял ее в воде, прислонив мокрое лицо к ее лицу, жадно целуя. Она почувствовала, как их языки обнимаются. Нельзя-нельзя. Еще мгновение. Ну как же хорошо. Все, хватит. Иначе уже не

оторваться от этого танца языков, не разлепить вжавшихся друг в друга тел. Кристина опустила руки и оттолкнула его. Он поскользнулся, забарахтался в воде, а она выбежала на берег, смеясь и отжимая мокрые волосы.

Чертыхнувшись, Витя некоторое время стоял по пояс в воде, лаская взглядом ее тело, а потом, разбрызгивая воду, бросился на берег. Подхватил на руки и унес в тень деревьев. Там, поставив ее на ноги, вновь прижался всем телом. Мир замер. Еще чуть-чуть этого счастья, ощущения, что тебя обнимает твое второе «я».

Тоненький слабый голос в мозгу требовал остановиться, а Кристина наслаждалась мокрыми пальцами, стиснувшими грудь. Исчез бы мир, провалился. И только они вдвоем, словно дикари. Голые, страстные. Пусть обжигает трава голые плечи и хрустит на зубах песок. Им не надо постели, она готова прямо здесь, только бы с ним, только бы он не отпускал ее никогда.

Его язык властно раздвинул губы. Рука прошла по спине, вызывая сладкую дрожь. Родной голос называл по имени. Может, остановить борьбу и позволить увлечь себя безумному желанию?

Нельзя!

- Отпусти меня!

Кристина ударила его в грудь и отскочила. Они смотрели друг на друга, ее взгляд упал на его плавки, где пузырилось то, что она больше всего хотела почувствовать внутри. Нельзя! Потом захочется еще и еще.

Она поправила купальник. Он снова двинулся к ней.

- Крис, ты сводишь меня с ума. Я ничего не могу. Жить не могу, работать не могу. Прощу тебя. Хотя бы один раз.

Девушка покачала головой, улыбаясь.

- Один раз уже был и, похоже, зря.

- Крис. Ну ты же моя. Вся моя. Я хочу тебя. Хочу!

Кристина сдвинула темные брови.

- Я не встречаюсь с женатыми мужчинами.

Он подошел ближе, взял ее за руку. Она мгновенно почувствовала тепло его пальцев. Он все правильно сказал, она его. Только в его руках так хорошо, только рядом с ним... Ах, какого же черта все не так, как надо.

- Кристина, послушай меня. Я даже, когда с женой сплю, тебя представляю. Ты мне всю жизнь испортила.

Черт! Да зачем же говорить о жене. Дурак.

- У - би – рай – ся! – Кристина ударила его по щеке и тут же испытала желание поцеловать проступившую на коже красную полосу.

- С ума сошла?! – Витька прижал руку к щеке, удивленный неожиданной грубостью, а Кристина не могла оторвать взгляда от его лица.

Не зря их общие знакомые называли его мартовским котярой. Тоненькая полоска усиков в сочетании с зеленоватыми глазами с загнутыми ресницами не оставляла сомнений, что жене приходится здорово пасти его, чтобы сохранить семью. За таких не выходят замуж. Таких берут в любовники. И она бы сделала это, если бы не жалела его жену, родившую ему двоих детишек. К тому же Витькина семья жила через несколько домов от нее, ближе к середине озера. Соседи, наверняка, уже болтали о них.

Кристина прыгнула в воду и поплыла так быстро, как могла. Надо успокоиться. Она заставила себя спокойно дышать и перешла на брасс. Все хорошо. Просто замечательно. Милый мой, единственный, ты никогда не узнаешь, что ты моя половиночка. Да только вот в этой жизни, мы вместе не будем. Ты будешь отрабатывать свой брак, растя двоих детей, а она пройдет свой долбанный путь до конца. Но даже эти мучительные поцелуи уже счастье. После того, что ей пришлось пережить, удивительно, что она может так чувствовать.

Витька снился ей по ночам. Она идет по желтому песку, океан плещется об ноги. Нагнули головы к воде зеленые пальмы. Солнце ласкает тело, ветер треплет волосы. Она знает, что он ждет ее. Шаг, еще шаг. Его руки, губы. Счастье. Всего лишь сон. Витька, ты никогда не узнаешь правды и никогда не узнаешь, что я хочу тебя так же, как ты меня.

Кристина посмотрела на берег. Сейчас она подплывет к тому месту, откуда виден ее дом. До сих пор не верится, что он принадлежит ей. Замок из сказки. Сердце тоскливо екнуло. Не обманывай себя, Кристина. Борьба вовсе не окончена. Для того чтобы остаться принцессой придется снова убивать. Но это будет самый последний раз.

Мысли завертелись по привычному кругу. Как сделать так, чтобы все опять сошло с рук? Сколько не просматривай хронику происшествий, там нет ничего полезного. Так же, как и в справочнике, в интернете и в детективных романах. Ясно одно, убийство, если ее не оставят в покое, должно выглядеть, как несчастный случай. Как произошло в первый раз. Или как самоубийство? Так было во второй. Нельзя повторяться. Нужно что-то новое, необычное. Ведь соперница так же умна, как и она. Они здорово похожи,

если не считать цвета волос. Даже глаза у нее того же янтарного цвета и такие же длинные ресницы. И врагиня из тех, кто не останавливается, пока не победит. Если бы жизнь сложилась иначе, они могли бы стать подругами. Здорово, иметь рядом кого-то похожего на тебя.

Кристина вышла на берег, отжимая волосы и кивая появившимся на пляже соседям. Как хорошо, что островок, где они целовались с Витькой, далеко отсюда и скрыт склонившимися ивами. Временный приют влюбленных, возжелавшим почувствовать друг друга на природе. Но это не для них. Это для свободных, кто может распоряжаться своими жизнями, как захочет. А Витькина жизнь уже обещана и расписана. И она в его судьбу влезать не должна.

- Хорошо поплавала? – спросила Илария, увидев входящую дочь.
- Чудесно. Сейчас переоденусь и накрою завтрак в саду. Ты с кем хочешь позавтракать, с Петей и Пашей или с Иудушкой?
- Ну сколько раз я тебя просила не кошунствовать?! – тонкие брови Иларии сдвинулись к переносице, образовав складочку.

Кристина перегнулась через перила.

- Боюсь, у нас нет выбора. Иуда составит нам компанию. Петя с Пашей уже на солнце.
- Да ну тебя, - улыбнулась Илария. – Зина звонила, она уже подъезжает. Накрывай на троих.
- Мамуль, ты не против, что Корзина побудет с нами?
- Конечно, нет.

Кристина взяла мобильный.

- Корзина, ты где? А, уже в Быково. Слушай, купи клубники на станции. Будем завтракать взбитыми сливками с клубникой.
- Ну, очень полезный завтрак, - сморщила изящный носик Илария.
- Мамуль, сегодня слишком хороший день, чтобы портить его овсяной кашей. Но если хочешь, я сварю.
- Конечно, хочу.

Когда Кристина ушла, Илария снова устроилась в кресле и закрыла глаза. Нужно собраться с силами, спуститься со второго этажа и доплестись до столика в саду. А перед этим зайти в спальню и переодеться, раз у них гости. Наверно, еще пять минут она может посидеть. Как же мало сил.

Приняв душ, Кристина отправилась на кухню и сварила овсянку. Корзина будет в восторге. Она ненавидит овсянку. Сама Кристина ничего не имела против: привыкла, как привыкают чистить зубы.

С подносом в руках девушка вышла в сад, привычно окидывая свои владения. Нет-нет, она ни за что не отдаст эти сосны и этот зеленый газон с распутившимися лиловыми и желтыми ирисами своей сопернице. С самого начала, когда Кристина появилась здесь, она поняла, что этот несимметричный двухэтажный дом, выкрашенный в желтоватый цвет, с балкончиком на втором этаже, откуда открывался вид на озеро и окаймляющее его сосны, должен принадлежать ей. Только таким образом она сможет восстановить потерянный статус. И хотя между их маленькой, со смежными комнатами, квартиркой, которую отняли, и этим домом не было ничего общего, Кристине, за все, что им пришлось вынести, такая компенсация казалась вполне справедливой.

Маме здесь очень нравилось. Это она придумала назвать двенадцать сосен именами апостолов. Петр и Павел – две самые могучие сосны на зеленой лужайке, где висел гамак и располагался один из двух столиков. Остальные сосны поменьше, их кроны не такие пышные, и они, мешая друг другу, высоко в небе переплетались ветками. Их шершавые коричневые стволы возносились к облакам не так прямо, как Петя и Паша, словно все время сомневались, выдержат ли их хрупкие плечи такой сложный путь. У них тоже были имена, но Кристина шутливо спорила с мамой, где Марк и где Матфей и которая из трех сосен, склонившихся над домом, носит имя Иоанна. Одна из двенадцати сосен стояла засохшей. Судя по ее толстому и ровному стволу, когда-то она была крепкой. Но потом что-то случилось и ей, стоящей поодаль от своих братьев, пришлось умереть. Возможно для того, чтобы жили другие. Или она просто не справилась с жизнью. Ее называли Иудой. Эту сосну Кристина никогда бы не согласилась срубить. Она отождествляла ее с собой.

Когда жизнь казалась невыносимой, Кристина прижималась щекой к шершавой коре, чувствуя, как дерево отдает тепло и ласку, уводя от обид и горестей к светлому небу и солнцу. Кристина поставила поднос на деревянный, накрытый пестрой клеенкой стол, и, расставив тарелки, засмотрелась на чернеющие на фоне голубого неба мертвые ветки. Говорят, что существует материнская любовь, дочерняя, любовь к детям, любовь к мужчине. Она с этим не согласна. У каждого человека любви отпущено только на одного. Всем сердцем, всем существом, не осуждая и отдавая всю себя, можно любить только одного человека. Мать или сына, мужа или любовника, сестру или брата. Всем остальным достанутся крохи. Ведь даже она, Кристина, несмотря на свое безумное чувство к Витьке, не смогла бы полюбить его по-настоящему: место в ее сердце уже давно занято Иларией. И ее жизнь принадлежит матери.

- Привет, Ворона.

Кристина подняла голову. В нескольких шагах от нее появилась подруга с зеленой – слишком большой, так неподходящей к ее одежде - брезентовой сумкой через плечо и корзинкой клубники. Зина не носила ни юбок, ни каблучков и, вообще, плевать хотела, как она выглядит. К ее удлинённому лицу с добродушным лошадиным оскалом не шли гладко зачесанные, собранные резинкой в тоненький хвостик, волосы. Широкие брови, нависавшие над голубыми глазами, требовалась другая форма, а нижней части тела срочная эпиляция. Помешанная на своей внешности Кристина много раз пыталась накрасить и причесать подругу, но каждый раз результат лишь подчеркивал Зинину некрасивость, делая ее вопиюще кричащей.

Кристина сдалась. Если Зину устраивает полное отсутствие мужчин в жизни, ей-то чего париться? Даже лучше, что им двоим уготована похожая судьба. Вся жизнь Зины была посвящена родителям. Почему так произошло, Кристина не понимала. В отличие от ее больной мамы, с Зиниными родителями было все в порядке. Они использовали свою дочь, занимая ее свободное время дурацкими поручениями. То надо было срочно переклеить обои, то покрасить дом на даче или прополоть грядки. Причем именно в тот момент, когда Зина собиралась куда-нибудь пойти. Эта семейка даже работала вместе. Зинин папа - известный дирижер оркестра народных инструментов, а жена и дочь обслуживающий и попутно подыгрывающий на арфе и гусях персонал. Всегда в тени и в поклоне перед большим талантом. Попробовав несколько раз вмешаться, Кристина чуть не поссорилась с подругой и решила не лезть в свое дело, принимая Зину вместе с ее музыкальной семейкой.

Зина клюнула Кристину в щеку и поставила на стол клубнику.

- В электричке такая жарка. Сейчас бы прыгнуть в озеро.

- Нет уж, милая. Овсянка стынет.

- Овсянка? Да ни за что на свете.

- Всего несколько ложек, - засмеялась подходящая к столу Илария.

- Здравствуйте, - улыбнулась Зина. – Чудесно выглядите. – Она скользнула взглядом по Иларии, отметив, что та уже накрашена и одета, словно собиралась на прогулку. Льняные брюки обтягивали стройные бедра, а черная кофточка на пуговицах подчеркивала белизну кожи. Мягкие волосы лежали волнами на плечах, как у девушки. Лишь в прозрачных серых глазах застыла выдающая болезнь грусть. Илария медленно опустилась на садовый стул. Зина перевела взгляд на подругу. Небрежно прихваченные заколкой волосы спускались на загорелые сильные плечи, яркий зеленый топик подчеркивал соблазнительную грудь, открывая упругий животик. Зина может и завидовала бы фигуре подруги, если бы не знала, сколько усилий

вложено в эту красоту. Нет, уж ей лучше с целлюлитом, но только не бегать и не отжиматься.

- Корзина, пойдем в дом, взбитые сливки делать. - Мамуль, - она чуть наклонилась, - а тебе, может, пока кашки положить?
- Положи, детка.

Корзина улыбнулась. Слово «детка», которое часто употребляла Илария, вряд ли подходило к ее подруге, весь облик которой дышал силой, здоровьем и какой-то совершенно ненормальной сексуальностью. Зина любила бывать с Кристиной, избыток мужского внимания доставался и ей тоже. А еще рядом с подругой она чувствовала себя красивее.

- Ну и как наш женатый Ромео поживает? – нетерпеливо спросила Зина. - Смог ли он победить тебя в соревнованиях по плаванию?
- Кристина рассмеялась. Сквозь смуглую кожу проступил румянец.
- Вот именно, что женатый. Сколько не догоняй, а ничего ему не перепадет.
- Уж так и совсем ничего? – прищурилась Зина.
- Кроме парочки несравненных поцелуев. – Кристина покраснела еще больше, попадая во власть утреннего воспоминания. – Давай не будем об этом, а? Мне бы уехать от него подальше, чтобы с глаз долой. Да где я найду такое чудесное место с озером и соснами?
- Не понимаю. Что ты мучаешь себя и его. Сделала бы его своим любовником, раз уж он так мил тебе.
- Да не просто он мне мил, Корзина. Мой он, понимаешь? От усиков кошачьих и глаз зеленущих до того места, что между ног. И ничего мне с этим не сделать. Помнишь, я рассказывала тебе про половинки?
- Странно, что ты при всей своей циничности веришь в эту сказку, - нахмурилась Зина. – Может, скажешь тогда, где моя половинка?
- Не всем дана судьба встретиться, а тем, кому встретились, вместе быть, - Кристина переложила клубнику на блюдо и достала миксер. – Какие твои годы, может еще все будет?
- Похоже не в этой жизни.

Уютный шум воркующего моторчика миксера прервал разговор, и Зина присела, глядя, как ловко Кристина раскладывает взбитые сливки по высоким вазочкам и украшает клубникой.

- Тебе не кажется, что мама стала выглядеть еще моложе? – спросила Кристина, озабоченно взглянув на подругу.
- Мне так не показалось. Хотя... Это о чем-то говорит?
- Не знаю, - Кристина нахмурилась, ее лицо стало серьезным и строгим. – Врачи молчат, как обычно. Лекарства не помогают. Но я вижу, что ей хуже. Когда мы сюда переехали, она со мной по берегу озера гуляла. А теперь в

основном лежит. Выходит на улицу только после приема таблетки. Но их нельзя принимать часто. Пару раз в месяц, максимум.

Эта чудесная таблетка придавала силы, чтобы выйти из дома и пожить обычной жизнью, которую так мало ценят здоровые люди. Прогуляться вдоль берега озера, дойти до ближайшего магазинчика, а то и вовсе отправиться в Москву и сходить в консерваторию.

Кристина поставила вазочки на поднос и, вздохнув, посмотрела на Зину.

- Ладно, пошли завтракать.

Зина молча подошла к подруге и обняла. Некоторое время они постояли, уткнувшись лбами. Детский ритуал поддержки, придуманный ими, когда они обе оказались изгоями классного общества. Кристина освободилась первая, закрутила волосы в узел.

- Спасибо, Корзиночка. Я не должна раскисать. Бери поднос, а я возьму чайник с чашками. Мама, наверно, уже заждалась. И ни слова о болезнях. Будем наслаждаться солнцем и теплом. Ты пойдешь купаться?

Зина смущенно улыбнулась.

- Ну если тебе не стыдно будет появиться со мной в обществе. Предупреждаю: под брюками у меня выросла шерсть.

Кристина засмеялась. Говорить подруге, чтобы она следила за собой, только тратить зря время. Сама она беспощадно расправлялась с каждым выросшим волоском, ее загорелые сильные ноги с безупречным маникюром можно было запросто снимать в рекламе.

- Корзина, да ты что?! Хоть голой купайся. Стесняться здесь некого. Я этих выскочек московских ненавижу. У каждого здесь по домищу и в Москве по квартире. Вот досталось бы им, как нам, они бы свой нос не задирали. А то здороваются со мной, словно одолжение делают.

Зина ничего не ответила. Иногда нервы у Кристины сдавали. Сказывались нервное напряжение, страх за мать и годы унижений. Сама бы Зина не смогла бы пройти через такое. И за то, что Кристина смогла, она перед ней преклонялась и боготворила их дружбу.

Глава 3

День прошел в безмятежном ничегонеделании. Илария, посидев немного на берегу в шезлонге, ушла к себе отдыхать, а Кристина с Зиной, вдоволь нарезвившись в воде, отправились в местное кафе выпить и поболтать.

Витька больше не появлялся, чему Кристина даже обрадовалась. Рядом с ним она чувствовала себя в напряжении. Все ее тело, мысли, чувства были сосредоточены на нем, и это было тяжело морально и физически. Большой интересный мир сужался до одного человека, лишая способности что-либо замечать вокруг.

Так что сейчас Кристина наслаждалась подаренной свободой. Было здорово потягивать холодное пиво, вдыхать запах сосен и наблюдать за расслабленными от солнца и алкогольных напитков отдыхающими. Слушая Зинин рассказ, как они готовятся к гастролям и какой молодец ее отец, наметанный взгляд Кристины подмечал детали одежды посетителей, особенности фигуры и любопытные фразы. Вот этот жест девушки, приглаживающей мокрые волосы, она использует, когда будет писать свой роман. А типичный образ полноватого мужчины с брюшком, свисающими усами и лысым черепом вполне может стать деспотичным отцом новой героини.

- Крис, ты меня не слушаешь!

- Еще как слушаю, Корзина! Если хочешь знать мое мнение, я выскажусь. – Зина кивнула. - Твой отец ни хрена бы не добился без тебя и твоей матери. Вы свои жизни ковриками выстелили ему под ноги. Ну, матери-то еще положено. А ты зачем себя гробишь?

Корзина нахмурилась, сдвинула брови, отставив в сторону недопитую кружку, словно собиралась встать и уйти.

- Ты знаешь, что я не люблю, когда ты вмешиваешься в мою жизнь?

- Знаю! – Кристина упрямо наклонила голову. – Выслушай меня. Я сегодня злая, поэтому скажу всю правду, а ты можешь обижаться сколько хочешь. Если ты сейчас свою жизнь не изменишь на сто восемьдесят градусов, то так и останешься папенькиной дочкой.

- И что ты предлагаешь?

- Самое лучшее было бы уехать в другой город, а лучше в другую страну. Подальше от предков. Хотя можно и проще: снять квартиру и перейти работать в другой оркестр. Ты же говорила, тебя приглашали куда-то?

- Может, еще напомним, что мне надо привести себя в порядок и сделать эпиляцию, чтобы найти мужа?

Кристина грустно улыбнулась и накрыла руку подруги длинными прохладными пальцами.

- Вот ты сравниваешь меня с собой, вроде, как мы обе жизни своим близким посвятили, но ведь в твоем случае все не так. Ведь ты же не была в моем аду, Корзина? Ты не оставалась на улице с больной матерью на руках, и тебе не приходилось, как мне прогибаться под других. – На глазах у Кристины

выступили слезы. – Черт! Не хочу об этом говорить. Хотя много раз собиралась тебе рассказать. Но ты лучше потом мою книгу прочтешь. Давай лучше о тебе. Ведь ты же хочешь мужского тепла и готова поверить в любовь? Просто вбила себе в голову, что это не для тебя. А ведь у тебя никогда нормального мужика не было. Уверена, тебе не помешали бы парочка оргазмов.

- Ворона, это запрещенная тема.

Кристина допила пиво и махнула официанту.

- Давай еще выпьем и поговорим? Без запрещенных тем?

- Ты можешь пить, а я не буду. И не хочу ничего обсуждать! – Зина отвернулась к озеру. Кристина понимала, что ей лучше остановиться, но сегодня ее несло. То ли Витька завел своими поцелуями и спрятался за трехметровым забором спокойной семейной жизни, то ли слишком много пива. Их жизни с Корзиной в этот прекрасный день вдруг предстали перед ней полнейшей нелепицей. Появилась даже совсем шальная мысль: заглянуть к Витьке домой под каким-нибудь предлогом, вроде починить кран, и переспать с ним. А потом пусть будет, как будет.

Нельзя!

- Девушки, вам еще пива? – Перед ними вырос нагловатый официант. В вырезе завязанной узлом рубашке виднелась загорелая грудь, на сомнительно чистых ногах шлепки через палец. Кристина, привычно смерив его холодным взглядом, вопросительно посмотрела на подругу. Та покачала головой. Кристина впилась ногтями в ладони. Ну что за день?! Даже с Корзиной все сегодня не так. А ей так хотелось поболтать по душам. Только ведь с ней она могла пооткровенничать.

- Счет! – буркнула Кристина, доставая кошелек. Сейчас она посадит Корзину на электричку, купит еще пару бутылок и устроится на кровати с ноутбуком. Сложенные строчки очистят и смоют прилипшую за годы грязь. Злость прошла. Кристина с жалостью взглянула на Зину, разыскивающую в сумке кошелек.

- Корзина, я сегодня угощаю. И не вздумай хотя бы с этим спорить. Мне итак трудно было остановиться.

Зина вымученно посмотрела на нее. В голубых глазах притаились боль и женское одиночество, упрямством торчал подбородок. Весь ее облик словно говорил: пусть я одна, но никому не позволю себя унижать. Даже лучшей и единственной подруге. Кристина почувствовала уважение. Она такая же. Еще неизвестно, как она бы отделала Корзину, если бы та только попробовала вмешаться в ее жизнь.

– Подумай над моими словами, ладно? - добавила Кристина уже значительно мягче.

Легкий небрежный кивок, мол, только ради тебя, заставил Кристину улыбнуться. Небрежно бросив деньги на стол, она, легко, словно и не пила пиво, поднялась из-за стола и пошла к выходу. Корзина, семенившая следом, привычно наблюдала похотливые взгляды посетителей, провожающих фигуру подруги.

Перекидываясь ничего незначащими фразами, девушки дошли до станции. Увидев издали электричку, Зина клюнула Кристину в щеку.

- Побежала, ладно?

- Давай! – Кристина повернулась и пошла обратно.

Накатило острое чувство одиночества. Сегодня определенно была их не лучшая встреча. И зачем она только подняла этот вопрос. Кто она такая, чтобы давать советы? У нее самой, что ли все хорошо? Вспомнился Витька с его поцелуями. По спине побежали мурашки. Обожгло горячей волной. С тех пор, как произошла их первая встреча, Кристина не переставала думать о нем. Оказывается, как хорошо было, когда они не знали друг друга.

Не думать о нем! Кристина тряхнула головой и заставила себя внимательно смотреть вокруг, чтобы отвлечься.

Навстречу попадались разморенные, загоревшие, а больше обгоревшие отдыхающие с озера. Раздетые до пояса мужчины в шортах и шлепанцах. Рядом с ними спутницы в майках и сарафанах. Поймав парочку наглых взглядов, Кристина усмехнулась. Идите со своими курицами и не пяльтесь. Такие, как я, не для вас.

Вот знать бы только для кого.

Она зашла в магазинчик и взяла две бутылки рязанского жигулевского пива. Выпьет, пока будет писать. Заглянула к маме в комнату. Илария лежала на спине и слушала аудиокнигу. Кристина прислушалась. Набоков. Мама любила этого писателя больше других. Говорила, что никто из русских лучше не складывает фразы. Под ее влиянием Кристина тоже прочитала его рассказы. Даже начала «Лолиту», но не смогла. Слишком противно стало. Поболтав с мамой, поднялась к себе и включила ноутбук. Пока шла загрузка, откупила пиво. Перечитала написанное, подправила некоторые фразы. Картинки прошлой жизни замелькали перед глазами.

Новая глава. Старая боль.

Москва встретила жутким холодом. В наших легких, предназначенных для южной зимы, одежках, мы жутко мерзли. У нас не было знакомых, у кого могли бы остановиться, поэтому сразу отправились в посольство. О наших скитаниях можно рассказывать долго. Один зимний месяц нам даже удалось прожить в центре. В подвале очень красивого дома с эркерами. В нашем городе таких домов не было.

Однажды, когда мы с мамой, купив хлеба и макарон, - это стало нашим обычным рационом - возвращались домой, я вдруг представила, что где-то там, за уютными занавесками, нас ждет папа. Мы вместе ужинаем, а потом я иду в комнату, сажусь за свой стол, что-нибудь пишу или читаю. Я так замечталась, что даже направилась к подъезду. Но красный дом с эркерами и маленькими балкончиками предназначен только для тех, кому повезло родиться в столице. Для тех, кому не повезло, есть подвал, высокий и теплый, в котором мы жили вместе с дворниками. Спали на выброшенных на помойку диванах, сидели на колченогих стульях и табуретках. Вечерами думали, как дальше жить.

Последние деньги ушли быстро, на работу без московской прописки не брали. Кто-то посоветовал Черкизовский рынок. Мы долго бродили между рядами, спрашивая «не нужны ли продавцы», пока совсем не замерзли. Увидев двухэтажное здание с надписью «Администрация рынка» направились туда.

В тот день шел снег, в коридоре мама сняла шапочку, чтобы стряхнуть его. С темными волосами, припорошенными снегом и горящими от мороза щеками, она казалась похожей на снегурочку. Только очень грустную. С тех пор, как мы приехали сюда, мама почти не улыбалась. Хотя не плакала и не жаловалась, подобно другим. Никого не проклинала, как тетя Галя, не ругалась, как другие наши знакомые. Даже в тех антисанитарных условиях, она старалась по мере возможности хорошо выглядеть, слегка подкрашивала глаза и губы.

Как две нахохлившиеся птицы мы жались к батарее, когда мимо нас прошел невысокий лысый мужчина.. Одет он был в новую короткую дубленку. Его взгляд, бегло оцупав мое лицо, задержался на маме. И тут, почувствовав нужный момент, мама шагнула к нему. Сбившимся, просящим голосом, она заговорила, что нам нужна любая работа и не знает ли он, к кому можно обратиться. Он снова посмотрел на меня и буркнул, чтобы мы шли с ним. Остановившись у двери с табличкой «Директор», он достал ключ. Мы вошли. Кабинет подавлял роскошью. Кожаный черный диван, мягкие кресла, огромный стол. Снимая дубленку, мужчина буркнул: «Присаживайтесь». Я почувствовала, что без меня они быстрее

договорятся и решила выйти. Закрывая дверь, услышала, как он спрашивает маму, дочь ли я ей. Ответа не последовало, вероятно, мама просто кивнула.

Уже в тот день мама получила работу. Продавщица, молодая женщина, которая вводила нас в курс дела, показалась мне грубой и неприятной. Торговали мы перчатками, варежками и носками. Помню, как было холодно, как ужасно мерзли ноги и руки. Мы по очереди бегали греться в соседний магазин, но тепло улетучивалось быстро. С тех пор, как мама исчезла за дверью директорского кабинета, мы не оставались одни до самого вечера, когда уставшие и замерзшие, но уже с деньгами, мы вернулись в нашу подвальную берлогу.

Если спросить, что меня больше всего убивало, я назову две вещи: мамины пронизанные безнадежностью глаза и невозможность остаться одной. Вокруг нас всегда были люди, они что-то говорили, делали, переодевались, готовили, сопровождая все свои телодвижения жалобами и проклятьями на свою изменившуюся жизнь. Жизнь, которую мы оставили в чужом-родном городе, теперь казалась сказочной. Там у каждого был свой дом. Тогда я поняла, насколько важно иметь свою норку, куда можно уползти, чтобы остаться в одиночестве.

По дороге мама купила колбасы, хлеба и водки. До этого момента я не видела, чтобы она пила что-нибудь кроме вина или шампанского. Тут же мама, почему-то пряча глаза, сказала, что теперь у нее есть работа и это надо отпраздновать.

Историю, как мама получила работу, я услышала уже в подвале, во время ужина. Дядя Миша ушел разгребать снег, и мы сели за стол втроем. Услышав, что Николай Петрович, милостиво давший нам работу, директор рынка, тетя Галя заявила маме, что она не иначе, как в рубашке родилась, и что теперь у нас все будет, если с умом к делу подойти. Тут она встретила со мной взглядом и поспешно уткнулась в тарелку с тоненько нарезанными ломтиками колбасы.

Мама покраснела. А я сразу поняла, в чем дело. Колбаса, хоть я и не ела целый день, показалась мне бумажной. Меня затошнило. В тот вечер мне даже налили полрюмки водки, чтобы я не простудилась. От водки, тепла и застоявшихся запахов невымытых тел, меня совсем разморило, и я пошла прилечь на продавленный диван. Заснуть я не могла, но сделала вид, что сплю. Хотя лучше бы я спала. Слушать, как тетя Галя уговаривала маму, было невыносимо. Искерпав все аргументы, она упомянула мое имя и то, что мама должна думать не только о себе. Еще после одной рюмки, когда к ним присоединился дядя Миша, возникла фраза, что раз уж они заботятся о

нас, то и мама должна внести свой вклад, потому что не всем так повезло, как ей. И мы теперь одна семья. Был момент, когда мама отчаянно затрясла головой и назвала имя отца.

- Да нет его уже в живых! - крикнула тетя Галя. Я села на постели. Мама побледнела и ухватилась за стол.

- Как нет? Вы что-нибудь знаете? – мамины глаза перебежали с одного лица на другое. Дядя Миша махнул рукой на жену. Заглотил рюмку водки.

Папы больше нет?! Не может быть! Я только ведь и жила надеждой, что он вернется и заберет нас обратно в наш уютный дом, где над моим письменным столом горит лампа под зеленым абажуром. Я бросилась к ним. Испуганно метнулись мамины глаза. Она поняла, что я все слышала. Обхватила меня за плечи, усадила рядом и выдохнула.

- Расскажите нам все.

О смерти отца узнали сегодня в посольстве от новоприбывших беженцев. Тех, кто надеялся там выжить, оставалось все меньше и меньше. В наш дом пришли на следующий день. На брошенные квартиры быстро выписывались новые ордера для тех, кому принадлежал этот город у моря. Тех, кто еще смел надеяться, избивали и выгоняли. Ужасы нарастали. Дома оделись в черное, на улицах господствовал страх. Когда папа вернулся, в нашей квартире уже были новые жильцы. Его изуродованный труп выкинули прямо из окна.

Мама, раскачиваясь из стороны в сторону, словно в горячке, бормотала:

- Надо было ждать. Надо было простить.

Тетя Галя толкнула меня к матери, так что я чуть не упала.

- О чем ты, Лара? Посмотри на нее. Дочь твоя жива. Ее никто не тронул. А скольких убивали и насиловали на глазах у матерей? Тебе еще повезло, дурехе. И снова везет. А ты из себя целку строишь.

- Галя, прекрати! – стукнул кулаком по столу дядя Миша.

Мама выпила рюмку залпом и, не обратив внимания на упавшую табуретку, побрела к выходу.

Лицо дяди Миши побагровело.

- Как тебе не стыдно, Галя? Она же твоя подруга. Тебе бы ее пожалеть. Она сегодня мужа потеряла.

- Ее всегда все жалеют, - процедила сквозь зубы тетя Галя. – Из-за этой красоты дьявольской. Думаешь, я не вижу, как ты на нее смотришь и облизываешься? Она сейчас еще лучше жить будет с этим Петровичем. А ты, как греб снег, так и будешь. А ты чего уставилась? – вопрос был адресован мне, но я, убитая горем, с трудом могла признать в этой

растрепанной, пьяной и завистливой женищине, нашу бывшую соседку, мамину подругу и учительницу географии.

Мой мир рухнул во второй раз вместе с верой в людей. Я выбежала за мамой. Она стояла возле подъезда в одном свитере, обхватив себя руками. Медленно спускался снег. Я подошла к ней. Мне было холодно, зубы выбивали дрожь. Мама прижала меня к себе.

- У нас все будет хорошо, я обещаю.

Я кивнула, чувствуя, как текут, смешиваясь со снегом, слезы. Мы остались вдвоем. Папы больше нет. Я подняла лицо вверх.

- Я не верю, что папы больше нет. Она нарочно так сказала. Чтобы ты с этим Петровичем... Давай завтра не пойдем на рынок. Мы как-нибудь выкрутимся.

Мама мотнула головой.

- Я пойду одна. Ты останешься.

- Нет! Если пойдешь ты, пойду и я.

Когда я проснулась, голова была тяжелой, в горле саднило. Повернула голову и увидела пустой мамин матрас. Возле электрической плитки хлопотала тетя Галя. Я с трудом села, облизывая запекшиеся губы и кутаясь в дырявое одеяло.

- Где мама? – прохрипела я.

- Мама на работе. А мы с тобой сейчас завтракать будем.

- Но я должна быть с ней.

- А что тебе там делать? Под ногами мешаться? Она и без тебя справится. Ей нужно жизни ваши устраивать. – Тетя Галя присела на краешек матраса и дотронулась до моего лба. – Да ты вся горящая. Простыла вчера, наверно. Надо хоть аспирин купить. Он дешевый. Болеть-то нельзя, врача в подвал не вызовешь.

Я закрыла глаза и снова легла. Как глупо, что я заболела. Были бы силы, поехала бы на рынок. Я запомнила дорогу к метро и что пересадку надо делать на станции со смешным названием «Парк культуры». Когда-то мы втроем ходили в наш парк культуры кататься на аттракционах. Точнее катались мы с папой, а мама стояла и смотрела на нас. Говорила, что у нее голова кружится. А я специально поднимала голову вверх и смотрела на небо, чтобы голова кружилась сильнее. В тот день небо было голубым. А по выходным мы ездили на море, и папа учил меня плавать.

Я не хочу верить, что папы больше нет. Я не хочу, чтобы моя мама была с Петровичем. Я не хочу, чтобы она делала это ради меня. Я застучала кулаками по грязной подушке без наволочки, выражая протест этому миру, протест против подвалов, рынков и холода. И тут же почувствовала, что

падаю. Стало тепло и хорошо. Здесь не было боли, здесь были мама и папа, и лампа под зеленым абажуром, и стопка потрепанных книг на столе.

Болела я долго и тяжело. Первые отчетливые впечатления относятся уже к тому времени, когда мы оказались у Петровича. Большая четырехкомнатная квартира с высокими потолками на Петровском бульваре. Из окон гостиной видны разноцветные купола монастыря и узенькая полосочка бульвара с редкими деревьями. Мимо окна чинно прогуливаются москвичи. Комната, которую выделили мне, кажется маленькой из-за высоких потолков. На тумбочке возле кровати несколько новеньких книжечек со слипшимися страницами. Мама кормила меня куриным бульоном с ложки. Иногда заходил Петрович. Смотрел на меня таким же взглядом, как смотрят на подобранного щенка, которого теперь не так уж просто выбросить на улицу.

Целыми днями я спала. Иногда брала в руки книгу, но чужой мир не мог увлечь меня, поскольку мой собственный мир развалился, и все мои мысли остались там. Каким я себе казалась ничтожеством. Ведь из-за моей болезни маме пришлось спать с этим типом. Из-за того, что я оказалась слишком слабой.

Петрович казался мне отвратительным. Дома он ходил в тренировочных штанах и футболке. Поверх нее надевал массивную золотую цепь с крестом. Однажды я спросила, верит ли он в Бога. Петрович рассмеялся, в глубине рта блеснул золотой зуб.

- В Бога верят только слабые, а я сам себе царь и Бог. И если ты будешь меня слушаться, у тебя все будет хорошо.

Я отвернулась. Надеюсь, что когда я поправлюсь, уговорю маму уйти. Конечно, мы остались. Привыкли к сытой жизни, комфорту и теплу.

Кристина зевнула и посмотрела на часы. Вот это да. Оказывается два часа ночи. Все-таки писать — это ни с чем несравнимое счастье. Сродни наркотику. За все это время она ни разу не подумала о Витьке. Кристина нажала на сохранение и выключила ноутбук. Пора ложиться. Завтра на работу и выглядеть она будет явно не лучшим образом. Ну и плевать. Зато вот день прошел не зря. Вон сколько страниц написано.

Глава 4

Утром Кристина проснулась от звонка. Наощупь нашла мобильный и сонным голосом произнесла «алло».

- Доброе утро! Меня интересует квартира на улице Малая Бронная. Продается? – Кристина открыла глаза, мысленно ругая себя за то, что не выключила телефон. Откуда же ты взялся в такую рань?

- Продается, - прохрипела она в трубку.

- Расскажите подробнее.

Кристина потянулась. Возникла пауза. Дня что ли этим богатым мало?

- Алло, девушка? Вас не слышно.

- Я вам перезвоню через полчаса, - выдавила из себя Кристина. - Мне неудобно разговаривать.

- Хорошо, жду. Хотелось бы сегодня посмотреть.

Кристина снова зарылась в подушку. Не надо много пить пива, писать по ночам и поздно ложиться. Тогда будешь такой же бодрой, как звонивший клиент. Но сколько ни работай, никогда не будешь иметь тридцать два миллиона, чтобы купить квартиру на Бронной. Кристина почувствовала раздражение. Общение с подобного рода клиентами приносило весьма ощутимый доход, но невероятно раздражало, и она ничего не могла с этим поделать. Этих избалованных, приезжающих на Инфинити, БМВ или Вольво, Кристина ненавидела и старалась вытрясти из них побольше денег, что очень нравилось ее начальнику, который подбрасывал ей такие варианты.

Кристина предпочитала работать с бедными людьми, которые, если и оказывались в роли покупателей, обменивали свою квартиру на более худшую, чтобы получить доплату. С этими клиентами она носилась месяцами, возила их на просмотры на своей машине, выбирая жилье получше. Комиссионные были маленькие, работы полно. Делая такую сделку, Кристина чувствовала себя счастливой, но хитрый лис начальник быстро просек слабину и перевел девушку в отдел продажи элитных квартир.

Кристина нехотя поднялась со своей большой кровати и выглянула в окно. Солнца не было, над озером висел туман. Она прошлепала в ванную и долго плескала в лицо холодной водой. Потом, как обычно, приняла контрастный душ и отправилась на кухню варить кофе и овсянку. Телефон зазвонил снова.

- Девушка, вы про меня забыли? Уже прошло полчаса. Как-то вы не заинтересованы в продаже.

Ну, сейчас она поставит его на место.

- Дело в том, что у нас уже есть клиент на эту квартиру, - соврала Кристина. – Мы сегодня ждем аванс. - На самом деле квартиру еще никто не смотрел. Хозяйка хотела слишком много денег.

Уверенности в голосе у богатенького поубавилось.

- Но у меня прямая покупка. Если вы мне ее сегодня покажете, я быстро приму решение.

Кристина улыбнулась. В голосе потенциального покупателя слышалась заинтересованность. Значит, цену после просмотра можно будет немного поднять, наглую хозяйку опустить. На квартирах, где теряется миллион, скрытую комиссию делать одно удовольствие. Хитрый лис будет в восторге от Кристины. Договорившись встретиться около двух часов, Кристина вернулась к сварившейся овсянке и кофе. Положила в кашу клубнику. Настроение стало лучше.

Снова подумалось о Витьке. Интересно, сегодня он ее тоже караулит на берегу? Нет, милый плавать и бегать я сегодня не буду. Придется все упражнения перенести на вечер. А ты возвращайся к жене и детишкам. Почувствовав, как от одних воспоминаний о Витьке, поползли мурашки, Кристина, чтобы отвлечься, включила телевизор. Поставила перед собой тарелку и чашку с кофе.

В передаче рассказывали об отеке Квинке. В начале беседы элегантная ведущая вспомнила историю Моцарта и Сальери и торжествующе добавила, что все было вовсе не так, как сочинил Пушкин. Моцарт давно тяжело болел, страдал отеками, вот и оказался бокал вина, который композитор выпил с Сальери, роковым. Далее выступил врач и рассказал про отек Квинке, который в случае воспаления гортани приводит к затруднению дыхания и, если больному вовремя не помочь, к смерти. Вызвать отек могут самые различные продукты, в том числе шоколад, яйца, орехи. Ну и, конечно, разные лекарства. В основе болезни лежит такая плохо изученная болезнь, как аллергия. Кристина машинально съела кашу и выпила кофе. Передача закончилась.

Кристина не верила в совпадения. Все выглядело так, что тот самый, кто смотрит сверху, подкинул ей решение безопасным способом, когда убийство можно квалифицировать, как несчастный случай. Нужно уничтожить соперницу: пожалуйста. Она страдает отеком Квинке на аспирин. Напои ее водой с растворенной в ней таблеткой и не дай возможности вызывать скорую. Вряд ли у нее с собой окажутся противоаллергическое лекарство. В конце концов, можно отобрать сумку, а потом вызвать скорую. Где и как это сделать – дело техники.

Можно попробовать использовать Витьку. Снова почувствовав, как от желания сжалось сердце, Кристина стукнула кулаком по столу. Да что же это такое?! Надо срочно взять себя в руки. А сладенький голос внутри напевал другую песенку: лучше отдаться ему в руки, чтобы получить передышку и начать нормально мыслить.

Кристина застонала. Есть еще один вариант. Заняться сексом с кем-нибудь другим. Например, с Сережкой. Все будет на высшем уровне. Они поужинают в ресторане, потом поедут к нему. Она проснется утром от аромата свежесваренного кофе, чувствуя себя желанной и любимой.

Но ты хочешь совсем не его, шепнул голосок. Но я отключусь, представлю на его месте Витьку. Ты обманываешь себя, Кристина. Никуда тебе не деться от своей-чужой половинки.

И пусть обманываю. Я всех обманываю. И себя обману. Хотя себя труднее всего. Но я попробую.

Кристина вздохнула и посмотрела на часы. Если закладываться на пробки, которые всегда бывают, хоть на Рязанском шоссе, хоть на Егорьевском, пора ехать на просмотр. Она сядет в свою любимую Кошку – так она ласково называла купленный в прошлом году Ниссан Кашкай - включит музыку, и все будет хорошо. А потом, когда возникнет нужное романтическое настроение, позвонит Сережке и скажет, что соскучилась.

Кристина быстро накрасилась, надела свободные льняные брюки и белую кофточку, подчеркивающую золотистый загар. Собрала волосы в длинный хвост, посмотрелась в зеркало. Вполне сойдет для просмотра. На работе, да и, вообще, когда она выезжала в город, Кристина одевалась и держала себя строго и недоступно. Зато здесь, на Кратовском озере, разгуливала в обтягивающих маечках, откровенных сарафанах и шортиках. Ей нравилось, как на нее пялятся мужчины, как скрипят зубами девушки и женщины вслед ее стройной подтянутой фигуре. А вы поплавайте с мое, побегайте, да поделайте столько упражнений, тогда тоже будете красавицами, мысленно говорила она. Все ведь лень-матушка. А потом удивляетесь, почему ваши мужики ко мне приходят.

Да что и говорить, Витькина жена тоже выглядит, как коровка на пастбище, когда одевает свои белые брючки или джинсы. Неудивительно, что Витька меня представляет, когда с ней сексом занимается. Но ведь занимается же, подлец! Стоп! Опять я о нем думаю. Да как же это научиться мозг отключать?!

Кристина схватила мобильный, сумку и ключи. Малиновая Кошка ждала возле ворот. Хулиганистые сосны засыпали иголками крышу и капот. Кристина смахнула их щеткой и села за руль. Привычно затолкнула диск Вивальди «Времена года», выбрала концерт «Зима». Эта музыка наполняла ее энергией, заставляла быстрее ехать, обгонять. Кристина обожала водить машину и делала это совсем не по-женски. Многие водители чертыхались, когда она их подрезала или не уступала дорогу. Страх слабого пола за свою жизненку ей был несвойственен: если уж она спаслась тогда, значит, у судьбы другие планы. Пусть боятся другие трусишки, а дорога для Кристины вьется серой причудливой лентой шоссе, и никто не посмеет тронуть или задеть. У нее даже страховки не было: менты всегда отпускали, смеясь ее шуточкам и оставляя свой телефон в надежде, что она позвонит. Забирая права, Кристина улыбалась. Ждите-ждите! Я никогда не позвоню.

Глава 5

Сколько себя помнила, Марина любила петь. Еще совсем малышкой, родители ставили ее на стульчик, и она самозабвенно пела без аккомпанемента одну песню за другой. Пела до тех пор, пока покрасневшийся отец не хватал ее на руки и уносил в другую комнату. Марина выступала на всех детских и школьных праздниках. На вопрос «кем ты хочешь стать», не задумываясь, отвечала - певицей. Родители относились к увлечению с пониманием и делали, что могли. Отдали в лучшую музыкальную школу, наняли педагога по вокалу.

Марина готовилась в Гнесинку и провалилась. Родители, потратившие кучу денег, от карьеры певицы начали отговаривать. Несостоявшаяся студентка швыряла вещи, устраивала скандалы и топала ногами: «Вы меня не любите, раз не хотите мне помочь!» Отец сдался и еще год проплачивал педагогов по вокалу. Гнесинка не покорила и второй раз. Марина билась в истерику, запиралась у себя в комнате, отказывалась от еды. Но жизнелюбие все-таки взяло свое, и однажды отец уговорил ее заняться бизнесом. Простой довод, что, зарабатывая деньги, Марина сможет их тратить на запись и заказ песней, на костюмы и клипы, сделал чудо. С бизнесом определялись недолго. Отец, владелец продуктовых магазинов, хотел пристроить дочку к себе, но для этого она была слишком самостоятельна. Заявила, что сама выберет. Через месяц последовало предложение: если откроешь мне косметический салон, больше не буду приставать с деньгами. Сама заработаю. Отец, посоветовавшись с матерью, решил попробовать.

Марина окунулась в бизнес со всей нерастроченной энергией. Первое время даже забросила пение. Но родители зря радовались: все заработанные деньги

оседали в музыкальных студиях. Конечно, некоторых успехов Марина добилась. Купила несколько песен, записала клипы. Ее заметили, одну песню даже передали по радио. Потом опять кризис. Карьера певицы требовала бесконечных вливаний. А годы шли, Марина нервничала. На пятки наступали вчерашние школьницы. Наглые, практичные, готовые на все.

Мечта оставалась мечтой.

Счастье приходило лишь во сне. Марина стояла на сцене и пела. Полный зал восторженных глаз. И она, красивая, в обтягивающем платье. Мелодия была одной и той же, до того прекрасной, что после ее исполнения зал взрывался аплодисментами, и Марина просыпалась. Каждый раз она пыталась записать ноты, но безуспешно. Чарующие звуки растворялись в воздухе вместе со сном. Как-то раз она проснулась в страшной депрессии. Подошла к окну. Хотелось, чтобы сон стал явью: ее красивое лицо улыбалось с обложек журналов, ее песня звучала в рингтонах мобильных и весь мир у ее ног. Марина не хотела быть одной из многих, она должна быть единственной, хотя бы в своей стране.

Девушка вышла на балкон и посмотрела на виднеющиеся вдали парк Победы и шпиль университета. Ласковое весеннее солнце играло на крышах домов. Квартиру в современном доме бизнес-класса с подземным паркингом выбирала сама. Хотя платил, конечно, отец. Одновременно покупался загородный дом для брата. Уставший от семейных разборок отец решил отселить взрослых детей.

Каждый раз, вспоминая о брате, Марина не могла смириться с тем, что неожиданно застала его с дружкой в постели. Ее тогда чуть не вырвало от отвращения. Оба голые, трясущиеся. Братик, накинув халат, выбежал за ней на лестницу.

- Только не говори родителям. Это не то, что ты думаешь. Я не такой.

Марина развернулась, хотела треснуть по наглой физиономии, но так и не смогла поднять руку.

- Если ты не такой, - она подчеркнула это слово - почему я тебя ни разу не видела с девушкой? В твоём возрасте уже всю пору трахаться. Похоже, что ты голубенький, братец.

Он сжался, словно его ударили. Ухватился за перила. Хотел что-то сказать, но так и не смог. Повернулся, пошел в квартиру. Марина спустилась пешком на первый этаж. Хотелось позвонить и рассказать все отцу. Это же позор. Стыд. Ей даже в голову не могло прийти такое. Марина обращала внимание, что девушки брату не звонили, но считала его слишком стеснительным. Он, вообще, был тютя. Родители в нем души не чаяли. С ним, конечно, было

меньше неприятностей: всегда дома с книжкой или у компьютера в то время как она, как говорила мать, шлялась по улицам.

И вот, пожалуйста, дождались: братик сексом занялся. Да еще с кем?! С этим своим очкариком, у которого ни рожи, ни кожи. Смотреть тошно. Марина плюнула. Выйдя из подъезда, достала тонкую сигарету с ментолом. Жадно затянулась. От холодка во рту тошнота улеглась. Она больше не хочет жить с ним рядом. Вспомнилось, что родители хотели купить ему квартиру, но брат говорил, что хочет жить на природе. Марина набрала домашний телефон. Долго никто не отвечал. Потом трубку сняли.

- Слушай, голубенький мой, если не хочешь, чтобы я родителям сказала, убирайся куда-нибудь из дома, ладно? Мне извращенцы не нужны. А на своей хате можешь сколько угодно подставляться.

Не дожидаясь ответа, Марина бросила трубку и вдруг неожиданно расплакалась. Если узнают знакомые, засмеют. А когда она станет знаменитой, это и вовсе будет немыслимо. Конечно, среди шоуменов таких много, но ей от этого не легче. Педиков Марина презирала.

Глава 6

Приехав пораньше на Малую Бронную, Кристина запарковалась напротив подъезда и выключила двигатель. По радио передавали песню Кристины Орбакайте «Как я буду без тебя». Поддавшись романтическому настроению, девушка пропела вместе с певицей куплет, но дойдя до слов: «с кем я буду без тебя, думать про тебя» иронически фыркнула. Вот уж строчка из ее жизни. С кем бы из мужчин она не находилась, зеленые Витькины глаза с его ухмылочкой стояли перед глазами, здорово мешая процессу. Она вздохнула и перенастроила станцию на рок и некоторое время заставляла себя энергично притопывать ногой в такт музыке. Рок делал ее злой и беспощадной, именно такой, какой она и должна быть. К черту сантименты. Почувствовав нужный настрой, Кристина посмотрелась в зеркало, подкрасила губы и причесалась. К подъезду подкатил белый огромный Лексус, припарковавшись так, как паркуются те, кому наплевать смогут ли выехать другие. Через минуту раздался звонок.

- Я подъехал. У четвертого подъезда никого нет.

Кристина скривилась. Неужели этот уродец рассчитывает, что она, подобно другим бестолковым агентам, будет топтаться у подъезда в ожидании его величества?

- Я в машине, - как можно небрежнее сказала она. — Сейчас выйду. — Кристина выключила радио и, щелкнув сигнализацией, направилась к подъезду.

Из Лексуса выползли двое. Лысоватый мужичка с животиком и лучшая ли худшая его половина, похожая на утку. Оба маленькие, толстенные, самодовольные. Увидев их, Кристина почувствовала зарождающуюся ненависть. Почему таким, как они дано все? А ей, чтобы выжить, пришлось извлекаться в грязи.

- Вы риэлтор? – заинтересованный мужской взгляд ощупал ее фигуру и остановился на лице.

- Я, - Кристина сделала паузу, убедившись, что оба смотрят на нее выжидательно. - Прежде, чем мы поднимемся в квартиру, хочу вас предупредить, чтобы вы не вступали ни в какие разговоры с хозяйкой. Особенно это касается цены.

- Понятно-понятно, - энергично закивала утка. – Мы уже в курсе, как все происходит. У вас на самом деле есть покупатель на эту квартиру?

- Да, - не моргнув глазом, соврала Кристина. – Готов внести аванс сегодня вечером. Так что, если вам понравится, советую поторопиться.

Не дожидаясь ответа, она подошла к подъезду и набрала код. Дальнейшее прошло, словно сыгранная по нотам мелодия. Покупатель, зная о том, что в нем не заинтересованы, сразу включился в игру и начал делать ошибку за ошибкой. Не торговался, чем еще больше подтвердил свою заинтересованность, и сразу после просмотра согласился поехать в офис, чтобы заключить договор аванса о предстоящей покупке.

- Ну ты и умница, - заметил начальник отдела Мухин, убирая полученные деньги в сейф. - У тебя просто талант обводить богатеньких вокруг пальца. – Никто из наших агентов так не может. «Это вовсе не талант, придурок, - подумала Кристина, улыбаясь, - а жесткий расчет и стремление поквитаться. Если бы я родилась в Москве, тоже была бы размазней».

- Даже не знаю, как отблагодарить тебя. Если все пройдет, ты одна сделаешь план отдела, - Мухин положил руку ей на плечо. Кристина отстранилась.

- Меня вполне устроит небольшое повышение процентов, - заметила она.

Рука начальника повисла на секунду в воздухе. Рот приоткрылся от удивления.

- Но ты итак получаешь сорок процентов от прибыли. Больше, чем кто-либо из агентов.

- Пятьдесят было бы лучше. В качестве морального ущерба.

- Ущерб за что?

- За общение с уродами, - усмехнулась Кристина.

- Я обсужу это с директором, - промямлил Мухин, вовсе не уверенный, что наглая девчонка не намекала и на него самого.

Сергей позвонил сам, как раз в тот момент, когда Кристина вышла из комнаты переговоров.

- Я соскучился, детка, - в его обычно радушном голосе слышался оттенок нежности. – Поужинаем сегодня вместе?

Интересно, он перестанет называть ее деткой, когда узнает из ее книги, что она отправила на тот свет Петровича, когда ей было шестнадцать?

- Я уже просила тебя придумать мне другое имя, - мягко заметила она, подходя к ксероксу, чтобы сделать копии договоров.

- Не обижайся, я любя.

- Ну, если любя, то не буду, - в тон ему ответила Кристина.

- Так что, на счет ужина?

- Только ужина? – мягко поддразнила она, доставая отксерокопированный договор.

- Конечно, нет. Ты же знаешь, стоит мне тебя увидеть, как я теряю голову и не хочу тебя отпускать.

Обычный обмен любезностями. Кристина улыбнулась, удержавшись от искушения сострить, что если бы все было так, он бы уже давно сделал ей предложение. Договорившись встретиться в «Шенонсо», Кристина выключила телефон и вернулась к переговорам.

Отправляясь на место встречи, поняла, что на некоторое время смогла забыть о Витьке. Вот бы, вообще, не думать о нем сегодня. Хотя бы сегодня, когда с ней будет такой шикарный мужчина. Сергей действительно принадлежал к разряду самцов, на которых женщины западают сразу и навсегда. Когда она впервые его увидела, мир на мгновение остановился, и она поняла, что самое лучшее в жизни уже случилось: они встретились. Долгое время Кристина вспоминала их единственный танец, прикосновения его сильных рук. Потом он неудачно женился на фотомодели и развелся, заплатив за свободу квартиру. Кристина уже выкинула мысли о нем из головы, когда судьба столкнула их на улице.

Они начали встречаться. Не очень часто. Один - два раза в неделю, стараясь не связывать друг друга. Кристина понимала: Сергею нужно время и спокойно ждала. Если она захочет, станет его женой. Потом откуда-то взялась шальная мысль, что он должен узнать правду о ее жизни. И если он сможет принять ее, значит, она выйдет за него. Именно для него она и писала книгу.

Кристина нашла местечко и запарковала машину. Сергей ждал у входа. Она залюбовалась им издали. Высокий красивый, с такими же, как у нее, черными волосами и голубыми глазами в обрамлении темных прямых

ресниц. Ему одинаково шли костюмы и джинсы со свитерами. В любой одежде Сергей выглядел дорого и солидно. Сегодня на нем был светло-серый пиджак и темные брюки. Чуть-чуть опущенный узел галстука добавлял уютную небрежность. Кристина подошла к нему, мечтая, чтобы своим поцелуем он вытеснил воспоминания о Витьке, но Сергей лишь слегка прижался губами к ее губам.

Проходящая мимо тощая блондинка прожгла его призывным взглядом, и Кристина поняла, что отдала бы ей своего шикарного любовника, если бы та, другая, отказалась от Витьки. Черт! Снова он.

- Ну что, идем? – Сергей обнял ее за плечи. Кристина поняла, что ее раздражает его спокойствие. Сколько они не виделись? Неделю? Две? Нельзя сказать, что он жутко по ней соскучился и умирал от желания обладать ее телом. Это показалось обидным. Они прошли в ресторан, он отодвинул стул, помогая ей сесть.

- Что будем пить?

- Белое вино, - не задумываясь, ответила Кристина, чувствуя, как хочется выпить, чтобы хотя бы на время освободить мысли. Нельзя все время сравнивать.

Сергей внимательно читал карту вин, время от времени спрашивая про марку и год.

- Все равно какое, только побыстрее, - не выдержала Кристина.

Сергей мягко накрыл ее руку своей.

- Малыш, что-нибудь случилось? На работе? Дома?

- Трудный день.

- Понял. Возьмем Божоле, если ты не против, - он подозвал официанта.

Когда принесли вино и наполнили бокалы, Сергей по-особенному ласково взглянул на Кристину.

- Знаешь, я вдруг понял, что неправильно веду себя с тобой. Просто удивительно, как ты меня терпишь.

- Неправильно, это как? – приподняла брови Кристина.

- Наверно, ты, как и каждая женщина, мечтаешь о семье, – Кристина хотела возразить, но он поймал ее руку. – Нет, подожди. Я понимаю, ты думаешь, что я отношусь к тебе несерьезно. Но это не так. – Он коснулся ее руки губами, и Кристина снова не почувствовала никакой страсти. Легкая нежность. – Я очень дорожу нашими отношениями, но мой брак оставил такой негатив, что мне нужно время, чтобы вновь поверить женщине. Конечно, я понимаю, что ты не такая, как моя бывшая жена. Ты мягкая, добрая. - Кристина еле сдержала смехок. Я – убийца, милый. Небольшой спец по случайным убийствам. И сейчас планирую новое. Кстати, меня это возбуждает, потому что мне нравится просчитывать людей и придумывать ходы наперед. И я люблю вкус опасности, он заставляет чувствовать меня

живой. – Скажи, - Сергей снова легко сжал ее руку. – Ты согласишься подождать до Нового года?

Кристина прикинула, что это время как раз ей нужно для написания книги.

- Я вовсе не спешу.

Она не ожидала такого скорого поворота событий. Думала, ей придется основательно потрудиться, чтобы заставить Сергея жениться, а он созрел сам. Тем лучше.

- Ты молодец. Ну что ж, когда мы все выяснили, можно заняться выбором ужина?

- Вполне, - она улыбнулась уголками губ, зная, что он сходит с ума от ее полуулыбки. – Закажи мне тоже самое, что себе.

Сергей посмотрел на нее долгим взглядом.

- Почему ты этого хочешь?

- Ну, - снова полуулыбка, - одинаковая еда сближает.

- Тебе кто-нибудь говорил, что ты умница?

- Не далее, чем сегодня. – Кристина сделала небольшую паузу. - Мой начальник.

- Мне кажется, у нас будет хорошая семья.

- Если ты сможешь меня простить.

- Простить? За что? – Сергей нахмурился.

- За прошлое, в котором не было тебя, - уклончиво ответила Кристина, думая о том, как он воспримет все откровенности, которые ему придется прочесть в книге.

- Ну, детка, у всех нас есть прошлое.

- Тогда все в порядке.

Кристина проснулась утром от запаха кофе, что было совершенно неудивительно, если учесть, что кровать стояла в алькове, отделенная шторкой от гостиной, являющейся одновременно кухней и прихожей. Модная нынче планировка называлась студией. Когда Кристина видела такие квартиры, где ты с порога попадаешь в гостиную, у нее возникал вопрос: почему дизайнеру для увеличения площади не пришло в голову оставить унитаз и ванну без перегородок.

Кристина потянулась, чувствуя себя в хорошем настроении, вспоминая вчерашний вечер. После прекрасного ужина они, оставив машины на стоянке, поехали на такси к Сергею домой. Ей так хотелось хотя бы на вечер забыть о Витке, и у нее получилось. Хотя и произошло это скорее от вина, нежели от ласк Сергея. Их секс, поскольку встречались они уже около года, был близок к супружескому. Закрыв дверь квартиры, они не набрасывались друг на друга, сдирая одежду в прихожей, как это было вначале, а выпивали по бокалу вина, потом Кристина принимала душ, ложилась в постель и ждала

его. Глядя, как Сергей идет, обвязав полотенце вокруг бедер, она в который раз подумала, что никогда не встречала мужчины красивее. Когда они занимались любовью, Кристина не гасила свет, чтобы смотреть на него. Сергей принадлежал к тем мужчинам, которые все делали, как надо. Умелые неспешные ласки до, нежные объятия после. Сам процесс тоже приятен, хотя и не долог, но Кристина благодаря своему темпераменту успевала несколько раз достигнуть оргазма одна, прежде чем, они сливались в одном наслаждении. Его руки знали все места, которые нужно погладить. Его губы были нежны, но не требовательны. И как после этого она могла не вспоминать наглый Витькин язык, прижимающийся к ее языку? Или его руки, успевающие одновременно везде? Жадные руки, горячие даже после холодной озерной воды. Он прижимался к ней до боли, и эта боль порождала нежность. Если бы только они остались наедине где-нибудь в квартире, он не смог бы проглотить ни глотка вина, не отпустил бы ее в ванную. Они вряд ли бы даже добрались до кровати. В тот первый и единственный раз они делали это на медвежьей шкуре перед камином, до которой с большим трудом дошли несколько шагов от двери.

- С добрым утром! – перед Кристиной появился Сергей в синем шелковом халате с подносом в руках. Влажные после душа волосы гладко причесаны, пара прядок на лбу добавляет шарма. Бог мой, есть ли одежда, которая ему не идет? Кристина с наслаждением сделала глоток горячего кофе с корицей. Сережка будет прекрасным мужем, и, может быть, она остынет к Витьке. И снова влюбится в Сергея. Она ведь была в него влюблена в пятнадцать, увлечена им год назад. Куда деваются все чувства? А то, что надо бы, чтобы делось, вовсе не проходит, а лишь разгорается с каждым днем.

- Тебе хорошо со мной? – спросила она, глядя на Сергея.

– Конечно, - он поставил чашку и провел пальцем по ее лицу. – Ты такая красивая после сна. - Его губы коснулись ее губ, и она уловила запах крема после бритья. Щека была гладкой и приятной. В голову пришла мысль об утреннем сексе, которую она быстро отмела. Он, как всегда, спешит на работу. Ну, а она... просто не хочет. Все было хорошо вчера и хватит.

- Ты завезешь мне ключи на работу?

- Может, я успею быстренько собраться? – Кристина почувствовала, что ей не хочется оставаться одной. Лучше забраться в Кошку, включить музыку и поехать домой. Она успеет ко времени утренней пробежки и сможет увидеть Витьку. Утонуть на миг в его зеленых глазах. Маленькое счастье.

Сергей посмотрела на часы.

- У тебя есть десять минут, не более. Все время забываю сделать для тебя запасной комплект ключей.

- Все в порядке. Не хочу как-нибудь приехать к тебе и наткнуться на какую-нибудь девушку.

Сергей усмехнулся. Наверно, снова подумал, что она умница. Вопросов не задает, сцен не устраивает, если они долго не встречаются. Вот даже заслужила долгосрочное предложение выйти замуж. Она, вообще-то, замуж не собиралась. Но как отказать такому мужчине?!

Кристина сделала еще один глоток кофе и выбралась из постели. Пять минут на душ, пять на одевание. Даже успела подкраситься. Легкий поцелуй на прощанье, и вот она уже в своей Кошке, ищет какую-нибудь музыку по радио. «С кем я буду без тебя, думать про тебя», - снова пел нежненький голосок по радио шансон. Кристина улыбнулась и сделала громче.

Глава 7

Кристина ехала по Раменскому шоссе, когда зазвонил мобильный. Увидев, что номер не определился, нахмурилась. В трубке раздалось шуршание, кто-то громко задышал, а потом тишину разорвал дикий крик девушки. Кристина поспешно нажала отбой и бросила мобильный на сидение рядом. В суматохе не заметила зажегшегося красного света. Выезжающая с перекрестка машина едва не врезалась в правый бок Кошки. Кристина чертыхнулась и, проехав по инерции несколько метров, свернула на обочину. Руки дрожали от страха.

Сука! Тебе не удастся меня напугать!

Кристина заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Такие звонки повторялись, каждый раз возвращая ее в тот вечер, когда и состоялось знакомство с Витькой. Что было бы с ней, если бы не он?! Кристина захотелось набрать его номер. Поговорить, неважно о чем. Девушка уронила голову на руль и выключила радио. Не надо никому звонить. Надо посидеть в тишине и успокоиться. Звонок – лишнее напоминание: надо спешить. Иначе уберут ее. Ей необходимо остаться в живых. Даже не для себя, для мамы. Она пропадет без нее. Mamochka! Если бы я могла тебе все рассказать. Если бы ты могла пожалеть меня.

Кристина одернула себя: никакой жалости. Используй свой ум и трезво рассчитай ситуацию. Справедливость на твоей стороне. Они, беженцы, заслужили этот дом, который всеми правдами и неправдами пыталась отнять врагиня, у которой все было с рождения.

Воспоминания неотвратимо наползали.

В тот вечер Кристина возвращалась после офисной вечеринки. Приехав на последней электричке, шла пешком по берегу озера. Над соснами, отражаясь

в воде, висела луна. Пахло хвоей и сыростью. Во дворах лаяли собаки. Прямо перед ней из-за кустов выросла мужская фигура, за ней появилась другая.

- Повеселиться не хочешь, девочка?

Они повалили ее на траву, прежде чем Кристина испугалась. Страх пришел, когда один из них приблизил воняющий луком рот к ее лицу. Она крикнула, преодолевая спазм в горле, и этот ее крик услышал Витька, который, как оказалось после, ехал с ней в одной электричке, но зашел в магазин за пивом и отстал. Пивной бутылкой спаситель стукнул того, кто сдирал с нее трусики. Воспользовавшись его замешательством, быстро принялся за второго. Послышались удары, стоны и мат. Один, схватившись за голову, другой за живот, убежали.

Витька сел на траву рядом с Кристиной.

- Эй, с тобой все в порядке?

Она одернула платье и сквозь слезы помотала головой. Ей вдруг вспомнилась школа. Никогда после этого случая она не чувствовала себя чистой. Грязь прилипала к ней вместе с прикосновениями мужчин, которые с ней спали. Сегодня этой грязи стало еще больше. Невозможно забыть липкие горячие пальцы, упирающийся в голый живот член. Полсекунды и...

Кристина почувствовала тошноту и на коленях отползла за дерево, где ее вырвало. Потом медленно, держась за ту же сосну, поднялась. Некоторое время стояла, ощущая под пальцами шершавую ласку коры. Вернулась, когда стало лучше.

Витька сидел на траве.

- Спасибо тебе. Что успел.

- Пожалуйста. Главное: оказаться в нужном месте, в нужный час.

Кристина села рядом с ним и расплакалась.

Он положил руку на ее плечо, называя по имени.

- Откуда ты меня знаешь?

- Все знают девушку, которая хорошо плавает и быстро бегает.

- Так ты сосед? – Кристина содрогнулась: кроме того, что ей придется жить с этими воспоминаниями, она еще будет постоянно встречаться с человеком, который знает о ее позоре.

- Все останется между нами, - тихо сказал он, глядя ее по волосам.

- Но я-то не смогу забыть.

- Сможешь, если захочешь. Ничего не было.

Кристина не знала, сколько они так просидели, пока Витька не предложил пойти к нему выпить. Она покорно пошла за ним, заглядывая в глаза, подобно спасенной собачонке. А потом он ее поцеловал. Этим своим наглым поцелуем. Никто никогда не целовал ее так. И не обнимал. Кристина до сих пор не знает, было ли это оттого, что ее тело раскрывалось ему навстречу, и

каждый нерв замирал от наслаждения, или он просто делал это лучше других и не ленился. Сексом ведь тоже надо уметь заниматься. Нужны способности, которые у Витьки определенно были. Кристина не помнила, после которого раза они все-таки добрались до кровати. Началось все на шкуре перед камином. Продолжилось на диване. Потом он унес ее в постель. Кристина никогда не чувствовала себя такой счастливой. Каждый раз, когда он входил в нее, она замирала, и они какое-то время не двигались, тая от неземного наслаждения. Когда мука становилась невыносимой, он проникал глубже, и они начинали двигаться навстречу друг другу, чтобы вместе улететь. Это было не похоже на обычный оргазм, про это хотелось сказать, что так не бывает, и даже так не должно быть, потому что слишком сладко.

Они заснули, а когда настало утро, Кристина обнаружила на тумбочке фотографию, где был ее уже любимый Витька с крашеной блондинкой и двумя девочками. Она не поверила глазам. Может, это сестра с дочками? Не мог же он шептать ей все эти нежности, если женат?! Это нечестно. Вернулась в спальню и разбудила его. Сунула под нос фотографию.

- Кто это?

- М-м-м, - Витька переводил сонный взгляд с Кристины на снимок. Потом нахмурился и, взяв рамку из ее рук, положил фотографией вниз. – Садись. Я все объясню.

- Так ты женат?! – Кристина чувствовала, что сейчас расплечется.

Переход из блаженного состояния счастья в состояние предательства был слишком резким и неожиданным. Не в силах стоять, она присела на краешек кровати. Витька попытался ее обнять, но она оттолкнула руку. Молчание. Слышно лишь их дыхание. Он отвел волосы с ее лица. Поцеловал. Внутри нее снова начался танец желания. Всего этого не должно быть, если он женат. Зачем тогда эта встреча? Чтобы ее подразнить? Он обнимал ее все крепче. Внутри нее шла борьба разума и тела. Уйти! Остаться! Уйти, он чужой! Тело выиграло. Она осталась. Но решила про себя, что это в последний раз.

Потом Витька просил прощения. Думал, она знает про его семью. Ведь они же видели друг друга раньше, когда встречались у озера мимоходом. Кристина не помнила его лица, словно кукольник закрывал ее глаза, чтобы она не видела Витьку с женой и дочками.

- Где они?

- В Турции.

- Когда приезжают?

Он опустил голову.

- Говори, что уж теперь.

- Сегодня. – Витька взял ее руку, поднес к губам. – Я так давно тебя хотел. Ты такая красивая.

Она покачала головой, не позволяя словам добраться до сердца. Нашла в себе силы встать.

- Будем считать, что я расплатилась с тобой за спасение.

- Кристина!

Она выдавила улыбку, откинула назад волосы, еле сдерживаясь, чтобы не кинуться обратно в спасительное тепло его рук.

- Больше ничего не будет.

- Но почему?

- Я не встречаюсь с чужими мужьями.

- Но тебе же было хорошо? Да? Ты же запуталась при счете оргазмов.

Она разозлилась. Так он еще и Казановым себя считает.

- Знаешь, не больше, чем с другими. Я просто люблю секс, и оргазм заходит без приглашения.

Витька сник. Съежился.

- А у меня так, как с тобой, ни с кем не было.

Ей захотелось плакать. Обнять его и плакать вместе с ним над их дурацкими судьбами, но она только вскинула голову и вышла из комнаты. Нашла свою сумку, причесалась, придирчиво рассматривая разорванное у выреза платье. В такую рань вполне можно успеть добежать до дома и никого не встретить. Да и мама еще спит. С порога повернулась к Витьке.

- Привет жене и дочкам.

Кристина не помнила, как вернулась домой, зарылась в подушку. Болело все: тело, душа, сердце. Хотелось выть и кричать от боли. Ну не могла же она влюбиться за одну ночь? Надо все забыть. И до и после. Ничего не было в тот вечер: ее никто не пытался изнасиловать, и она не встретилась с Витькой. Забыть не получилось. Витька начал бегать, приходил на озеро, когда она загорала. Она не знала, что делать.

Когда Кристина почувствовала, что успокоилась, вырулила на дорогу. Одна мысль о том, что она планирует очередное убийство, заставила ее собраться. Итак, если она все-таки хочет использовать отек Квинке, надо узнать о нем больше. Неплохо получить консультацию врача. Когда начнется приступ, возле врагини не должно быть ни мобильного телефона, ни других людей, которых можно позвать на помощь.

Кристина подъехала к воротам и вышла из машины. Увидела Витьку. Вроде бы он прогуливается с дочкой вокруг озера. Обменялись приветами. Кристина почувствовала, как сжалось сердце.

- И где ты была всю ночь? – спросил он вполголоса.

Кристина поперхнулась воздухом и закашлялась от подобной наглости. Он что, следит за ней? Ну, сейчас она ему покажет.

Она наклонилась к самому уху, чтобы не слышала дочка, и отчетливо произнесла:

- У любовника.

С удовлетворением заметила, как задрожал уголок рта.

- Почему?

Она усмехнулась. Действительно почему? Когда умираешь от желания переспать с одним, а спишь с другим. Перевела взгляд на ясные серые глаза Аленки. Какая красивая у Витьки дочка.

- Как дела, Аленка?

- Хорошо. А мы вчера за тобой заходили, чтобы в бадмик поиграть...

И что же вам с мамой-то не играется, а?

Кристине вдруг стало жалко Витьку и до смерти захотелось его поцеловать. Все тело уже обжигало привычное желание. Ну, вот же он рядом и так же хочет ее, как она его. И зачем она к Сережке-то ездила? Не помогло ведь.

- Давайте сегодня поиграем, - улыбнулась Кристина девочке. – Я сейчас немножко поработаю, а часиков в пять выйду. Договорились?

- Конечно! – обрадовалась Аленка. – А купаться будем? У меня уже получается на воде держаться и плавать по-собачьи.

- Конечно, будем. И сегодня я буду учить тебя плавать по-человечьи. Называется брассом.

- Здорово! – Аленка захлопала в ладоши. – А моя мама плавать не умеет.

Витька покраснел, Кристина еле удержалась от иронического замечания. Подошла к багажнику, достала пакеты с продуктами.

- Ну что, пока пока.

- Пока, - откликнулась девочка, в то время как Витька грустно смотрел на нее. И такая в его глазах была нежность, что у нее снова перехватило дыхание. Девушка заторопилась по дорожке к дому. Бросила пакеты на стол и поднялась в комнату Иларии. Мама лежала в обычной позе: на спине, руки скрещены на груди. Кристина села на краешек, поцеловала в щеку.

- Привет, мамуль. Как ты?

- Не очень, - покачала головой Илария. - Хотела чаю попить, чашку разбила. Руки совсем не держат сегодня.

- Я сейчас заварю чаю.

- Не надо. Молока выпила. Сделаешь мне укол?

Кристина обратила внимание, что сегодня мама не переоделась, а так и осталась в ночной рубашке. Даже не причесалась. У Кристины сжалось сердце. Она не должна была уезжать.

Кристина привычным движением откупорила ампулу, наполнила шприц и сделала укол. Ей показалось, или мама еще похудела? Илария лежала с закрытыми глазами, Кристина сидела с ней, пока та не задремала. Потом встала и вышла на балкон. До боли вцепилась в перила. Ну почему на свете нет лекарства, которое может помочь? Как же это тяжело, когда твой самый близкий человек страдает. В кухне она налила себе любимый коктейль мартини с водкой и поставила вариться куриный бульон.

Включила ноутбук и начала новую главу.

Как только я поправилась, мама заговорила, что мне нужно учиться. Петрович пообещал помочь. И вот однажды вечером, взирая на меня с видом фокусника, владелец рынков и наших душ объявил, что я устроена в школу. В лучшую из школ. Петрович посмотрел на маму в надежде поймать ее взгляд благодарности, но она раскладывала мясо с картошкой по тарелкам и отреагировала слабым величественным кивком. Мол, она слышала и не сомневалась. Если бы мама повела себя иначе, мне было бы больно. Но вежливый высокомерный кивок поставил Петровича на место. За все заплачено, лишних слов не будет.

Что означает, войти в любой класс, когда ты пропустила целую четверть? Забыла добавить, что в школе изучали английский с первого класса. С моими несколькими фразами я казалась смешной самой себе. Наверно, ни к чему упоминать, что я снова стала Вороной. Прозвище странным образом тут же утвердилось за мной, словно я не уехала на сотни километров из родного города. Но если там помнили про мой перочинный ножик, то здесь не знали, что я умею давать сдачи.

Мальчишки подкарауливали девчонок на лестнице и в коридоре. Школьницы возбужденно галдели в туалете и боялись выйти. Я была слишком погружена в семейные дела, чтобы обращать внимание на прыцавых пацанов. Этой ночью я услышала мамин плач в ванной и вновь почувствовала себя виноватой. Одноклассники высыпали гурьбой из-под лестницы на первом этаже и окружили меня.

Прижатая к стене я запоминала лица тех, кто лез ко мне под юбку. Я так сосредоточилась, что почти не чувствовала липких пальцев, словно это было не мое тело и спокойно стояла. Позже, один из тех, кто меня не тронул, скажет, что мой взгляд пригвоздил его к месту. Он только и мог, что смотреть.

Мне нравилось возвращаться из школы по бульвару, но в тот день запах сирени казался мне гнилым, а свежие листочки излишне вульгарными. Мне хотелось спрятаться илизать раны. Казалось, что любой прохожий

знает о моем позоре. Я была почти уверена, что на синей школьной юбке есть пятна, а телесные колготки порваны и заляпаны грязью. Несколько раз по пути я останавливалась и проверяла. На колготках не было ни стрелки, ни зацепки, а юбка выглядела чистой и удивительно отглаженной, несмотря на комкающие ее клешни будущих мужиков. Грязной была я внутри. Отпечатки пальцев остались в душе. Я знала, что никогда не стану прежней.

Вдруг мне стало понятно, почему после переезда к Петровичу исчезли наши традиционные поцелуи. Мама боялась испачкать меня, а я, зная, что она спит с этим типом, брезговала подойти первой, боясь почувствовать от нее запах его туалетной воды, которой он обливался.

Больше всего в тот день моего позора, мне хотелось подойти к маме. Маленькие и большие мужчины сравнивали наши года и смешали нас с грязью. Но дома никого не было. На журнальном столике валялась пачка салема, и я, вытянув длинную сигарету, отправилась на балкон. Сосед Миша, пялившись на меня давно, нарисовался сразу. Я вытащила стул и удобно устроилась. Кашлянув пару раз, я вполне прилично начала пускать дым. Видя такое, сосед бросил парочку комментариев и предложил выпить пива на брудершафт. Я согласилась и уже через пару минут, передав мне две бутылки, он удивительно ловко прошелся по перилам. Пиво пошло еще лучше, чем первая сигарета и уже очень скоро мы заключили сделку. Я сняла лифчик и разрешила ему потрогать грудь, в обмен на то, что он поможет мне подкараулить обидчиков. Глядя мою грудь, сосед так возбуждился, что я с трудом отделалась.

Мы подкараулили их в кустах. Мои небольшие порезы их нагленьких сморщенных органов нанесли больше морального, чем физического вреда. Но я никогда больше не видела их с девочками и от души надеюсь, что их петушки надолго опустили гребни. Справедливости ради придется заметить, что сексуальный интерес моего соседа ко мне тоже угас. Когда мы возвращались домой после мести, он сказал, что никогда не видел у девочек такого выражения лица, как у меня.

- Блин, ты же могла их зарезать. Они теперь на всю жизнь напуганы. Я ж не думал, что ты с ножом. А ты тащила от этого. Ты... - Он покачал головой в такт тем словам, которые не решился произнести и озадаченно сплюнул сквозь зубы. - Я лучше это, пойду.

- Сигарету дай и проваливай, - потребовала я.

Он достал пачку и молча протянул мне. Я вытащила сигарету и с наслаждением затянулась.

Ворона отомстила.

Дома я достала нож и долго смотрела на него. В комнату, как всегда без стука, ввалился Петрович. Мысль, которая появилась у меня при его появлении, меня испугала. Он подошел ближе и взял нож у меня из рук.

- Странные у тебя игрушки. Зачем он тебе?

Я усмехнулась.

- Для самообороны.

- Ну ты, если кто тебя обижает, скажи. Я понимаю - его сальный взгляд задержался у меня на груди, - ты девушка красивая. А парням много чего хочется в их возрасте.

Я представила, как рассказываю Петровичу, что меня облапали. Вряд ли он будет разбираться. Скорее скажет, что я так себя вела и что у меня слишком короткая юбка. Я нахмурилась и равнодушно бросила:

- Сама разберусь.

Он хмыкнул.

- А ты не проста, Кристина. Когда вырастешь, возьму тебя в помощницы. Характер у тебя, что надо. Мужикам не всем так повезло.

Откуда он мог знать про мой характер? Психолог хренов. Когда я вырасту, убью его.

Неужели я произнесла свою мысль?

Да!

Пальцы быстро забегали по клавиатуре. События тех дней забыть невозможно, как и невозможно не знать, что если бы не кучка негодяев, обладающих властью, этих бед могло не произойти. И не было бы ни постыдного бегства из родного города, ни подвала, ни рынка, ни Петровича. Кристина знала, что мама пыталась, именно пыталась, заработать денег, чтобы уйти от него и начать жить самостоятельно. Вот и работала с температурой на холоде. Были хорошие дни для торговли. Праздники. В итоге потеряла здоровье.

А может это судьба?

Кристина читала: каждая душа перед рождением выбирает путь, который должна пройти, чтобы чему-то научиться. И те души, которые выбирают сложный путь, более правы, чем другие. Так что не завидуйте тем, у кого жизнь легкая. Они тратят время попусту. Может, оно все так и есть в высших материях, но ей-то, здесь и сейчас, очень тяжело. Хотя надо признать, что сейчас намного легче, чем тогда.

Глава 8

Мамина болезнь развивалась быстро. Если раньше мама легко поднималась на четвертый этаж – у Петровича мы жили в старинном доме без лифта – то теперь стала останавливаться на каждой площадке. Жаловалась на головокружение, несколько раз падала. Ела удивительно мало. Дома, при любой возможности, ложилась на диван. Петрович уговаривал ее пойти к врачу, но мама отмахивалась, ссылаясь, на последствия гриппа. В ее движениях появилась неуверенность, словно она выпила лишнего. Конечно, мама перестала участвовать в вечеринках Петровича и все чаще оставалась дома.

И вот однажды, когда утром она не смогла самостоятельно встать с постели, Петрович вызвал врача. После постановки диагноза наш так называемый благодетель впервые не вернулся домой на ночь. Мы поужинали вдвоем и устроились на диване перед телевизором. Я держала маму за руку, стараясь делать вид, что ничего не случилось. На экране показывали фильм, содержание которого я не могла уловить, поскольку в голове крутился один и тот же вопрос: что делать дальше? Мама, словно услышав его, тихо сказала:

- Боюсь, нам придется уехать. Ни один мужчина не станет жить с больной женщиной.

Сможет тот, кто любит. Папа бы смог. Я об этом сказала. Мама только покачала головой. Что, мол, она и в нем не уверена. Я как-то немного обиделась за отца, но не стала спорить, только положила голову на мамино плечо и прошептала, как она мне тогда, возле подвала: «Мы как-нибудь справимся». Теперь это ложилось на меня. Я чувствовала себя здоровой и сильной, но не меня никто не возьмет на работу. Две проблемы: мамина болезнь и мои дурацкие четырнадцать лет. Ну почему кукольному не угодно было подождать хотя бы до восемнадцати?

Всю неделю Петрович нас избегал. Возвращался, когда мы уже спали, уходил, когда еще спали. Обстановка накалялась. И вот как-то, когда я, пытаясь отвлечься, читала, в замке повернулся ключ. Мама поехала сдавать очередные анализы и вернуться должна была нескоро. Я съезжилась на диване, предчувствуя неизбежный разговор. Петрович разделся и прошел на кухню. Всю эту неделю готовила я. Под четким маминым руководством. На обед у нас был суп с фрикадельками и овощная запеканка. Я, несмотря на то, что выходить ужасно не хотелось, пересилила себя и решила подать Петровичу обед вместо мамы. Когда я вошла, он стоял у окна, переплетя

пальцы за спиной. Я видела его коротко постриженные, обрамляющие лысину волосы и сутулую спину. Он обернулся. Увидев меня, нахмурился.

- Где мать?

- У врача.

- Похоже, она теперь все время будет ходить по врачам.

- Я могу разогреть вам обед, - быстро сказала я. – Есть суп с фрикадельками и запеканка.

Петрович пристально меня рассматривал. Я и раньше ловила его заинтересованные взгляды. Другие мужчины тоже глазели на меня. С моей большой грудью и округлыми формами я выглядела, как говорили, на всенадцать. Сегодня на мне была футболка в обтяжку и легкие свободные брючки

- Ты опять готовила обед? - с нажимом спросил Петрович, не отрывая взгляда от моей груди.

- Мама не очень хорошо себя чувствовала.

- Понятно.

Петрович опустил на маленький кожаный диванчик, жестом показывая на табуретку напротив. Я поставила на плиту суп и села. Поднять глаз не решалась. Боялась, что он услышит, как колотится мое сердце. Сейчас он скажет, чтобы мы убирались. Сейчас он... но он молчал. В кухне раздавалось шипение газа, булькал суп, чирикала за окном птичка. Мне вдруг вспомнился наш подвал, и как тетя Галя убеждала маму переспать с этим ничтожеством. Я тогда заболела, не оставив маме выбора.

Мысль появилась в моей голове так быстро, что я даже не успела испугаться и как следует ее обдумать.

Моя очередь. Моя очередь спать с этим типом, потому что это единственный выход остаться в тепле и получать от него деньги. Мой взгляд упал на его пухлые короткие пальцы, уткнулся в перстень с бриллиантом. Бриллиант полыхнул голубым светом и погас. Иногда украшения еще больше подчеркивают уродство. Я представила, как его руки скользят по маминым покатым плечам, и мне стало тошно. Ему нужно было выбрать какую-нибудь толстую с двойным подбородком, а не мою мамочку с ее неземной красотой.

- Кристина, я чувствую себя подлецом, но не могу больше молчать, - необычно тихо заговорил Петрович. - Я ведь не виноват в болезни твоей матери. Я делал для вас все, что нужно. Ведь у тебя же лучшая школа, хорошая одежда и еда? – Он заглянул мне в глаза. Я кивнула. – Но мы не женаты, и я не могу... - Петрович остановился. – Я буду честен, я не готов жить с больной женщиной. – На лбу у него выступили капли пота. Я по-

прежнему молчала. – Есть ли у вас какие-нибудь родственники в Москве, которые могли бы о вас позаботиться?

- Нет, - коротко ответила я и подняла голову. Удивительно, но мой страх прошел. Сердце выровняло свои удары, а мне стало жарко от злости. Ты заботился? За все было заплачено. Животное с поросячьими глазками смотрело в стол, разглядывая лежащие на нем собственные руки. На плите закипел суп. Я поднялась и выключила его, а потом уперлась руками в стол, немного нависая над Петровичем. – Я предлагаю вам сделку. – Наверно, здесь сработал его инстинкт торговца и в его глазах, сменяя удивление, загорелся интерес. - Я буду спать с вами вместо мамы, если вы не выгоните нас на улицу.

- Ты?! – его взгляд опять уперся в мою грудь, нависающую на уровне его лица. - Должна ли я снять футболку для пущей убедительности? Тоненький голосок в мозгу запищал, что я гублю себя. - Нет, я не могу, - глухо отозвался Петрович. - Потом еще посадишь меня. За растление малолетних.

- Зачем мне это? – Я опустила на стул и спокойно продолжила. – Кроме этого, я еще буду готовить и убирать в квартире. Моя единственная просьба, чтобы мама ни о чем не узнала. Вы скажете ей, что любите ее и пообещаете о ней заботиться. - Петрович все еще ошупывал меня глазами, пытаясь понять, стоит ли со мной связываться, когда я предложила поест супчику.

Он хрипло попросил меня подойти. Я остановилась перед ним. Он положил руки мне на грудь и начал мять ее волосатыми толстыми пальцами.

- Сними футболку. Я хочу на них посмотреть.

- Только посмотреть, - удивительно спокойно объявила я. – Все остальное будет после того, как вы дадите обещание. – Он кивнул.

Момент, пока я снимала футболку и лифчик, показался мне очень долгим. Растянутым во времени. Я осознавала, что еще могу успеть убежать и вернуть все назад. Сказать, что пошутила. Но так же остро я понимала, что не могу позволить нам снова оказаться беженками. Обнаженная до пояса, словно на приеме у врача, я встала перед ним. Искаженное от похоти лицо Петровича стало еще безобразнее, чем обычно. Он рывком расстегнул брюки и вытащил маленький толстый член.

- Возьми его в руку, - прохрипел он. – Я больше не могу.

Кухню, перебивая запах мясного бульона, заполнил запах пота. Как только мои пальцы коснулись его горячей и склизкой плоти, я чуть не умерла от накатившей волны отвращения. Петрович протяжно застонал. Кухню заполнил резкий, еще более тошнотворный запах. Оказывается, так пахнет сперма. Его член обмяк, лицо расслабилось. Мне показалось, что впервые этот считающий себя пупом земли человек почувствовал себя неудобно. Я видела, что он смотрел на меня, но сосредоточилась на пятнышках

капнувшей на синюю плитку спермы. Так и не застегивая штаны, он протиснулся мимо меня в ванную. Я растерла пятна тапком и стала надевать лифчик. Похоже, я все-таки волновалась, потому что никак не могла застегнуть крючки. А мне не хотелось, чтобы он увидел меня поспешно одевающейся, испуганно прячущей свою слишком большую для моего возраста грудь, которой я стеснялась. В ванной послышался шум воды, и я поняла, что Петрович принимает душ. Справившись с лифчиком, я натянула футболку и опустилась на стул. В голове теснились разные мысли, но одной из них была та, что я не смогу лечь с ним в постель. Скорее умру от отвращения. Но мама-то смогла. Ради меня. Значит, и я должна ради нее. Я опустила руки и села прямее. Потом встала и, открыв окно, высунулась. Морозный воздух обжег лицо, напоминая, что на улице слишком холодно, чтобы покинуть спасительное тепло и снова превратиться в беженку. Я все еще смотрела в окно, когда услышала его шаги. Петрович переоделся в банный халат. Я повернулась. Некоторое время мы молчали, глядя друг друга.

- Так мы можем остаться? – тихо, но внятно спросила я.

Он вздохнул.

- Ты, наверно, считаешь меня животным. Но ты очень сексуальна. Тебе не дашь твоих четырнадцати. У тебя еще э- э- э никого не было?

Я нетерпеливо кивнула, ожидая ответа на мой вопрос.

- Как же ты любишь мать, Кристина.

- Так же как и она меня, - парировала я.

Повисла пауза. Наконец, Петрович шумно выдохнул воздух.

- Вы можете остаться.

Я прижалась лбом к стеклу, когда он ушел к себе в комнату. Если бы у меня были силы, я пошла бы в душ. Но в то же время я отчетливо понимала, что мне не смыть следов его рук. Грязь навсегда прилипла к моему телу.

Глава 9

Кристина захлопнула ноутбук, сохранив предварительно файл. Она не думала, что вновь испытает то же самое тошнотворное чувство. Вышла на кухню и выпила воды. Посмотрела на часы. Половина пятого. Раз уж обещала научить Аленку плавать, пора собираться. Подумалось, что она тоже хотела бы ребенка от Витьки, если бы могла позволить себе иметь детей. Но ей нечего дать своему ребенку. Это будет всего лишь подобие любви. Любить по-настоящему она может только маму.

Кристина на цыпочках заглянула в спальню Илarii. Пахло лекарствами и болезнью, несмотря на открытое настежь окно. Мама спала. Кристина

поцеловала ее в щеку и вышла, чувствуя подступающие слезы. Нет! Она не должна плакать, ей нужно быть сильной. Она после подумает о маминой болезни. После. Сейчас ее ждут Витька и Аленка.

В комнате Кристина натянула купальник и встала перед зеркалом, придирчиво рассматривая фигуру. Не заметив ничего лишнего, она довольно кивнула своему отражению. Новый купальник с кофейными зернами вместо надоевших цветочков выглядел необычно и подчеркивал загорелую кожу. Витька будет в восторге от меня. «А спать и жить пойдет к жене», - тут же заявил противный внутренний голосок. Ну как же милого угораздило так рано жениться? Насколько все было бы проще, если бы он был свободен.

Вдоволь наплескавшись в воде и преподав Аленке первый урок плавания брассом, Кристина села на полотенце, распустив волосы, чтобы подсушить их на солнце. Неугомонная Аленка отправилась играть в мяч, оставив их одних.

- А у тебя здорово получается с детьми, - хмуро заметил Витька, усаживаясь рядом. – Почему своих не заведешь?

Кристина улыбнулась.

- Это не моя игра.

- Какая игра?

- Игра в семью и воспитание себе подобных. Жизнь достаточно интересна и без этого.

Он серьезно посмотрел на нее.

- Ты странная, Крис. Все бабы, пардон, девушки, хотят замуж. Детей.

- Я не такая, как все.

- Да я уже это понял, - Витькины пальцы продвинулись по траве и обхватили ее запястье. Она тут же почувствовала, как стало теплее и спокойнее. Иногда ей бывало удивительно хорошо, когда они просто сидели рядом, касаясь плечами, и разговаривали. Вот только бы не пошла эта волна от него к ней, которая возвращаясь от нее, еще усиливалась, заставляла их обоих сходить с ума от страсти.

- Если я попрошу тебя кое с кем встретиться, ты сделаешь это ради меня? – спросила Кристина, чтобы отвлечься.

- Конечно. У тебя проблемы?

- Проблемы у меня начались лет с двенадцати и с тех пор не прекращаются. Не всем же дается такая тихая спокойная жизнь, как тебе.

- Не могу сказать, что доволен своей жизнью, - Кристина пожала плечами, и Витька, видимо, не желая продолжать тему, крепче сжал ее руку. – То, что произошло тогда на озере, - он сделал паузу, это ведь ... не было случайностью, да?

Кристина молчала, борясь с искушением рассказать ему все. Но она не привыкла доверять людям. Разве что Корзине. Девушка выдернула пальцы из Витькиной теплой руки. Изобразила удивление.

- С чего ты взял?! Девушкам не стоит поздно возвращаться. Это совсем другое.

Он быстро оглянулся назад и обхватил Кристину за плечи.

- Ты все врешь! Я же чувствую, что ты боишься. Но у тебя слишком много гордости, чтобы в этом признаться и попросить помощи. Ты возомнила себя сильной и решила, что справишься одна.

Кристина уже чувствовала знакомое волнение: его горячее дыхание обжигало губы, манило искушением поцелуя. Да что он делает?! Того гляди Аленка увидит или еще кто-нибудь. Слегка коснувшись его губ, она отпрянула. Витька тяжело дышал.

- Не нужно ничего придумывать, Витенька. Еще не родился тот человек, который бы меня испугал.

- Просто знай, что я готов тебе помочь. Во всем.

Кристина протянула руку и потрепала его по кудрям, ощутив мягкость волос. Как малыша, который пообещал быть храбрым. Он тут же понял ее жест, перехватил руку, поднес к губам. Она скорее почувствовала, так тихо он произнес:

- Я хочу тебя.

Горячая волна нежности охватила Кристину с ног до головы. А она-то как его хочет. Но он не должен этого знать. Снесет крышу напрочь, она отдастся ему здесь же на траве и плевать на весь мир. Нельзя! У него дети и жена дурочка, которую почему-то жалко.

- Ты не имеешь права.

- Почему нет? Это никого не касается, кроме нас.

- Иди домой, Витька, а? Мне тоже пора. – Кристина отняла руку, собрала в хвост волосы. Повернулась к нему, чтобы попрощаться и потерялась в его зеленых глазах. Как в бездну упала. Сердце сжалось.

- Пап, пап! – услышали они голос Аленки. - А можно мы купаться пойдем с Катей? Кристина, ты пойдешь с нами?

Кристина скользнула взглядом по покрасневшимся от беготни щекам девочки. Воспользовавшись моментом, встала.

- Нет, мне уже пора. Папа с тобой пойдет.

Витька тоже поднялся.

- Ты уже уходишь?

- Да, мне нужно... – Она, так хорошо все выдумывающая, не знала, что сказать. Никуда ей не нужно. Ее мир был здесь, на этом озере, в зеленых Витькиных глазах и отчасти даже в его дочке, которая по совершенно непонятной причине тянулась к ней.

- К любовнику поедешь, да? – в Витькиных глазах была такая боль, что Кристина смутилась. Сейчас ей не хотелось его дразнить, но и оставаться рядом стало невыносимо.

- Мама не очень хорошо себя чувствует, побуду с ней.

Витька кивнул, обнял Аленку за плечи и направился к воде. Кристина подобрала полотенце и босиком пошла к дому, чувствуя себя измученной и опустошенной.

Илария, подоткнув за спину подушку, полулежала на кровати, слушая «Собачье сердце». Увидев дочь, нажала кнопку и остановила диск.

– Что-нибудь случилось?

- Нет, - Кристина помотала головой, присаживаясь на краешек кровати. Хотелось прижаться к маминому плечу и рассказать о своей безнадежной и неправильной любви и о том, как у нее нет сил отказывать Витьке в близости, которой она так же сильно желает. И, вообще, черт бы побрал этот темперамент, с которым она всю жизнь мучается. Ведь даже тогда, в самые постыдные моменты своей жизни, она испытывала оргазм и ненавидела себя за это. От воспоминаний накатила гадливость. Она словно наяву увидела толстые пальцы Петровича, стискивающие ее грудь.

Илария погладила Кристину по волосам.

- Ты купалась?

- Да, учила Аленку плавать.

Илария некоторое время молчала, подбирая слова. Ее мягкий голос стал еще мягче, когда она начала говорить.

- Это не совсем правильно, что ты так много времени проводишь с Витей. Даже если вы просто друзья. У него есть жена. Начнутся разговоры. Зачем тебе это?

Кристина пожала плечами.

- Ну, я же не виновата: когда бы я ни вышла на озеро, он все время там.

- Он влюблен в тебя, - Илария с материнской нежностью смотрела на дочь. – Ты ведь у меня красавица. Но будь осторожна. Не нужно разрушать чужую семью. Тебе не принесет это счастья.

Кристина почувствовала ком в горле. Сейчас она разрыдается. Мама не сказала ничего нового, о чем бы она сама не думала, но высказанные слова обладали большей болью, чем запрятанные в глубине. Ей не принесет это счастья. Да разве с тех самых пор, когда они сбежали из родного дома, она когда-нибудь была счастлива? Лишь только когда пишет и то не о себе. Кристина привыкла жить с болью, научилась воспринимать ее, как часть себя. Счастье не ее удел. Ее удел быть сильной. Она выпрямилась.

- Мамуль, я подумаю об этом. Ты хочешь чего-нибудь? Чаю или фруктов?

- Нет, детка. Давай попозже.

- Ладно. Пойду, поработаю, – девушка усмехнулась. – Если это можно назвать работой.
- Иди, конечно. Я верю, что ты станешь настоящей писательницей. Твой последний рассказ написан лучше, чем все то, что ты писала до сих пор.
- Тогда почему он не победил на конкурсе и его не напечатали в журнале?
- Время еще не пришло.

Кристина включила ноутбук и вышла на балкон, облокотившись на перила. Вечер был теплый, со сладковатым запахом сосен и зацветающего в саду жасмина. С озера доносились привычные крики купающихся. Витька, наверно, уже дома. Сидит за столом в компании жены и дочек и поедает вкусный ужин. Сердце обожгла то ли боль, то ли зависть. Не буду о нем думать! Стукнув кулачком по перилам, девушка вернулась в комнату. По уже установившемуся правилу, прежде чем приступить к написанию следующей главы, перечитала предыдущую и полностью погрузилась в прошлое.

На следующий день после происшедшего на кухне инцидента, маму положили в больницу на обследование. Петрович был так любезен, что предоставил автомобиль с шофером. Накануне они втроем сидели за столом, подобно настоящей семье, где он пообещал маме, что будет заботиться обо мне. Как только я представила эту заботу, меня затошнило. Не помню, как я выдержала ужин до конца. Помыв посуду, ушла к себе в комнату и, не зажигая света, легла на диван, свернувшись в клубочек. В голове билась одна единственная мысль. Завтра. Он сделает это завтра. Завтра я должна отдаться мужчине, которого презираю. Завтра я стану еще грязнее, чем была до сих пор. Мелькнула мысль о беременности. Я совершенно не представляла, как нужно предохраняться и, конечно, мне не у кого было спросить об этом. В конце концов, я отбросила эту мысль, решив, что все неприятности не должны свалиться на меня сразу.

В школу я в тот день не пошла, чтобы проводить маму в больницу. У подъезда ждал новенький Мерседес, шофер выскочил при нашем появлении и помог сесть. В машине пахло кожей, играла спокойная музыка. Мы всю дорогу держались за руки. У больницы попрощались, мама попросила меня быть умницей. Возвращаясь домой в той же машине, я думала о том, что все случится уже сегодня. Дома я снова улеглась на диван. После школы мне позвонила Корзина и предложила куда-нибудь пойти. Я отказалась, прекрасно понимая, что ее болтовня будет меня раздражать. Более того, я буду завидовать, что она спокойно вернется домой к родителям, а я должна буду отдаться Петровичу, чтобы мы с мамой остались в таком же тепле, как моя подруга. Не знаю, сколько раз мне пришлось напомнить себе, что,

если мама смогла это сделать ради меня, значит, я тоже смогу. Только вот что мне потом делать с собой? Как жить с этим?

В тот вечер Петрович вернулся здорово выпивший. То ли он волновался, то ли напиваться вошло у него в привычку. Услышав звук открывающейся двери, я замерла на кухне, понимая, что уже не смогу проскользнуть к себе в комнату и сделать вид, что сплю. Сбросив ботинки, Петрович протопал на кухню. Мы неловко поздоровались. Он попросил налить ему воды, что я и сделала. Пока он пил, я смотрела в окно на белые сугробы, напоминая себе, как холодно на улице. Он спросил про маму и засопел. Его глаза прожигали меня насквозь. Наверно, мысленно он несколько раз раздел меня. Мне казалось, что я окаменела, ноги приросли к полу. В конце концов, он подошел ко мне. Волосатая рука обхватила грудь и начала ее тискать.

- Я схожу от тебя с ума. Надеюсь, ты не собираешься отказываться от своего обещания?

- Где бы вы хотели это сделать?

- Ты умная девочка. Иди в спальню, я сейчас приду.

В спальне еще пахло мамиными духами, и я с трудом подавила рыдание. Раздеваясь, чтобы занять ее место в кровати, чувствовала, как неровно бьется в груди сердце. Простыня показалась мне холодной, я дрожала от страха и жалости к себе. Уже не просто сегодня, уже сейчас. Шаги в коридоре. Он остановился перед кроватью. Толстый лысый владелец моего тела.

- Убери одеяло.

Я повиновалась. Некоторое время он смотрел на меня, потом быстро сбросил одежду. Против своей воли, я смотрела на его тело, задыхаясь от отвращения. Не может быть, чтобы он был моим первым. Я не смогу. Я умру. Он тяжело навалился на меня, кусая губы и дыша перегаром. Грубо раздвинул мне ноги и ткнулся членом. Не знаю, какое из чувств было сильнее: боль, стыд, отчаяние. На какой-то момент все заглушила боль. Я застонала, но он зажал мне рот поцелуем, продолжая двигаться и пыхтеть, заходя все глубже и глубже. Наконец, он издал стон и замер, упав на меня. Прижатая к кровати, я лежала под ним раздавленная физически и морально. Внутри все горело огнем. Он отодвинулся в сторону.

- А ты не обманула. И, правда, девочкой оказалась. Уже не помню, когда я так долбился, – он противно захохотал.

Я так долго мылась в ванной, что кожа распарилась и покраснела от горячей воды. Но вряд ли мне когда-либо суждено отмыться. Нам, женщинам-беженкам, тем, которые готовы отдать свою гордость за теплый угол и счастье близких, ходить по грязи босиком. Но я сделала это. Смогла. Хоть и грязная, но сильная. Теперь у мамы будут деньги на хорошее лечение и лекарства. Я завернулась в халат и вышла в коридор. Чтобы

попасть к себе, нужно пройти мимо гостиной, откуда раздавался звук включенного телевизора. Петрович окликнул меня.

- Я купил таблетки. Здесь есть инструкция. Пока попьешь эти, потом проконсультируемся с врачом.

Я взяла упаковку и вышла, едва удерживаясь, чтобы не нагрубить. У себя в комнате забралась под одеяло. Там, куда входил его отвратительный орган, все болело. Но хуже всего было мое состояние. Мне не хотелось жить дальше. Я не знала, как пойду в школу. Казалось, что я сойду с ума от зависти к девочкам, у которых нормальное детство. Я даже не могла себя пожалеть, до того казалась себе омерзительной.

Петрович оставил меня в покое на несколько дней. В наш второй раз он даже пытался быть со мной нежным. Мы были в спальне, где уже выветрился запах маминых духов. Я погасила свет. На этот раз он был трезв и даже начал гладить меня по груди. Не тискать, а именно гладить. В спальне висели очень темные шторы, и я не могла видеть его толстых пальцев. И тут произошло то, за что мне стыдно до сих пор. При всей моей ненависти, при всем моем отращивании к этому мужчине, мои соски затвердели. И он это заметил. Должна признаться, к четырнадцати годам, я уже умела испытывать оргазм. Более того, он был мне необходим, чтобы получить разрядку. Наверно, поэтому моя грудь так предательски подвела меня. До сих пор осталось загадкой, как можно ненавидеть и кончать. Но, видимо, это шутки того, кто нас создал. Тело и душа две отдельные несвязанные половины. Моя душа болела и стонала, а тело получало удовлетворение.

Кристина задумалась. Уходить в прошлое было тяжело, настоящее при всей его неустроенности и неопределенности казалось лучше. Наслаждение. Что это для нее? Конечно, Витька. Самое большое. С ним она научилась целоваться. Расслабилась. Оказывается, поцелуй гораздо более интимная вещь, чем сам секс. Это облизывание языков друг друга доставляет улетное наслаждение только с тем, кого ты по-настоящему хочешь. В те краткие моменты, когда она не вырывалась, он делал с ней что-то неземное нечеловеческое. Ни один из ее многочисленных любовников никогда не целовал ее так. Так как с ним не бывает. В ту ночь она ему так и сказала. Витька засмеялся, зарылся в ее волосы. Прохрипел, что у него тоже так ни с кем не было.

Кристина отодвинула ноутбук и вышла на балкон. Стемнело, качали игольчатыми шапками сосны, ветерок растрепал волосы, лаская и утешая. Хотелось плакать и перестать бороться. Стать слабенькой, как Витькина жена и надеяться на мужчину.

В комнату заглянула Илария.

- Детка, чаю попьем?

Кристина подошла к маме, обняла ее.

- Конечно, попьем. А может, покушаешь? Я куриный бульон сварила.

- Завтра, милая. Сегодня совсем не хочется. Только чаю горячего с лимоном.

- Илария поправила шаль на плечах. – Что-то холодно. И тошнит.

Кристина нахмурилась. Она в топике, вечер душный, а маме холодно.

Мама часто мерзла, эти проклятые таблетки имели кучу побочных эффектов.

Кристина отстранилась. Обе пошли на кухню. Илария села за стол. Кристина включила чайник, поставила на стол пирожные. Илария ласково посмотрела на дочь.

- Все хотела спросить и забываю. Как там Сергей поживает?

Кристина опустила голову, подперла кулачками лицо. А ведь она и забыла. Странно, как мало это ее трогает. Витька совсем задурил ей голову. Усмехнулась.

- У Сережки все хорошо. По-прежнему много работает. Днем на правительство, вечером на мафию. Настолько отошел от своего неудачного брака, что почти сделал мне предложение.

- И ты молчишь?

Кристина улыбнулась.

- До Нового года еще далеко. Вдруг передумает.

- Что-то не слышу энтузиазма в твоем голосе, дочка. Он же вроде тебе нравился. Что-то произошло?

- Ничего не произошло. У нас все хорошо. Сводил меня в ресторан, утром принес кофе в постель. Сказка, а не мужчина. – Илария внимательно наблюдала за дочерью.

- Твое охлаждение как-то связано с Витей?

- Никак, – Кристина поспешно схватила чайник и стала разливать кипяток по тонким фарфоровым чашечкам. Мама любила пить чай из красивых чашек. Говорила, что так вкуснее, чем из кружек.

Илария отпила глоточек чая и поставила чашку на место.

- Девочка моя, тебе пора замуж, и Сергей самый подходящий кандидат. Воспитанный, респектабельный, хорошо зарабатывает. Поставь их рядом с Витей, наш сосед проиграет во всем. Ну это, если предположить, что он свободен.

Кристина пожала плечами. Скажи это моему сердцу, мамочка, которое заходит только от одного вида Витьки. Я бы рада была от него избавиться, да вот не получается. Хорошо еще хватает сил бороться с собой и не стать его любовницей. Желая прекратить скользкий разговор, Кристина взяла в руки пульт и включила телевизор. Илария несколько раз незаметно поглядывала на дочь, понимая, что та что-то не договаривает, но

расспрашивать не стала. Только мысленно попросила у Бога, чтобы тот уберег дочку от искушения.

Глава 10

Ночью Кристине не спалось. Растревоженные воспоминания, которые она долго старалась похоронить, выплывали наружу. Она снова чувствовала себя школьницей. Утром форменное платице, вечером... Кристина выбралась из теплой, но такой неуютной сегодня постели. Включила ноутбук. Может быть, сегодня нужные слова улягутся в правильном порядке, вызывая те чувства, которые она испытывала? Кристина и сама не знала, отчего она придавала такое значение написанию этого романа. Хотела освобождения? Так оно невозможно. Тот самый катарсис, о котором столько говорят, пусть испытывают ее читатели. И Сережка. «Расскажешь мужчине правду, потеряешь его навсегда», - шепнул внутренний противный голосок.

Тогда зачем нужен такой мужчина?

Кристина подумала о Витьке, и откуда-то возникло теплое чувство, что он-то как раз и понял бы. Заглушил бы ее жалость к себе своими поцелуями, нежными руками стер чужие отпечатки пальцев. Он принял бы ее всю со всеми убийствами, оправдав в душе и скорбя вместе с ней.

«Откуда такая уверенность?» - в знакомом внутреннем голоске чувствовалась насмешка. «Ты никогда не сможешь это проверить, потому что он чужой муж».

Девушка опустила пальцы на клавиатуру. Книга не даст покоя, пока не будет закончена. Надежды на освобождение никакой, но, может быть, станет хоть чуть-чуть полегче. Это все, что пока хотелось бы.

Я и сама не поняла, как однажды испытала оргазм. В тот день Петрович долго не мог кончить. Его маленький толстый член уже не причинял боли. Сначала я, как обычно, пыталась отключиться и думать о чем-нибудь. В темноте — я настаивала на том, чтобы гасить свет - слышались стоны Петровича, изредка прерываемые какими-нибудь пошлыми словечками. И вдруг меня охватило возбуждение. Обычно лежащая под ним, как бревно, я непроизвольно двинулась ему навстречу и вдруг почувствовала, как глубоко внутри сжавшаяся пружина, толчком распрямилась. Оргазм был до того сильным, что я чуть не застонала, но вовремя спохватилась. Петрович мгновенно прореагировал. Со словами «Ах ты, маленькая шлюшка», - он шлепнул меня по щеке и вдруг, возбуждвшись то ли от пощечины, то ли от

моего оргазма, мгновенно кончил, издав противный затяжной звук удовлетворения. Лежа под его тяжелым телом, я чувствовала себя, словно описалась, стоя у доски перед всем классом. Скатившись с меня, он приподнялся на локте и долго смотрел мне в лицо. Я встретила взгляд, не отворачиваясь, внушая себе, что мне плевать, что он обо мне подумает. Петрович медленно провел пальцем по моей щеке, вероятно, это был самый большой жест нежности, на который он способен, и задумчиво сказал:

- А вот матушка твоя ни разу со мной не кончила. Только подставлялась.

После его слов, из жертвы я мгновенно превратилась в иллюху, и мое расслабленное от наслаждения тело, тут же подтвердило выставленное против себя обвинение. Я вскочила, подхватила валявшийся на полу халат и быстро закуталась в него. Сзади меня вспыхнул свет торшера.

- Кристина!

Я обернулась через плечо. Петрович, растянувшийся на простыне с вялым членом, мгновенно вызвал желание стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Он не должен был делать это со мной. Если бы он был нормальным человеком, он никогда бы не принял моей жертвы.

- Тебе повезло, что ты в раннем возрасте испытала оргазм. Многие взрослые женщины только мечтают об этом.

У меня пересохло в горле. Повезло? Я должна была почувствовать первый оргазм – те, которые я получала, лаская себя, не в счет – с каким-нибудь красивым парнем, который бы любил меня.

Петрович зевнул и отвернулся от меня, щелкая пультом телевизора. Подавленная случившимся я словно приросла к полу и не могла двинуться. Вспыхнул экран, зазвучал голос диктора, предсказывающий дождь и слякоть. Я, обожавшая солнце, порадовалась, что завтра его не будет. Солнечный день мне с моим позором не пережить. Повернулась на ватных ногах, чтобы идти к себе.

– Не забудь выпить таблетку, - раздался голос Петровича.

Взяв упаковку, я отправилась на кухню за водой. Зажав одну таблетку в ладони, я пересчитала остальные, размышляя, умру ли я, если проглочу их все сразу. По ногам потекла сперма, одна капля, как и в первый раз, упала на плитку. Точно так же я растерла ее ногой. Я не могу позволить себе умереть. Я обязана жить и выжить. И мне предстояло решить как. Я запила таблетку водой и спрятала остальные в карман.

На помощь пришли книги. В них я искала ответы на свои вопросы и даже иногда находила. Упиваясь чужим миром любимых героев, я забывала о своем перевернутом существовании то ли женщины, то ли подростка. К моменту возвращения мамы из больницы я настолько освоилась со своей

ролью, что даже смогла смотреть ей в глаза. Я сделала это ради нас, мамочка, и пусть весь мир судит меня. Зато мы в тепле и у нас есть деньги. Тогда-то во мне и зародилась мечта о собственном доме. И ради своей мечты я могла пойти на все.

После моего оргазма наши отношения с Петровичем изменились. Раз я получала удовольствие наряду с ним, значит, должна и платить за него. Крохотный росточек желания убить моего мучителя с каждым месяцем выпускал по листочку. Петрович много пил, его мужские функции слабели. Уже просто я и мое развивающееся тело его не возбуждали. То он не мог кончить, то его орган отказывался подниматься. На мое счастье он не оказался фанатом орального секса. Его возбуждали разные позы и переодевания. Началось с того, что однажды я вернулась из школы, а он оказался дома. Вид моего короткого зеленого сарафанчика в синюю клеточку так возбудил его, что он тут же быстро кончил, уложив меня на кухонный стол. А потом, поедая приготовленный мной его любимый грибной суп, допрашивал меня с пристрастием, не пристаю ли ко мне мальчишки. И если что, он готов с ними разобраться.

- Грудь-то у тебя ого-ого стала, - Петрович грубо ущипнул меня за сосок. – Еще подросла, с тех пор, как я ее трогаю. Тебе же нравится, а?

Я отвернулась, что было воспринято, скорее как смущение, хотя я испытывала желание надеть ему на голову кастрюлю с горячим супом. То ли от неожиданности, то ли от предчувствия, что это только начало его извращений, я почувствовала себя еще больше использованной, чем обычно.

Кем я только не была потом. Женищиной-кошкой, женщиной-вамп, служанкой, госпожой с хлыстиком. Надо отдать должное, однажды я с огромным удовольствием вытянула его по спине хлыстом. Он тоже привыкал мне делать больно. Брал меня, где попало. В коридоре, кухне, ванной. Однажды нас чуть не застучала мама. Я жила в увеличивающемся кошмаре и не видела другого выхода, кроме убийства.

Через три месяца Петровичу пришлось нас прописать. Для того чтобы положить маму в очередную больницу, ей нужно было стать москвичкой. Мое сердце сжалось, когда мама искренне поблагодарила его. Когда мы остались одни, она заметила, что он не такой уж и плохой человек. Я отвернулась. Болезнь изменила маму, она сосредоточилась на себе и не замечала окружающее. А я все больше и больше накручивала себя, что должна позаботиться о себе, вспомнить о своей гордости и перестать быть удобной подстилкой и кухаркой в одном лице. Петрович вспомнил о моем предложении готовить в первую же неделю и с утра выдавал указания, чтобы ему хотелось на обед. А недавно после юбилея Петровича,

где ему подарили большой аквариум, к моим обязанностям добавилась еще две – кормление рыбок и покупка корма.

Вдруг произошло то, что никак не ожидалось. В наш класс посередине года пришел новенький. Классручка посадила его ко мне. Сказала мимоходом, что нас с Корзиной давно пора рассадить, мол, много болтаем. Мельком взглянув на меня, паренек сел. Я слышала, как шептались девчонки за моей спиной. Наверно, обсуждали, как мне повезло: новенький был симпатичным. Широкоплечий, высокий, с почти сросшейся линией бровей над карими большими глазами. Паренек начал копаться в сумке. Достал тетрадку, учебник, зеленую ручку и уперся взглядом вперед. То ли на доску, то ли на блеевшую что-то про характер Андрея Болконского, нашу одноклассницу.

Я нарочито зевнула и отвернулась к окну. Денечек был серый, хмурый, апрельский. Голая ветка жалобно билась в окно. Мне почему-то пришла в голову мысль, что ей холодно и одиноко, как мне. Именно эти чувства одолевали меня последние полгода. Нервы на пределе, а я все никак не могла найти выход из положения.

- Воронцова, мечтать, конечно, приятнее, но вернитесь к нам, пожалуйста. – Нина Ивановна стояла у доски, глядя в мою сторону. – Кое-кто захихикал. В классе меня не любили. Да я и не старалась никому понравиться или с кем-то подружиться. Держались мы с Корзиной особняком, и я вовсе не была в восторге от того, что нас рассадили. Мы же не первоклашки, в конце концов. Справедливости ради надо отметить, что учителя меня не любили тоже. Училась я кое-как, с тройки на четверку, держалась независимо. Независимость шла не от высокого мнения о себе, а от моей ущербности, внутреннего стыда, с которым я никак не могла справиться. Я чувствовала себя развращенной, испорченной и грязной.

– Я попрошу вас поделиться книгой с вашим соседом, - строго заметила классручка, когда я с ненавистью взглянула на нее. - Сегодня мы будем разбирать характер Наташи Ростовой.

Я взяла второй том Толстого и положила на середину парты. Рядом с моим ухом прошепестело «спасибо».

Повернув голову, я встретила с его большими глазами. Мелькнула мысль, что они похожи на мои. Такие же карие. Только вот выражение их было другое: ласковое, как у олененка. Я же, когда смотрела на себя в зеркало, видела загнанное животное. Разыскивая нужную главу, в которой Наташа убегала с Анатодем, мы придвинулись ближе, наши плечи соприкоснулись. Мне вдруг стало хорошо и спокойно. Настолько хорошо, что я, казалось бы, так и сидела, не шевелясь, чувствуя, как сквозь рукав пиджака проникает его тепло.

Артем провожал меня домой в тот же день. Мы шли по бульварам, даже не держась за руки, но мне, впервые с моего приезда, показалось, что этот мир не плох. Даже без солнца, столь мною любимого, равнодушный город улыбался мне окнами разноцветных особняков. Новый знакомый рассказывал о себе. До этого учился в Питере, а потом отца перевели на другую должность. Повысили. Мама не хотела переезжать, он тоже. Там прошло его детство, а здесь у него нет друзей. Слушая его, я ощущала, какая пропасть между нами. Он был неискушенным ребенком, я женщиной, которая знала непростительно много для своего возраста.

Новый знакомый предложил еще погулять, но я убежала домой и, закрывшись у себя в комнате, заплакала, прислушиваясь, не повернется ли в замке ключ. После нежных глаз моего ровесника, я никак не могла позволить, чтобы меня использовал старик. Отношения с Артемом, как я ни старалась их затормозить, развивались быстро. Когда мой опоганенный рот поцеловали его неумелые губы, я замерла от блаженства. Мне показалось, что своей неискушенностью он очищает меня. Его нежность, робкие признания, заставляли меня смущаться больше, чем проделки Петровича в спальне.

Мы целовались в подъездах, усевшись на широкие подоконники, и я чувствовала, как упирается в меня его крепкая плоть. Артем был так скромен, что мне пришлось попроситься к нему в гости. Бросив сумки на пол, мы начали целоваться прямо в коридоре, не снимая курток. Медленно, не размыкая объятий, мы двинулись в его комнату. Сели на диван, снова целовались. Потом он вдруг опустился на пол и приник к моим коленям. Шептал, что он не имеет права. Я провела рукой по его волосам.

- Обещай ни о чем не спрашивать, – я опустилась рядом с ним, расстегивая его рубашку. Он, наконец, запустил руки под платье, расстегнул лифчик и начал ласкать мои груди. Мое измученное тело наслаждалась его чистыми прикосновениями. Я чувствовала, что сейчас разрыдаюсь. Мое превращение из девушки в женщину должно было произойти вот так и никак иначе. Тогда с моей душой все было бы в порядке. Неправда, что то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Боль, оседая в душе, делает людей злыми и жестокими.

В тот день я не разрешила Артему меня проводить. Пока я шла по тем же самым бульварам, по которым мы ходили вместе, мое сердце разрывалось от боли. После неискушенных рук и губ мое тело очистилось, и я стала лучше относиться к нему. Притупившаяся ненависть к Петровичу разгорелась с новой силой. Судьба помогла мне в тот не наделать глупостей и дала время принять решение. Мучитель укатил на Кубу отдыхать, и я

осталась в блаженном одиночестве. Ненавистная квартира – немая свидетельница моих мучений – показалась мне вполне уютной после того, как я плотно закрыла дверь в спальню. Решив почитать на сон грядущий, я отправилась к книжному шкафу. Скользя пальцами по корешкам книг, совершенно случайно вынула «Мастера и Маргариту».

Глава 11

С утра, когда было плохое настроение, Марина ехала в салон красоты, чтобы оторваться на сотрудниках и привести себя в порядок. Она даже не знала, какое из действий ей нравилось больше. То, как притихали мастерицы, почтительно здороваясь и предупреждая остальных, что идет хозяйка и будет разбор полетов, или какой красавицей она выходит из салона. Разглаживается кожа на лице от увлажняющей французской маски и легкого массажа, разлетаются веером длинные уложенные светлые волосы, а умелый макияж подчеркивает голубые глаза, которым придают особую прелесть нарощенные реснички. А как переливаются длинные ногти ярко-красным лаком, заставляя всех призывно смотреть за ее руками. А что уж говорить об удовлетворенных амбициях?! Особую радость ей доставляло, получалось довести девушек до слез. Тогда что-то внутри нее запедало знакомую песенку, какая она сильная и обязательно станет популярной певицей.

Добьется, если сможет завладеть особняком брата. Деньги-то ей очень нужны. На прослушивание, постановку голоса, фотографии, рекламу и многое-многое другое. Как раз тех денег, сколько стоит особняк, если быстро продавать, хватит. Все получится, ведь она видит себя звездой эстрады. Она представляет себя в коротком сверкающем платье и сапожках на каблуках: романтической простушкой или с собранными волосами в кожаных шортиках и сапогах-ботфортах, поющей рок.

- Марина Алексеевна, какую вы сегодня прическу желаете? – над ней наклонилась молоденькая мастерица в розовом форменном платье. Саша талантлива от природы. Ручки что надо. Волосы после стрижки можно не укладывать. Марина всегда приходила к ней. А как замечательно она выщипывала лишние волоски бровей ниткой, не так больно, как пинцетом.

- Выпрями и оставь распущенными.

Девушка кивнула и включила фен. Мелькали в зеркале ее быстрые руки, ловко накручивая на круглую щетку пряди волос.

Мысли Марины вновь вернулись к сцене. Она мечтала стать знаменитой, но в мире шоу-бизнеса нужны деньги. Огромные деньги, которых не было, хотя Марину никак нельзя назвать бедной. Отец купил ей квартиру в Кунцево в

современном доме на двадцать четвертом этаже. Сделал дизайнерский ремонт. К восемнадцати годам она получила на день рождения ключи от квартиры. На новый год – ключи от новой машины.

Отец бы и сейчас помогал ей, если бы в ту несчастную осень придурок на грузовике не врезался в родительскую Ауди.

Засмотревшись в сторону, мастерица слегка дернула прядь волос.

- Ты что делаешь?! Увольнения хочешь, а? – тут же набросилась на нее Марина. – Саша залепетала извинения, подогнув, словно в поклоне, коленки. Ее подруга с соседнего кресла смотрела с сочувствием. Марина презрительно поджала губы. Надо держат в кулаке этих лимитчиц. Не надо в Москву приезжать на заработки. Столица слабых не любит, а в ее салоне они хорошо зарабатывают, если услужливы и ласковы с богатыми клиентками.

Придирчиво оглядев прическу, Марина направилась в маникюрный зал и, выбрав жертву, уселась перед ней, вытянув руки.

- Что будем делать, Марина Алексеевна? – спросила девушка, глядя на безупречные ногти ярко-алого цвета без единого скола.

- Французский маникюр, - бросила сквозь зубы Марина.

Девушка принялась снимать яркий лак. Марина не сводила глаз с работницы, выискивая к чему придраться. Конечно, сегодня не было никакого смысла делать новый маникюр, ну уж больно ее успокаивало это занятие. И не дай бог, эта матрешка сделает ей больно. Но девушка была аккуратна, и Маринины мысли вернулись к тому, как заполучить особняк.

Она нервничала из-за того, что ее знакомые, которых она наняла, отказались повторить свою попытку. Уроды. Не могли вдвоем справиться с каким-то пацаном. И откуда он там взялся?! А ведь так хорошо все складывалось. Не так уж часто эта сука поздно возвращается. А теперь надо момент выждать и новых искать. Несмотря на то, что Марине хорошо думалось в салоне, сегодня в голову не приходило ни одной нужной мысли. Если бы только соперницу можно было убрать, но это ничего бы не изменило, поскольку коттедж унаследовала бы ее мать. Можно было бы потом подкатить к ней и под видом ухода оформить ренту, чтобы помочь ей отправиться на тот свет, но повесить на себя два убийства слишком опасно. Остается единственное: продолжать угрозы, надеясь, что когда-нибудь соперница испугается и откажется от незаконного наследства. Какой все-таки придурок ее голубенький братец, что доверился этой суке.

- Все готово, Марина Алексеевна.

Марина придирчиво рассматривала свой безупречный маникюр, жалея, что не к чему придраться. Наконец, встала, не удостоив девушку взглядом, и направилась к выходу. Она знала, что за ее спиной, мастерицы переглядываются и скрипят зубами от бессильной ярости. Ничего. Плоха та начальница, вслед которой не слышится «стерва». Может, поэтому ее салон и пользуется популярностью: здесь никто халтурит.

Марина подошла к трехгодичному белому Лексусу. Выжала педаль почти до пола и вылетела со двора, едва не задев поворачивающую машину. Лишь быстрая реакция водителя уберегла от аварии. Марина усмехнулась, глядя на потрепанную Нексию. Имея такую мыльницу, нужно учиться уступать дорогу. Хотя ей, конечно, тоже не мешало бы машину поменять. Но это все потом. После того, как она вернет свое. Марина ткнула несколько кнопок радио, но ни одна музыка не принесла удовлетворения. Тогда она взяла в руки телефон и нажала на знакомую иконку. После первого сигнала раздался хрипловатый мужской голос.

- Привет, любимая.

Марина усмехнулась. Все-таки мужики идиоты. Один раз высказала пожелание, теперь он каждый раз твердит одно и то же. Она не стала тратить время на приветствия.

- Я хочу, чтобы ты оттрахал меня как следует. – Марина сделала паузу. – Сейчас.

- Но я... на работе.

- Я буду у тебя через полчаса. Опоздаешь, больше меня не увидишь, – она швырнула трубку.

Вот недоносок. Работает он, видите ли. Три орешка получает за свой труд. Единственное, что есть, то, что между ног болтается.

Секс был еще одной одним занятием, которое помогало бороться с депрессией. Перед глазами замелькали картинки их сексуальных игр. Марина почувствовала, как возбуждение охватывает ее цепкими пальцами. Мало кто из ее партнеров мог вынести ее темперамент, а Гошка ничего, справлялся и не жаловался. Его ласковые руки и огромный член всегда были к ее услугам. Любовник исполнял все прихоти и капризы, а некоторые даже предугадывал. Марина улыбнулась и, посмотрев на часы, снова набрала его номер.

- Ты где?

- Уже близко и хочу тебя.

- Надеюсь, твой дружок окажется на высоте.

- Он всегда желает тебя, любимая.

Глава 12

Утром Кристина проснулась в плохом настроении. Заливающее спальню солнце казалось насмешливым и оскорбительным. Кристина долго валялась в постели. Ни бегать, ни плавать, а уж тем более делать упражнения на тренажерах не хотелось. Она чувствовала себя разбитой и несчастной. Дел по работе не намечалось, что тоже было плохо. Когда приходила депрессия, Кристина знала: ей лучше носиться в делах, в разговорах и разъездах, забывая о себе. Но сегодня ехать некуда. Еще вчера телефон подозрительно молчал, грозя неминуемым августовским кризисом, когда все клиенты разъезжались по курортам и дачам.

Устав валяться, девушка вышла на балкон, сощуриваясь от солнца. Денек обещал быть жарким. Немного постояв в нерешительности, поругивая себя за лень, она спустилась вниз, чтобы сделать кофе и бутерброд. Взяв поднос, отправилась в сад. Заливались радостно птицы, с озера доносились возбужденные детские голоса. Стукнула и отскочила от стола шишка. Кристина посмотрела вверх на голубое небо и от его особенной яркой нежности с чистейшим единственным облачком, почувствовала, как защипало в носу от слез. Бросив недоеденный бутерброд, Кристина побрела по саду к засохшей сосне. Обняла ее шершавый, уже неживой ствол, чувствуя, как побежали по щекам горячие слезы. Сегодня она была совершенно одна: маму еще вчера отвезла на очередное обследование, и теперь могла плакать сколько угодно. И от этой ненужности такой милый день казался невыносимым. Уж лучше бы дождь, на который можно было бы спихнуть свое плохое настроение, сравнять слезы на щеках с каплями дождя на стекле. Эх! Да что ж с ней такое?! Витька? Нет его. Она вчера решила придумать игру, в которой бы его не существовало. Ее жизнь без него. Ведь было же так когда-то.

Кристина похлопала ладошкой сосну и побрела к столу. Недоеденный бутерброд, недопитое кофе. И тоска. Она почти с радостью услышала мелодию мобильного. Как хорошо-то. Да, она здесь. Готова показать любую квартиру. Даже самому противному из клиентов. Только выдерните меня отсюда.

- Не вешай трубку, ладно? – Витькин голос показался до ужаса родным.
- Что ты хочешь?
- Тебя, конечно.
- Ничего не будет. Ты разве не понял?
- Почему ты сегодня не бегала?
- Нет настроения. Тебе, который весел, как птица, этого не понять. И, вообще, бегай с женой. Ей не мешает немного физкультуры.

Кристина чувствовала, что ведет себя глупо, но желание уже отдавалось в теле, заставляя сжиматься сердце. Она чувствовала, как стало теплее. Черт. А она, чувствуя себя такой слабенькой, даже не могла бросить трубку. Она вдруг почувствовала, что плачет и на какое-то время выпала из реальности и даже не заметила, как Витька перемахнул через забор. Он бросился к Кристине и обнял ее. Их губы сомкнулись, его наглый язык начал обшаривать ее рот, увлекая в полет, где не было никого кроме них двоих. Почему-то ей казалось, что самое лучшее, когда он облизывал бочок языка. Надо оттолкнуть, но Кристина размякла в его объятиях, понимая, что сопротивлению бывает конец.

Конец настал, когда Витька подхватил ее на руки и понес к дому. Отвечая на его поцелуй, Кристина успела подумать, что раз мамы нет, можно и расслабиться. Задохнувшись, Витька поставил ее на пол, мягко глядя все тело, залезая в самые потайные места, которые желали быть поглаженными. Она отдавалась ощущениям, позволяя своим, жившим собственной жизнью рукам, делать то, что делать было категорически запрещено. Но именно это заводило.

Застонав, Кристина потянула его в спальню. Витька был нетерпеливым и медленным, ласковым и грубым, именно таким, каким требовала ее страстная натура. Его тело на миг предвосхищало ее желание, затормаживая его на мгновение, чтобы усилить ощущения. Все было так сладко, нежно и по родному правильно: сливаясь, их тела вопрошали, почему им не позволяли это делать раньше. Ведь то, что так хорошо, никак не может быть неправильным. Он вошел в нее нежно, не до конца и, дразня, замер. Кристина тоже замерла, отдаваясь наслаждению, отсрочивая момент его более глубокого проникновения. Витька облизывал ее рот, не двигаясь. Она чувствовала, что сейчас умрет, если не продолжать и подалась вперед. Он тут же вошел глубоко, погладив все внутри, снова вышел и снова глубоко вошел, уже не оставляя ее, двигаясь быстрее и быстрее. Одновременный оргазм был настолько длинным и сладким, что Кристина подумала, что умирает. Он целовал ее мокрые щеки и слизывал слезы, шепча нежные слова.

Кристина, понимая, что проиграла, попыталась его сбросить с себя, но он только сильнее прижался к ее телу, уговаривая и целуя. Она почувствовала, как напряглась его плоть и вновь ощутила острое желание, словно еще ничего не было. Еще разок, уговаривала она себя, отдаваясь, запутываясь в клубке эмоций и чувств. За несколько часов они так и не лежали рядом, лишь меняясь местами. То он сверху, то она. В реальность их вернули одновременно два звонивших телефона. Витька встряхнулся и, вытащив из джинсов свой самсунг, подал нокию Кристине. Голос, донесшийся из трубки, грубо столкнул с ее вершин наслаждения.

- Квартира на Пражской продается?

- Да. Нет. – Она выдохнула, чувствуя, что хочет разбить телефон. – Попозже. Перезвоните. – Она нажала отбой и одновременно кнопочку справа, выключая телефон, желая снова прижаться к Витьке. Но он, совершенно не обращая внимания, продолжал разговаривать. Кристина села на кровать, обняв себя руками, стараясь не слушать его взволнованный голос. Вдруг он встал и начал собирать одежду. Кристина подняла голову, глядя на него с удивлением. Бросив мобильный, он подошел к ней и обнял.

- Крис, я не знаю, как сказать. Мелкая камешек себе в нос засунула. Надо срочно в больницу везти.

Витька натянул клетчатую рубашку. Посмотрел с сожалением.

- Извини, что ухожу. Все не так, как надо. Я так долго ждал. Но они без меня не справятся.

Все еще голая Кристина подошла к нему и прижалась всем телом, ощущая кожей грубую ткань джинсов и рубашки. Он на мгновение зарылся в ее волосы, коснулся губами губ и ушел.

Кристина опустилась на смятую постель и оперлась руками в колени. Не может быть, чтобы все было так плохо. Ее бросили в самый момент после того, как ей казалось, что не только их тела, но даже души обнимались. И надо же было этой дурешке себе что-то в нос засунуть. Так все было глупо и неправильно, что Кристина заплакала, досадуя на себя и свою слабость.

Чувствовала она себя еще хуже, чем прежде: раньше существовало преимущество: она ему не давала и считала, что для него это будет наивысшим счастьем, если она вдруг позволит, а на деле оказалось, что эпизод с дочерью оказался важнее, чем быть с ней.

Весь день Кристина слонялась по дому, прислушиваясь к телефону. Думала, когда все выяснится, Витька вернется, но он не появился ни в этот день, ни на следующий. Этого времени Кристине хватило, чтобы полностью измучить себя бесполезными доводами, что Витьку, как и любого женатого мужчину, надо срочно забыть.

Во время прогулки, она нашла тропинку для бега в лесу, чтобы ее не видели. В понедельник, окончательно измучившись от одиночества и непонятного молчания Витьки, Кристина поехала за Иларией. А уже во вторник снова начались звонки, за одну из квартир внесли аванс, и Кристине пришлось носиться, собирая документы и подыскивая альтернативы для собственников. Только вечером, услышав знакомую песню «Что я буду делать без тебя», Кристина почувствовала себя в конце несчастной. Где же ты, Витька, черт бы тебя побрал?

Она наткнулась на Витьку, когда вспотевшая от быстрого бега по лесу, подходила к калитке. Он подошел близко-близко и быстро поцеловал в разгоряченную щеку.

- Хочу тебя прямо сейчас.

Кристине захотелось его ударить. Больно-больно по щеке, а потом тут же обнять, потому что тело уже начало нашептывать свой компрометирующий мотивчик. Она выдохнула и отступила на шаг.

- Слушай, а не пошел бы ты... – Она запнулась, глядя в такие родные зеленые глаза. Губы, помня предыдущую ласку, не желали говорить ничего обидного. – К жене и деткам.

Витька улыбнулся, слегка кивнул и от этого стал больше обычного похож на кота, объевшегося сметаны.

- Так ты обиделась? Я и подумать не мог.

Надо уйти. Но она все еще стояла у калитки, остро ощущая, как глупо выглядит в промокшей на груди майке с прилипшими ко лбу волосами. Она не думала об этом, когда они бегали вместе, но сейчас, в летней светлой рубашке и льняном пиджаке, Витька выглядел удивительно свежим и ухоженным. Откуда он взялся, с работы что ли?

- Знаешь, я не из тех, кто обижается. Я галочки ставлю. А когда их набирается слишком много, вычеркиваю человека из жизни, - ответила Кристина.

- Понятно. Ты же крутая девчонка.

Витька, оглянувшись и убедившись, что поблизости никого, схватил ее в объятия и поцеловал в губы.

Она все-таки смогла вырваться и что-то хотела сказать, но он заговорил первым.

- Понимаешь, теща приехала, надо было ее в Москву свозить, а потом...

- Я не хочу этого слышать, - перебила она, берясь за ручку калитки.

- Крис, подожди. – Она обернулась. Он улыбался. Мерзкой кошачьей улыбкой, которую она так любила. – Неужели ты ревнуешь?

Она снова взялась за ручку калитки и приоткрыла ее. Повернула голову.

- Даже не приближайся ко мне.

Кристина задвинула щеколду и пошла к дому. Внезапно подняла голову и увидела Иларию на балконе. Внутри нее все похолодело. Неужели мама видела, как они целовались? Только этого не хватало. За завтраком, пока Кристина запихивала в себя овсянку, не чувствуя вкуса, они мало разговаривали. И только за кофе Илария, опершись на спинку стула, задумчиво посмотрела на дочь.

- Мне бы хотелось поговорить с тобой. Если ты, конечно, не спешишь на работу.

Видела, подумала Кристина и почувствовала, как предательски теплеют, наливаясь краской щеки. Может, сказать, что у нее куча дел и сбежать? Но это лишь отсрочка. Она подняла глаза на маму, с болью замечая ее похудевшее лицо с высокими скулами.

- Давай поговорим. Просмотр после обеда.

- Я хочу рассказать тебе об отце, - медленно начала Илария.

- Об отце? – глаза Кристины метнулись к матери, лицо разгладилось от облегчения. – Илария печально улыбнулась и сжала руку дочери. Слегка кивнула на ее немой вопрос, что это все имеет отношение к тому, что сейчас происходит. Девушка перевела взгляд на сосну-Иудушку. Без Витьки она, словно эта сосна, мертвая внутри. Только его поцелуи очищают ее грязное тело, только его рукам дано стереть чужие прикосновения.

Илария смотрела перед собой, погружаясь в тот день, когда собираясь отдать пиджак в чистку, она нашла в кармане письмо. Письмо с обратным адресом, который до сих пор хранит упрямая память. Город Москва, улица Филевская, дом двадцать, квартира восемь. Написанное к ее мужу мелким женским почерком оно содержало пикантные подробности и намекало на скорую встречу. А еще в нем рассказывалось о дочери, с которой не было сладу. Дочери, которая, взрослея, все больше и больше своим буйным характером, напоминала отца. А дальше шли описания приключений девочки. Имя ее почему-то не упоминалось. Называла ее мать «наша бандитка»

Илария впервые почувствовала, как зашло в груди сердце. Вздохнуть не могла. Четырнадцать лет безупречной семейной жизни. Знакомые завидовали, как любящий муж в прямом и переносном смысле сдувал с нее пылинки. Из столичных командировок привозил подарки. Цветы на праздники и просто так. Романтический ужин при свечах с последующим продолжением. Для нее не было человека роднее и ближе. Она за все эти годы не то, что ни на кого не посмотрела, а обижалась, когда кто-то осмеливался за ней ухаживать. Она замужем! У нее семья и дочка. Да ей никто не нужен, кроме мужа. Илария отбросила письмо и скорчилась на диване. Заплакать бы, а слезы не шли. Душила обида. Да как он мог с ней так поступить?! И ведь это не обычная интрижка, а вторая семья. Вот он вернется из командировки, она ему покажет. Подаст на развод и дело с концом. Она не сможет больше жить с предателем. Пусть катится в Москву и воспитывает свою бандитку. Они с Кристиной и вдвоем проживут.

Слезы пришли, когда после долгих поисков, она взломала ящик его письменного стола, где якобы – это он так говорил – хранились секретные

документы. Там было еще два письма. Нежных, ласковых и до боли интимных. В них упоминалось о его неумном темпераменте и страстных ласках и о том, как тяжело после него спать с мужем. Выяснив, что у соперницы был муж, Илария почувствовала себя лучше. Оказывается, не ее одну обманывали. Но тут же снова пронзила боль. Как можно быть таким двуличным?! Жить на два города, спать с двумя женщинами. И не какая-нибудь интрижка на работе, а роман, который длился годами.

Илария ни о чем не подозревала. А говорят, женщины это всегда чувствуют по охлаждению. Илария не смогла ничего в упрек поставить. Желал муж ее регулярно. Никаких перерывов не было. Ей бы даже можно было и поменьше секса. Но ведь она никогда не отказывала. Тут вспомнились слова соперницы о темпераменте. Значит, везде успевал. Хотя, что говорить, в Москву-то он ездил не чаще чем раз в два месяца. Хотя, может, и третья любовница живет где-нибудь рядом?

Всю ночь Илария придумывала слова, которые бросит ему с порога. Даже вещи начала собирать. Он придет, а у двери чемодан. Через пару дней поостыла. А как жить-то без него, любимого и родного? Может потребовать, чтобы он московскую любовницу бросил и простить? Она-то ведь никого уже больше не полюбит, никому не сможет доверять. Так прошла неделя. Илария день решала так, другой наоборот, а потом произошли эти события. Илария никогда бы не уехала без него. Осталась бы ждать его в родном городе и Кристинку погубила. А вон оказалось, как судьба все хитро устроила: хранила тайну долгие годы и выдала, когда пора настала. Так и не представилось возможности в лицо ему обидные слова бросить. Ушел он из жизни, уверенный, что жена ничего не знает. Ну, может так и лучше. Эта обида дала силы и под Петровича лечь, чтобы жизни их спасти. Тогда все как-то перестало иметь значение. Она, конечно, никогда бы не рассказала Кристинке, но сегодня, когда увидела, как дочка целуется с соседом, решила, что расскажет правду. Мораль при ее характере читать бесполезно, а вот на своем примере-то лучше. Пусть знает, как гаденько это быть преданной. Чувствуешь себя червячком.

Кристина не могла поднять глаза на мать. Только сжала ей руку. Мама бедная. Сколько же тебе пришлось перенести. Да еще эта болезнь проклятая. Глядя, как переплетаются ветки сосен в голубом небе, Кристина удивилась, когда услышала свой голос. Слова слетали с губ, не доходя до сознания, от боли, желания поделиться. Она устала носить в себе измучившее ее чувство. Эту сексуальную любовочку, липкую паутинку страсти.

- Я знаю, почему ты мне это рассказала. Ты видела меня с Витькой. Я не знаю, что со мной творится, когда его вижу. — Она свела брови вместе, мотнула головой, словно отказываясь от своих слов.

- Ты вся в отца, доченька. Он такой был горячий мужчина. Вот ему меня одной и не хватало. – Сейчас Илария перестала осуждать мужа. Даже получилось простить. Нехорошо он поступал, не по-христиански, желая чужую жену. Но ведь не судите и не судимы будьте.
- Так, значит, у меня есть сестра?

Илария кивнула.

- Может, когда и встретитесь. Вам-то что до взрослых дел. Она ни в чем не виновата. Даже имени ее не знаю. Бандитка и бандитка во всех письмах. А ведь, кроме меня у тебя и нет никого. А мне, – Илария подняла глаза вверх – не знаю, сколько Бог отпустит.

- Прекрати, – Кристина прижала ее руку к губам. – Слова материальны. Ты будешь жить до тех пор, пока врачи не придумают лекарство, как победить болезнь.

Илария улыбнулась, тряхнула головой, отгоняя мысли о предательстве.

- А ты знаешь, Кристинка, уже придумали. Альтернативное лечение. Иголками.

Глаза у Кристины загорелись.

- Здорово. Так надо попробовать.

- Тяжело это, детка. Целый день на иголках. Ночью тоже. И на голове иголки. Еще много всяких упражнений. И диета. Но в интернете пишут, что многие выздоровели. Там есть какая-то девушка, которая теперь здорова. Но у нее был парень, который во все это верил. Они верили даже после того, как наступило ухудшение, после того, как от больной отказались врачи и родители.

- Я тоже буду верить в тебя.

- Знаю, милая. Надо обдумать все, взвесить. Болезнь не дается человеку просто так. Значит, я ее заслужила. И если Бог решил, что мне нужно через это пройти, я должна это выдержать.

Кристина нахмурилась. Лицо ее стало серьезным, на лбу залегли две складочки. Как она не любила все эти разговоры о религии. О Боге. Если Бог есть, зачем он допустил то, что произошло с ними? Те, кто это сделали, живут припевающе, а им, двоим, до сих пор приходится бороться за жизнь. Она повернулась к матери и поцеловала ее в щеку.

- Забыла, мне нужно позвонить.

Илария задержала ее руку.

- Подожди минутку.

- Да?

- Ты обещаешь мне подумать о ваших отношениях с Витей? - Кристина вздохнула. Мама хочет, чтобы она дала слово не встречаться с ним. Принести еще одну жертву? Если бы кто-нибудь сделал так, чтобы она

забыла его. Руки, губы, поцелуй. - Я подумала, может тебе лучше уехать на время? Доделаешь свою сделку, получишь деньги и поезжай.

- Как я тебя оставлю?

- Мне предлагают лечь в больницу. А ты можешь съездить отдохнуть на море. Или в Европу. В Париж, например.

Кристина вспомнила о врагине. Она никогда не оставит маму одну. Нет, мамочка, сначала я должна кое-кого убить. И пусть твой Бог попробует меня наказать. Я не верю в Бога и уже почти склоняюсь, чтобы поверить в себя.

- Не думаю, что хорошая идея уезжать, когда такая погода. – Кристина вдохнула остро пахнувший сосновый воздух и вдруг почувствовала, что у нее улучшилось настроение. – Давай мы вместе подумаем. Ты над тем, чтобы начать лечение иглами, а я над тем, чтобы оставить соседа жене. – Она широко улыбнулась, чувствуя, как загоняет себя в угол. Если мама согласится, ей придется держать слово. Зато придется обуздать свои инстинкты и вспомнить о позабытой гордости. Пусть Витька возится с мелкой и крупной и даже заделает на мельчащую со своей женушкой-коровкой.

Илария прищурила серые глаза и внимательно посмотрела на дочь.

- Детка, тебе никто не говорил, что ты провокатор?

- Работа у меня такая, мам. Иначе денег не будет. В любом случае тебе решать. А ты пока мне кинь ссылку на почту, чтобы я ознакомилась с этим новым лечением. Да, совсем забыла. Какой там адрес у моей сводной сестрички?

- Зачем тебе?

- На всякий случай. Буду мимо проезжать, загляну.

- Филевская двадцать, квартира восемь.

Кристина, расправив плечи, удалилась с подносом. Глядя вслед, Илария любовалась ее прямой спиной и гордо посаженной головкой. Красивая девочка. Дай Бог ей счастья. Вот только бы оставил ее сосед в покое. Илария сложила руки и, подняв глаза к небу, начала молиться за дочь.

Глава 13

Помыв посуду, Кристина включила ноутбук. Перечитала последнюю главу. Книжки всегда были ее единственными друзьями. Но «Мастера и Маргариту» она любила больше других за первую главу, подсказавшую путь к освобождению. Подсолнечное масло стало ее союзником. Некоторое время

Кристина смотрела в окно, вспоминая, а потом пальцы быстро забегали по клавиатуре.

Звонок Петровича раздался в тот момент, когда я дочитывала последнюю главу «Мастера».

- Сладкая моя, через полчаса буду. Удиви меня чем-нибудь. У нас с тобой давненько ничего не было.

Язык у него заплетался.

Сердце затрепетало в груди, подобно попавшей в сачок бабочке. Петрович действительно уже месяц не прикасался ко мне. Влюбленная в Артема я всячески пыталась не думать о том, что настанет момент, когда мне придется приступить к своим обязанностям. Возможно, если бы не случилось перерыва, за время которого я привыкла к другим рукам и губам и поняла, что значит любить, а не служить игрушкой в руках потрепанного мужика, я бы как-нибудь приспособилась. Но судьба дала мне слишком много времени, чтобы осознать: я больше не хочу жить, как раньше. После ласковых рук юноши я не могу позволить, чтобы меня тискал извращенец.

Я вскочила с дивана и надела отвратительный, купленный Петровичем, костюм кошки, который особенно ненавидела за возбуждение, которое испытывал мой мучитель. Но сегодня, посмотрев на себя в зеркало, я себе понравилась. Именно эта маска подходила для моего плана. Гибкая и хищная, сегодня я казалась себе не кошкой, а пантерой. Я отправилась в гостиную и быстренько сервировала стол. Достала бутылку вина и бокалы из бара. Зажгла свечи. Так я не делала никогда. Надеюсь, это его удивит, и он выпьет со мной вина, от которого его еще больше развезет.

Подошла к аквариуму. Заметив меня, моя любимая золотая рыбка подплыла к стеклу.

- Исполни мое желание. Я должна освободиться.

Если бы это было возможно, я взяла бы ее в руки, но я только провела пальцем по стеклу, словно хотела приласкать. Рыбка прилепилась к стеклу с другой стороны и повисла, открывая свой маленький ротик, словно уверяя, что все свершится, как я задумала. Я поднялась и пошла на кухню. Вынула из холодильника пластиковую бутылку с подсолнечным маслом. Вернулась в комнату. Налила небольшую лужицу на том месте, где мы заключили договор с рыбкой.

Когда я открыла дверь, Петрович еле держался на ногах. Увидев меня, он пьяно хихикнул и ущипнул за щеку. Мне хотелось залепить ему пощечину, но я выдавила из себя улыбку и, покачивая бедрами, направилась в гостиную. Оглянувшись, увидела, как держась за стену, он пытается справиться со шнурками.

Я выпила с ним бокал вина. Для храбрости. Петрович, развалившись на стуле, что-то рассказывал. Смысл до меня не доходил, я лишь кивала и смотрела на подсвеченный аквариум. Каждый раз, когда видела золотую рыбку, мне становилось спокойнее. Рыбка поможет, она обещала. Наконец, Петрович сказал свое обычное: "Ну-ка пройдишь". Я встала и, походив по комнате, спряталась за аквариум, стоящий посередине гостиной. Петрович позвал меня. Я призывно засмеялась.

- Хочешь поиграть, детка? – Петрович шумно поднялся.

Я направилась к нему, но когда он уже хотел схватить меня, увернулась. Ловушка находилась с противоположной стороны, и я увлекла его туда. Он пьяно хихикнул. Пробормотал: «Сейчас поймаю». Перепрыгнув лужицу, я остановилась. Петрович поскользнулся, потерял равновесие, и в этот момент я толкнула его на аквариум. Все произошло слишком быстро. На пол хлынула вода, а он повис на острых краях разбившегося под его весом стекла. Раздался дикий вопль, потом все стихло. Моя золотая рыбка валялась на полу. Я взяла ее в руки и, прошептав «спасибо», побежала на кухню. Достала пустую банку и, налив воды, опустила туда рыбку. Возвращаться в комнату было страшно, но я все же пересилила себя.

Мой мучитель висел, словно шашлык, на острых краях аквариума и не двигался. В луже на полу бились другие пестрые рыбки, которых я не хотела спасать. Это были его рыбы, и они должны были умереть вместе с ним. Я подбежала к телефону и вызвала скорую. Голос мой прерывался и дрожал от страха. Но где-то в глубине сознания забилась мысль, что я спасена. Петрович больше никогда не прикоснется ко мне. Мы с мамой будем жить в этой квартире. Я заработала это право двумя годами унижения. Мой взгляд упал на стол, где все еще стояло недопитое вино и два бокала. Свой бокал я тщательно вымыла на кухне. Снова вернулась и посмотрела вниз. Лужица масла исчезла под слоем воды. Я ушла в комнату и забилась в угол диванчика, шепча про себя придуманную версию.

«Я делала уроки. Услышала шум. Вышла и увидела. Сразу вызвала скорую»

Не в силах сидеть, снова вскочила и увидела в зеркале, что я все еще в кошачьем костюме. Меня прошиб пот. Что было бы, если бы меня увидели в таком виде? Я вытащила из шкафа джинсы и футболку. Руки и ноги так дрожали, что я с трудом оделась. Разбросала на столе учебники, открыла тетрадь по физике.

Звонок в дверь.

Мне задавали слишком много вопросов, а я слишком волновалась, чтобы не попасть впросак. Меня так трясло, что девушка в белом халате хотела

сделать мне укол. Я не далась. Сказала, что у меня аллергия на лекарства. На самом деле боялась, что сболтну лишнее. Вызвали нашу соседку. Приятную старушку лет семидесяти. Она-то и настояла, чтобы увести меня к себе. Я сидела на кухне и пила слишком сладкий чай. А еще она настаивала, чтобы я съела конфетку. Прямо передо мной стояла с конфетами «Мишки в лесу». А у меня во рту привкус крови. В этот день я узнала, как пахнет кровь, когда ее много. Сладко и приторно. После чая меня вырвало.

Мое первое убийство прокатило, как несчастный случай в состоянии алкогольного опьянения. Наказания не последовало. Хотя нет, я не права. Я сама наказала себя. Лишив жизни другого человека, я потеряла свою любовь. Мое волшебное чувство исчезло так же внезапно, как и появилось. Ласковые руки Артема больше не могли очистить меня. Я перешла в другую весовую категорию. Теперь, когда он касался меня, передо мной появлялся образ повисшего на осколках Петровича. Я подстроила этот несчастный случай, мечтая спасти тело, но погубила что-то более ценное. Наверно, это называется душой. И это уже не могли очистить никакие объятия. Мы расстались с Артемом так же естественно, как и встретились.

Глава 14

Кристина потянулась и встала. Прислушалась к себе. Что сейчас она чувствовала к своему прошлому? Пожалуй, уже ничего. Человек не может жить, не оправдав себя. У нее получилось. Всегда было на кого свалить вину. На тех, кто заставил их бежать. На тех наверху, до кого ей никогда не добраться. На тех, кто никогда не понимал, что чувствуешь, когда у тебя отнимают дом, а местечко, высокопарно называющееся родиной, превращается в окровавленные воспоминания, с которыми не знаешь что делать. Хранить больно, а забыть, значит, предать себя. Так что, ее в некотором роде можно считать народной мстительницей. Петрович всего лишь жертва, подленький человечек, до которого смогла дотянуться шестнадцатилетняя девчонка. Кристина усмехнулась. Да, какая она девчонка? Память о той, какой она была, осталась в том израненном прошлом и старенькой пятиэтажке. А женщиной она стала здесь, в тот момент, когда услышала первый мамин стон из спальни Петровича. Кристина чувствовала ее боль так остро, словно она не лежала в соседней комнате на мягком диване, а уже была под его потным и тяжелым телом.

Жаль только, что месть не привела к обладанию квартирой. Если бы тогда, Кристина знала столько, сколько сейчас, поработав риэлтором, не наделала

бы глупостей. Квартира оказалась приватизирована на Петровича. А раз он умер, значит, кто-то должен вступить в наследство. Родителей не было в живых, оставались дети. И кто бы мог подумать, что у Петровича обнаружится сын?! Он о нем никогда не упоминал. О существовании сына мама узнала на похоронах от родственников. И рассказала ей. Сама Кристина на похоронах и поминках не была. Мама категорически отказалась взять ее с собой, да она и не спорила. Хотя посмотреть на Петровича в гробу хотелось. Может, тогда стерлась бы из памяти картинка с аквариумом.

Кристина так ушла в воспоминания, что не сразу услышала мелодию из «Крестного отца», которую выбрала для рингтона своего нового мобильного. Нокия Люмия красовалась на всех рекламках. Кристина считала, что у красивой женщины должны быть красивые и дорогие вещи. К тому же клиенты всегда оценивают агентов по продаже их недвижимости, исходя из того, что если хорошо зарабатываешь, значит, ты успешна и сможешь помочь.

- Привет, Ворона! – голос Корзины звучал слишком весело для ее настроения, и Кристина пожалела, что взяла трубку. Можно было перезвонить. Корзина никогда не обижалась, отдавая должное нелегкой работе риэлтора.

- Привет.

- Я звоню напомнить, о чем ты, конечно, забыла. Сегодня у папы день рождения. Мы тебя ждем.

Кристина потерла лоб. Вот черт, об этом она действительно забыла. А это был важный день для подруги, которая по иронии судьбы никогда не отмечала свое появление на свет, зато папин день отмечался чуть ли не всю неделю. На работе, дома, в компании нужных и ненужных людей, с друзьями. Даже Кристина была обязана, чтобы не обидеть подругу, отдать дань уважения ее талантливому отцу. Сегодня все это было совершенно некстати.

- Тогда тебя с именинником, - лениво откликнулась она. – Я замоталась, но обязательно буду. – Она с сожалением посмотрела на ноутбук. Чем сидеть в компании незнакомых гостей, лучше было бы уйти в прошлый мир и выплеснуть поднявшиеся эмоции.

- Спасибо, - в голосе Корзины появились просящие нотки. – Так уж получилось, что папа сегодня на репетиции, а у нас гостей полный дом, еще и родственники приехали. Надо бы в магазин съездить. Ты можешь помочь? А то мы все безлошадные. А список продуктов на три листа.

- Попробую, - Кристина быстро посмотрела на часы, прикидывая, кто мог бы ее заменить на дежурстве и, чертыхаясь про себя, что ей придется еще и толкаться по магазинам и помогать готовить. Похоже, что сегодня и ей

придется положить денечек из своей жизни под ноги дирижеру оркестра народных инструментов. Уж мог бы и ресторан заказать, а не заставлять домашних убиваться на кухне. Но дружба важнее всего. – Корзина, мне надо решить один вопрос, и я перезвоню.

- Ну если тебе некогда... Я как-нибудь справлюсь...

- Перестань, а? У тебя даже супермаркета рядом с домом нет. Я приеду через час, мы все купим и приготовим. Будет твоему папочке чудесный день рождения.

- Ну что бы я без тебя делала?! – в голосе Зины слышалась лишь благодарность. Никакой иронии она не заметила.

Организовать себе замену на дежурстве, Кристина смогла только после пятого звонка, что вызвало у нее знакомое раздражение. «Самые занятые что ли», - пробормотала она после очередного отказа, но, не сдаваясь, набрала еще один номер. Наконец, все было улажено, и она, наскоро собравшись, сбегала вниз по лестнице. Илария лежала в шезлонге между соснами. Услышав шаги, подняла глаза.

- Уже уходишь?

Кристина наклонилась и поцеловала маму в прохладную щеку.

- У Корзины папа родился. Надо продукты привезти.

Илария улыбнулась и взяла дочь за руку.

- Корзине привет. И не сердись, что я тебе наговорила.

Кристина присела на корточки и порывисто сказала.

- Мамуль, я не сержусь, но не встречаться с Витькой тоже не могу. Это выше меня, понимаешь? Я когда его вижу или даже о нем думаю, это уже не я. Знаешь такое чувство?

- Милая ты моя, - в глазах Иларии появилось сочувствие. Она провела рукой по распущенным волосам Кристины. – Но ведь на чужом горе счастья своего не построишь.

- А я и не буду ничего строить. Оно как-нибудь само пройдет. Ведь все проходит. А замуж за Сережку выйду.

- Но как же так можно? Любишь одного, а замуж за другого?

- Я не люблю Витьку, – Кристина нахмурилась, а потом улыбнулась, тряхнув головой, отгоняя грустные мысли.

Илария улыбнулась в ответ и легонько сжала ей руку.

- Постарайся поменьше с ним встречайся.

- Ага, - Кристина легко поднялась и быстро пошла по дорожке к воротам. Щелкнула сигнализацией: Кошка мяукнула в ответ. Кристина забралась на сидение, включила радио. Вырулила на проселочную дорогу.

Витька размашисто шагал по направлению к станции. Не остановиться она не могла. Опустила окошко с его стороны.

- Вас подвезти, молодой человек?

Витька легко запрыгнул на переднее сидение.

Она слегка повернула голову.

- В Москву?

Он кивнул.

- А что же пешком? Машинка сломалась?

- Да я, вообще-то, пить собрался.

Кристине так и захотелось спросить «с кем?» и напомнить, что у него семья, но вовремя опомнилась. Неужели она ревнует? Только этого не хватало. Одна мысль о том, что Витька напьется и будет обниматься с какой-нибудь бабой, причиняла жуткую боль. Да что же это такое творится?! Как только он сел к ней в машину, она почувствовала это предательское, совсем неженское желание, схватить его и разорвать рубашку.

- А ты куда, на работу?

- На день рождения.

- На машине?

- А я с ночевкой. – Кристина, бросив на него взгляд, заметила, как с его довольного лица сползла улыбка. Так тебе и надо.

Некоторое время они ехали молча. Кристина ловко входила в повороты, любовалась голубым небом и соснами. Неожиданно его рука легла на ее руку, переключающую передачу. От охватившей ее нежности забило сердце. Впереди загорелся светофор, она затормозила и повернулась голову. Он быстро отстегнул ремень и прижался к ее губам. Кристина закрыла глаза.

- Зеленый, - тихо проговорил Витька, отстраняясь.

- Что, зеленый? – спросила Кристина, не открывая глаз.

- Свет зеленый. Можно ехать.

Сзади в подтверждение его слов раздался пронзительный гудок стоящего сзади автомобиля. Витька озорно подмигнул:

- Правда, от наших поцелуев башню сносит?

Кристина резко нажала на газ, машина рванулась вперед. Витькина рука снова легла на ее правую руку. Стало тепло и хорошо. На этот раз Кристина ехала медленнее, чем обычно. Она никого не обгоняла и даже наловчилась переключать передачи левой рукой. И ей так хотелось, чтобы эта дорога никогда не кончалась. Вечно ехать рука в руке под тихое бормотание радио джаз и целоваться на светофорах. А иногда просто смотреть в зеленые Витькины глаза, четко осознавая, что пошленькое выражение «утонуть в глазах» имеет много шансов, чтобы быть правдой. Может, это даже лучше, чем секс, потому что в этом слове заложено слишком много греховной сути, которой нет в сплетенных пальцах. Уже подъезжая к Москве, Кристина поняла, что сопротивляться их отношениям бесполезно. Разъедающее

изнутри их обоих чувство все равно вырвется на свободу, заставив броситься друг к другу.

- Крис, а тебе обязательно оставаться там на ночь?

- А что ты хочешь? – она посмотрела на него, улыбаясь уголками губ.

- Хочу, чтобы ты меня забрала. Если ты не боишься пьяных мужчин, конечно.

Она повернулась к нему, еле заметно потянулась к губам. Он тут же ее поцеловал.

На самом деле Кристине не нравилось ночевать у Корзины. Правда, придется отказаться от выпивки, но для того, чтобы поехать обратно с Витькой это небольшая жертва. Они поедут поздно, будет темно. Что стоит припарковать машину в укромном местечке и сделать это на заднем сидении? Они ведь не смогут удержаться. Его рука сильнее сжала ее пальцы.

- Я знаю, о чем ты подумала. Боюсь, я буду слишком пьян. Так что ты в безопасности.

Он ее еще и дразнит.

- Я подумаю над твоим предло...

Договорить она не успела, Витька снова занялся ее ртом.

Сигнал стоящей сзади машины заставил вернуться в реальность.

- Кажется, эти светофоры очень быстро переключаются, - пробормотала она.

- Тебе просто нравится со мной целоваться. – Он сжал ее коленку. – Скажи, Крис, кто-нибудь из твоих мужиков целовал тебя так?

- Не считай себя героем-любовником, а?

- Вовсе нет. Просто с тобой, как ни с кем.

Кристина согласно кивнула. Это правда, от которой никуда не денешься. И у нее с ним, как ни с кем. Одно слово - половинки. И чем ближе, тем лучше. Чем крепче сжимаются руки, чем сильнее объятия, чем глубже он в нее входит – тем пронзительнее понимаешь, что они единое целое. Ей стало хорошо. Бессмысленными показались ее мучения и разговор с мамой. Случится то, что должно случиться. И об это пусть думают там, наверху, кто кинул их в объятия друг друга и тот, кто вложил в их тела столь неумные темпераменты.

Оставшись одна, Кристина еще долго не могла прийти в себя. То, что произошло в машине, было чуть ли не лучше всего того, что было раньше. К тому же оно еще оставляло надежду на обратную дорогу, от одной мысли о которой сладко сжималось сердце.

- Ворона, ты что, как зачарованная сегодня? – вывела ее из задумчивости Корзина. – Багажник-то открой.

- А да, конечно, – Кристина нажала на кнопку и помогла положить многочисленные пакеты из «Седьмого континета». – Ну что, домой готовить?

- Подожди! Сверюсь со списком. – Зина достала из сумки ручку и стала бормотать названия продуктов. Кристина вспоминала Витькины поцелуи. – Хорошо, что посмотрела. Еще надо на рынок. Фруктов купить.

- На рынок?! – рынки Кристина ненавидела всей душой из-за азеров и никогда не посещала.

– Папа признает фрукты только с рынка.

Кристина скорчила гримаску.

- Ладно, попробую держать себя в руках.

- А что такое-то? Купим черешни, клубники и домой.

- Да нет, ничего.

Последний ее поход на рынок был с Сергеем. Он на свою беду решил угостить ее персиками. Дело закончилось тем, что Кристине не понравилось, как вел себя наглый азербайджанец, и она ему нагрубила. Тот ответил. В итоге, она сама не поняла, как произошло, что она опрокинула лоток с черешней и запустила в продавца помидором, крича при этом, чтобы они убирались к себе. Вокруг них начали собираться люди, кто-то грозился вызвать милицию, а Кристина, вцепившись в кобуру у Сергея на поясе требовала, чтобы он отдал ей пистолет.

- Я перестреляю их всех, как собак! Пусть проваливаются!

С большим трудом Сергей утащил ее с рынка и запихнул в машину.

- Слушай, я не знал, что ты такая сумасшедшая. Да еще отчаянная. - Кристине вдруг стало стыдно. Вела себя, как полная дура. Сергей внимательно посмотрел на нее. – Я так понимаю, что объяснений не будет.

Кристина выдавила из себя улыбку.

- Что взять с пьяной женщины? Я просто их ненавижу!

- Да я тоже, но... – Сергей включил зажигание и начал выруливать на дорогу. Влившись в поток автомобилей, положил Кристине руку на колено. – Теперь фрукты будем покупать только в супермаркете, да?

Она благодарно кивнула. Больше к этому вопросу не возвращались. Кристина никогда не рассказывала ему о прошлом. Впрочем, Сергей и не спрашивал. Об этом знала лишь Корзина.

На этот раз Кристина дала слово держать себя в руках. Слушая со всех сторон, как доносятся призывные голоса продавцов, как светятся карие глаза азеров, уже считающих себя хозяевами столицы, она вновь почувствовала знакомую дрожь. Ну, трясло ее от них, только от этого одного характерного «дэвушка, красавица». Корзина, как ни в чем не бывало, остановилась возле одной палатки и указала на черешню. Продавец, быстро схватив черный пакет. Опытным взглядом Кристина заметила, как он насыпал гнилую черешню из другого ящика. Она подошла ближе.

- Можно мне взглянуть?

- Да ты что, девушка! Самый лучший ягода для таких красавиц. Сладкий вкусный ягода.

- Пакет дай! – Смущенный ее прямым взглядом, он протянул ей кулек с черешней. Кристина быстро высыпала ягоды на стол. – Это что такое, а? Ты эту гниль себе засунь, знаешь, куда?

Продавец схватил ее за руку.

- Ты откуда взялась такая? А ну плати деньги и проваливай. Товар помялся.

Испуганная Корзина потянулась к сумке за кошельком.

Кристина резко вырвала руку, случайно задев при этом ящик с помидорами. Насыпанные горкой они легко разлетелись под ноги идущим покупателям.

Продавец что-то завопил на своем языке, потом приблизил потное лицо к Кристине, но она опередила его.

- Вот только тронь меня, и ты больше никогда не будешь торговать на этом рынке. Ты даже не представляешь, кто за мной стоит.

Выругавшись, продавец принялся поднимать помидоры. Кристина, пнув один из них ногой на дорогу, потянула подругу за руку.

- Пошли отсюда.

- Но мы же фруктов не купили. Папа любит черешню. – Корзина умоляюще посмотрела на Кристину.

- Послушай, если бы никто, слышишь, никто, и твой папа в том числе, не покупал фрукты у этих кретинов, им бы пришлось убраться к себе. А то они слишком прекрасно живут. Продают вам гнилье, обвешивая и обманывая, и покупают себе квартиры и машины. А вы это позволяете. В девяносто втором они нас оттуда выгнали.

Корзина взяла подругу под руку.

- Крис, я все понимаю, но это были другие люди и другое время. Тебе лучше забыть об этом.

- Забыть? – Кристина вырвала руку. – Как я могу забыть, что из-за таких, как они, я потеряла отца. Они даже хлеба нам в магазине не продали. Кричали, чтобы мы, русские свиньи, умирали с голоду. И мы действительно чуть не погибли и не замерзли.

Корзина молча обняла Кристину за талию. Некоторое время они шли, обнявшись. Фрукты купили в супермаркете. Суета перед днем рождения и кутерьма с гостями грустить Кристине не позволила. К тому же сладко грела мысль об обратной дороге с Витькой. Ей было хорошо даже со стаканом сока в руке, а самовлюбленный именинник в этот день впервые показался трогательным.

Витька позвонил раньше, чем она ожидала.

- Слушай, ты уже напраздновалась?

- А ты уже напился? Пора грузить? – в тон ему ответила Кристина.

- Полностью готов! – рассмеялся Витька.

Они договорились, где встретятся, и Кристина быстренько отправилась в ванную подкраситься и причесаться.

- Ты куда собралась? – в дверях стояла Корзина с грязной посудой на подносе. – Мы еще чай не пили.

Кристина сняла резинку, волосы рассыпались по спине, она повернулась бочком и, удовлетворенно улыбнувшись своему отражению, посмотрела на подругу.

- Милая моя Корзиночка, я вынуждена оставить тебя в кругу семьи. Мне надо срочно транспортировать одного очень пьяного мужичка.

- Мне кажется, я знаю, как его зовут, - хихикнула Зина. – Это все тот же Ромео. Если он не будет слишком пьян, отдайся ему где-нибудь по дороге.

Кристина покраснела, потом лицо ее стало серьезным.

– А как мне после того, как он весь был моим, жене его отдавать? Знаешь, как сердце рвется? Хочется прижать и никогда не отпускать.

- Ты совсем влюбилась, да?

- Нет, конечно. У меня все под контролем. Просто у меня ни с кем не было такого замечательного секса.

На этот раз покраснела Корзина.

- Да что же он с тобой делает-то?

Кристина загадочно улыбнулась.

- Словами не расскажешь. Тебе лучше как-нибудь попробовать.

- Отстань от меня, а? – Корзина нахмурилась. – Мне хорошо одной.

- Ну скучно же так. Без эмоций.

- Иди уже, эмоциональная ты наша.

Глядя, как Витька переходит дорогу, Кристина почувствовала желание. Она заставила себя приглядеться. Ничего особенного в Витьке не было. Невысокого роста, слишком обычно, даже небрежно одетый, худенький, без выдающейся мускулатуры. Заметив ее, Витька улыбнулся и помахал рукой. Легко запрыгнул на сидение и без всяких слов прильнул к ее губам долгим и наглым поцелуем. Отстранившись, весело поглядел на нее и заметил:

- После того, как я тебя поцелую, у тебя такой вид, словно ты хочешь еще.

Кристина запустила руку в его волосы и с силой притянула к себе. Их губы почти сомкнулись.

- Я действительно хочу еще.

- Поехали к тебе, а?

- Мама дома. И она против, чтобы мы встречались.

- Ладно, я знаю местечко. На пару часов нам предоставят большую постель и горячий душ.

- А если я захочу больше, чем пару часов?

- Три часа? – ухмыльнулся Витька.

- Всю ночь.

- Да я не потяну столько, Крис.
- Дурак ты, Витька, - Кристина нажала на газ и начала выкруливать с обочины. Некоторое время они ехали молча. Знакомая боль скомкала радость встречи. Все внутри нее кричало, что она не хочет пару часов. Она хочет навсегда. Произнеся про себя «навсегда», Кристина испугалась. Нет и нет! Ей нельзя влюбляться. Все это пройдет. Она, не заметив идущей по левой полосе машины, перестроилась, едва не задев ее. Водитель возмущенно засигналил. На ее руку, лежащую на коробке передач, легла теплая Витькина рука.
- Не спеши. Здесь будет поворот налево, там гостиница. - Кристина посмотрела на него, чувствуя, как сжалось горло от рвущихся слез. – Тебе будет хорошо, обещаю.
- Она послушно свернула налево. Да, ей будет хорошо, даже слишком, а потом будет очень больно.
- Вить, а ты нормально возвращаешься домой? Тебя не мучают угрызения совести?
- С тобой слишком хорошо. С тобой возвращаешься к себе. К лучшему себе. То, что у нас, не может быть предательством. Скорее мы предаем себя с другими. Я это так вижу. Вот здесь еще поворот. Парковка чуть дальше.

Кристина припарковалась и выключила зажигание. Смолкла музыка, стало тихо.

- Пойдем, а то я сейчас умру от желания, - Витькины зеленые глаза ласкали ее лицо. Она отвернулась, выскочила из машины. Не пойти она не сможет. Пусть ей потом будет хуже, но она должна почувствовать его руки и губы. Они должны сделать это снова, и пусть весь мир провалится хотя бы на три часа.

Глава 15

Они возвращались домой, когда у Кристины зазвонил мобильный. Витька посмотрел на определитель.

- Интересно, кто может звонить тебе так поздно? Не иначе, как любовник.
- Увидев, что номер не определился, девушка вздрогнула. Это опять они. То есть она. Кристина быстро бросила взгляд на сидящего рядом Витьку.
- Я не хочу брать трубку.
- Ну что ж, тогда я отвечу, - прежде, чем она среагировала, он схватил ее Нокию.
- Але, - вальяжно ответил он, но его лицо тут же стало напряженным. Пока Кристина, вилляя по дороге, пыталась вырвать у него телефон, разговор закончился.
- Притормози, а? – Витька не смотрел на нее. Наверно, впервые она видела его таким серьезным.

Кристина остановилась у обочины.

- Какого черта ты трогаешь мой телефон? Может, хочешь, чтобы я с твоей женой поговорила вместо тебя?

Витька повернулся на сидении, взял ее за руку.

- Крис, расскажи мне все. Кто тебе угрожает?

Она вздернула подбородок.

- Что ты там услышал?

Витька нахмурился.

- Тебе дословно?

- Желательно.

- Передай своей суке, что если она не вернет то, что ей не принадлежит, ее ждут крупные неприятности. Что ты должна вернуть?

Она усмехнулась.

- Двенадцать сосен.

Витька нервно усмехнулся.

- Слушай, а ты ведь чокнутая баба, если умудряешься шутить в такой ситуации, когда другие бы описались от страха.

Сегодня, то ли от того, что она не слышала угроз лично, то ли от удивительных ощущений в гостинице, ей было плевать на все.

- Тебе нравится, какая я?

Витя вздохнул и отвернулся к окну.

Кристина взяла его за плечо, развернула к себе.

- Поцелуй меня так, как только ты умеешь, и тогда я справлюсь со всеми.

- Слушай ты, Джеймс Бонд в юбке, я не могу себе позволить потерять тебя. Понимаешь?

Она кивнула, подставляя губы, но Витька только приблизил свое лицо ближе.

- Рассказывай.

Кристина недовольно отстранилась.

- Обычная борьба за наследство.

- А причем здесь двенадцать сосен?

- На моем участке растет двенадцать сосен. У каждой сосны есть имя в честь апостола. Когда ты придешь в следующий раз, я познакомлю тебя с Иудой, а потом мы попьем чай рядом с Петей и Пашей. Это мама придумала.

- Кстати, о маме. Если не думаешь о себе, подумай о ней. Если тебя убьют, как она будет жить? – О маминой болезни Кристина никому не рассказывала.

– Что ты знаешь о моей маме?

- Только то, что она больна. Название болезни не помню. Какой-то склероз, кажется.

- Рассеянный, - автоматически добавила Кристина. – Откуда слышал?

- От соседей.

- Сплетники, - заметила Кристина.

- Ты подумай о ней-то, а? Ей уход нужен.

Кристина разозлилась.

- Слушай, да что ты дурацкие советы даешь? Ты даже не представляешь, сколько я о маме думаю. Когда она заболела, мне было четырнадцать, и с тех пор я только и пытаюсь, что выжить. Тебе этого не понять. Ты в Москве родился, счастливо женился.

- Крис, я не счастливо женился, а по глупости. Я трахнул девушку, не собираясь иметь с ней ничего общего, но она банально залетела.

- И так же банально залетела во второй раз? – Кристина прищурилась.

- Ты ревнуешь?

- Нет, - она устало облокотилась на руль, вглядываясь в темноту. Конечно да. Одна мысль, что скоро Витьку придется вернуть, причиняла боль. Он придет и тихонечко заберется в супружескую постель и соврет, где задержался. А она будет ворочаться с боку на бок в пустой постели, вспоминая волшебные три часа и мучительно желать прижаться к нему.

- Крис, я слышал кое-какие разговоры о том, как вы здесь появились, но хотел бы узнать все от тебя.

- Ладно. Я вышла замуж, чтобы получить дом. Как только попала сюда, поняла, что хочу здесь жить.

- То есть ты вышла замуж по расчету?

- Да, - в устремленных на него темных глазах Кристины таился вызов. Но это на поверхности. Внутри застыла боль. Виктор вдруг почувствовал, что у него сжалось сердце. Не от страсти, как всегда в присутствии этой сексуальной девушки, а от страха за нее. Он чувствовал, что вся ее бравада порождение того, через что ей пришлось пройти. – Насколько я знаю, твой муж умер?

- От СПИДа, - уточнила Кристина.

Виктор вздрогнул.

- Не бойся. Я не спала с ним. Он был гомиком.

- Как тебе удалось выйти замуж за гомика?

Она усмехнулась.

- Убедила его, что самое лучшее, если он хочет оставить дом своему любовнику, жениться на мне, чтобы обойти сестру-наследницу. Когда он последовал совету опытного риэлтора, то есть меня, я всех кинула. Уверена, соседи распространяют разные слухи. Странно, что ты не слышал эту историю.

- Я не общаюсь соседями. Да и, вообще, здесь недавно. Еще и года не прошло. Раньше здесь родители супруги жили, а потом мы поменялись. Им досталась квартира в Москве.

- Обычно бывает наоборот, - Кристина положила руку ему на коленку. – Это я тебе, как риэлтор говорю. Ладно, хватит разговоров, поедem домой.

Витька обнял ее. Их губы встретились, родился волшебный поцелуй. Кристина отстранилась и лукаво посмотрела на него.

- Не боишься меня?

- Я боюсь за тебя. Кто тебе угрожает? Сестра или бывший дружок твоего супруга?
- Бывшего дружка удалось нейтрализовать уже давно. – Кристина усмехнулась. – Не волнуйся, крови не было.
- Что?
- Я его не убивала. Узнав о болезни Андрея, он пропал. Даже номер сменил, падло. Словно через телефон можно заразиться.
- Ну а ты-то как не испугалась?
- Знаешь, к тому времени я устала жить на съемной квартире в одной комнате с мамой. Так что у меня не было выбора.

Кристина отвернулась, Витя смотрел в окно, обдумывая то, что услышал. С удивлением понял: его не волнует ее прошлое. Если она это сделала, значит, так надо было. Его мысли вернулись к звонку.

- Я так понимаю, что история, благодаря которой мы познакомились, была подстроена обманутой наследницей? – Витя испытывающе смотрел на Кристину.
  - Ты задаешь очень много вопросов.
- Она обняла его и прижалась к нему.
- Вить, а ты сможешь мне ее убить, если она не оставит меня в покое?
  - А по-другому это можно решить?
- Кристина пожала плечами.
- Расслабься, это была проверка.
  - И я ее не прошел, да?
  - Но ты пока не отказал, – она включила зажигание и снова лукаво посмотрела на него. - Или отказал?
  - Ты когда-нибудь перестанешь ерничать?! Лучше скажи, что ты собираешься делать?

Кристина повела плечом. Теперь, если что случится, Витька будет думать на нее. Вот и поговорили.

- Пока ничего.
- Так может в милицию заявить? Я могу подтвердить.
- Вот уж кому я не верю, так это ментам. Я смогу себя защитить. Тебе не нужно вмешиваться.

Они проспорили всю дорогу. Виктор предлагал разные способы вплоть до раздела имущества. В конце разговора у Кристины осталось ощущение, что Витька сущий ребенок. Человек, которому повезло не узнать темных сторон в жизни. Веселый и счастливый, как лесная птичка, просыпающаяся среди деревьев на рассвете. Самое лучше оставить его в покое. При подъезде к станции он закрутился на сидении, выглядывая в окно.

- Может, ты меня пораньше высадишь? Вдруг соседи увидят.

Кристина резко затормозила.

- Выметайся.

- Крис, но это же разумно... Зачем нарываться?

Она отвернулась. Витька отстегнул ремень и потянулся к ней.

- А поцеловать на прощание?

Она послушно подставила губы, чувствуя, как против воли отвечает ему, как поднимается в груди наравне с болью и ревностью желание. Какого черта? Ведь все уже было. Час назад. Три часа подряд. Хватит.

Витька отстранился, продолжая смотреть на нее.

- Ты не поверишь, но я снова хочу тебя. Это какое-то сумасшествие. Надо идти.

Он слишком сильно хлопнул дверью. Кристина резко нажала на газ, чувствуя, как по щекам потекли слезы. Родной мой, половиночка моя, куда же ты?

Глава 16

Разговор с Витькой всколыхнул воспоминания, которые подобно незванным гостям, вовсе не собирались стоять у порога, а просились в продолжение романа. Напившись горячего чаю с лимоном, Кристина включила ноутбук. Новый файл, новая глава.

Собираясь на дежурство в воскресенье, я испытывала лишь раздражение. Бывают такие дни, которые приходится подарить агентству. График составлялся заранее, в выходные дежурили по очереди. Замену найти невозможно. Кто захочет провести воскресный день в душном офисе, когда на улице солнце и тридцать градусов жары? То и дело, поглядывая на часы, я разгуливала по интернету, отвечая на редкие звонки о чужих квартирах. Неудержимо хотелось к воде.

Клиент пришел почти под самый конец, когда я, подкрасив губы, собиралась подговорить охранника не отмечать, что уйду пораньше.

- Кристина, к вам посетитель.

чертыхнулась. Какой дурак приходит в агентство в пять вечера в воскресенье?

В переговорной сидел достаточно симпатичный мужчина около тридцати. Я окинула его взглядом, не пропустив, ни хорошей стрижки, ни дорогих часов, ни эпэловского телефона на столе. Усаживаясь на стул, не напротив, а наискосок, как положено, чтобы переговоры прошли успешно, я бросила взгляд на его ботинки. Никакой предмет туалета не расскажет так много

о человеке, как его обувь. Особенно о мужчине. Его легкие мокасины из хорошей кожи телесного цвета были совершенно новыми. Я закинула ногу на ногу и представилась, одновременно подсунув визитку. Пока он изучал ее, я подумала, что с парнем что-то не так, но только когда он поднял глаза, поняла, что именно. У него были глаза очень больного человека. В них таились обреченность, обида и боль. Желтоватый цвет лица подтвердил догадку. Некоторое время мы изучали друг друга. Я держала паузу. Наконец, посетитель заговорил. Голос у него был тихий и усталый.

- Мне нужен совет, как лучше оформить завещание на дом.

В любом другом случае я отправила бы клиента к нотариусу за платной консультацией. Таких халявщиков я терпеть не могла. Бесплатные консультации в агентстве недвижимости подразумевают последующую продажу квартиры и комиссионные. Я вздохнула. Боль в глазах этого парня почему-то напомнила мне собственную.

- На кого хотите завещание оформить? - спросила я.

Он замялся на мгновение, потом быстро, стесняясь, проговорил:

- На друга.

Какой нормальный мужик будет оставлять дом другу? Подруге, любовнице – да. Но другу? Недоумение на моем лице заставило его пояснить.

- Это мой самый близкий человек. Возможно, я разделю собственность между ним и моей сестрой. Но я не разбираюсь в ценах. Могли бы вы оценить мой дом, если я надумаю все же продавать его?

Я включила компьютер, понимая, что здесь запахло комиссионными, равнодушно заметив, что неплохо посмотреть объект оценки.

- Пожалуйста, - с готовностью согласился парень. – Если только вы сейчас свободны... Я на машине. Это недалеко. Кратово. Всего...

- Двадцать пять километров от Москвы, - закончила я. – Красивое место, сосны, озеро. – Мне захотелось поехать загород.

- Дом прямо на берегу озера.

- Замечательно, – я вспомнила, что в машине у меня купальник и полотенце. На всякий случай. Я уже загорелась идеей. Однажды я была в гостях в Кратово. Правда, озера я не видела, но само место мне ужасно понравилось. Там царил какой-то особенный вкусный сосновый запах. Еще тогда я подумала, как было бы хорошо здесь жить. Особенно для мамы. – Можно поехать хоть сейчас.

- Вы свободны?

- Сегодня да.

Андрей, познакомились мы уже по дороге, припарковался у самого берега озера. Я вылезла из уютного Туарека последней модели и жадно вдохнула сосновый воздух. Прямо передо мной, обрамленное соснами, сверкало озеро. Радостно визжали дети, мимо меня прошли, переговариваясь, два парня в

мокрых плавках с бутылками пива в руках. Да уж. В то время, когда другие работают, люди отдыхают. Андрей подошел ко мне.

- Мне хотелось бы, чтобы вы начали осмотр отсюда. Когда попал сюда, сразу влюбился в это место.

Я снова глубоко вдохнула и блаженно прищурилась, чувствуя горячие лучи солнца на лице и руках. Эх, скинуть бы сейчас платье и прыгнуть в воду.

- Я вас очень даже понимаю. Здесь чудесно. И этот запах.

- Да, - Андрей кивнул, его лицо просветлело. – Так пахнут прогретые солнцем сосны. Я предлагаю осмотреть дом, а потом, если вы не спешите, пройтись по берегу, чтобы вы могли сориентироваться с окружением.

- И где же ваш дом?

- Прямо за вашей спиной.

Я оглянулась. Двухэтажный коттедж белого цвета с башенкой и балкончиком с резными перилами на втором этаже показался мне милым. Наверно, если бы я искала проект для своего дома, выбрала бы что-нибудь в этом роде. Андрей открыл ключом калитку. Прямо передо мной выложенная плиточкой простиралась дорожка, по обе стороны которой цвели желтые и синие ирисы. Любимый с детства запах леденцов. Я не удержалась, наклонилась и понюхала. Андрей улыбнулся.

- Вам нравятся ирисы?

- Напоминают о детстве, - я почувствовала, что покраснела, мысленно отругав себя. Обычно я не веду себя с клиентами так по-дурацки, но сегодня абсолютно все вышло из-под контроля. Несмотря на то, что Андрей жил один, хозяйство было в образцовом порядке. И участок с соснами, и сам дом, в который я еще больше влюбилась, побывав внутри. С этим странноватым мужчиной у нас явно были одинаковые вкусы.

- На балкон пойдете? Оттуда прекрасный вид на озеро. Вслед за ним я вышла на балкон и облокотилась на перила. Со второго этажа все выглядело еще заманчивее, чем вблизи. Доносившиеся крики напоминали о том, как здорово провести выходной у воды. Я уловила запах дыма и мяса. Кто-то баловался шашлыками. Я хочу жить за городом и купаться в озере. Нет, я хочу жить в этом доме.

- Кристина, - я с трудом вернулась в реальность. О чем я только я думаю? Лучшие бы не приезжала сюда. Только душу себе растравила.

- Да, слушаю вас, - язык произносил привычные слова, в то время как мозг продолжал додумывать мысль.

- Выпить не хотите? Я умею готовить неплохие коктейли. – Это именно то, что надо сейчас. Выпить и чуть-чуть расслабиться. Я вспомнила о брошенной возле офиса Кошке. Ничего с ней не случится, постойт на парковке. Завтра заберу. Наверняка, здесь есть, как добраться. В любом случае этот парень не из тех, кто будет претендовать на мое тело.

- Хочу, - кивнула я.

- Я бы с удовольствием выпил бы с вами, но должен вернуть вас туда, откуда взял.

- О, не беспокойтесь. Я как-нибудь доберусь. Кажется, здесь недалеко станция. – Я несколько раз слышала звук поездов. Приглушенный. Расслабляющий. Скорее приятный, чем навязчивый. Он вписывался в обстановку. Навевал мысль о далеких путешествиях.

Андрей покачал головой.

- Я вызову вам такси. И, конечно, заплачу. – В его глазах снова промелькнула тоска. – Знаете, здесь бывает так одиноко. – Он посмотрел в сторону озера. - Когда там все веселятся, а ты сидишь один за высоким забором. Мой друг много работает и нечасто сюда приезжает.

- Понятно, – Кристина улыбнулась, вдруг почувствовав себя хорошо. Так, словно она попала домой, и этот парень был ее двоюродным братом или родственником. То, что он был голубым, до удивления упрощало общение. Она в полной безопасности. Ей всего лишь предлагалось приятно провести время. Она улыбнулась, но парень понял это неправильно. Нахмурился, подобрался.

- Наверно, мне сразу надо было сказать, что я, как это говорят, голубой. Многие осуждают, - в карих глазах появился страх.

- Знаете, люди хорошего не скажут. Не обращайтесь внимания. Это ваше дело и ваш выбор. Любовь не знает полов и приходит неожиданно. – Я даже вздрогнула от высокопарных слов, слетевших с языка. Реакция нового знакомого была излишне благодарной.

- Спасибо, - он на миг коснулся моей руки. Я тут же вздрогнула, поскольку не люблю прикосновений чужих людей. К тому же его ладонь была слишком холодной. – Я буду счастлив, если вы проведете со мной сегодняшний вечер и посоветуете, что мне делать.

- Готовьте ваши коктейли, а я пока подумаю.

- Как вы относитесь к мохито? У меня на участке растет вкусная мята.

- То, что нужно для жаркого дня, - я улыбнулась уголками губ. Привычно. Без цели соблазнения. Скорее сработал автоматизм на мужское тело.

С Андреем было легко и тяжело. Легко говорить, но тяжело смотреть в глаза и осознавать, что он умирает. Впрочем, может, все это только мое разыгравшееся воображение?

У меня было время все обдумать и позвонить знакомому риэлтору, работающему по загородке. Тот сразу пообещал подогнать клиента. Такие дома с участками на берегу озера в стародачном месте некоторые ждут годами. Риэлтор готов устроить просмотр. Естественно цена не будет оглашаться, и Кристина, получит свою часть комиссионных. Девушка положила телефон в карман и снова облокотилась на перила. Не может быть, чтобы дом стоил так дорого. Хотя, положив руку на сердце, она мало что понимала в загородке. И было бы неплохо заработать. Она

присела на плетеное кресло и закинула ногу на ногу. Какая-то мысль, которую она не могла уловить, крутилась в голове, не давая покоя. Андрей появился, держа два высоких стакана с соломинками. Кристина сделала глоток.

- Ничего себе, как крепко. Не то, что в баре, - заметила она.

- Я собираюсь сделать еще одно признание. Вот и хотел, чтобы вы прежде выпили. Но сначала скажите, что вы думаете о том, что увидели.

- Я, в общем-то, уже нашла клиента на ваш дом. Может, подъехать хоть завтра, - я откинула назад длинную прядь волос. Выверенный жест. Остановила себя. Он же гомик, забыла? Сделала серьезное лицо. - Стоит ваш дом около полутора миллиона долларов, но, конечно, цену...

- Кристина, подождите. Я, в общем-то, продавать не спешу. - Он сделал большой глоток мохито. Помолчал, собираясь с силами. Потом быстро заговорил. - Я болен СПИДом. Только не бойтесь. Это не заразно, - я еле заметно пожала плечами. - Не буду вдаваться в подробности, как получил эту болезнь. К счастью, мой друг не инфицирован и поддерживает меня, как может. Не знаю, сколько мне еще суждено прожить, но я бы хотел умереть в этом доме. Здесь я когда-то был счастлив.

Я молчала, чувствуя, как сдавило горло. Клиенты все время вываливали на меня свои беды, срывали плохое настроение, но я привыкла не обращать внимания и воспринимать отстраненно. Специфика бизнеса. Но именно сейчас не получалось. Я сделала еще один глоток.

- Извините, что вывалил все это на вас. Но мне на самом деле нужен совет, как оставить дом Эдику. На память о нашей - видимо, он хотел сказать любви, но передумал - на память о наших отношениях.

- У вас есть родители или дети?

И снова боль в его глазах.

- Родители погибли в катастрофе, дети... - Андрей горько усмехнулся. - У таких, как я, не бывает детей. Хотя я люблю детей. Часто наблюдаю за ними на озере. Когда есть дети, жизнь приобретает смысл. А у вас есть дети, Кристина?

- Нет! И не собираюсь их заводить. Даже можно сказать, что никогда не собираюсь, - я поставила стакан с шумом на столик, досадуя на себя за откровенность.

- Наверно, я не вправе спрашивать почему? - я еле заметно кивнула и быстро заговорила. - Родители, дети, супруги - первая очередь наследников. Вторая - братья, сестры. У вас вторая очередь становится первой. Там есть еще такая штука, как обязательная доля. Ваша сестра трудоспособна?

- Конечно. У нее свой бизнес. Косметический салон. Да у нее, вообще, все есть.

- Значит, она не будет претендовать на ваш дом?

- Еще как будет. Ни перед чем не остановится. Я ведь когда узнал о болезни, приехал к ней. Думал, помиримся. Не так уж долго мне осталось. Но она только поиздевалась надо мной. Сказала, что ждет, не дожидается моей смерти, чтобы в наследство вступить. Мол, таким, как мы, нечего и на свете этом делать. Тогда-то у меня возникла мысль дом Эдику оставить. Он единственный, кто будет за мной ухаживать, когда я ... – Андрей замолчал.

- Давайте не будем сейчас об этом. Оспорить завещание с хорошим адвокатом возможно. – Здесь я слукавила. Оспорить завещание в отсутствии нетрудоспособных членов семьи очень сложно. – Тем более, когда хотят обойти прямую наследницу, - добавила я с серьезной миной.

- И что же мне делать?

- Нужно подумать, - я взглянула на пустой стакан. – Давайте выпьем еще по коктейлю и пойдем на озеро.

- Уверен, вы сможете решить эту проблему, - Андрей смотрел с надеждой.

В моей голове уже созрел план. Оставалось продумать все в деталях. Никак нельзя упустить такой случай. Мне никогда в жизни не заработать столько денег. Тем более, что место, дом, озеро созданы для меня. Это выглядело так, словно судьба, наконец, решила преподнести мне подарок. Наверно, во мне умерла актриса, но я разыграла свою роль до конца, словно по нотам. Красивая грустная мелодия с трагичным концом.

Купаться Андрей отказался. Сидел на берегу, на траве, поглядывая вокруг. Я вышла из кабинки и, привычно красиво ступая, держа одежду в одной руке, а босоножки в другой подошла к нему в купальнике. Андрей смотрел заинтересовано. Не тем раздевающим взглядом, которым смотрят мужчины, а как ... женщина смотрит на женщину. Я улыбнулась, положила вещи на траву.

- Ну что ж, пойду, переплыву ваше озеро. Никуда не уходите. Охраняйте мои вещи.

- Надеюсь, вы хорошо плаваете?

- Помощь не потребуется. Если только компания.

- Простите, не хочется.

Я пожала плечами и побежала к озеру, чувствуя спиной его взгляд и взгляды других мужчин, которым повезло родиться с правильной ориентацией. Плавала я долго. Вода показалась мне освежающей и на удивление чистой. Над озером витал все тот же сладкий сосновый аромат.

К моменту возвращения на берег я все продумала. Основной козырь - одиночество нового знакомого. Как человек циничный, я не верила, что его любовничек часто навещает его. Значит, он с удовольствием пойдет на общение. Привыкнет. Станет нуждаться в моем обществе, а потом ему

действительно потребуется помощь, а уж мне не привыкать ухаживать за больными.

Андрей стал мне другом в ту ночь, которую мы провели под одной крышей. Спали мы на разных этажах. Он стал единственным человечком, которому я выболтала слишком много из своей жизни. Естественно я была пьяна. Даже очень, если рассказала ему про Петровича. Про нашу первую ночь, про мамину болезнь и про свою идею, что на свете существует только одна любовь к человеческой особи, независимо от ее пола, возраста и родственных чувств. Именно под эту идею мы выпили за переход на «ты». Когда Андрей пошел за новой бутылкой, мне захотелось попробовать сохранить свой статус. Я нашла сумку и подкрасила губы. Когда Андрей вернулся, я стояла у зеркала.

- Ты куда?

Расчесывая спутанные волосы правой рукой, я протянула левую за рюмкой.

- На посошок. Мне пора.

И тут он подошел близко-близко и назвал меня так, как никто себе не позволял.

- Криска, останься. - Я взяла бокал и поднесла к губам. Он прислонился к стене и смотрел на меня. - Мне давно не было так хорошо. Бог услышал мои молитвы и послал мне тебя.

Я горько усмехнулась

- Эй, ты веришь в Бога?

- Да. Я знаю, что он осуждает меня. В библии...

- Да выброси ты ее. Я и маме это говорю. Если бы был Бог, он не поступил бы так с вами обоими. - Я поставила бокал на трюмо и повернулась боком, оглядев гриву расчесанных блестящих прямых волос. – Слушай, а с твоей точки зрения, я красивая?

- Ты очень красивая, - быстро ответил он. - Но это не главное. Больше всего в тебе затягивает твой драйв. Твоя жизненная сила. Тебе многое пришлось пережить, но это лишь закалило тебя, сделав по-настоящему привлекательной. Мне не нравится слово «харизма», но у тебя ее слишком много.

Я улыбнулась, широко растянув губы, понимая, как глупо и доверчиво, растаяла от его слов. Завтра я вернусь к своей холодности и циничности, а сегодня позволю себе побыть наивняком. Поверить словам. Черт, а есть что-то приятное в незащитности.

Я помню, как засыпала. Андрей прикрыл меня пледом и сел на краешек, потягивая коньяк. Я пыталась что-то сказать, но он положил руку мне на лоб.

- Спи, Криска. Я посижу рядом. Так здорово не оставаться одному, когда темно.

Я заснула с незнакомым ощущением покоя и уюта.

Напечатав последнее предложение, Кристина почувствовала усталость и порадовалась. Она хорошо поработала и есть надежда, что быстро уснет.

Глава 17

На следующий день на Кристину навалилась тоска. Тоска вселенская, как она ее называла. Проснулась поздно. Серенькое небо показалось особенно противным. Кристина зарылась в подушку, закрыла глаза, вспоминая прошедшую ночь. Как же ей было хорошо. Каждая ласка отзывалась в сердце, каждый нерв стонал от наслаждения. Каждая клеточка тела прирастала к его телу. Так не бывает. Но так есть. И сегодняшняя боль расплата за вчерашнее наслаждение. Какая же это мука влюбиться в чужого мужа. А он сидит, наверно, завтракает с женой и дочками. Йогурт, бутербродики, кофе. Кристина всхлипнула в подушку, по щекам потекли горячие слезы. Можно поплакать, пока никто не видит. Потом нужно собрать волю в кулачки, сделать пробежку, поплавать. От движений всегда становится лучше. Может, и Витька выйдет? Она посмотрела на часы. Нет, слишком поздно. Одиннадцать часов. Обычно они бегали около восьми. Вероятно, пока жена еще нежилась в постельке.

Кристина заставила себя подняться и выбралась на балкон. Погодка дряннь. Никакого прогноза не надо слушать, итак понятно, что пойдет дождь. А дождь Кристина ненавидела всем своим сердцем. Ничто не может так испортить день, как небесные слезы. В ее родном городе дожди были редкими, лето жарким. А в столице климат дурацкий. Лето короткое и холодное. Кристина зябко повела плечами и вернулась в комнату. Натянула шортики и топик, достала из-под кровати кроссовки. Господи, а лень то как. Хочется не бегать, а завывать по-волчьи на судьбу. Женскую. Черт бы ее побрал. Вот ведь, сколько не играй в мужские игры, не воспитывай характер, а судьба подсунет тебе кого-нибудь, в кого ты втрескаешься, и ничего тебе в жизни не надо будет, как только прижаться к нему и шептать на ушко нежные слова, какой он самый-самый.

Кристина спустилась вниз по лестнице к Иларии. Привычным комочком сжалось от страха сердце. Какой она сегодня найдет маму? Ее комната была на первом этаже, чтобы легче выходить в сад. Услышав голос диктора, Кристина удовлетворенно вздохнула. Если мама слушала с утра аудиокнигу,

значит, чувствовала себя не так плохо. Хуже всего, когда она лежала на спине с закрытыми глазами.

- С добрым утром, мамочка!

- Доброе утро, - Илария полулежала на подушках. Длинные волосы волнами рассыпались по плечам. Кристина поцеловала ее в щеку. Илария включила паузу на плеере. С нежностью посмотрела на дочь.

- Ты на пробежку?

- Да. Потом позавтракаем в доме. Погода дрянь.

- Детка, у природы не бывает плохой погоды.

- Еще как бывает. Это людям голову морочат глупыми песенками.

- Ты с Витей будешь бегать?

Кристина почувствовала, как краска заливает щеки. Вот ведь, мама словно чувствует, что вчера она с ним была в гостинице.

- Мы с ним не договаривались.

Озеро казалось грустным и заброшенным. Одиноким рыбак возле моста ловил рыбу. Такой же одиноким, как и Кристина. Она сделала несколько глубоких вдохов и побежала вдоль берега, стараясь не сбиваться с ритма. У Витькиного дома сердце забилося сильнее. Где-то там, за кружевными занавесками, он, развалясь в кресле, пьет сваренный женой кофе. Ну хоть бы просто вышел что ли. Сказал, что соскучился, что уже хочет ее. Дом остался позади, Кристина побежала быстрее, чувствуя, как тренированное тело послушно входит в ритм. Сегодня она пробежит три круга. Не два, а три. И пусть ей будет хуже. Может, потом от усталости вся дурь из башки выйдет. После трех кругов стало все равно какая погода. Кристина сняла топик и шорты, порадовавшись, что не поленилась надеть купальник. Медленно вошла в воду. Холодом сковало сердце, она отчаянно заработала руками и ногами, чтобы согреться.

Когда выходила из воды, уже не было холодно. Даже тоска вселенская отступила. Рыбак, мужчина лет пятидесяти, небритый, с обветренным загорелым лицом, сматывал удочки. Посмотрел насмешливо.

- Ну и как водичка?

- Попробуйте, не пожалеете.

Он засмеялся.

- Не та погодка. На берегу-то холодно.

Она улыбнулась и, похватав одежду и кроссовки, бегом побежала к дому.

- Неужели ты купалась? – Илария с ужасом смотрела на дочь в мокром купальнике и мокрыми волосами.

- Купалась, - Кристина быстро схватила полотенце и завернулась в него. - И вовсе не холодно.

- Шестнадцать градусов на улице и губы у тебя синие. Застудишь себе что-нибудь.

«Сердце бы заморозить», - подумала Кристина, заходя в ванную и с наслаждением вставая под горячую струю воды. Так. Уже лучше. После завтрака будет совсем хорошо.

Кристина варила овсянку, когда зазвонил мобильный.

- Привет, красавица, - услышала она голос Сергея.

Она вдруг осознала, что давно не вспоминала о нем. Витька вытеснил из головы все мысли о самом красивом мужчине на свете. Как бы Сергей удивился, если бы узнал. Может, даже самомнения бы поубавилось. Мысль о том, что ему, такому классному мужику, на которого заглядываются все бабы, предпочли другого, не могла даже поселиться в его голове.

- Привет, Сергей!

Классически поинтересовавшись «как дела» и, усмехнувшись на ее «как-то», он предложил встретиться.

- Только давай сегодня дома, а? Не хочу в ресторан. Сам приготовлю еду. Меня научили, как готовить тайский плов.

Минуту Кристина сомневалась, но потом поняла, что не сможет после вчерашней ночи лечь с ним в постель. Ее тело еще принадлежало тому, любимому. Не то, чтобы навсегда. Для этого нужно совсем потерять крышу. Но хотя бы на пару дней.

- Ты что молчишь? Знаю, ты дома сидеть не любишь. Но мы можем потом куда-нибудь пойти. Правда, не знаю куда. Не в кино же, как школьники.

Кристина засмеялась.

- Сerez, ты извини, но у меня работы куча. Квартиру надо подобрать клиентам. Аванс горит. Весь день расписан. Пять просмотров и все в разных районах. Бабушкинская, Бибирево, Подбельского. – Она сама удивлялась своему бодрому вранью.

- Да? Жаль. Но дело, конечно, важнее. Тогда я поваляюсь на диване. Устал что-то, как собака.

- Извини, ладно?

- Да о чем ты?! Все в порядке. Целую тебя, трудяга.

Кристина положила телефон. Похоже, Сергей даже не расстроился. Она озадаченно села на стул. Все-таки, почему она не согласилась? Ведь делать сегодня совершенно нечего, и она так хотела куда-нибудь уехать? Убежавшее молоко зашипело на плите. Кристина чертыхнулась и сняла кастрюлю с огня. Дурацкая каша. Вот денек, когда обычные дела невероятно раздражают. Она вытерла тряпкой плиту, судорожно соображая, куда можно сбежать. Если не от себя, то от места, где все напоминает о том, что Витька рядом, но не с ней.

Конечно, можно встретиться с Корзиной. Она быстро открыла страничку контактов, нажала букву «К», Зина в ее мобильном, значилась Корзиной. Подруга ответила не сразу, а когда сказала свое «але», ее голос прозвучал, словно она куда-то бежала.

- Эй, ты там сексом занимаешься?
- Ага. Со шлангами. Сразу с двумя.
- Не знала, что ты такая извращенка.

Зина засмеялась.

- Ворона, все шутки на одну и ту же тему. Сколько тебе нужно мужиков, чтобы с тобой справиться?
- Только один. Любимый.
- Вороны не умеют любить. Они питаются падалью.

Кристина улыбнулась. Очень бы хотелось не любить. Но это наглое, неимеющее права на жизнь чувство продолжало развиваться и крепнуть.

- Корзина, я только что отказала Сергею, чтобы с тобой встретиться. Давай куда-нибудь поедем.
- Не могу. – В голосе Зины звучала искренняя досада. – Боюсь, что я сегодня должна быть здесь. На грядках. Надо прополоть клубнику, обрезать усы и... Родители уехали на день рождения, оставив длинный список дел.
- Дурацкая грядочница. Именно в тот день, когда ты мне нужна. Именно тогда, когда у меня вселенская тоска.
- Да что с тобой, а? – Похоже, Корзина села, потому что шум воды прекратился. Стало тихо и дышать она стала ровнее. – Зачем ты отказала Сергею?
- Не хочу его видеть.
- Понятно. Ты ничего не хочешь мне рассказать?
- Хочу но ты занята, – Кристина вдруг почувствовала, что готова расплакаться. У нее даже голос дрогнул.
- Так. Поняла. Слушай. А приезжай ко мне.
- Ты думаешь, обрезка клубничных усов пойдет мне на пользу? Меня это еще больше вгонит в депрессию.
- Я даже и подумать не могла, чтобы ты с твоим маникюром ковырялась в земле. Я постараюсь управиться побыстрее. А потом поедем, куда ты захочешь.
- Да я никуда не хочу, - от уступчивости подруги слезы все-таки выступили на глазах.
- Значит, никуда не поедем. Посидим рядом, и ты мне все расскажешь. А потом посмотрим какую-нибудь комедию. У папы в баре есть бутылка аргентинского вина.
- Спасибо тебе. Какой-то дурак говорил, что не бывает женской дружбы.
- Этот дурак был мужского рода. Давай, Вороненок, собирайся. А я пока пойду в грядки. Понять не могу, зачем мама их столько развела.

Кристина положила овсянку в тарелки. Смахнула слезы. Как хорошо, что на свете есть Корзина. Добрая хорошая девочка, которая никогда не думает о себе, а только о других.

Глава 18

Кристина сидела в доме Корзины, поджав под себя ноги, и рассказывала ей про Витьку, время от времени спрашивая «Ну почему мне так плохо?»

Исчерпав все аргументы утешения, Зина, переодевшаяся в просторные шорты и вытянутую на два размера футболку, пересела к Кристине на диван.

- Ты жутко влюбилась, понимаешь?

- Нет! – в карих глазах Кристины стояли слезы. – Нет! Не говори так. Каждое произнесенное слово обретает силу.

- Силу обретают твои действия, а никак не мои слова. Но, похоже, я была не права, посоветовав тебе взять Витьку в любовники. Я надеялась: вы займетесь сексом, и все пройдет. Думала, у тебя сносит крышу от так называемого запретного плода. А оказалось, тебе стало еще хуже.

- Когда это произошло первый раз, я надеялась, что мне просто показалось, что наши тела созданы друг для друга. Я была пьяна, испугана. Думала, я просто вернулась к жизни.

- А сейчас?

- Сейчас я думаю, что это было возвращением к себе. Его поцелуи примиряют меня с самой собой. Иногда я не понимаю, где мое тело, где его. Я чувствую его, как саму себя. Его оргазм - это мой оргазм.

- Тогда тебе можно позавидовать, – Зина грустно улыбнулась. – Такие чувства выпадают не всем. Тебе нужно не страдать, а радоваться, что тебе повезло их испытать. Радоваться, а не плакать. Гордиться собой, им. Тем, что вы такие. То, о чем ты рассказываешь, я даже в книжках не читала. Так не бывает.

- Но ведь есть, - Кристина повторила Витькину фразу с его мягкой интонацией.

- Слушай, а давай я принесу шампанское, и мы это отпразднуем?

- Издеваешься?

- Вовсе нет. Я рада за тебя.

- Но что мне делать?

- Любить его. Отдаться чувству.

- Знаешь, я с ума схожу, когда думаю, что он приходит домой и занимается сексом с женой. После меня. В тот же день или утром. Может, он даже использует меня, чтобы у него вставало с женой.

- И пусть.

- Как это пусть? Я не хочу, чтобы меня использовали. Я не хочу ревновать.

- Стоп! Ты говоришь, что он твоя половинка, да? – Кристина кивнула. – Вот и люби его, независимо от того, что он делает. Отпусти его. Позволь ему быть счастливым даже без тебя. Это и есть любовь.

- Это идиотизм.

- Наверно. Но я так это понимаю. Радуйся, если ему хорошо. Сорадость за другого. Это сложно.

- Это невозможно.

- А ты попробуй. Не загоняй себя в рамки глупых женщин, которые считают, что должны обязательно увести чужого мужа. Веди за собой. Это да. Когда он поймет, что без тебя ему невыносимо, он останется с тобой навсегда. Но это должно быть его решение. Ты не должна его к этому подталкивать.

- А как на счет жены и дочек?

- Все как-нибудь устроится. Возможно, жена отпустит его, когда поймет, что он ее не любит. Или еще что-нибудь случится. Если это твое, такое твое, как ты говоришь: родное, теплое, большое, это оттуда. Высшие силы вас соединят. Не знаю, когда и как. Я верю в это. И ты верь.

Кристина обняла Корзину. Они по-детски прижались друг к другу лбами. Обе рассмеялись.

- Неси свое шампанское, - улыбнулась Кристина. – Не знаю, как я буду жить дальше, но протянуть сегодня я точно смогу. Особенно, если выпью.

- А я тебе завидую, – Кристина посмотрела на подругу. Черт. А ведь она даже не уверена был ли у Корзины кто-нибудь. Знает ли она, каково это принадлежать мужчине. Как это может быть здорово в момент соединения и больно в разлуке.

– Мне нечему завидовать.

- Ты глупенькая. Неправильно все воспринимаешь. Эгоистически. С этой позиции ничего не выйдет. Но выглядеть ты стала замечательно. В твоих глазах появился свет. Твои движения стали уверенными и сильными. Ты...

- Ох, Корзиночка. А эта вселенская тоска. Это постоянное ожидание.

- Не более чем предрассудки. Любить женатого считается аморальным. Особенно, если у него есть дети. - Корзина встала и прошла по комнате, засунув руки в карманы клетчатых шорт. Скользнув по ней взглядом, Кристина привычно заметила, что внешность подруги почти безнадежна. На ногтях ног с грязной каемочкой не было и следа от маникюра, а волосатые ноги по-прежнему вопили об эпиляции. Она перевела взгляд выше. Грудь у Корзины была прекрасная, и она не носила лифчика. Что выглядело не совсем правильно. Черт. Вот она сидит ее и слушает. Да разве Корзина с ее отсутствием опыта может что-нибудь посоветовать? Нашла, кому жаловаться.

Словно подслушав ее мысли, Корзина остановилась прямо перед ней.

- Ты, возможно, думаешь, что я не могу давать советов. Но я могу, поскольку уже давно нахожусь в подобной ситуации.

- Ты!? – Кристина закашлялась и потом уже совершенно по-детски сказала: - Не верю.

- Я не рассказывала. Да, в общем-то, и не о чем. Все внутри меня, - Зина прижала руку к сердцу.

- У тебя кто-то есть?

Зина застенчиво улыбнулась, обнажив крупные ровные зубы.

- Уже несколько лет я влюблена в одного мужчину.

- Бог мой. Да расскажи мне нем. Кто он? Что он?

- Максим из нашего оркестра. Талантливый ударник. Замечательный интересный человек.

- И...?

Зина опустила глаза.

- Это все.

- Погоди. Он что, ничего не знает?

- Не знаю. – Корзина вдруг покраснела. - Но он приходит ко мне и мы разговариваем. Пьем кофе.

- Это все? – скептически спросила Кристина.

- Да. У нас ничего не было. Но даже если он сидит, случайно касаясь моего плеча, я уже чувствую себя счастливой.

- Пять баллов. – Кристина взволнованно вскочила с дивана и тоже принялась ходить по узковатой, слишком заставленной мебелью, комнате. – То есть ты, считая меня подругой, даже не удосужилась упомянуть, что влюблена. А я – то... Ну, впрочем, поделом мне за болтливость.

Корзина застенчиво улыбнулась.

- Ворона, ну я стеснялась. Ты же у нас звезда и каждый мужчина у твоих ног. А у нас только ... кофе.

- Чушь какая. У него что, проблемы?

- Он женат и у него трое детишек.

- Фу! – выдохнула Кристина и истерически засмеялась. – Двое Витькиных уже кажутся сказкой.

- Не сравнивай, Ворона.

- Куда уж мне?!

На широком лице Зины отразились боль, отчаяние и решимость.

- И у нас ничего не было. Ничего! Мне кажется, я его не интересую, как женщина. – Зина всхлипнула. – Только как друг. Ему плохо дома. Вот он и приходит. И я на самом деле завидую тебе. Ты такая сексуальная и любой тебя хочет. А я ... Мне не на что надеяться. Мы остаемся абсолютно одни и ... просто разговариваем. Я дура, да?

- Конечно, нет. Подожди. Но может он ... – Кристина тщательно подбирала слова, уже осознавая неизбежное. Мужик три года рядом и ни разу не попытался даже поцеловать. Бедная Корзинка.

Словно почувствовав жалость, Зина подбоченилась.

- И пусть. Неважно. Он приходит ко мне и бывает счастлив. А потом возвращается к жене, которая родила ему троих детей. Он, как ты говоришь, использует меня, но меня это не волнует. Пусть. Я люблю его безусловной любовью и не разлюблю даже, если он окажется маньяком. Я принимаю его со всеми его потрохами, грехами и недостатками. – Корзина взвизгнула. - Ты хоть понимаешь, что это такое? Если он завтра кого-нибудь убьет, я приму это и не буду осуждать. Мне лишь станет больно. Я стану убийцей вместе с ним, если это надо будет.

Услышав про убийство, Кристина напряглась. Предыдущие слова подруги изгладились из памяти.

- Не говори ничего об этом. Ты не можешь это знать. И неси, наконец, свое шампанское. Похоже, нам тут есть что отпраздновать, моя скрытная подруга.

После того, как они выпили полбутылки Асти Мартини, Зина сделала еще одно признание, что если бы у них с Максимом был секс, она была бы полностью счастлива. Кристине стало стыдно. Действительно, что она разнылась? Ведь у нее в жизни были неприятности похуже. А Витька любит ее, а не жену. И если сравнивать с Корзиной, то ее ситуация куда лучше. Почему, например, Витькина жена не может влюбиться? Говорят, жены всегда подсознательно чувствуют измену. Зина убежала на кухню за шоколадкой, о которой неожиданно вспомнила, а Кристина принялась размышлять. Это подозрение есть не что иное, как реакция на недостаток внимания. Мы все, так или иначе, с разными способностями сканируем друг друга и могли бы читать мысли, если бы не боялись.

Зина вошла в гостиную с огромной шоколадкой.

- Вот то, что надо для закуски. Изюм с миндалем.

Корзина обожала сладкое и могла запросто уговорить полкило конфет, если была не в настроении. Кристина относилась к сладкому без фанатизма.

- Смерть фигуре, - усмехнулась она.

- Ты вряд ли потолстеешь, если съешь кусочек.

Кристина сделала глоток шампанского.

- К счастью, я не очень-то люблю шоколад.

- А я обожаю. Могу съесть всю плитку. - Зина положила в рот большой кусок и прикрыла от удовольствия глаза. – Недавно читала статью, что зависимость от сладкого - всего лишь недостаток любви. Судя по нам двоим, в это легко поверить.

- Думаешь? – Кристина улыбнулась. – И кто же это меня так любит?

- Сама знаешь. Витька, Сергей и все мужики вокруг. Ты можешь иметь, кого захочешь.

Ответить Кристина не успела. Зазвонил мобильный телефон. Именно зазвонил, а не запел приятной мелодией. Противный дребезжащий рингтон возвращал в прошлое, когда все телефоны издавали одни и те же звуки. Сколько Кристина не уговаривала подругу сменить мелодию, та не соглашалась, мотивируя это тем, что вся ее жизнь итак связана с музыкой. К тому же такой звонок легче услышать. Уже после нескольких фраз лицо Корзины изменилось, стало более нежным. Взглянув на подругу, она покраснела и выскочила из комнаты. «Это он», - подумала Кристина. Неужели и она сама так меняется, когда ей звонит Витька? Просто безобразие, что делают мужчины с женщинами. Не успела она додумать эту мысль, допивая бокал, как в комнату впорхнула явно похорошевшая Зина.

- А ты не будешь против, если Максим к нам присоединится? Ему не хочется идти домой.

Кристина фыркнула.

- Конечно, не хочется. Сначала женятся на курицах, а потом успешно сбегает от гнезда и вылупившихся птенцов подальше. - Может, мне лучше прогуляться? А вы тут без меня, - нерешительно произнесла Кристина, жалея, что выпила шампанского. Могла бы сесть в Кошку и уехать.

- Не надо, - Зина села перед ней на корточки, сияя от удовольствия. - Мне бы хотелось, чтобы ты его увидела. Посмотрела опытным взглядом, нравлюсь я ему или нет.

Кристина вздохнула. Перспектива наблюдать, как Зина взирает влюбленными глазами на многодетного отца, совершенно не прельщала, но выхода не было.

- Хорошо, тогда марш переодеваться и давай я тебя покрашу по такому случаю.

- Нет! Он не должен знать, что я крашусь ради него. Он никогда не видел меня покрашенной. Ну, разве что на концертах.

- Чушь какая! - пожала плечами Кристина. - Ну, хоть эти ужасные шорты можно снять? - Кристина сама старалась не смотреть на волосатые ноги подруги. - Надень брючки и голубой топик, в котором ты была на дне рождения. Он подходит к твоим глазам. И дай я тебя причешу. На голове полный бардак.

Под умелыми руками Кристины непокорные кудряшки легли красивой волной. Топик подчеркивал высокую грудь, а легкие брючки скрывали излишнюю волосатость. Результатом Кристина осталась довольна. Пока Зина металась по квартире, прибирая вещи, она, поджав ноги, сидела на диване, допивая Асти Мартини. Там же она и осталась, услышав звонок в дверь, предоставив подруге самой принимать гостей.

Максим оказался самым обычным полнеющим мужиком с похотливым взглядом маленьких карих глазок. В его лице не было ни одной примечательной черты, а дурацкий хвостик при больших залысинах лишь

усиливал его карикатурность. Было что-то козлиное во всем его облике. Кристина перевела взгляд на подругу. Если это было возможно, но она еще похорошела. Легкий румянец окрасил бледные щеки. Она суежилась вокруг гостя, словно он был президентом, посетившим ее квартиру. «Максим, хочешь кофе? Максим, хочешь чаю? Максим, ты голодный? Пельмени? Яичницу?

Кристина подавила раздражение. Ну, она вставит Корзине после. Да разве можно так себя вести с мужчиной? Разговор под первую бутылку вина утомил Кристину. Максим порол ерунду, явно наслаждаясь обществом двух женщин то и дело, бросая призывные взгляды на Кристину. Она издергалась, переживая за подругу, старающуюся изо всех сил привлечь внимание. Вальяжно развалившись на стуле, Максим явно чувствовал себя дома и время от времени позволял пренебрежительные фразочки по отношению к Корзине. Измучавшись, Кристина вышла на кухню, сославшись, что ей надо позвонить клиенту. Вертя в руках телефон, она подумывала, не поехать ли к Сергею, как в кухню вошел Максим.

- А я не знал, что у Зины такая красивая подруга, – он подошел ближе и положил руку ей на плечо.

- Прекрати! – возмутилась Кристина, но Максим сильнее прижал ее к себе и впился губами в ее губы. Вырвавшись, Кристина залепила ему пощечину. Он схватил ее за волосы и повалил на пол.

В дверях появилась Зина.

- Боже мой! Что вы делаете?! Максим, отпусти ее! Кристина!

Красные, тяжело дыша, они поднялись с пола, стараясь не смотреть на Зину.

- Я лучше пойду, - Кристина рванулась к двери, но он схватил ее за руку.

- Да ладно, оставайся. Мне все равно пора домой, – он бросил взгляд на Корзину. – Ну и подруги у тебя.

Отодвинув Зину плечом, он вышел в прихожую. Зина побежала за ним.

Кристина уставилась в окно на зеленые листья. Три года приходит и просто разговаривает?! Вот ведь гаденыш. Зачем дает девушке надежду? Что он, вообще, здесь делает? Кристину пронзили чувство острой жалости к подруге и злость на себя. Почему она не сдержалась? Каково черта устроила потасовку?

В этот вечер она впервые в жизни увидела, как плачет Корзина. Куда-то мгновенно делась вся временная пригожесть, обезобразив ее еще больше. Нос и веки жутко распухли, и она, словно в бреду, повторяла одну и ту же фразу: «Я хочу быть такой, как ты». Успокоилась она лишь после крепкого чая с мятой, который Кристина принесла ей в постель.

- Ну вот, - тихо произнесла Корзина. – Жизнь все расставила по местам. Зря я надеялась на то, что он стеснительный. Когда он увидел тебя, всю стеснительность, как рукой сняло. Я ему не нравлюсь, как женщина.

- Перестань, он просто козел. Такой же, как и все. Выбрось его из головы и прекрати себя мучить. Попроси отца, чтобы он его выгнал из оркестра. Знаешь, с глаз долой из сердца вон.
  - С ума сошла? – возмутилась Зина, отставляя чашку. – Да как же так можно?! Он прекрасный музыкант.
  - Другого найдете.
  - Ворона, да у него только ребенок родился и двое других маленьких. Он по миру пойдет. Они итак втроем в однокомнатной квартире живут. Да и к тому же, - Корзина грустно улыбнулась, и на ее лице появился оттенок той красоты, которая присуща святым. – Ведь ничего не изменилось. Я по-прежнему люблю его. Он лишь сделал мне больно. Но это пройдет, когда мы встретимся.
  - И ты сновапустишь его домой?
  - Я люблю его, Ворона. Тебе не понять.
- Кристина вздохнула и поднялась, забирая пустые чашки.
- Пойду я спать.

Она вышла из комнаты и отправилась в гостиную, где, как правило, спала на диване. Уж лучше бы она не приезжала. Только все испортила. Да и самой еще хуже стало. Неожиданно зазвонил телефон, и она схватила трубку.

- Привет, Крис. Я не знаю, зачем звоню. Мне почему-то показалось, что там, где ты, тебе плохо.
  - Мне действительно плохо, - Кристина почувствовала, что сейчас заплачет. – Но хуже всего то, что я не могу сесть за руль, потому что выпила. А я так хочу домой.
  - Забрать тебя?
  - Но я далеко. В Москве. У подруги.
  - Да я тоже еще в Москве, Крис. Диктуй адрес.
- Витька засмеялся, услышав название улицы.
- Смешно, но я рядом. Почти в соседнем доме.
  - Тогда скорее заberi меня.
  - Ты меня хочешь?
- Губы помимо ее воли растянулись в улыбке.
- Не то слово. Я умираю без тебя.

Глава 19

Ночью Кристине не спалось, забрав ноутбук в постель, она начала писать. Правка последней главы вернула прошлое, о котором она старалась забыть. После совместно проведенной ночи Кристина с Андреем удивительно быстро подружились. Конечно, у нее была своя цель, но ей не в чем упрекнуть себя, она действительно хорошо к нему относилась. Он был

добрым, ласковым, жаль только запутался в полах. Если бы ему в молодости встретилась сексуальная девушка, все бы сложилось иначе. Кристина усмехнулась. Сексуально больная, вроде нее. Кристина нагнулась к ноутбуку, снова переживая первую ночь в Двенадцати соснах.

Утром я проснулась в чужой гостиной с высокими потолками, камином и огромным телевизором в полстены. От смешения напитков - мы закончили коньяком – голова разламывалась. Чувство гадливости во рту выгнало в ванную. Из зеркала смотрело помятое лицо с размазанной под глазами тушью. Тушь, за неимением косметического молочка, пришлось смывать мылом, а зубы почистить пальцем. Холодная вода привела в тонус кожу. Было бы неплохо принять контрастный душ, но для этого нужно чистое полотенце. И уют. Серое льняное платье в полоску, еще вчера выглядевшее стильно и строго, сегодня напоминало половую тряпку. И как ее угораздило так напиться?! Наверно, все произошло из-за шальной идеи, что она может заполучить этот сосновый рай.

Я вышла из ванной с мокрыми руками и мокрым лицом. Пусть, как мама говорит, кожа впитает воду. Прошлепала босиком в кухню-столовую. Здесь, несмотря на вчерашнюю пьянку, царил образцовый порядок: ни грязной посуды, ни остатков еды, ни соринки на полу. Вероятно, Андрей все убрал.

Ну что ж, с таким мужчиной будет приятно жить. Даже если он и не совсем мужчина. Зато впервые после вечеринки ее оставили спать одну. Никаких посягательств. Какое счастье. Я открыла наугад сначала один шкафчик, потом другой, но кофе так и не обнаружила. Не может быть, чтобы в доме не было кофе. Пока размышляла, будет ли прилично залезть в холодильник, на кухне появился Андрей.

- С добрым утром! Как спалось? – Андрей выглядел отвратительно: синяки под глазами на пол-лица, бледная кожа.

- Спалось прекрасно. Надеюсь, это не выглядело неприлично, когда я вырубилась посередине разговора.

Он улыбнулся.

- Это выглядело совершенно по-домашнему. Я вдруг понял, как хорошо, когда ты не один в доме. Спасибо, что побыла со мной.

- Пожалуйста, - я пожала плечами. - Пытаюсь найти у тебя банку с кофе.

- Банки с кофе нет, зато есть кофемашина. Тебе капучино или эспрессо?

- И то, и другое. И повторить. – Кристина сжала пальцами виски. – Хочется засунуть голову под холодную воду. Может, я обнаглею еще больше и попрошу полотенце?

- Конечно, сейчас принесу, – он вернулся с полотенцем и чистым махровым халатом. – Вот, пожалуйста. Никто не пользовался. Покупал для Эдика, но он редко здесь ночует.

Мне вдруг захотелось приласкать его. Не как мужчину, а как брата. Я даже подняла руку, чтобы погладить по голове, но передумала.

- Если я могу чем-то помочь, скажи.

Он сжался на стуле, отвел взгляд.

- Зачем тебе это? Больные никому не нужны.

- Это неправда. Больных любят больше чем здоровых, потому что у них нет сил и приходится вкладывать свои. А когда что-то вкладываешь, начинаешь привязываться. Лично я не понимаю твоего Эдика, но если хочешь, я могу к тебе приезжать. Мне здесь нравится.

- Правда? – в его измученных глазах промелькнуло нечто похожее на надежду, которое быстро сменилось недоверием.

В душе я продолжала обдумывать ситуацию. Надо быть очень осторожной. Никаких намеков. Не спугнуть. Андрей не должен почувствовать, что мне что-то надо. Пока я лишь хочу помочь. Предложение он должен сделать сам. Или все-таки надо подтолкнуть? Переключив воду, я некоторое время постояла под холодными обжигающими струйками. Растираясь полотенцем, почувствовала, что похмельный синдром покидает тело и освобождает мозг. Я закуталась в махровый халат и вышла в столовую. Божественно пахло свежесваренным кофе. А на столе громоздились разнообразные коробки с хлопьями и мюслями. Черт, жизнь не так уж и плоха.

- Не знаю, что ты ешь на завтрак. – Андрей показал рукой на стол. – Все, что есть.

Кристина улыбнулась.

- Овсянку, сэр.

- Овсянку? Не может быть. Моя мама так и не смогла меня приучить.

- А моя приучила. Но я вовсе не против мюслей. Особенно вон тех, шоколадных. Если, конечно, у тебя есть молоко.

После завтрака я выгладила платье. Накрасилась. Порадовалась, что всегда ношу косметику в сумке. Вышла в гостиную. Андрей стоял на крыльце, глядя в сад. Утро было чудесным. Сладко пахло хвоей, нежными голосками перекликались птички, солнце, заигрывая с соснами, то пряталось за стволом, то снова выглядывало, освещая аккуратно постриженную лужайку перед домом. Как было бы хорошо здесь жить. Словно подслушав ее мысли, Андрей повернул голову.

- Если хочешь, приезжай как-нибудь на выходные. С мамой.

Я вздрогнула. Не может быть, что бы все было так просто. Или я начала обладать чудесным даром внушения? Слова замерли в горле. Даже элементарное «спасибо» завязло в зубах. Внезапно меня осенило. Да ему же

просто одиноко. Что должен чувствовать человек, приговоренный к смерти через неопределенный отрезок времени? Я поехала. Как это должно быть удручающе. Пока раздумывала, Андрей продолжил:

- Это не просто приглашение. Скорее завуалированная просьба о помощи. Бывают дни, когда жизнь становится невыносимой.

Я порывисто взяла его за руку.

- Если ты, правда, хочешь, мы можем приехать в пятницу. Устроим пикничок на озере.

Его лицо сразу просветлело. И пусть до пятницы еще целая рабочая неделя, зато есть что ждать.

- Было бы здорово. А сейчас давай я отвезу тебя в Москву?

- Если только ты не занят. А то я могу и на электричке.

- Делать мне совершенно нечего. К сожалению. А так бы хотелось чем-нибудь заняться.

- Есть какие-то клубы для ... – Я не смогла произнести слова «больных СПИДом».

- Был там однажды, больше не хочу. Когда люди занимаются чем-то вместе, например спортом, их интересы удваиваются, и от этого получаешь удовольствие, а здесь только притворство и боль. Скрытая боль, которую каждый прячет под маской, не складывается, а умножается. Какой идиот считает, что это может помочь?

- Ты не работаешь? - попробовала я другой вариант.

- Работал в банке, потом в коллектив просочилась информация, что я болен. Уволили без объяснения причин. Да и куда не возьмут теперь. Ну ладно, пойду выгонять машину.

Меня снова охватила жалость. Ну прямо хоть бери его с собой в агентство недвижимости. Туда, как на помойку, принимают всех. Главное деньги приноси и не слишком работай налево. Хотя нет, он не справится. В работе риэлтора нужен драйв.

Я вышла к озеру. Праздник жизни продолжался, хотя и с меньшим накалом. Все-таки понедельник. С озера доносились детские крики, напомнившие мне, как мы с мамой и папой ездили на море. Я подошла к воде. «Я буду здесь жить. Я буду здесь жить. Я сделаю все, чтобы здесь жить».

Кристина почувствовала, что засыпает. Сохранила файл, выключила ноутбук, уронила голову на подушку.

Глава 20

Проснувшись утром, Кристина первым делом позвонила Корзине.

- Прости, я вчера сбежала. Витька случайно оказался рядом и отвез домой.

- Ну и как это было на заднем сидении? - У Кристины перехватило дыхание. Вчера они действительно занимались сексом, загнав машину в лес. И она не могла сказать, что это было хуже, чем в гостинице. Это всегда было мучительно прекрасно. Да и куда можно поехать ночью? Но после слов подруги, Кристина почувствовала себя шлюшкой, которую можно взять где угодно. Хотя сама Корзина отдалась бы Максиму и на Красной площади, если бы тот пожелал.

Благословенны мобильные телефоны, можно сослаться на потерю связи, что Кристина и сделала, нажав отбой. Второй раз Корзина спрашивать о сексе постеснялась. Ничто в ее голосе во время разговора не напоминало о вчерашней истерике. Похоже, взяла себя в руки и на работе сделает вид, что между ней и Максимом все по-прежнему.

Поболтав немного, Кристина попрощалась, сославшись на несуществующего клиента на второй линии. Потом долго сидела, глядя прямо перед собой, и думала. Вчера между ними что-то произошло, сегодня проявилось в голосе Корзины, и это что-то теперь будет мешать их дружбе. «Только этого не хватало, потерять из-за мужика подругу», - пробормотала Кристина, вылезая из-под одеяла. Возле кровати всегда стояли кроссовки. Совет, вычитанный из спортивного журнала. Если наденешь вместо тапок, пробежки не избежать. Да она, в общем-то, и не собирается отлынивать. Погода прекрасная. И пусть Витька уже ушел на работу, она отлично побеждает одна. Сегодня ей было хорошо. Похоже, Корзине удалось ее убедить, что им, как половинкам, суждено быть вместе. В том, что они половинки, сомнений не было, а все остальное решать тем наверху, кто их свел вместе. Кристина вспомнила, как вчера они набросились друг на друга, как слились их тела, как стало сладко и хорошо. Так, словно единственное состояние, в котором она может существовать, это когда он внутри.

Выйдя из калитки, она вдруг заметила Витьку. Он сидел на берегу и смотрел на воду. Кристина подошла к нему. Выглядел он серьезным и поникшим.

- Привет, я думала ты на работе.

Витька окинул ее грустным взглядом зеленых глаз. И не было в нем ставшего уже необходимым желания, перемешанного с восхищением. Он даже не поднялся.

- Взял выходной. Есть дела. Ты бегать собираешься?

- Не хочешь присоединиться? – Кристина попыталась улыбнуться, но его настрой уже передался ей. Сердце сжалось в груди.

- Не хочу. Не то настроение.

Она пожала плечами.

- Я думала, ты ждешь меня. Сидишь напротив моего дома. - Витя вздохнул. Медленно поднялся с травы. Теперь их глаза оказались почти на одном

уровне. Кристина лишь немного была ниже. Она почувствовала такой родной запах его тела, ей захотелось прижаться к нему. – Ты даже не поцелуешь меня?

- Здесь люди, окна. Люди, которые смотрят в окна.

Все это было так не похоже на него, что Кристина решилась.

- Послушай, если что-то произошло, тебе лучше сразу сказать. Терпеть не могу, когда меня водят за нос.

- Ну да, ты же у нас крутая.

Кристина вздернула подбородок. Да что он знает, выросший в тепле и родительском уюте, о жизни? По его рассказам, у него было чудесное детство, несколько лет он жил вместе с родителями в Италии. Это как раз почти в то же самое время, когда у нее отняли родину и дом. Витька ходил галерею Уффици с мамой, а она ложилась под Петровича, чтобы их не выгнали на улицу. Он учился в университете, чтобы получить экономическое образование, а она вкалывала официанткой в пиццерии, чтобы иметь возможность снять маленькую комнату и купить лекарства для мамы. Ее будущее перечеркнули в самом начале, его складывалось, как песня, куплет за куплетом. Даже его брак с двумя чудесными дочками никак нельзя сравнить с ее браком со смертельно больным человеком. И даже сейчас судьба-шлюха не оставляет ее в покое. Ведь она могла послать ей в утешение нормального свободного мужика, а не женатика с проблемами.

Кристина разозлилась, ей даже захотелось ударить Витьку.

- Знаешь, я своей крутости долго добивалась, - бросила она, выходя на дорожку. Витька ее не остановил. Она бежала по берегу озера, а по лицу текли слезы. Вся ее бестолковая жизнь встала перед ней во всем своем отвратительном облики. Да как он смеет их сравнивать?! Пусть катится этот маменькин сынок и образцовый отец, куда подальше из ее жизни. Возле моста ей вдруг пришла в голову шальная мысль позвонить своей врагине и предложить разделить наследство. Она продаст этот дом, возьмет свою половину и купит, а, может быть, построит сама, дом поменьше и подальше. Ей все равно тошно от самодовольных кротовских соседей, которые при виде ее отворачиваются, словно она прокаженная. А что она сделала плохого? Подарила два года своей жизни умирающему от СПИДа? Ей тогда казалось, что ее жизнь похожа на жизнь медсестры. Укол для мамы, укол для Андрея. Не забыть лекарство тому и этому. Подбодрить обоих. По ночам, когда они убаюканными лекарствами спали, ее навещала бессонница, с которой они вместе коротали время на балконе. Кристина сидела, завернувшись в плед, в своем любимом плетеном кресле до тех пор, пока какая-нибудь шальная птичка не начинала петь о том, что начался новый день. Тогда она ложилась в постель и засыпала.

Солнце высушило слезы на щеках, а быстрый бег примирил с несовершенством мира. Пусть Витька не портит ей день. Вот если бы получилось думать о нем поменьше. Быть такой же спокойной, как с Сергеем. Но ведь тогда и не будет таких чувств, и не будет сжиматься сердце от одной только мысли о его поцелуе. Да что она хочет-то? Разобраться-то надо с собой. Да только вот нет мира в душе, с тех пор как они познакомились. Еще с каменного белого моста, на котором когда-то пел Шаляпин, а теперь фотографировались новоиспеченные молодожены, она пыталась разглядеть ждет ли ее Витька. Вся злость куда-то прошла, хотелось запустить руку в его кудрявые волосы. Витьки не было. Она остановилась, сделала несколько вдохов, пытаюсь восстановить дыхание и не поддаться разочарованию, что его уже нет. Дыхание восстановилась, разочарование наступило.

Иногда ей казалось, если бы они сели где-нибудь под соснами и все честно обсудили, обоим стало бы легче. Но Витька не был ни открытым, ни откровенным, он предпочитал говорить хочу, а не люблю.

Кристина вздохнула, запирая калитку на засов. Маму еще вчера отвезли на обследование, так что Кристина была совершенно одна. Приняв душ, она прошлепала босиком на кухню и, критически оглядывая холодильник, решила послать овсянку к черту. Сварила кофе, сделала горячие бутерброды с сыром и белым хлебом, погрузила все это на поднос. Услышала мелодию из «Крестного отца». Ругнулась, спеша в соседнюю комнату за телефоном, пытаюсь на ходу угадать, какому из клиентов с утра неймется.

Но это был Витька.

- Ну как пробежка? – его голос снова был насмешливым. Таким, как всегда.
- Как обычно чудесно.
- У тебя есть сегодня время?

Несмотря на перехватившее дыхание, Кристина нашла в себе силы поддразнить его.

- А сколько времени тебе нужно?
- Весь день. – Он помолчал. – Этот день, я хочу провести с тобой.
- Что это вдруг? Жена уехала и дочкам не нужно внимание заботливого отца?
- Крис, я уезжаю. Надолго. Ты найдешь для меня время?

Она едва успела подкрасить глаза и сделать пару глотков кофе, как оказалась в Витькиных крепких руках. Только он мог так быстро и нежно, целуя каждый оголившийся кусочек кожи, снимать с нее одежду. Только с ним, ликуя, сливалась каждая клеточка кожи. Только с ним удовлетворенное только что желание возвращалось с новой силой. Она даже забыла спросить, куда он уезжает. Сейчас, когда весь мир валялся где-то внизу, это казалось

невозможным. Да как он может куда-то от нее уехать? Да он даже уходить не имеет права. Потому что ни с кем не будет, так как с ней.

- Ты знаешь, что мы половинки?

Витя удивленно посмотрел на нее.

- Половинки?

- Да, есть такая сказка, что сначала было одно целое, которое потом разъединили, сделав мужчину и женщину. С тех пор они ищут друг друга.

- Не знаю на счет половинок. Но так как с тобой, у меня никогда не было. –

Он казался смущенным. - Мне нужно кое-что тебе сказать.

- Ты уже сказал, что ты уезжаешь.

- Да. На год или два.

Кристина освободилась из его рук и села. Длинные перекинувшиеся вперед волосы закрыли ее до пояса. Она нетерпеливо откинула их назад. Витка протянул руку к ее груди, но она поймала ее.

- Как ты можешь уехать от меня?

Он поднес руку к своим губам, подышал на пальцы, потом прислонил к своему лицу.

- Считай, что это командировка. Повышение по работе. Стажировка. Называй это как хочешь. Шанс, который я не могу упустить. Такое бывает раз в жизни. Когда вернусь моя зарплата...

Кристина выдернула руку. Мужчины всегда думают о карьере и ставят работу на первое место. Потом семью. А она, видимо, на третьем. С ней даже не обсуждали. Желу он, наверно, спросил. Или они едут вместе? Кристина почувствовала, как на нее нахлынуло отчаяние. Как прожить год или два без его рук, без их сумасшедшего секса? По сравнению с возникшей ситуацией настоящая показалась не такой уж и плохой. Они, по-крайней мере, встречались. Пусть урывками, но встречались.

- Крис...

- Значит, наши отношения для тебя ничего не значат?

- Ну почему? Я очень хорошо к тебе отношусь.

- Я тоже хорошо отношусь к собакам и лошадям. Эти слова ни о чем.

Он молчал, вовсе не собираясь признаваться ей в любви.

- Надеюсь, жена едет вместе с тобой?

- Она не хочет уезжать.

- Вот дура.

- Ты не должна так говорить.

Кристина все же почувствовала себя немного лучше от того, что он едет без жены.

- Я буду вспоминать наши встречи и, конечно, я буду иногда приезжать. Лондон ведь не так далеко.

Стажировка в Лондоне. Какой мужик откажется от этого? Странно, но она никогда не считала Витьку карьеристом. Даже подумать не могла, что он из тех, кого посылают в Лондон. На нее он всегда производил впечатление тихони, который просиживает восемь часов, не сильно заботясь о самореализации. И, вообще, она даже не знает, где он работает. Словно угадав ее вопрос, Витька ответил сам:

- Сейчас я занимаю должность финансового контролера в одной из иностранных компаний, продающих нефтяное оборудование. А после стажировки смогу стать финансовым директором. Уже есть такая договоренность с руководством.

Кроме удивления, Витькины слова вызвали досаду. Если бы у нее была возможность получить высшее образование, она бы тоже могла выстроить карьеру. А так остается довольствоваться работой в агентстве недвижимости, куда всех принимают. От досады и чувства зависти, она снова внимательно оглядела Витьку. И она так гордилась тем, что разбирается в людях?! Ведь своих клиентов она на раз вычисляет, а тут дала маху. Да она даже ни разу не видела Витьку в костюме. И машина у него самая обычная. Тайота рафт четыре старой модели.

- Даже не думала, что ты...

- Да ты, вообще, мужиков ни в грош не ставишь, - рассмеялся Витька.

- Но в Англии нужен английский, - не могла успокоиться Кристина. Английский был для нее предметом мечтаний, она даже закончила курсы, но далеко без практики не продвинулась.

- Английским я владею свободно, итальянский разговорный, - Витька улыбнулся явно довольный произведенным впечатлением, а потом схватил Кристину в объятия и начал целовать по очереди в щеки, лоб, губы. Потом ласково произнес:

- И мне все равно до тебя, как до неба.

- Почему? - Кристина чуть не плакала, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

- Ты выглядишь так, словно тебе принадлежит весь мир.

Кристина оттолкнула его.

- Ты просто хочешь меня успокоить.

- Нет, я считаю так на самом деле. И я на самом деле не знаю, как расстаться с тобой. Лучше тебя у меня никого не было, - он хитро улыбнулся. - Знаю, ты хочешь, чтобы я сказал и не будет. И я скажу. Не будет. Но я должен поехать. К тому же эта ситуация, как нельзя лучше все расставит по местам.

- То есть ты меня бросаешь?

Витька сверкнул зелеными глазами и усмехнулся.

- Есть вещи, которые нужно сделать для себя. Если откажусь, то не смогу спокойно жить, понимая, что упустил шанс. И в конце концов, моя

неудовлетворенность выплеснется на того человека. Ты же не хочешь быть этим человеком?

- Черт бы тебя побрал, Витька.

- Крис, - он ласково погладил ее по волосам. – А давай устроим праздник. Купим шампанского или вина. Всего того, что ты когда-нибудь хотела поесть, но было жалко денег. Или если хочешь, пойдем в ресторан. Самый лучший. Пусть этот день останется в нашей памяти, как веселый день, а не грустный. Я где-то читал, что расставаться нужно так, словно встретишься через пять минут, а встречаться, как будто не виделись несколько лет. Ведь мы же не расстаемся.

- Знаешь, от твоей положительности бывает тошно. Но я попробую не грустить.

- Так что ты выбираешь праздник здесь или в ресторане?

- Я не хочу в ресторан. Мы сядем в компании Пети и Паши, там сейчас не будет солнца, а потом перейдем к Иуде, а потом...

- Нет, не согласен. К Иуде мы перейдем только после посещения спальни.

Глава 21

На следующее утро после единственного волшебного дня, который они провели вместе, Кристина долго не могла заставить себя встать с кровати. И дело было даже вовсе не в спиртных напитках, которые они славно перемешали, а в нахлынувшем чувстве потерянности. Зачем вставать, если его здесь нет? Она зарылась в подушку и заплакала. Мало было кукольных мучений, когда Витька уходил к жене и дочкам? Так теперь его и вовсе отняли. Слезы текли в подушку, голова раскалывалась, сердце ныло, словно его разрезали на две части. Только сейчас она вдруг осознала, как отчаянно влюбилась. А после вчерашнего еще больше. Они отключили телефоны и почти не вставали с постели. Часть продуктов так и осталась даже нераспакованной. От волнения она почти не могла, есть, и Витька кормил ее с рук. Уже поздно ночью, когда он собрался уходить, она все-таки задала мучивший ее вопрос.

- Вить, а мы совсем не будем общаться?

- Ты думаешь, это можно сделать на расстоянии?

- Но мы можем хотя бы разговаривать. Есть же скайп, аськи, вотсап.

- Крис, лучше не надо. – Он поцеловал ее в шею, но она отстранилась. – Слишком тяжело будет слышать твой голос и понимать, что я не могу прикоснуться к тебе.

- Ну почему ты все сводишь к сексу? Мы могли бы лучше узнать друг друга.

- Я знаю тебя очень хорошо, - он поцеловал ее долгим поцелуем. – Так хорошо, что не понимаю, где кончается мое тело и начинается твое. Особенно когда я в тебе.

- Тогда почему мы расстаемся?

- Потому что я больше так не могу. Нужно сделать паузу. Успокоиться. Побывать одному. Я догадываюсь, что и тебе нелегко. Ты ревнуешь меня к жене, я тебя ко всем мужикам. Но если мы начнем что-то менять, мы все разрушим.

- Но ты меняешь...

- Это не совсем то. Перемена сама вошла в мою жизнь, и я с ней согласился. Поплыл по течению. Это всего лишь пауза.

Кристина разозлилась.

- Да неужели ты думаешь, что я буду сидеть на берегу и ждать два года?

Он усмехнулся.

- Никаких иллюзий. Это не в твоем характере. Ты, наоборот, попытаешься меня забыть, кинешься в чужие объятия. Другие мужчины будут ласкать тебя.

- Ты не ревнуешь?

- Я устал от ревности. Пусть будет, что будет. Работа займет все мое время.

- Карьерист проклятый!

- Да! - он посмотрел на нее с вызовом. – Я люблю свою работу. К тому же будет интересно пожить в чужой стране. Все это опыт.

Под конец они чуть не поссорились. Витька в отличие от нее казался спокойным. Словно был рад, что уезжает. Конечно, тяжелее всего тем, кто остается. Когда он ушел, Кристина вышла на берег озера, сняла сарафан. Под сарафаном ничего не было. С тех пор, как она переехала сюда, ей хотелось поплавать голышом, но как-то не складывалось. Зато сейчас можно не опасаться, что ее кто-нибудь увидит. Три часа ночи. Вода казалась темной и неприветливой, но страха не было. Алкоголь всегда действовал на нее, что ей становилось море по колено. А тут всего лишь озеро. Она сплавала до другого берега. Вода ласкала тело, перебирала ставшие тяжелыми распущенные волосы. Кристина легла на спину. Сейчас боли почти не чувствовалось. Пусть уезжает. Так даже лучше. Она придет домой, допьет мартини и ляжет спать. А завтра начнет новую жизнь. В конце концов, она же только вчера думала о том, чтобы уехать. А тут все решилось.

Но сегодня новая жизнь никак не хотела начинаться. Странно, что даже телефон не звонит. Ах да, она же его выключила. Внезапно она похолодела. Мама, наверно, с ума сходит. Кристина заставила себя подняться и прошлепала босиком в гостиную. Посреди откупоренных бутылок и тарелок с нетронутыми деликатесами валялся телефон. Она поспешно включила его и

набрала пин код. Так и есть куча звонков от мамы. Она поспешно набрала мамин номер.

- Где ты была?

Кристина вздохнула.

- Прости, мам. Я не заметила, когда телефон разрядился.

- А ты где? – в голосе Иларии слышалось подозрение.

- Я дома. Спала.

- У тебя все в порядке?

Конечно, нет, мам. Я не знаю, как мне жить дальше. Тебе повезло, ты не знаешь, как влюбиться в чужого мужа. Вслух Кристина ответила, что все отлично. С облегчением услышала, что маму сегодня не выпишут. Продолжая разговаривать, девушка налила себе немного белого вина и выпила, слушая больничные новости. Когда маму позвали на процедуры, Кристина вышла на балкон. Вспомнила, как ночью купалась нагишом. Улыбнулась. Боль от расставания немного отпустила. Надо жить. Она обязана жить. Это всего лишь разлука. Если им суждено быть вместе, они будут. А если нет, она справится с не имеющим права на жизнь чувством. Она всегда и со всем справлялась. Тем более что Витька уехал.

Кристина заставила себя прибраться и вымыть полы. Потом вышла в сад. Прохаживаясь с чашкой кофе в руках, критически оглядывала свои владения. Лужайку следовало постричь, газон прополоть. Несмотря на то, что Кристине нравилось жить за городом, копаться в земле она не любила. Приходилось подключать соседей. За цветами ухаживала баба Вера, жившая через два дома, газон подстригал дядя Коля, время от времени уходивший в запой.

Кристина допила кофе и решила прогуляться. Вдруг ей повезет, и дядя Коля окажется трезвым и сможет постричь траву. Она не успела сделать и несколько шагов, как дорогу перегородил черный джип, из которого выскочили парочка бриготоголовых парней, которые обезьяньей походкой направились к ней. Сердце у Кристины замерло. Они подхватили ее под руки.

- Ну что, бэби, тебе придется с нами прокатиться. Кое-кто жаждет с тобой встретиться. - Одна из обезьяндохнула на нее перегаром. Кристина поспешно огляделась. Как назло вокруг никого не было, а парни уже теснили ее к машине. И Витька уехал, подумалось вдруг. От этой мысли стало вдруг особенно страшно, даже зубы застучали.

- Ну же, красавица, не заставляй применять силу. Всего лишь разговор.

Кристину затолкнули на заднее сидение. Гориллы сидели спереди, матерились и курили. Куда ее везут? Позже поняла, что в Москву. Или через Москву. Потом оказалось, что в Москву. Несмотря на неплохое знание

города, Кристина так и не смогла определить в каком районе оказалась. Водитель резко затормозил. Кристина посмотрела в окно. Кирпичное одноэтажное здание с ничего незначащей надписью «Бар» возле серой панельной девятиэтажки. Позади была дорога, но когда Кристина попыталась оглянуться, на нее прикрикнули и толкнули в спину.

В баре несколько столиков. Кристина сразу увидела ее. Марина выглядела роскошно. Длинные ухоженные волосы перекинуты на грудь. Нарощенные ресницы, аккуратный французский маникюр. Перед ней стоял бокал с шампанским. Крестину подтолкнули к стулу. Марина критически оглядела ее и усмехнулась.

- Бледно выглядишь, дорогуша. Похоже, сельская жизнь тебе не на пользу.

Несмотря на волнение, Крестину разозлили ее слова. Она и сама чувствовала себя неуверенно в стареньком домашнем сарафанчике, с кое-как подобранными волосами и в резиновых шлепанцах на босу ногу. Но она собиралась всего лишь зайти к соседу. Кристина одернула себя, что думает не о том и мысленно приказала себе собраться. После этого спокойно, даже равнодушно, спросила.

- Что тебе от меня надо?

- Ладно, если не хочешь поболтать, приступим сразу к делу. Мальчики, подождите в машине. У нас будет очень женский разговор. После того, когда они остались вдвоем, Марина вкрадчиво спросила:

- Выпить хочешь?

Кристина покачала головой. Еще подсыплет ей что-нибудь. С нее станется.

- У меня для тебя есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться. – Кристина молчала, и Марина, порывшись в сумке, достала папку. – Вот, смотри. Твоя подпись внизу и больше никто не будет тебя пугать. – Она положила перед ней отпечатанный лист бумаги.

- Что это такое?

- Договор мены.

- Но я не собираюсь ничего менять.

- У тебя нет другого выхода. – Марина сощурилась. – Если ты, конечно, хочешь, чтобы твоя обожаемая мамочка вышла из больницы живой, если уж здоровой ей не суждено выйти.

Кристина почувствовала, как по спине потекла струйка пота, а сердце ухнуло куда-то вниз. Пока пугали только ее, с этим можно было справляться, но они решили зайти с другой стороны.

- Мама здесь не причем. Оставьте ее в покое.

- Оставим после подписания договора. Но если ты не подпишешь... – Марина хищно улыбнулась, словно позировала для фотографа. Ровные, явно

сделанные, белые зубы. – Знаешь, как легко убить в больнице? Твоей маме ведь делают капельницу, не так ли? Нужно всего лишь подкрутить клапан, и сердце не справится со слишком быстро введенным лекарством. - Кристина побледнела. Сволочи. Надо было раньше убить эту суку. Какого черта она ждала так долго? Ведь понимала же, что им двоим не жить на этом свете.

- Вот только попробуй что-нибудь сделать. Я засажу тебя за решетку.

Марина фыркнула.

- Ты не сможешь ничего доказать. Твоя мама тихо умрет в больнице. Никто не догадается почему. Если ты сегодня не поставишь подпись на этом договоре. Поверь мне, я достаточно щедра. Не оставляю тебя, беженку, на улице.

Кристина чуть не вцепилась ей в волосы, но сдержалась. Это ничего не даст. Она поквитается после. Буквы прыгали перед глазами. Заставила себя собраться и дочитать договор до конца. Щедрое предложение заключалось в том, что унаследованный ею дом обменивался на однокомнатную квартиру в пятиэтажке на улице Юных Ленинцев. Мозг Кристины лихорадочно заработал. Надо потянуть время, чтобы решить проблему. Она вдруг осознала, что до сих не уничтожила соперницу только из жалости. Надеялась, что все как-нибудь обойдется. Теперь у нее нет другого выхода. Кристина перевернула страницу и сделала вид, что читает. Идея появилась в тот момент, когда взгляд уткнулся в ее паспортные данные. Конечно, это был блеф, но вряд ли они получали выписку из реестра.

Марина нетерпеливо постукивала пальцами по столу.

Кристина положила перед ней договор.

- Я не могу это подписать, потому что не являюсь собственницей.

- Что?

- Я подарила этот дом маме. Так что убивать ее не имеет смысла. Тогда все зависнет на шесть месяцев. – Она пояснила. – Вступление в наследство занимает шесть месяцев.

Марина побледнела, и Кристина поняла, что сделала правильный ход. Врагиня не получала выписку из реестра и не могла знать, что это неправда.

- Слушай, ты не умничай, а?

Кристина пожала плечами. Ей стало легче, хотя руки все равно дрожали. Она спрятала их под стол и сцепила пальцы.

Марина достала из сумочки сигареты «Вог» с ментолом и закурила. После пары затяжек выдавила из себя:

- Тогда пусть твоя мать подписывает.

Кристина сглотнула. Во рту было сухо. Ответственный момент. От того, как она это скажет, зависит ее жизнь.

- Хорошо, я постараюсь ее убедить.

- Ты только очень постарайся.

Кристина кивнула и уткнулась взглядом в стол. Она должна выглядеть грустной и подавленной. Врагиня не должна заподозрить ловушку.

- Когда мы сможем подписать?

- Завтра.

- Где встретимся?

- В доме. Мама слишком плохо себя чувствует, чтобы куда-то ехать. -

Кристина сделала паузу. – И будь добра, оставь своих мальчиков у ворот. – Она насмешливо посмотрела на Марину. – Надеюсь, ты меня не боишься?

Марина вздернула подбородок. Кристина с удивлением заметила, что делает так же, когда ее что-то задевает. Почувствовав себя хозяйкой положения, она встала и направилась к выходу. Парни перегородили ей дорогу. Она оглянулась на Марину.

- Все в порядке, - бросила им девушка. – Она может идти.

Кристина направилась к дороге, соображая, как ей добраться домой. Ведь у нее даже денег нет. В конце концов, поймала такси. Расплатиться можно и на месте. В машине мурлыкало радио шансон, под который Кристина тщательно обдумывала свой план. Права на ошибку у нее не было. И уже, подъезжая к дому, поняла, что за все это время ни разу не вспомнила о Витьке. Усмехнулась. Ну, хоть это хорошо. Может, со временем и удастся его забыть.

Глава 22

Расплатившись с водителем, Кристина набрала номер Корзины.

- Привет, Корзина.

- Привет, Ворона.

- Как твои дела?

- Да ничего. Вчера был концерт. Потом... – Корзина вдруг замолчала.

Кристина быстро продолжила за нее.

- Потом вы поднялись к тебе и провели полночи, попивая виски с кофе и болтая о полутонах в музыке.

- Ты думаешь, я дура?

- Прекрати. Делай то, что тебе нравится и наплюй на всех. А на меня в первую очередь. Я, вообще-то звоню по делу. У меня просьба. Большая.

- Ну, говори, не тяни. – В голосе подруги явно слышалось желание помочь.

- Не совсем обычная просьба.

- Ну?

- Завтра маму выписывают из больницы. А у меня очень важная встреча. На миллион долларов. Долго объяснять, но придется ехать в Подмоскovie и возможно там остаться.

- Надеюсь, встреча с Витькой?

Кристина чувствовала, что между ними встал стена. Куда-то исчезла легкость. Появилось чувство вины. Раньше бы Кристина обязательно позвонила и рассказала про Витькин отъезд и их чудесную ночь. А тут не смогла. Даже желания не возникло.

- Витька уехал. На год или два.

Она вкратце обрисовала ситуацию. В голосе подруги слышалось сочувствие.

- Ну и как ты? Переживаешь?

- Отпереживала уже. Может, так и лучше будет. С глаз долой. Так ты поможешь с мамой? Мне обязательно надо попасть на эту встречу и получить заказ.

Слава Богу, Корзина никогда не расспрашивала, хотя и с удовольствием слушала байки про клиентов, и каждый раз восхищалась подругой, восклицая, что сама бы и дня не выдержала на такой работе.

- Хорошо, я все сделаю. Маму нужно привезти домой и остаться до твоего приезда?

- Забери ее к себе на такси. Я все оплачу. Заеду утром. У тебя же есть свободная комната. – В молчании подруги чувствовалось удивление, и Кристина, опасаясь вопросов, быстро затараторила. – Дело в том, что я задумала освежить стены и договорилась с малярами. Как раз завтра выходят на работу. А маму тошнит от запаха краски. – Кристина перевела дух. Господи, как объяснить маме, почему стены остались непокрашенными. Но это все будет потом. При удачном стечении обстоятельств. А при неудачном, она окажется в тюрьме. Кристина почувствовала, что майка прилипла к телу. Она провела рукой по мокрому лбу. Корзина записала адрес больницы. Уверила, что все будет в порядке. Пошутила, что если Кристина сделает эту сделку, с нее причитается. Кристина нервно рассмеялась. Если третье убийство сойдет ей с рук, она затараторит большой праздник в самом лучшем ресторане, и всю оставшуюся жизнь будет жить на одну зарплату риэлтора. Только бы прокатило.

Закончив разговор, Кристина вышла на балкон, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Наверно, надо поплавать. И тут же себя ругнула. Лучше сиди и думай. На все про все у нее одна ночь. Внезапно, Кристина вспомнила, что надо купить аспирин. О том, что у Марины аллергия на аспирин она узнала от Андрея. Он же ей рассказывал, что однажды его сестра чуть не умерла, когда какая-то из ее подруг, желая помочь избавиться от головной боли, бросила шипучую таблетку в стакан с водой. Пришлось вызывать скорую помощь. У Марины так распух язык, что не помещался во рту, и она чуть не задохнулась.

Какое счастье, что таблетку аспирина можно незаметно растворить в стакане. А что, если врагиня не захочет выпить воды? Каждый раз, задавая себе этот вопрос, Кристина холодела от страха. Или выпьет воды, а на нее это не подействует? Что тогда? Подсыпать яду или стукнуть по голове чем-нибудь тяжелым? Но как потом избавиться от тела? Даже если Марина придет одна, парочка ее орангутангов будут ждать у ворот свою хозяйку в надежде на вознаграждение. Другое дело, если Кристина выбежит к ним с криком: «Помогите!» Не слишком быстро, конечно, а уже когда будет поздно что-нибудь сделать. Кристине придется выглядеть очень и очень убедительно, потому что на нее падут подозрения. Самое лучшее, если парни смотаются от испуга, то их заподозрят, а она останется одна.

Кристина поежилась. На улице похолодало, поднялся ветер. Она достала из шкафа кофту и накинула на плечи. До аптеки дойдет пешком. Кристина вышла и медленно пошла вдоль озера, изредка здороваясь с соседями. Странно, она чувствовала себя почти спокойной. Злость на Марину и тем, кому все дается от рождения, копилась с тех самых пор, когда она отдалась Петровичу. Двенадцать сосен воспринимались, как собственный дом, который она заслужила. Своим телом. В конце концов, ни родная сестра, а именно она, Кристина, помогла прожить Андрею самую трудную часть его жизни. И если бы он не попросил, она бы никогда... Впрочем, одернула она себя: ни об этом надо думать.

Когда лучше пригласить Марину? В какое время лучше всего спланировать убийство? Завтра среда. Обычный день недели. Значит, народу на озере будет немного. К счастью, дом стоял у самого леса, почти рядом с мостиком. Соседи только с одной стороны, да и то уехали в отпуск. Вход в воду был не очень хорошим, так что мало кому приходила идея расположиться здесь для купания. Рыбаки бывали, но не часто. Часиков в одиннадцать, когда все уедут на работу, будет идеально. Если только ее врагиня встает так рано, чтобы успеть приехать из Москвы за город.

Кристина дошла до знакомого забора и с тоской посмотрела на квадратный дом из желтого кирпича. Окна в доме закрыты ставнями. Дом казался осиротевшим, как и само озеро. Витька говорил, что после его отъезда жена с дочками и родителями собирались поехать на юг. Удивительно, как меняется мир, когда из него уезжает человек, который тебе нужен. Витька, как же я тебя люблю. Я уже соскучилась и не переживу даже года, не то, что двух. В голову заползли воспоминания, как они целовались на островке, возле которого сейчас приютилась лодка. Кто-то там вместо них занимается любовью.

- Девушка, идите к нам, - слышался самоуверенный мужской голос, принадлежавший кому-то из расположившейся на берегу компании.

Кристина отвернулась и ускорила шаг. Счастливые люди могли жарить шашлыки, в то время как она должна спланировать все до мелочей и в очередной раз победить. Или же... Нет, если что-то пойдет не так, она никогда не увидит Витьку. Почему-то эта мысль показалась ей самой обидной. Предательский голосок внутри зашептал: «Ты еще можешь отказаться. Ты же не остаешься на улице, у тебя будет маленькая квартирка в пятиэтажке». Ну уж нет. Я не могу остаться без Двенадцати сосен и без озера. Я заслужила это. Настанет день, когда Витька приедет, и мы... Он не может не приехать, мы половинки. Ей вдруг так захотелось оказаться в теплом кольце его ласковых рук. Интересно, он тоже скучает по ней? Зазвонивший телефон вернул ее в реальность.

- Ну что, мать привезла?

- Приходи завтра в одиннадцать, - в тон Марине ответила Кристина. – И оставь своих... телохранителей за забором. Если маме станет плохо, мы не сможем освободить дом.

- Не командуй, беженка.

Марина дала отбой. Ну вот и все. Последнее слово решило твою судьбу. Я убью тебя без сожаления. Твоя смерть будет, к сожалению, быстрой. И я заставлю тебя выпить этот стакан воды с аспирином, даже если мне придется влить его в твое проклятое горло. Кристина остановилась на берегу, глядя на воду. В зеленоватой воде отражались темные облака. Она подняла глаза к небу.

- Эй, кукольник, ты pomoжешь мне в третий раз?

Аптека оказалась закрыта по техническим причинам. Кристина повернулась и пошла обратно к дому, мучаясь мыслью, был ли это знак, что аспирин не подходит. Пришлось сесть в Кошку и поехать в Жуковский в дежурную аптеку. Вернувшись, она сделала себе коктейль из мартини с водкой и вышла в сад. Это было ее любимое время, когда уходящее солнце окрашивало сосны в золотистый цвет. Повинуясь внезапному инстинкту, она по очереди подходила к каждой сосне и, прижимаясь щекой к шершавой коре, обхватывала ее руками. Как знать, может быть, уже завтра кукольник подставит очередную подножку, и она больше никогда их не увидит.

Пообнимавшись с соснами, Кристина выпила коктейль, обдумывая предстоящий день. Она посадит свою жертву в гостиной. На столе графин с водой, в которой растворена упаковка аспирина. Мысли путались. Вопросы возникали. Что, если врагиня принесет воду в бутылке с собой? Что, если... Кристина почувствовала, как сжалось сердце. Может, это ее последний день в Двенадцати соснах? Что будет с мамой, если ее посадят?

Настал момент, когда ей вдруг стало жаль Марину. Осознав, что она больше не может ничего придумать, Кристина поднялась к себе и забралась в постель. Несмотря на теплую ночь, ее трясло от волнения, и она была уверена, что не уснет, но сама не заметила, как провалилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 23

Кристина проснулась в шесть утра. Она зарылась в подушку, пытаясь отсрочить наступивший день и еще поспать. Но ничего не вышло. Ее бросало то в жар, то в холод, пока она не положила под язык таблетку валидола, который иногда использовала при бессоннице. Волнение немного улеглось, и девушка, накинув халат, вышла на балкон. Ежедневный летний ритуал. День обещал быть жарким. Утонувшее в туманной дымке озеро манило к себе. Что, если пойти поплавать? Некоторое время Кристина обдумывала эту мысль и, в конце концов, вернулась в комнату и натянула купальник. Если кукольник решит, что сегодня будет ее последний день на свободе, лучше получить удовольствие. К тому же плавание взбодрит ее, зарядит энергией, и она спокойно и хладнокровно... Ну да, убьет свою врагиню. Кристина передернула плечами. Лучше сейчас не думать об этом. Насколько возможно.

Мысли закручивались штопором вокруг предполагаемого события, сердце то сжималось, то падало вниз и замирало. Плавать она не могла, руки и ноги то ли от волнения, то ли от валидола, казались ватными. Впервые в жизни Кристина подумала, что может утонуть. Не получив никакого удовольствия, она выбралась на берег и побрела к дому.

Звонок раздался, когда она в сотый раз проверяла, растворился ли в графине аспирин. Ноги приросли к полу, и она не могла пошевелиться. А если сделать вид, что никого нет дома? Мама у Корзины, можно выждать время и куда-нибудь уехать. Звонок снова издал переливчатую трель, и Кристина пошла открывать.

Марина и ее «мальчики» стояли прямо перед ней. На ухоженном лице врагини непроницаемая маска. Светлые волосы собраны в конский хвост на макушке. Открытое черное платье без рукавов в продольную полоску.

Уткнувшись в насупившийся взгляд одного из «мальчиков», Кристина спокойно проговорила:

- Надеюсь, ты не побоишься зайти одна? Тебе же не захочется, чтобы сделку признали недействительной из-за того, что она заключена под

принуждением? А, глядя на твоих сопровождающих, иначе не подумаешь, – Кристине удалось изобразить ироническую улыбку.

- Может, пойти проверить, что там у нее? – спросил тот, кто был слева.

- Да ладно уж, - сморщила носик Марина. - Не думаю, что она осмелится. Оставляйтесь здесь.

Марина вошла в калитку. Кристина поспешно захлопнула дверь на щеколду.

- Мне кажется, что в эпоху моего братца здесь все выглядело поухоженнее, - иронично заметила врагиня, продвигаясь к входу и оглядывая сад собственническим взглядом. – Ты все запустила. Таким, как ты лучше жить в городе.

Кристина промолчала. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. Одного взгляда на маленькую сумочку врагини достаточно, чтобы понять: бутылки воды в ней нет. Войдя за соперницей, Кристина тихонько закрыла дверь на хитрый замок. На всякий случай. Марина даже не повернулась.

Все окна в гостиной, куда гостя направилась без приглашения, закрыты. Рассчитанный шаг. Для того чтобы захотелось пить, должно быть жарко и душно. Марина уселась на стул с высокой спинкой. Положила черную папку на стол, сумочку оставила на коленях. Выжидательно посмотрела на усевшуюся напротив Кристину.

- Давай я прочитаю договор, а потом позову маму. Она очень плохо себя чувствует, чтобы долго сидеть.

Марина еле заметно кивнула и, достав из сумки бумаги, подвинула их Кристине. Буквы прыгали перед глазами, не складываясь в слова. Нужно потянуть время. Через пять минут Кристина взяла высокий стакан и налила себе воды.

- Ну и духотища здесь, - заметила Марина.

Не поднимая головы, Кристина предложила воды, кивнув на графин.

- Не хочу. Давай поскорее закончим. И открой окно, дышать нечем.

Кристина и сама чувствовала, как прилипло платье к спине.

- Не могу. Маме вредны сквозняки. Неужели ты не можешь потерпеть?

- Тогда давай скорее, - Марина схватила листки и начала ими обмахиваться, словно веером. Кристина, откинувшись, на спинку стула делала вид, что читает договор, попивая воду маленькими глоточками.

Через некоторое время она посмотрела на Марину, на лбу которой появились капельки пота, проступив через тональный крем.

- Ну что ж, все в порядке. Остается только узнать, откуда ты взяла мамины паспортные данные?

Не удостоив ответом, Марина повела загорелым плечом. Якобы, таким как она, это не сложно.

Кристина поставила пустой стакан на стол.

- Пойду за мамой.

Уже поднимаясь по лестнице, заметила, что Марина потянулась к графину. Только бы она выпила достаточно воды, а не пару глотков.

Оставшись одна, Кристина села на кровать и сжалась в комочек.

Когда вернулась, Марина надсадно кашляла и держалась за горло. Сумочка валялась на полу.

- Что там? – захрипела она. – Кристина посмотрела на графин. Похоже, что оставшись в одиночестве, гостья изрядно к нему приложилась. Концентрация аспирина была гораздо выше положенной шипучей таблетки на стакан жидкости.

- Просто вода. Ты же видела, что я ее пила, - Кристина остановилась возле нее, подняла сумочку и положила подальше на диван. – Мама сейчас спустится.

Соперница зашла в приступе кашля, ее лицо еще больше покраснело, а губы пухли на глазах, словно в них непрерывно добавляли силикона. Взгляд голубых, густо подведенных глаз, молил о помощи, но Кристина, скрестив руки на груди, заставила себя остаться на месте. Марина дернула рукой и, потеряв равновесие, свалилась со стула. Кристина поспешно встала возле нее на колени. Распухший язык соперницы вываливался изо рта. Некогда красивое лицо стало уродливой маской.

Все прежние доводы потеряли смысл. Глядя на задыхающуюся Марину, Кристина вдруг поняла, что не сможет ее убить. И неважно, что будет с ней самой потом. Она схватила валявшийся рядом мобильный телефон и несколько раз набрала «ноль три». Связи не было. После этого подобрала сумочку Марины и вытащила ее мобильник. Та же самая история. Решив позвать на помощь, Кристина выскочила в коридор, но входная дверь не поддавалась. Девушка несколько раз засадила в нее кулаком, пока не вспомнила, что сама же ее заперла. И тут произошла странная вещь. Замок заклинило. Кристина забарабанила в дверь, понимая, что ее никто не услышит. Тогда она бросилась в гостиную и распахнула все окна. Осторожно подошла к Марине и, даже не дотрагиваясь, поняла, что та мертва.

И тут у Кристины, как у боксера, который уже не мог подняться после нокаута, открылось второе дыхание. Она схватила валяющиеся на столе договора и порвала их на мелкие кусочки, которые поспешно спустила в унитаз. Первой мыслью было вылить воду из графина, но она подумала, что вполне может оставить ее, сославшись на то, что привыкла принимать аспирин каждый день для разжижения крови. Немного поколебавшись, долила из фильтра воды, чтобы уменьшить концентрацию. Потом снова

рванулась к двери, которая против ожиданий, спокойно открылась. Кристина выбежала к джипу с затемненными стеклами и забарабанила в окно.

- Что такое?

- Помогите. С ней что-то случилось. Она вдруг начала задыхаться.

Парни, ругаясь матом, выскочили из машины и пошли за Кристиной. Оба наклонились над Мариной. Один из них хотел пощупать пульс, но другой схватил его за руку.

- Не трогай ее! Не видишь, она кони откинула.

- Ты убила ее! – заорал один из них, подскакивая к Кристине и хватая ее за горло. – Дрянь! Ты убила ее, чтобы не подписывать договор.

Кристина прохрипела:

- Я вызвала милицию. На вас повесят двойное убийство.

Парни переглянулись. Один из них заорал, что нужно сматывать. Хватка ослабла. Кристина разжала его руки и откашлялась. Она хотела еще что-то сказать, но парни, косолапо ступая и ругаясь, спешили к входной двери. Кристина бросилась за ними на озеро. Еще вчера она предусмотрительно обнулила баланс мобильного, чтобы у нее не было возможности вызвать скорую помощь. Дальнейшее происходило, как разыгрываемая мелодия по нотам. С перекошенным лицом она бегала среди людей на пляже, спрашивая, есть ли среди них врач.

Бригада приехала через полчаса. Жара, много вызовов, пробка на Раменском шоссе. К этому времени Кристина успела немного прийти в себя и отредактировать старую версию. Несмотря на волнение, она успела заметить, что убийство непризнанной наследницы произошло по тому же сценарию, что и сейчас. В мире, согласно теории Эйнштейна, действует так называемый закон парности: все, что произошло, обязательно повторяется через определенный период времени. Причем повторяется даже на уровне микрочастиц. Милая старушка, неизвестно откуда взявшаяся на пляже, отпаивающая Кристину валерьянкой, была копией соседки Петровича, которая забрала ее к себе. Следовательно с усталыми глазами был похож на того, который допрашивал ее десять лет назад.

Кристина рассказала придуманную версию: Марина приехала, чтобы взять свидетельство о смерти брата, которое понадобилось для оформления каких-то дел по наследству. Приехала раньше времени, и Кристина отправилась искать документ. Искала достаточно долго, а когда вернулась, обнаружила, что Марина задыхается.

- Вы пытались оказать первую помощь?

- Я не умею этого делать. Я хотела вызвать скорую, но поняла, что телефон не работает при отрицательном балансе. Я пыталась с телефона Марины, но у меня не получилось.

- Неужели вы не знаете, что набор «ноль три» и «ноль два» не работают с мобильного телефона, нужно было звонить «сто двенадцать»?
- Я не знала. Мне не доводилось попадать в такие ситуации. – Внезапно она вспомнила о смерти Андрея. Кто тогда вызывал скорую? Мама или кто-нибудь из соседей? Глядя на ее измученное лицо, следователь смягчился и перешел к дальнейшим расспросам об их отношениях с Мариной и обстоятельствах смерти Андрея. Выслушав историю Кристины, он заметил:
- Как-то странно, что в этом доме происходят два несчастных случая подряд.
- С момента смерти моего мужа прошло десять месяцев, - заметила Кристина.
- Этот дом принадлежит вам?
- Да. Мой муж составил завещание.
- Гражданка Кречетова не пыталась претендовать на имущество брата?
- У нее не было шансов.
- Почему? – лохматые брови следователя поползли вверх.
- Она получила бы обязательную долю, даже в случае завещания, если была бы нетрудоспособна, а так ни при каких условиях.
- Вы хорошо разбираетесь в таких вопросах.
- Я риэлтор, - пожала плечами Кристина, а потом нарочно встрепенулась. – Хотя вы знаете, возможно, она и собиралась опротестовать завещание, для этого и приехала за свидетельством о смерти. Но это только мое предположение. Она небедный человек. У нее есть свой салон красоты, квартира в престижном доме, которую подарили родители.
- Но лишние деньги-то не помешают, - следователь прищурил умные серые глаза.
- Конечно, нет, - выдержала взгляд Кристина.

У следователя зазвонил телефон. По его напряженному лицу Кристина поняла, что он узнал что-то новое. Сердце тревожно сжалось. После разговора на его суровом лице застыла маска, а голос стал еще более сдержанным и холодным.

- Вы знали, что гражданка Кречетова страдала отеком Квинке?
  - А что это такое? – Кристина сделала удивленное лицо.
  - Может, тогда вы знали, что у нее аллергия на аспирин и нарочно растворили его в графине?
- Кристина подобралась на стуле.
- Я каждый день пью аспирин. Помогает для разжижения крови.
  - Каждый день по целому графину?
  - Знаете, вчера я слишком много выпила. А сегодня хотелось быть в форме. Вечером серьезные переговоры с клиентами. Аспирин помогает.
  - Боюсь, я вынужден вас задержать.
- Кристина почувствовала панику, но заставила себя спокойно заметить.

- Я могу дать подписку о невыезде. Я никуда не денусь. Дело в том, что моя мама больна рассеянным склерозом, и я должна забрать ее у подруги. За ней нужен уход.

Следователь покачал головой и предложил собрать необходимые вещи.

Кристина опустила голову и не двинулась со стула. Надо позвонить Сергею. У него много влиятельных знакомых. Он любит ее и не даст ей пропасть в тюрьме. Нужен хороший адвокат. Она взглянула на следователя.

- Вы предъявите мне ордер на арест или как это называется?

- Гражданка Воронцова, я имею все основания задержать вас по подозрению в убийстве гражданки Кречетовой на сорок восемь часов.

- Я имею право позвонить?

- Конечно.

- Не дадите ваш телефон? Мой отключен. Я могу выйти поговорить хотя бы на улицу или обязана это делать при вас?

Следователь скривился.

- Идите, но находитесь в поле зрения.

Схватив старенький самсунг следователя и свою Нокию Люмию, она выбежала на улицу и оглянулась. Сделав несколько шагов, следователь замер в отдалении. Руки Кристины так дрожали, что она не сразу нашла в контактах телефон Сергея. Нажимая кнопки, молилась, чтобы он взял трубку. Длинные гудки продолжались достаточно долго, чтобы запаниковать окончательно. Когда она услышала его такой родной голос, на глазах выступили слезы.

- Привет, пропащая, - весело ответил он, после того, как она назвала себя и упомянула, что звонит с чужого телефона.

- Как хорошо, что ты ответил. У меня неприятности и вся надежда на тебя. – Надо отдать должное: Сергей сориентировался мгновенно. Нежный голос сменился на деловой.

- Рассказывай.

Кристина выдохнула:

- Меня подозревают в убийстве. А я этого не делала, – захлебывающимся голосом она рассказала то же самое, что и следователю.

Сергей не перебивал.

- Мне нужна фамилия имя отчество следователя и адрес, куда тебя повезут.

- Сейчас узнаю. Я звоню с его телефона, на моем нет денег.

- Умница, что сориентировалась. Я запомню номер.

Кристина вытерла глаза и вошла в комнату. На столе лежала визитка следователя, которую он дал ей раньше. Не обращая никакого внимания на следователя, она продиктовала его телефоны и адрес.

- Не волнуйся, я скоро вытащу тебя оттуда. В любом случае у тебя будет адвокат, а до тех пор не отвечай на вопросы, какими бы безобидными они не казались.

- Хорошо, жду тебя.

На душе у Кристины стало немного легче. Черты лица разгладились. Она отдала телефон следователю.

- Кому вы звонили?

- Я имею право хранить молчание.

- Хорошо, собирайтесь.

Кристина переоделась в футболку и джинсы. Взяла зубную щетку, пасту, полотенце и косметичку. На всякий случай бросила в сумку комплект запасного белья и еще одну футболку. Подумала немного и положила шерстяную кофту на пуговицах. Выглядело все, словно она собиралась на свидание с возможностью остаться на ночь у молодого человека, но тянущая боль в сердце и шаги в соседней комнате иллюзий не оставляли. Вся ее надежда теперь на Сергея, иначе сгноят ее в тюрьме лет на десять. Или двадцать. Что будет с мамой? Не надо об этом думать. Все будет хорошо. Она выкрутится. Ей помогут. Проходя мимо гостиной, обратила внимание на то, что там ничего не изменилось. Труп соперницы увезли, на ковре не осталось и следа.

У входа она передела домашние шлепанцы на кроссовки и заперла за следователем дверь.

Сладкий сосновый запах напомнил о том, что в случае неудачи она нескоро сюда вернется. Ей вспомнился Витька. Единственный, кто знал, что Марина угрожала ей и мог об этом рассказать, если бы его вызвали, как свидетеля. Впервые за это время она порадовалась, что он уехал так далеко и надолго. Будет ли он любить ее, если узнает, что она убийца?

Прямо возле ворот стояла ее любимая машинка. Сядет ли она еще за руль, чтобы пошалить на дороге? Она слегка, чтобы не заметил следователь, коснулась нагретого солнцем металла. Пока, Кошка. Надеюсь, что пока.

За воротами толпились любопытные. Увидев Кристину, люди начали переговариваться. Ее не любили здесь, и она это чувствовала. Она отвернулась, чтобы не видеть их и села в машину. Уже из окна увидела, как сверкает на солнце озеро. Еще только сегодня она купалась. Что с ней теперь будет?

Глава 24

Дверь с лязгом затворилась, замок щелкнул, отрезая ее от мира, который начал обретать небывалую привлекательность. Кристина села на койку и обхватила колени. Неужели эту ночь ей суждено провести здесь? И хорошо, если только эту. Нет, Сергей обязательно что-нибудь придумает. Он же не мог поверить, что она кого-то убила. Кристина поймала себя на мысли, что думает о нем с нежностью. Если ему удастся вытащить ее из тюрьмы, она выйдет за него замуж и попросит увезти ее из Двенадцати сосен. Выкинет из головы свою любовь к Витьке. Хотя неизвестно почему еще она будет больше тосковать: по Двенадцати соснам или по Витьке. Место и он были неотделимы друг от друга. Убери одно – пропадет очарование от другого. Кристина закрыла глаза: воспоминания, которые мешали на свободе в тюрьме не приходили. После всего, что произошло, она чувствовала страшную усталость. Даже страха не было. Нужно придерживаться придуманной версии и точка. Для всех. Кристина вдруг вспомнила о своем незаконченном романе. Если файл попадет в лапы к следователю, ей конец. Остается надеяться, что никто не заинтересуется ноутбуком. От постоянного круговорота мыслей, она впала в какое-то забытие и очнулась от скрипа двери.

- Воронцова, на выход.

Неужели ее освобождают? От волнения Кристина так резко вскочила, что ногу пронзила судорога. Она прикусила язык, чтобы не застонать от боли и, прихрамывая, побрела за ментом. Ей отдали сумку и мобильный телефон. Проводили к Сергею. Она бросилась к нему на шею и заплакала. Точно так же, как все бабы. Даже убийцы. Он осторожно отстранил ее от себя и обнял за плечи. Кристина подняла лицо, шепотом произнося фразу, ответ на который боялась услышать.

- Я свободна?

- Выпустили под залог.

У нее вырвался стон. Под залог, значит, на время. Все кончено. После суда ее посадят.

В машине она попыталась что-то сказать, но Сергей прижал палец к губам, только спросил, куда поедет к ней или к нему. Вернуться в Двенадцать сосен сегодня она никак не могла. Сергей назвал водителю свой адрес, обнял Кристину за плечи. Она прижалась к нему, вдыхая диоровский запах его туалетной воды.

Несмотря на мастерски поджаренные антрекоты, Кристина не могла проглотить ни кусочка. Только пила вино большими глотками и даже не пьянела.

- Почему не ешь, телятина очень нежная? - буднично заметил Сергей.

Этого теленка тоже кто-то убил. От мысли об этом ее чуть не вырвало. Наверно, теперь она станет вегетарианкой.

- Не могу.

- Тогда ешь салат, - Сергей пододвинул ей тарелку с помидорами и огурцами, заправленную оливковым маслом. Кристина осторожно подцепила ломтик помидора и запила его вином.

Сергей улыбнулся.

- Я понимаю, после сегодняшнего тебе просто необходимо напиться, чтобы хорошо спать. Я даже тебя трогать сегодня не буду. Только обниму, да?

- Да.

Если бы напротив сидел Витька, она бы вряд ли сказала «да». Но заниматься размеренным сексом с Сергеем на самом деле не было сил. Даже несмотря на всю благодарность. Молодец, что он это понимает. Сергей аккуратно промокнул губы салфеткой, положил на пустую тарелку вилку и нож. Наполнил бокалы.

- Хорошо, что ты догадалась позвонить с телефона следователя. Это дало возможность поговорить с ним в неделовой обстановке. Назвать нужные имена. Наша задача не довести дело до суда. К сожалению, у тебя нет свидетелей. – «Это к счастью, - подумала Кристина, вспоминая о братках Марины. Вряд ли они сунутся. Побоятся быть замешанными». – Следак нормальный, понимающий. Единственное, что... – Сергей внимательно посмотрел на Кристину. – Это будет стоить денег.

Кристина напряглась, даже жевать перестала. Так и спросила с набитым ртом.

- Сколько?

- Пока не знаю. У тебя есть какие-то сбережения?

- Около пятисот тысяч, - хрипло сказала она. – Привычка копить появилась с тех пор, когда они стали беженками.

- Ты молодец, - Сергей одобрительно посмотрела на нее. – Умеешь обращаться с деньгами. Ну еще сколько-то я подкину. – Он сделал паузу. – Машину, возможно, придется продать. Это еще пятьсот-шестьсот.

- Кошку?

Он добродушно улыбнулся.

- Никак не могу привыкнуть, что у тачки есть кликуха.

- Это имя, - возмутилась Кристина. Кошка была для нее одушевленным существом, другом, расстаться с которым не представлялось возможным. – Я не смогу продать Кошку.

- Ты чудачка, Кристин. Тебя же посадить могут. А ты думаешь о железке.

Девушка прижала руки к груди:

- Сереж, помоги мне занять денег. Я все верну, отработаю. Я днем и ночью буду квартиры показывать. – Она почувствовала, как сейчас расплатится.

- Да ладно тебе, дурочка. Придумаем что-нибудь.

Кристина обошла стол и села к нему на колени, обняв за шею.

- Спасибо тебе. Что бы я без тебя делала?

Он провел рукой по ее волосам. Заглянул в глаза.

- Скажи, пожалуйста, когда ты приобрела странную привычку пить аспирин?

Кристина выдержала взгляд. Уж что-то, а врать она научилась.

- Ты же знаешь, я из-за маминой болезни помешана на своем здоровье. Бегаю, плаваю, зарядку делаю. Я прочитала на каком-то сайте здоровья, что аспирин расширяет сосуды. А у меня руки и ноги все время холодные. Ну вот я и решила последовать совету. Мне вроде и в самом деле лучше становилось.

- Следак сказал, что у Марины этой аллергия на аспирин. Однажды с ней случилось что-то похожее, но ее спасли. Ты случайно не знала об этом?

- Откуда, если мы почти не общались?

- Ну, может, брат рассказывал. – Он помолчал, потом снова испытывающе посмотрел ей в глаза.

- Я тебя вытащу в любом случае, но чтобы сделать это грамотно, мне нужно знать правду.

- Ты мне не веришь?!

Сергей снял Кристину с колен и поставил на пол. Поднялся, походил по комнате. Остановился от нее в двух шагах.

- Ты умная девушка, и, зная тебя, я понимаю, что ты могла это сделать. Уж больно велики ставки. Если уж ты Петровичу себя предложила, так что говорить о том, чтобы убрать с дороги какую-то родственницу бывшего мужа из-за домика на берегу озера? Напомни мне, сколько стоят твои Двенадцать сосен? Полтора миллионов баксов?

Усилием воли Кристина заставила себя не паниковать.

- Сейчас цена немного упала, - попыталась она отшутиться.

- Тогда не продешевила ли ты, когда согласилась выйти замуж за больного СПИДом? Только вот силенок не рассчитала и грохнула его под конец. В двадцать-то лет неохота ходить за умирающим.

От ужаса Кристина не могла вымолвить ни слова. Не может быть, чтобы Сергей все знал и продолжал с ней встречаться?! Его красивое лицо показалось ей вдруг враждебным. Совершенно бессознательно она огляделась вокруг.

- Ты ищешь, чем бы меня пристукнуть? Тогда кто же тебя будет спасать? – засмеялся Сергей и вдруг, подойдя к Кристине, схватил ее на руки и закружил. – Не бойся, моя маленькая убийца, я не выдам твою тайну, и я вовсе не осуждаю тебя.

Фарс какой-то, подумала Кристина, пытаюсь вырваться.

- Отпусти меня сейчас же.

Сергей послушно поставил ее на пол и галантно, взяв под руку, словно они были в шикарном ресторане, проводил к столу.

- Давай выпьем, и я все объясню. – Кристина, опрокинув от страха полбокала, сцепив дрожащие пальцы, уставилась на своего защитника. Его суровое лицо разгладилось, теперь он смотрел на нее с нежностью. Так смотрят на расшалившегося ребенка.

– Я немного рад, что представился случай поговорить об этом. Мы ведь с тобой одного поля ягода. Ты не знаешь, чем мне приходилось заниматься, но моем личном счету тоже есть трупы. Я не шутил, когда говорил, что собираюсь жениться на тебе. Уже тогда я знал о тебе все. Даже город, из которого вы сбежали. И я понимаю мотив, который заставляет тебя мстить за поруганное детство. Когда я узнал, что Петрович спит с тобой, я сам чуть его не пристрелил.

Кристина вдруг почувствовала невероятное облегчение. Страшнейшие вещи, таящиеся внутри нее и отравляющие существование, были запечатаны молчанием долгие годы. И вот теперь можно поговорить об этом. Он сказал, что тоже убивал. Ее галантный любовник тоже убийца. Такой же уродец, как она.

- Откуда узнал про Петровича?

- Мерзавец как-то нажрался и начал хвастаться. Я не мог поверить. Петрович много чего привирал. Но однажды он привел тебя на пикник, и я перехватил твой взгляд, когда ты смотрела на него. В нем было столько ненависти, что я сразу поверил. Наверно, тогда я в тебя влюбился.

- И, конечно, женился на другой, - саркастически заметила Кристина.

- Тебе было только пятнадцать. Но я понял, что придет время, и ты отомстишь.

- Это был несчастный случай. Он поскользнулся. Был пьяный.

Кристина заставила себя улыбнуться. Она не собиралась признаваться.

- Поскользнулся или ты толкнула его? – Сергей тоже улыбался.

- Поскользнулся.

- Ты любишь Булгакова?

- Причем здесь это?

- Обожаю эпизод, как Аннушка разлила подсолнечное масло. И отдаю должное твоей начитанности и находчивости. – Кристина похолодела. Как же это могло прокатить, если все было известно?

Оба молчали.

- Выпей еще вина, солнышко. Сегодня ты дала маху с этим аспирином, но я улажу это, как и дельце с Петровичем. Его смерть была выгодна многим. В том числе и мне. И я решил тебя отблагодарить. Заплатил я следаку, чтобы он забыл, что директора Черкизона убила школьница. – Кристина взяла бокал. Рука дрожала. Что бы он ни говорил, она не будет признаваться. Ни в чем. Надо было что-то опровергнуть, но слова застряли в горле. Неужели он что-то хочет от нее? Может, чтобы она помогла ему в чем-нибудь? – Ты не хочешь меня поблагодарить?

Кристина наклонила голову вниз.

- Не за что, Сереж. У тебя богатая фантазия. Скажи лучше, что тебе нужно?

- А ты прекрасно держишься. Мне ничего не нужно. Хотя нет, нужно. Ты сама. Такая, какая ты есть. Когда бы ты хотела назначить день свадьбы?

- Я так понимаю, что путей отступа у меня нет. Откажусь – сдашь ментам?
  - Эх, Кристина-Кристина, почему ты не можешь поверить, что я люблю тебя и хочу, чтобы ты родила мне таких же боевых детей, как ты и я.
  - Если ты считаешь, что я убивала и только что признался, что убивал сам, ты хочешь, чтобы мы подарили миру будущих убийц? Я читала, что страсть убивать передается с генами.
- Сергей смутился.
- И ты, и я убивали, потому что не хотели сдаваться и позволять другим взять верх. Не так ли?

Кристина задумалась. Сергей, как опытный следователь, так и вынуждал ее признаться. Да, был у нее выход. Можно было спать с Петровичем до тех пор, пока она не стала бы сама зарабатывать. Можно было, если бы не грызло изнутри желание мести. За себя и за маму. Причем за маму больше, чем за себя. Дело было в этом. И Марину можно было оставить в живых. Согласиться на квартиру в пятиэтажке и утереться. Но она же хотела возвращения статуса. Своеобразного возмещения убытков за утраченное детство и юность. Сергей понял все правильно. Надо быть осторожнее.

Кристина нарочито зевнула.

- Сереж, ты извини, я так устала, что мне даже проще согласиться с тобой, чем спорить. Но пока еще у меня есть силы, я повторяю: ты ошибаешься.

В его глазах мелькнуло разочарование. Он явно рассчитывал на признание.

- Я понял.

Некоторое время они пили вино в молчании. Кристина чувствовала, что расстояние, которое всегда было между ними, начало расти. Сейчас даже казалось невыносимым, что они лягут в постель и займутся сексом. Но парадокс для самой Кристины заключался в том, что желания в ее теле жили своей жизнью, не подчиняясь логике. И когда она уже лежала в постели, а Сергей, обмотав вокруг талии полотенце, вышел из душа, ей вдруг захотелось его обнять, словно все предыдущие разговоры растворились в воздухе и остались только мужчина и женщина, голые и жаждущие удовлетворения. Где-то в уголке мозга промелькнула мысль о Витьке. Но он далеко, а ее могут посадить за решетку, и жить надо сейчас. Она приподнялась и озорно дернула за край полотенца.

- Ты что, меня стесняешься?

Он лег рядом. Его губы нежно прикоснулись к губам. Это было слишком нежно, не хватало жесткости Витькиных усов, но все же это было лучше, чем остаться без ласки в такой день.

- Я думал, ты устала.
- Не настолько, чтобы не захотеть парочку оргазмов.
- Никогда не встречал женщину, которая могла бы столько раз кончать.
- И никогда не встретишь, - засмеялась Кристина. – Это, наверно, патология.

- Твоя патология дает ощущение, что я настоящий мужик. Хотя ты, наверно, со всеми такая. Да? – На его красивом лице вдруг промелькнуло чувство ревности, которую она раньше не замечала.

- Сейчас есть двое: ты и я. И я хочу быть с тобой, - тихо проговорила Кристина, крепче прижимаясь к нему.

Она почувствовала, как напряглась его плоть, как сжались на талии сильные руки, и, отдаваясь нахлынувшему желанию, сама поверила в то, что сказала. Сегодня она была действительно с ним и сейчас, отдавая и принимая, растворяясь и снова желая. Утром, когда они завтракали, Сергей был необычно нежен и, смущаясь, заметил, что это была лучшая ночь, какую он только помнит.

Кристина, улыбаясь уголками губ, подняла на него глаза. Да, лучшая ночь у них, но не лучшая в ее жизни.

Как ты там, Витька? Скучаешь ли без меня? Удивительно, но я хочу тебя сразу после удовлетворения с другим, словно есть разница в оргазмах с тобой и без тебя. Без тебя, это как предательство, как лишний повод убедиться, что так волшебно, может быть лишь только с тобой.

Глава 25

После той ночи Сергей больше не задавал вопросов и не пытался вырвать признание. Только повторил, чтобы я придерживалась своей версии. Кристина вздрогнула. Придерживалась? Значит, сам он по-прежнему считает ее убийцей? Она незаметно взглянула на его собранное волевое лицо с твердым подбородком, на котором не отражалось никаких эмоций, и промолчала. Отрицать глупо. Главное выбраться. Остаться на свободе. Она отдала все свои сбережения и немного заняла у Корзины, которая, несмотря на маленькую зарплату, оказалась очень экономной и скопила почти столько же, сколько Кристина.

Через две недели, когда Сергей намекнул, что потребуются еще деньги, выставила на продажу свою Кошку. Умом Кристина понимала: нужно отдать все, чтобы выкрутиться, но когда видела, как потенциальный покупатель садится за руль, была готова вытолкнуть его и закричать, что машина не продается. Напрасно она пыталась убедить себя, что Кошка - набор железок и что для человека, отправившего на тот свет троих людей, не допустима подобная привязанность к неодушевленному предмету. Маме Кристина

объяснила, что занималась инвестициями в недвижимость и влетела. Илария только вздохнула:

- Какая же я бесполезная, доченька. Даже помочь не помогу. Могу только молиться.

Кристина от переживаний еще больше похудела и ни о чем не могла думать, кроме как остаться на свободе. Она с трудом заставляла себя ездить на просмотры и общаться с клиентами. Но если раньше деньги приходили легко, то теперь почти готовые сделки срывались, оставляя чувство горечи и разочарования.

После очередного срыва Мухин вызвал ее в кабинет. Гордо восседая за своим столом, он смерил взглядом вошедшую Кристину. В масляных глазках, задержавшихся на ее загорелых ногах, промелькнуло желание. Он отвел взгляд и указал на стул.

- Что с тобой происходит?

Я убила человека и теперь все валится из рук, подумала Кристина.

- У меня все в порядке.

- Тогда почему мы теряем клиентов? Двое из тех, кому я дал твой телефон, переметнулись в другие фирмы. Ты что, не могла их обслужить?

- Те квартиры, которые я им показывала, продают другие агенты, – Кристина сделала паузу и заметила с нажимом. – Ваши клиенты вышли напрямую.

- Как ты это допустила?

- Послушайте, сейчас все можно найти в интернете. Информация открыта.

Мухин взял в рот сигарету и, пожевав кончик, вынул ее.

- Значит, ты должна была убедить их не покупать эти квартиры и подобрать другие. Или убедить их заплатить тебе, раз уж ты потратила время. Не так ли?

В душе Кристина согласилась с Мухиным. Ей и самой было жалко потраченного впустую времени. Неделью возила их на своей машине, сколько звонков, переговоров провела и осталась ни с чем. Конечно, в риэлторской работе много пустых телодвижений и практически невозможно предугадать, что выстрелит. Иногда прокатывают самые безнадежные варианты и наоборот. До сих пор Кристине везло: до нее не доходили жалобы других агентов. Кристина лишь похихикивала: не дорабатывают, не дожимают. Да и, вообще, слабаки. А теперь, когда такое случилось с ней, да еще в тот момент, когда ее жизнь висит на волоске, осознала: и тут властвует кукольник.

- Ну что, молчишь? – напомнил о себе Мухин, вкладывая в рот сигарету и прикуривая. По кабинету пополз едкий дым.

Кристина вздернула подбородок.

- Все будет нормально. Это рабочие моменты.

- Не знаю, не знаю, - Мухин выдохнул дым ей в лицо. – Куда-то пропало твое везение, Воронцова. Наверно, придется перевести тебя в ранг обычных агентов, добывающих хлеб потом и кровью. Так что, пока не реабилитируешься, клиентов не жди.

Кристина еле сдержалась, чтобы не нагрубить, но сегодня даже на это не было сил. К тебе относятся с уважением, только если ты на гребне успеха. Стоит ненадолго упустить волну, и ты пропала. А без Мухинских клиентов денег не заработать.

- Может, у тебя что-то случилось? Ты последнее время, как в воду опущенная ходишь. Куда твой кураж-то делся?

Кристина нахмурилась. Вот только жалости не хватало.

- Небольшие личные неприятности, но я решу их. – В этот момент у Мухина зазвонил телефон. Некоторое время он уточнял параметры, потом заверил, что даст лучшего риэлтора. Кристина, стараясь казаться незаинтересованной, спокойно сидела на стуле. Мухин повесил трубку и посмотрел ей в глаза, нагло ухмыляясь.

- Хороший клиент подвалил. Трешку в Хамовниках хочет купить. Готов заплатить комиссию. – Мухин сделал паузу, явно издеваясь над Кристиной. Потом, покачив головой, быстро сказал: – Позови-ка Одинцова. Думаю, он справится. А ты иди в поле работай. Объявы поклей или прозвонкой займись.

Нервы у Кристины не выдержали. Сегодня приходил мужик, который захотел купить ее Кошку. Вчера звонил Сергей, уговаривал продать. Чтобы еще кого-то подмазать нужно очередное вливание. Самое последнее, как уверял Сергей. И вот сегодня, по дороге на работу, она, слушая мурлыканье мотора, то и дело смахивала слезы. Она не сможет без машины и ей не нужна другая машина. Вместе с Кошкой они сделали столько дел. Кошка свидетельница их поцелуев с Витькой.

Кристина вскочила со стула и направилась к двери, но у порога резко развернулась. Голос ее звучал хрипло, но не просяще. Скорее вызывающе.

- Отдайте мне этого клиента. Я знаю пару трешек в том районе. Можно хорошо заработать.

Мухин смотрел испытующе. Кристина выдержала взгляд, не двигаясь с места. Одна минута, две. Надо спасти Кошку. Она должна выиграть. Мухин молча протянул бумажку с телефоном. Пробормотав «спасибо», она вышла из кабинета и прислонилась к стене. Хороший блеф. Никаких трешек и на примете не было. Но все варианты есть в чудесной риэлторской базе виннер, а все остальное - результат умения договариваться и убеждать.

В тот день Кристина села за ноутбук, чтобы продолжить роман. Теперь они часто встречались с Сергеем, и она стала подумывать, чтобы выйти за него

замуж. В тот момент, когда она впервые его увидела, ее жизнь обрела смысл. Он, тот принц, о котором мечтают все девчонки, появился в реале, улыбаясь и дразня. Он, словно сошедший с экрана и обожаемый всеми женщинами, Аллен де Лон. Прекрасный принц, один танец с которым перевернул жизнь четырнадцатилетней девушки.

Вот только почему после встречи с Витькой эта мечта превратилась в обыденность? Прошло слишком много лет? А может быть, когда встречаешь свою половинку, жизнь разворачивается в противоположном направлении?

Ноутбук шипел, загружая файлы, а Кристина мысленно подгоняла его. Слова просились на свободу. Через писательство, признанное или нет, приходит очищение. Через слезы, через боль, через осмысление. Я благодарна судьбе за свое графоманство. Я смогла прожить много судеб и быть более внимательной к людям, потому что хотела перенести их в романы и рассказы. Я использовала их. Использовала свои любовные отношения и даже маму.

Приручить умирающего нетрудно. Особенно, которого все бросили. В тот момент, когда мы с мамой появились в жизни Андрея, у него никого не было. Родители погибли, сестра возненавидела, любовник струсил. Однажды, наблюдая переживания Андрея, я позвонила его Эдику и попросила поддержать больного, но он послал меня куда подальше.

Андрей его искренне любил. В тот момент, когда он рассказывал мне, я, убежденная в своем отрицании однополых отношений, наконец, поверила, что и такая любовь имеет право на жизнь. Мы всего лишь души, заключенные в телесную оболочку, которым не позволили выбрать самим выбрать пол.

Мы настолько быстро подружились с Андреем, что когда он предложил мне оформить наши отношения, я засопровтивлялась. Иногда мы притормаживаем у цели. Слишком близкая мишень порождает неуважение к себе. Как, уже все свершилось? Но я не доиграла. Дайте мне еще препятствий. В тот момент Андрей заикнулся, что я могла бы разделить его коттедж с участком поровну между мной и Эдиком. Он составит завещание на меня, а после его смерти я распоряжусь сама. Честно? Я не собиралась никому ничего отдавать. Особенно этому извращенцу. Но я не хотела, чтобы Андрей знал. Я дала ему слово. Но что стоит слово беженки?

Наверно, меня можно упрекнуть в меркантильности, но меня оправдывает одно обстоятельство. Я действительно была женой Андрея. Не только на бумаге. В постели. Выйдя замуж за больного СПИДом, я собиралась лишь за

ним ухаживать, но жизнь и неумный темперамент моего тела распорядились иначе.

Тому, что мой гомичный муж начал за мной подглядывать, я сначала не придавала значения. Может, ему просто скучно? При моей любви к обтягивающим маечкам и коротким шортикам, в которых мне действительно удобно, трудно сразу перестроиться. Убежденная в том, что я живу с братом, я позволяла себе многие вольности. Приходила к нему в атласном коротком халатике и, растянувшись рядом на постели, рассказывала о своих ненормальных клиентах. Не закрывала дверь, когда переодевалась. Приходила к нему поболтать в майке без лифчика, пока однажды не заметила, что Андрей подглядывает за мной. В тот день я отдыхала в компании жигулевского после трудной сделки. Увидев Андрея под дверью, я в кружевных трусиках танго распахнула дверь.

- Почему ты прячешься? Если тебя интересует, как устроена женщина, смотри на здоровье.

В тот момент, пьяная и доступная, я казалась себе гетерой, чья миссия на земле – быть богиней дарующей любовь. Некой Таис Афинской.

Бледность и трясущиеся руки моего формального мужа удивили меня. Он потянулся к моей груди, словно никогда не видел ничего подобного.

- Можно, я только потрогаю?

- Трогай! – великодушно разрешила я, подбочениваясь и поглядывая в зеркало. В тот момент поза, которую я приняла, соответствовала состоянию нарциссизма столь свойственного мне. Уж если мальчику не суждено быть с женщиной, так пусть хоть посмотрит.

Дурочка, я забыла о реакции своего тела. Стоило ему прикоснуться к моим соскам, как они тут же призывно затвердели. Не помню точно, но какой-то перерыв в сексе – конечно небольшой, большого я не выдерживала, в тот момент имелся. Плюс спиртное, которое имеет наглость ускорять желание, тоже присутствовало в большом наличии.

Забыв обо всем, я прижалась к мужу и... ощутила его эрекцию. Его руки мяли мою грудь, губы приоткрылись, но вдруг он оттолкнул меня.

- Прости, Кристина. Сам не знаю, что на меня нашло.

Некоторое время мы стояли, разглядывая друг друга, на его льняных брюках виднелась небольшая выпуклость. Я улыбнулась.

- Слушай, а вот это уже интересно. Может ты вовсе не гомик, а бисексуал?

Его лицо помрачнело, губы скривились от боли. Я тут же протрезвела и осознала, что сморозила жуткую глупость. Что толку инфицированному от подобного открытия? На меня накатил жалость. Я обругала себя

идиоткой. Андрей молча вышел из комнаты, а я потянулась к кружке, в которой еще оставалось пиво. И тут меня осенило. Будет жутко несправедливо, если он уйдет из жизни так и не поняв, что может быть нормальным мужиком. В том, что каждый гомик, как бы не бравировал, страдает от своей неполноценности, я не сомневалась. Сделав несколько глотков для храбрости, я достала из шкафа презервативы. В голове мелькали проштудированные мною статьи, как предохраниться от СПИДа, в том числе и та, что хваленые резинки не помогают. Но в тот момент мне не хотелось об этом думать. Риск всегда возбуждал меня.

Я накинула шелковый халатик и отправилась на поиски Андрея. Он лежал в спальне, уткнувшись в подушку. Я легла рядом и прижалась к нему, гладя по спине. Его руки пытались оттолкнуть меня, но я победила. Он затих, уткнувшись в мои волосы. К моему бедру прижималось то, что до сих пор не знало женщин. Я повернулась на спину, халат распахнулся, и он жадно приник к моей груди, покусывая то левый, то правый сосок. Запретный плод сладок и безумен, а перемешанное с жалостью возбуждение сводило меня с ума, требуя, чтобы я немедленно впустила его в себя. Мы оба тяжело дышали, словно пробежали стометровку. Остатки разума напомнили о презервативе. Я зашуршала оберткой. Он перехватил мою руку.

- Ты с ума сошла.

Я шептала ему на ухо какие-то нежности, пока он не разжал мои пальцы и не отбросил презерватив подальше. Его рука, сдернув трусики, пробралась вниз, лаская каждую складочку, так как в тот момент мне казалось, никто это не делал до него. Я застонала от наслаждения, когда его рука нажала на клитор, почувствовав мою реакцию, он высвободил руку, которой обнимал меня и ввел ее внутрь влагалища, массируя попеременно то заднюю, то переднюю стенку. Кончили мы одновременно, раздеться он так и не успел. Испуганные и ошарашенные случившимся мы лежали на расстоянии друг от друга с мокрыми от слез лицами. Потом он приподнялся на локте и заглянул мне в глаза:

- Спасибо тебе, что не умру гомиком.

- Как ты можешь быть гомиком, если ты женат, - слабо улыбнулась я.

Он нежно провел рукой по моей груди.

- Я и не подозревал, как прекрасно ласкать женскую грудь, но нам не стоит увлекаться этим.

Я приподнялась на локте.

— Почему я не могу заниматься сексом с моим мужем?

- У тебя нет мужа, - жестко сказал он, — и если мы будем продолжать в таком роде, я захочу, чтобы ты по-настоящему была моей, а у тебя нет тормозов, чтобы остановить меня.

- Но я вспомнила о презервативах.

- Презервативы не помогают. Нас об этом предупреждали. Это всего лишь миф, способствующий их продвижению на рынке.

Не дождавшись моего ответа, Андрей ушел в душ, а мне в который раз стало стыдно за реакцию своего тела, с которой я никогда не могла совладать. Женщины не должны так чувствовать и так быстро возбуждаться. Сегодня, прекрасно осознавая, что Андрей болен, я была готова отдаться ему. Можно сколько угодно ссылаться на то, что я хотела, чтобы он почувствовал себя мужчиной, но в какой-то момент я, как всегда, потеряла голову от своих ощущений и желания. Если бы не его выдержка, я уже сегодня могла стать инфицированной. В голову пришла мысль о маме. Какая же я дура. И как теперь мы будем жить под одной крышей с Андреем? Неужели я снова все испортила?

Андрей появился с зачесанными назад мокрыми волосами. Последнее время его волосы сильно поредели. Он осунулся, похудел и болен, до этого лишь занеся над ним свои крылья, теперь без сомнения вцепилась когтями. Он сел рядом со мной. Я порадовалась, что успела надеть халат. То, что произошло между нами, сейчас казалось немыслимым.

- Я не прощу себе, если заражу тебя.

- Обещаю больше тебя не соблазнять.

Он улыбнулся:

- А я – не подглядывать за тобой.

- Я буду запираю дверь.

- Я думаю, что уеду на пару недель. У меня всегда была мечта посмотреть норвежские фьорды. Думаю, сейчас самое время. Когда приеду, между нами все будет по-прежнему.

- Ты уверен, что сможешь выдержать это путешествие?

- Постараюсь. Есть еще один вариант: уехать тебе вместо меня. Я могу дать денег.

- Поезжай лучше ты. У меня скоро сделка, - Кристина соврала. В работе был очередной застой, но она боялась, что если уедет, то Андрей побоится снова пустить ее сюда. Пусть лучше уезжает он. К его приезду все забудется, а я заведу нового любовника и перестану разгуливать в шортиках по дому.

Глава 26

Клиент, за которого Кристина боролась, оказался на удивление – богатенькие всегда оказываются жутко вредными - приятным мужчиной сорока лет. Его шелковые костюмы всегда были безупречно отглажены, а черный туарег вылизан до блеска даже в дождливую погоду. Он был глубоко – это

Кристина определила по его прохладному отношению к ней – женат, имел девочку восьми лет отроду, которая занималась верховой ездой в парке Трубецких.

У Валерия была мечта, с которой он и обратился в агентство. Окна квартиры, которую он желал приобрести, должны выходить на реку, чтобы наблюдать проплывающие мимо теплоходы. Валерий Николаевич в тот же день подошел на фирму и, познакомившись с Кристиной, оставил задаток и подписал договор. «Не подведи», – прошипел, брызгая слюной Мухин, ставя печать на договоре и делая жирный росчерк, похожий на крылья насекомого, фамилия которого ему досталась.

Кристина только вздохнула. Еще до встречи с клиентом она прозвонила все трешки в Хамовниках и приуныла. Плохо оказалось все: в основном окна выставленных на продажу квартир смотрели во двор, риэлторы, работающие в одном из самых престижных районов столицы, оказались самыми наглыми из всех, с кем ей довелось общаться. Договориться с ними о скрытой комиссии не представлялось возможным. Зарабатывать на своем лакомом кусочке они хотели только сами. Продавать такую квартиру – это как вытащить счастливый лотерейный билет. Какой смысл делиться? А комиссионные, которые платил клиент за поиск, не могли ни устроить Мухина, ни решить судьбу Кошки. Кристина обшарила все базы, пока, наверно, в десятый раз не набрала номер, абонент которого оставался до сих пор недоступным. Недоступной риэлторша оказалась при первой встрече в эфире. Ее язык лениво ворочался во рту, при слове «торг», она оскорбительно замолчала. На вопрос о просмотре, гордо заметила, что у нее ключи, очередь желающих и совершенно нет времени. Кристине ничего не оставалось делать, как продиктовать номер телефона и ждать несколько дней, прежде чем их впустили в квартиру.

Риэлтором оказалась тетка средних лет с отвратительной бородавкой над верхней губой с густо подведенными глазами. Квартира была распашонкой, два окна которой смотрели в зеленый двор, а кухня и гостиная выходили на Москва-реку. Укомплектованная хорошо подобранной под дизайн итальянской мебелью и утопающая в растениях, среди которых цвели даже орхидеи.

Заранее предупрежденный Кристиной, Валерий восторгов не высказал, но успел шепнуть, что увидел свою мечту и окажется расстроенным, если трехкомнатное чудо ему не достанется. Увидев, как он садится в туарек, Кристина вернулась к риэлторше, ожидающей у подъезда следующих клиентов. Холодно кивнув, дама еще минут десять болтала по телефону, повернувшись к Кристине спиной. Кинуть ее казалось святым делом. Наконец, спрятав телефон, она повернулась к Кристине:

- Ну что, милочка, созрел твой красавчик?

- Хотелось бы обсудить условия, - спокойно заметила Кристина, испытывая желание разцарапать наглухо физиономию.

- С превеликим удовольствием. – Бородавка кокетливо повела плечиком. – История квартиры почти девственная: она ни разу не продавалась, хозяйка – одинокая дама, близкая подруга моей мамы. Иметь дело будете только со мной. У меня доверенность на прием аванса. Теперь самое главное: я хочу заработать на этой квартире, - глаза риэлторши хищно сверкнули, - поэтому цена в договоре купли-продажи будет указана на семьсот тысяч меньше. – Кристина изо всех сил пыталась удержать челюсть сомкнутой. – Эти деньги ваш клиент за день до сделки положит в ячейку указанного мной банка на мое имя. Условие доступа, как обычно: договор купли-продажи, – она смирив Крестину взглядом с ног до головы. – Надеюсь, какой-нибудь опыт у вас имеется? Вы как-то молодо выглядите.

Кристина почувствовала, что эта дама, которая называла себя исключительно Любовь, могла бы легко стать ее следующей жертвой, которую бы она убила без сожаления. Интересно, нет ли у этой Любови или Любви аллергии на что-нибудь? Что бы сказала она бородавка, если бы узнала, что та, которая по ее словам «молодо выглядит», в данный момент выпущена под залог.

Следующие клиенты не дали Кристине времени ответить колкостью. Агентша направилась к подъезду, размахивая ключами, как трофеем. Кристина села в Кошку и задумалась. Эту квартиру надо брать. Другой такой не найти. На пути имелось два препятствия: бородавка и отсутствие хозяев в доме. Если пойти у бородавки на поводу, то хозяйку можно будет увидеть только на сделке, что уже будет поздно, потому что семьсот тысяч Кристине нужны в качестве скрытой комиссии. Тут она себя остановила: не семьсот, а скажем, пятьсот, потому что основное правило, о котором Кристина не забывала, гласило: не жадничать. Значит, пятьсот. Немного подумав, Кристина набрала номер Валерия. Так, на всякий случай, чтобы проверить, насколько глубоко он сидит на крючке.

- Валерий Николаевич, еще раз здравствуйте.

- Да, Кристина, внимательно слушаю, - она уловила еле заметное напряжение в его вкрадчивом голосе. Улыбнулась. – Боюсь, у меня не самые приятные новости. Я все еще здесь, просмотры продолжаются. Агентша не желает ничего обсуждать, пока всем не покажет.

- И что это означает?

- Ну... – Кристина сделала паузу, физически ощущая, как крючок опускается глубже. – Скажу вам из личного опыта, когда на квартиру несколько покупателей, цена поднимается.

- Хм... Ну она итак не самая низкая.

- Согласна, но подобных квартир в этом районе больше нет. – Она ненавязчиво перечислила все преимущества: близость к парку Трубецких, вид на воду, красивый дом, консьерж, ремонт.

Валерий молчал. Кристина замолчала тоже. Он не выдержал первым.

- В гонке участвовать не буду, но если потребуется некоторое увеличение цены, готов обсудить. Я подумал, что могу еще подзанять денег.

Значит, еще как минимум триста тысяч у нее в кармане. Черт, не у нее, а у Мухина. Может, Мухина кинуть тоже? Она улыбнулась собственному коварству и сочувствующим голосом спросила в пределах какой суммы она сможет варьировать. Получив цифру, взволнованно закрутилась на месте. Крючок оказался еще глубже, чем ей казалось. Будущая сделка становилась еще интереснее. Осталось только вывести из игры бородавку.

В этот момент бородавка вышла из подъезда и, распрощавшись с покупателями, севшими в Ленд Ровер, затопала в сторону метро. «Курица даже машину не водит», - подумала Кристина. Всех женщин она условно делила на две категории: те, которые водят машину и, соответственно обладают бойцовским характером, и те, которые не водят, и рождены трусихами. Она повеселела и погладила руль любимой машинки. «Все будет у нас тобой, хорошо». Посидела еще минут пять на всякий случай и направилась к подъезду.

Консьержка смотрела из окошечка, словно царица с трона. Кристина извинилась и сказала, что они только что смотрели квартиру, и она забыла там мобильный телефон. Консьержка нахмурилась:

- Так позвоните этой даме, которая вам показывала.

- Понимаете, так глупо, но ее номер телефона остался в телефоне, - Кристина улыбнулась игре слов. – Скажите, когда обычно возвращается хозяйка? Я могла бы подождать.

- Хозяйка живет на даче.

- Какая жалость. – Кристина убедилась, что бородавка не врала. - Но, может быть, у вас есть ключи от квартиры?

- Да кто же из этих богатеньких доверит ключи от своих хором?

- Ну да, согласна. Не знаю, как вы, вообще, с ними работаете.

- Приходится, - от сочувствия консьержка стала немного любезнее, и Кристина подкинула ей свою идею.

- Я заметила, что в квартире много цветов. Значит, кто-то их поливает. Может, запасной комплект ключей есть у соседей?

Остренькое лицо консьержки просветлело.

- Ты права. У нее подруга здесь живет на шестом.

- А можете ей позвонить, а я пока за шоколадкой сбегая для вас? Чаю попьете.

- Да ладно уж тебе. Захочешь потом принесешь. Глафира дома, пришла уже с прогулки. Каждый день гуляет два часа по набережной. Говорит, полезно для здоровья. Сейчас я ей позвоню.

Все остальное было делом техники. У Глафиры оказались ключи от квартиры, и Кристине пришлось рассказать ей страшную правду, как обманывают ее подругу. Глафира, тряся накрученными кудрями только восклицала: «Не может быть. Вот подлюка. Не зря мне эта Любовь никогда не нравилась». Она позвонила хозяйке и, выложив всю историю, передала трубку Кристине, которая повторила ее с некоторыми подробностями, предупредив о том, чтобы та ни в коем случае ничего не говорила агентше, а просто временно отложила продажу. А уж она, Кристина, завтра ждет ее с документами в офисе для получения аванса.

Сделка состоялась через два дня. Пересчитывая комиссионные, Мухин чуть ли не облизывал каждую купюру, попутно лопоча комплименты Кристине, которая сидела, закинув ногу на ногу и таинственно улыбалась. Кошка была спасена. Бородавка наказана. Сергей обещал, что после уплаты этой суммы, дело будет похоронено в архиве. Жизнь продолжалась. Выйдя из офиса, помахивая ключами от вновь обретенной Кошки, она набрала номер Корзины:

- Слушай, я тут такую сделку провернула, давай собирайся, в ресторан поедем. Хочу тебя отблагодарить, что ты тогда помогла мне.

- Когда маму забрала? Неужели получилось? – в грустном голосе Корзины послышалась искренняя радость за подругу.

- Еще как получилось. Даже лучше, чем ожидалось.

- Какая же ты молодец. А я тут кисну.

- А причина?

- Когда мы разговаривали с Максимом, пришла его жена, он пообещал перезвонить и до сих пор не звонит.

- И сколько прошло времени?

- Да с пятницы.

- Так сегодня уже вторник.

Корзина молчала.

- А ты что, до сих пор ждешь?

- А как я могу не ждать, если люблю. Обидно только. Это ведь не первый раз. Он все время так говорит и не перезванивает.

- Козлы они все, - беззлобно заметила Кристина. – А ты, когда он позвонит, трубку не бери.

- Да как же это?

- Легко. Пусть знает, что ты не всегда доступна. Мужчины любят неуловимых женщин.

- Не знаю, смогу ли.

- А что трудного-то, трубу не брать? Сидишь, смотришь на мобильник, где его имя высвечивается, и язык показываешь. – Корзина хихикнула, и Кристина, находясь в том настроении, когда чувствуешь, что, наконец, прогнула под себя если не весь мир, то хотя бы половину, весело продолжила: - Давай лучше собирайся. Поведу тебя в Шенонсо. Французская кухня, французские вина, богатые мужчины. Там есть беседки на воздухе. Может, познакомимся с кем-нибудь.

- Слушай, у тебя итак два любовника.

Кристина засмеялась.

- Один меня бросил и уехал, другой как-то поднадоел, так что самое время познакомиться с кем-нибудь третьим. Мужчины ведь, Корзинка, должны приносить радость, а не страдания, а иначе, зачем они нам нужны? Так что одевайся поприличнее. Хотя нет, подожди меня, я сама выберу тебе что-нибудь. Буду у тебя через полчаса.

Глава 27

Все беседки на улице оказались заняты, и молоденький услужливый официант с тоненькой полоской усов, напомнивших Кристине о Витьке, провел девушек в зал. Там из-за работающего кондиционера было значительно прохладнее. Официант помог, не обращая внимания на спутницу, Кристине сесть. Она поймала взгляд мужчины в льняной рубашке за соседним столиком и улыбнулась. Собираясь повеселиться, она надела голубой сарафан, открывающий загорелую спину и плечи, и в тон ему голубые босоножки на каблуках. Ярко-красный маникюр на руках и ногах, руки в кольцах. Кристина знала, что выглядит прекрасно. Подругу она заставила надеть черный шелковый комбинезон, который скрывал волосатые ноги, подчеркивая высокую грудь и покатые белые плечи. Выудив его из шкафа, Кристина с восторгом спросила, почему Зина его не носит. Та нехотя призналась, что купить такую экстравагантную вещь заставила мама, а она чувствует себя в нем неуютно. Кристина рассмеялась.

- Это ужасно неуютно чувствовать себя красивой. Да-да.

Зина смутилась, поглаживая гладкую ткань.

- Думаешь, мне стоит обновить его?

- Уверена. Быстрее одевайся, и я займусь твоей прической и вызову такси.

Читая меню, Кристина обнаружила подташнивание, когда перевернула страницу, где значились мясные блюда. Услужливая память тут же напомнила, что чувствовала то же самое в вечер убийства, когда ужинала с Сергеем. Кристина еще немного порылась в памяти и обнаружила, что за месяц ни съела ничего из мясного. Причем сама даже не заметила. И это при ее первой группе крови.

- Удивительно! – заметила Кристина после того, как она выбрала запеченную лосось, а Корзина мясо в гранатовом соусе, и официант, налив им по бокалу белого вина, удалился. – Кажется, я становлюсь вегетарианкой.

Голубые глаза подруги округлились.

- Не может быть! Не делай этого. Как же тогда шашлыки на даче?

- Сама не знаю, - пожала плечами Кристина, подумав о том, есть ли здесь связь с той человеческой плотью, которую убивала она и животной, которую убивали другие для еды. – И ведь это не результат убеждения или желания похудеть...

- Смею заметить, что ты еще похудела, - перебила ее подруга.

- Возможно. Последнее время очень много всего произошло. Пришлось здорово понервничать.

- Ты так ничего и не рассказала про свою сделку века. Нет, потом, – перебила сама себя Зина, поднимая бокал. – Давай сначала выпьем за тебя. За самую талантливую и способную рисковать женщину. Мне это так в тебе нравится. За твою смелость, находчивость, умение поставить всех на колени. За твою сексуальность. Заметь, когда ты вошла, все мужики, сидящие за столиками, повернули головы в твою сторону. За твою дисциплинированность, в конце концов. – Кристина удивленно подняла брови. – А что стоит только твоя ежедневная пробежка на озере?!

- Корзина, остынь. Тост должен быть кратким. Ты скажешь что-нибудь еще позже. А то я совсем зазнаюсь. – Кристина подумала, как ей все-таки повезло иметь такую подругу, которая не завидует, а искренне восхищается, и это женское натуральное восхищение, а не мужское льстивое, делало его более ценным. Может, она и в самом деле ничего? Сама ведь себя сделала.

Они выпили вина, и Кристина рассказала про последнюю сделку. На этот раз, словно что-то почувствовав, Корзина расспрашивала, куда именно Кристина ездила в тот вечер, когда Илария осталась у нее и в какой цвет покрашены стены в комнате.

- Стены в комнате? – повторила удивленная Кристина и вдруг вспомнила, что зачем-то наплела про окрашивание стен. Вот идиотка. Язык – ее враг. Хорошо еще, что Корзину не вызывали для дачи показаний. Сдала бы ее с потрохами, сама того не зная. - Кристина улыбнулась. – Ох, я совсем забыла. Маляры меня обманули. Взяли более выгодный заказ. Ну, я все равно была занята. Так что спасибо, что помогла с мамой. Глотнув вина, Кристина начала рассказывать про сделку с Валерием. Зина слушала, не перебивая. И только после того, как они снова чокнулись, уточнила:

- Ты тогда сказала, что едешь в Подмоскovie. Ты что, ездила так далеко за клиентом, который купил хату на Фрунзенской набережной?

Бог мой, как глупо, ужаснулась Кристина. У Корзины хорошая память, надо быть осторожнее. Кристина опустила взгляд, быстро соображая.

- Эти два дела не имеют ничего общего. Там был земельный участок, в который я вложила часть своих денег. Но, к сожалению, обнаружили наследники, пришлось скинуть его задешево. А вот с Валерием я все отыграла назад. Ой, совсем забыла. Я же твои деньги принесла. С небольшими процентами за услугу. – Кристина взяла в руки сумку.

- Ты обалдела?! Какая услуга?! Я тебе просто так дала, – возмутилась Корзина.

- Бери и не раздумывай! – Кристина обрадовалась смене разговора. – Знаешь, наверно, у меня такая скотская профессия, что я привыкла всех подкупать. Так что не обижайся сама и не обижай меня, – она вытащила конверт и подтолкнула его к подруге. – Сегодня я могу себе это позволить.

Лицо Зины вызывало гамму эмоций: она завидовала подруге, что та зарабатывает достаточно большие, по сравнению с ней, деньги, испытывала благодарность за неожиданную щедрость. И хотя деньги не имели для нее большого значения, кормили ее родители, на шмотки она не тратилась, это все равно было приятно. К тому же тут неожиданно Макс обмолвился, что попал в неприятную ситуацию. Теперь она сможет ему помочь. Увидит его благодарный взгляд. Может, он даже поцелует ее в щеку.

- Спасибо, – Корзина спрятала конверт в сумку.

Вопросов на щекотливую тему больше не задавалось, но несколько раз за вечер Кристина ловила на себе задумчивый взгляд подруги. Выпив первую бутылку, Кристина хотела взять вторую, но Корзина убедила ее продолжить дома на диване. С тех пор, как Зина начала встречаться с Максом, она переехала от родителей в маленькую двухкомнатную квартиру в пятиэтажке, которая казалась Кристине тесной, захлавленной и до неприличия несовременной, начиная с дурацких обоев в гостиной, имитирующих книжный шкаф и заканчивая занавесками «кошкин дом» в крохотной кухне. Единственным достоинством квартирки была чистота. Корзина обожала мыть полы, окна, раковины и прочее. Видимо, какая-то часть материального должна уравновешивать духовную профессию девушки.

Прикончив вторую бутылку почти в одно лицо, Зина цедила один бокал, Кристина развалилась на диване и потребовала массаж. Где и как Корзина научилась этому искусству, Кристина не знала, но всегда с удовольствием предоставляла ей свою загорелую мускулистую спину. Сбросив сарафан и, оставшись в одних трусиках, она растянулась на широкой кровати Корзины и, предвкушая удовольствие, закрыла глаза. Сильные музыкальные пальчики подруги совершали привычный разглаживающий ритуал. Кристина почувствовала, что засыпает, как вдруг почувствовала, что ее пытаются перевернуть на спину. Не открывая глаз и не вдаваясь в размышления, что с ней делают, она перевернулась и вдруг почувствовала, что ее нежно целуют в

грудь, а потом в губы. Опьянение и усталость дня ослабили контроль и совершенно неожиданно для себя, она раскрыла губы в свою очередь, лаская грудь подруги и удивляясь приятным, не испытанным доселе ощущениям. Грудь у Корзины была упругая с розовыми сосками, сразу напрягшимися от ласки. Пальцы Корзины даже нежнее мужских проникали в запретные места. Кристина открыла глаза, пытаясь поймать взгляд Корзины, но та спрятала лицо у нее на груди, а когда, наконец, подняла, то умоляюще прошептала, чтобы ее не прогоняли. Она тянулась к ласке, как тянется бродячая собака, и у Кристины, совсем как тогда, с Андреем, не хватило сил ее остановить.

Утром Кристина проснулась от того, что Зина, оперевшись на руку, смотрела на нее, как смотрят мужчины в мелодрамах. И от этого ее щемяще влюбленного взгляда, Кристина все вспомнила. Не может быть, чтобы она занималась любовью с лучшей подругой?! Неужели она настолько порочна? Она вопросительно посмотрела в Зинины голубые глаза, и та еле заметно кивнула. При этом если Кристина испытывала стыд и отчаяние, то ее подруга выглядела счастливой и умиротворенной. Видимо, собираясь продолжить вчерашнее, она положила руку на грудь Кристины.

- Оказывается, мы можем обходиться и без мужчин, - проворковала она каким-то новым голосом.

- Послушай, - мягко заметила Кристина, немного отодвигаясь к краю. - То, что произошло вчера, было не совсем правильно. Боюсь, столько пить нельзя.

- Ну вторую бутылку выпила в основном ты, моя маленькая алкашка, - назидательно заметила Корзина, удобно устраиваясь у нее на плече.

- Ну не хочешь ли ты сказать, что сделала это на трезвую голову?

- Я, наверно, давно влюблена в тебя, Ворона. Еще со школы. Но мне не приходило в голову, что все может быть так просто.

Просто? У Кристины пересохло в горле. О чем она говорит? О любви? Натворили глупостей по пьяни и теперь стыдно в глаза смотреть. Она вдруг вспомнила об Андрее. Как только он мог с Эдиком? Есть, конечно, некая притягательность, когда ты трогаешь почти себя, но не себя. Но в остальном... Пить нельзя. Тогда могла СПИДом заразиться, в этот раз чуть подругу не потеряла. Надо немедленно вправить мозг Корзине. Кристина чуть свела брови и села, опершись спиной на подушку, натянув одеяло на грудь. Вид у Корзины был томный, она завладела пальцами Кристины и переплела их со своими. Кристина выдернула руку.

- Ты можешь меня услышать? То, что случилось, было ошибкой. Давай забудем и...

- Ты не любишь меня?

- Конечно, люблю, но как подругу.

- Ну, мы и останемся подругами. Разве тебе вчера не понравилось? Хуже, чем с Витькой?

При одном упоминании о Витьке сердце привычно заныло. Видел бы он ее сейчас. Да ни с кем и никогда не будет лучше, чем с ним. Но это было и прошло. Нужно все выбросить из головы. Сейчас, когда не было возможности его видеть и слышать, стало немного легче. Осталась легкая грусть: плохое сглаживалось, хорошее становилось еще лучше. Конечно, ее тело скучало по их сумасшедшему сексу, но по прошествии времени ее собственнические переживания стали казаться странными. Она же ведь не собирается выходить замуж за Витьку.

Корзина, не сводя с нее глаз, ждала ответа. Кристина решила быть честной.

- То, о чем ты говоришь, невозможно.

Зина съежилась. Голубые глаза стали влажными, рот скривился. Кристина мгновенно почувствовала себя виноватой, попыталась свернуть разговор на Макса, напомнила, что он ей нравится. Но Зина только отрешенно сказала:

- Ему я тоже не нужна. Никому не нужна. Даже родители стыдятся, что я такая уродилась. Забудь об этом. Оставим все как есть.

Зина выбралась из постели и, накинув на себя халат, ушла в ванную. Кристина начала одеваться. Захотелось как можно скорее покинуть эту тесную квартирку и больше никогда не встречаться с ее владелицей. Сейчас она, словно примерив ее шкурку, чувствовала себя несчастной и никому ненужной. Хотелось в душ, чтобы смыть со своего постыдного тела прикосновения женских рук.

Голубой сарафан – единственная ее одежда – показался излишне сексуальным. Ей захотелось надеть мешковатые джинсы и водолазку под горло, чтобы никого больше не смущать. Из ванной слышался шум воды, Кристина поспешила в прихожую и, не застегивая босоножек, чтобы не встретится с той, кто еще сутки назад, была ее подругой, прикрыла за собой дверь.

В электричке Кристина забилась в угол. Всю дорогу до Кратово в голове крутились воспоминания о Корзине. Возможно ли, чтобы они смогли вернуться к прежним отношениям? Противный тоненький голосок в мозгу нашептывал, что нет. Получается, что за последнее время она всех потеряла. Кристина вдруг почувствовала, что щеки залил жаркий румянец. Как же она могла?! Надо было сразу пресечь все отношения. Надо было... Включившийся звонок «Крестный отец» прервал ее мысли. Пока доставала телефон, успела подумать, что сердце уже не рвется при каждом звонке с мыслью, что это Витька. Голос Мухина звучал до противного сладенько.

- Кристина, есть хорошая квартира на продажу в Филях. Надо съездить с хозяином пообщаться. Ты готова телефончик записать? Что-то шум там у тебя такой, еле слышно.
- Я в электричке еду, - буркнула Кристина, вытаскивая красную риэлторскую книжечку и ручку.
- Не узнаю тебя. Ты и на электричке? Такое возможно?
- Случается иногда, - буркнула Кристина.
- Пиши номер телефона. Квартирка на Большой Филевской. Двухкомнатная. Адрес он сам тебе скажет. Хозяина опусти по максимуму, ты это умеешь. Цену потом с тобой согласуем. Комиссионные побольше объяви, но так чтобы не оттолкнуть. Ну, скрытку, надеюсь, ты все равно сделаешь. – Кристина поморщилась. - Там мало квартир в этом районе. Ну не подведи. Завтра жду тебя в офисе. И еще знаешь, что?
- Что?
- Такие девушки, как ты, не должны ездить на электричках.

Кристина дала отбой и облокотилась на жесткую спинку сидения. Еще издевается, гад. Можно подумать, ей это нравится. Знать бы, что так получится с отмечанием, она бы лучше дома сидела. Да почему же она всех теряет? Кристина рассеянно полистала книжку. Что-то неуловимо не давало покоя. Она прокрутила в памяти свой разговор с Мухиным. Вроде бы она собиралась в Фили. Думала, буду в том районе, заеду. Но зачем?

Вспомнила, когда увидела Иларию. Они ужинали под кронами Петра и Павла, Кристина приготовила салат Капрезо и воздушное картофельное пюре, так любимое мамой. Зашла речь об отце. Кристина призналась, что уже плохо помнит его. Мама с нежной и грустной улыбкой стала вспоминать, как они познакомились, как он сделал ей предложение. Кристина смотрела на мамино красивое лицо, вдруг ощутив, неожиданную боль при мысли о том, что отец приезжал в Москву к любовнице. И тут ее осенило. Семья ее сводной сестры жила на Большой Филевской в доме двадцать. А теперь она будет продавать там квартиру. Что это? Очередные проделки кукольника?

Илария посмотрела на Кристину.

- Я, наверно, тебе надоела, ты меня не слушаешь. Никакой личной жизни у меня нет, а прошлое уже все пересказано. Просто не знаю о чем с тобой поговорить. Расскажи, как прошла вечеринка с Зиной?
- Ну что ты, мамочка. – Кристина взглянула в мамины грустные глаза и решила рассказать ей часть правды. Наверно, она не права, что все скрывает от нее. – Мне всегда с тобой интересно. Я просто вдруг вспомнила, что Мухин сегодня предложил мне продавать квартиру на Большой Филевской в доме двадцать. – Она сделала паузу, выжидающе глядя на мать.

Илария вспомнила адрес мгновенно.

- Бог мой! Тот самый дом. Не может быть?!

Кристина скорчила гримаску.

- Судьба любит сюрпризы, мам. Как думаешь, мне стоит зайти и посмотреть на сестрицу?

- Ты поднимешься по тем же ступенькам, где ходил твой отец. – Глаза Иларии наполнились слезами, и Кристина мгновенно пожалела, что завела этот разговор.

- Не думаю, что она принимала его дома, мам. Это же риск. Она была замужем.

- Как знать? Если очень хотела его видеть, могла и рисковать. Это сейчас гостиницы везде с почасовой оплатой. Интересно, как можно заранее понять, сколько часов тебе понадобится?

- Три, - машинально заметила Кристина, вспомнив, что Витька заказывал номер на три часа.

- А ты откуда знаешь? Была там?

- Слышала от подруги, - неудачно соврала Кристина, засунув в рот последний кружочек помидора с моцарелой, посыпанный базиликом.

- Уж не от Зины ли? – Илария смотрела укоризненно, а потом махнула рукой.

– Хорошо, что Витя уехал.

Кристина, прожевав помидор, кивнула, подумав о том, что это очень плохо. Тело и губы сучали по Витькиным рукам и жадным наглым поцелуям. Никто и никогда больше не поцелует ее так. Ни с кем она не испытает такого единения, когда он в ней. Пусть даже они занимались этим в гадких номерах, насквозь пропитанных чужим сексом.

- Ты делай, как считаешь нужным, девочка моя. Если хочешь посмотреть на свою сестру, посмотри. Только расскажи мне потом. И не бойся меня расстроить, я сильнее, чем ты думаешь. А потом, вдруг вы подружитесь? У тебя же никого нет.

- Для того чтобы мы подружились, мне придется объявить себя сестрой, а это ни к чему. И я еще не знаю, готова ли я ее увидеть.

- Так как прошел праздник с Зиной? – снова спросила Илария, явно желая отвлечь дочь, но Кристина, рассказывая о первой части праздника, которая была неплоха и умалчивая о второй, еще больше расстроилась.

Проводив маму до спальни, девушка поднялась к себе в комнату. Состояние хуже некуда. Спать не хотелось, а следовало, судя по тому, что уже было одиннадцать, а на завтрашнее утро назначена встреча на Филевской. Ну ладно. Она немножко попишет роман о своей жизни.

Глава 28

Перечитав последнюю главу и, подправив опечатки, Кристина задумалась. Интересно, если верить тому, что еще до рождения каждый выбирает себе определенную программу в жизни, почему ее угораздило выбрать этот нелепый путь?

История с Андреем была как две капли воды похожа на историю с Корзиной. Снова под воздействием спиртного она сотворила черт знает что. Правда, тогда, им удалось остаться друзьями. Несчастье помогло. Пальцы девушки быстро забарабанили по клавиатуре, воссоздавая пережитое.

Голос Андрея с трудом пробивался через разделяющие нас километры.

- Я возвращаюсь домой. Ты можешь заказать мне билет на завтра и встретить меня в аэропорту?

- Конечно. Что-то случилось? Ты собирался вернуться через неделю.

- Чувствую себя отвратительно. Домой хочу.

Ледяные пальцы сжали мое сердце, которое не так уж многое трогало. У Андрея был такой голос, словно там, среди всех этих прекрасных фьордов, фотографии которых они так долго рассматривали перед отъездом, он умирает. Вспомнился вечер, когда я помогала ему собирать чемодан. Гладила джинсы, рубашки. Он сидел на диване под пледом и смотрел на меня с улыбкой, которая вынимала душу. Не нужно было ему уезжать. «Но он сбежал туда из-за тебя», - заметил голосок. С этим я полностью согласна. Действительно он сбежал из-за нее. А я ведь хотела, как лучше. А получилось, как всегда у нее. Не то, чтобы плохо, а отвратительно.

Закончив разговор, я быстро прошла в комнату Андрея и достала кредитную карту, которую он оставил, если с ним что-то случится и понадобятся деньги. Я тогда прокомментировала, что он совсем не боится доверять мне своих сбережений, а он сказал, что у него никого не осталось, кроме меня. И что, если не верить мне, то тогда кому? Я сглотнула. Те же самые слова часто говорила мама. Есть две страшные вещи: одиночество и болезнь. Одно из них порождает другое, независимо от того, что приходит первым.

Андрей выглядел ужасно. Про таких говорят: не жилец. Он медленно шел между пассажирами и при одном взгляде на его лицо, я поняла, что он умирает. Черная шапочка, обтягивающая голову, придавала его бледному лицу синюшный оттенок. На щеках появилась сыпь, которой не было до

отъезда. Рядом с ним я чувствовала себя неприлично здоровой. Он улыбнулся, не прикасаясь ко мне.

- Как хорошо, что ты здесь. У меня даже нет сил идти за багажом.

Я беспомощно огляделась, куда бы его посадить, но наши аэропорты не предусмотрены для больных людей. Черт бы побрал тех, кто думает только о прибыли и никогда о людях. Пока я ждала сумку Андрея, стоя в толпе пассажиров, мой муж сидел на полу, прислонившись к стене. По дороге домой он рассказывал, как прекрасны фьорды. Я часто моргала, чтобы не заплакать и почти не слушала.

С этого дня его здоровье начало стремительно ухудшаться. Исчезли наши прогулки вокруг озера и воскресные шашлыки. Подкрался ноябрь. Обнаженные деревья, мокрые темные стволы сосен и грязь под ногами. Как обычно осенью у мамы наступило обострение, и я, разрываясь между двумя постелями, напоминала попугая, произносящего ободряющие слова, в которые никто не верил. Андрей отказался от химиотерапии и принимал лишь витамины. Сколько я не пыталась его заставить, он говорил: умереть лучше побыстрее, чтобы не мучить меня.

Иногда мое терпение лопалось, и я, надев плащ с капюшоном – зонты я терпеть не могла - отправлялась в одиночестве гулять вокруг озера. Дождь заливал щеки, смешиваясь с моими слезами, которые я, наконец, могла не скрывать. Озеру не нужны мои лживые слова и мое одобрение. Здесь я могла ненадолго остаться одна. Никогда не думала, что мне будет так тяжело. Судьба в очередной раз наказала меня. То, что изначально планировалось быть сделкой, превратилось в настоящее страдание из-за близкого человека. Когда и как Андрей умудрился влезть в мою душу, я не знала. Скорее всего, это случилось в первый день нашего знакомства, когда я впервые осталась у него на ночь, и он сидел возле меня, пока я не заснула. На мою беду Андрей оказался интересным человеком: добрым, умным, думающим. Для того чтобы занять его, я скачивала нам одни и те же романы, которые мы слушали порознь: он на диване дома, я в машине, пока стояла в пробках. Вечером нас ждало обсуждение прочитанного. Мама иногда присоединялась к нам. Это были хорошие вечера, когда я, откупорив бутылку вина, смотрела на них двоих, закутанных в пледы и поглощенных спорами. Окунувшись в вымышленный мир, они забывали о своем. В нашей гостиной было жарко от горящего камина, но эти двое все равно полулежали в креслах, закутанные в одеяла.

Как-то раз я призналась Андрею в собственном графоманстве. Сказала, что с тех пор, как стала писать сама, мне стало гораздо интереснее читать. Я учусь у каждого автора сюжета и построению фраз, завидую

ему и спорю, восхищаюсь или презираю. Андрей смотрел на меня с каким-то новым выражением. На покрытом струпьями лице застыла грустная улыбка.

- Я подозревал что-то в этом роде. Теперь я понимаю, что тебе помогает жить с нами твой вымышленный мир, в который ты уходишь, когда пишешь. Без этого тебе бы пришлось совсем тяжело.

Это было так правильно, что я не нашла ответа. Только ждала, что он попросит меня дать ему почитать какое-нибудь мое творение. Хотя вряд ли его заинтересовали бы любовные романы, а фантастики у меня не было. Как-то она у меня не писалась и не читалась, хотя Рэя Брэдбери я очень уважала. А еще мне безумно нравился рассказ Уэллса «Дверь в стене».

- Почитаешь мне что-нибудь из того, что ты написала?

- Ну, я думаю, что тебе не очень-то интересно про... – я замаялась.

- Ты пишешь любовные романы?

- Не совсем. Я пытаюсь писать о жизни.

- А в ней всегда есть любовь, как в песне.

Андрей пропел:

«Я поля влюбленным постелю, пусть поют во сне и наяву».

«Я люблю, а значит, я дышу, я дышу, а, значит, я люблю», - закончила я, немного приврав мелодию, поскольку со слухом у меня было не очень.

– Обожаю эту песню и, вообще, все его тексты. Слушаю иногда в машине и думаю, как он мог писать так пронзительно. А я никогда не могу выразить мысли, которые появляются в голове.

- Может, ты предоставишь мне возможность составить собственное мнение?

- Я выберу что-нибудь.

- Иди сюда поближе, - попросил он. Я подошла, он взял мою руку и поднес к губам. – Я прожил много лет, считая себя голубым, но благодаря твоей сексуальности, какой-то совершенно особенной женской энергии, тебе удалось изменить мое отвращение к самому себе. Болезнь, поселившаяся в моем теле, лишь следствие этого отвращения. В глубине души я никогда не считал правильным, что я сплю с мужчинами. Искал способ прекратить. Пробовал заняться сексом с женщинами. Но у меня ничего не получилось. Единственная женщина, с которой у меня были эрекция и оргазм – это ты. – Я смутилась, чувствуя, как полыхнули огнем щеки. Неужели тот раз, за который я себя так ругала, оказался таким важным для него? Неужели все-таки это было правильно? - Тебе удалось стереть грязь, которая годами прилипала к моему телу вместе с прикосновениями мужских рук. Я понял, как это приятно гладить женскую грудь, как здорово ощущать ладонями гладкую кожу. Когда я уехал, не было ни одной ночи, чтобы я не вспоминал тебя и появляющееся желание при мысли о женщине, какое бывает у каждого нормального мужика, но которого не было у меня, несказанно

радовало меня. И сейчас я хочу сказать тебе, что полюбил тебя, и мое тело перестало быть мне отвратительным. Ты спасла меня, – обветренные губы уткнулись мою ладонь.

Я не знала, что ответить. Это было и будет самое лучшее и безнадежное признание в моей жизни. Сама испытала нечто подобное, когда после рук сорокалетнего мужика к моему, только что выросшему из детства, телу прикоснулись руки ровесника. Я молча легла рядом и обняла своего мужа. Андрей перебирал мои волосы. Его рука была нежной и спокойной, словно рука брата. Страсть, которую ему довелось испытать в тот раз, навсегда унесла болезнь.

Глава 29

Дом на Большой Филевской оказался красивой сталинкой с маленькими балкончиками и высокими потолками. Всю дорогу Кристина пребывала в нерешительности. Зайти к сводной сестре или не стоит ворошить прошлое? И только уже, беседуя с клиентом, девушка поняла, что не сможет пройти мимо квартиры, которая по иронии судьбы, еще и оказалась в том же подъезде, только на два этажа ниже. Возможно, по тем же стертým ступенькам сюда поднимался ее отец. И уж совершенно точно на них ступали ноги маминой соперницы и ее сводной сестры. Не таким, как ей осуждать отца, но сегодня ей вдруг стало по-настоящему больно.

- Вы чем-то расстроены? – в голосе мужчины, показывающего ей квартиру, сквозила симпатия.

- Нет-нет, - Кристина заставила себя взять себя в руки, чтобы выполнить возложенную на нее миссию. – Просто задумалась. У вас хорошая квартира, но вряд ли удастся ее дорого продать.

Полноватый сорокалетний мужчина озабоченно сдвинул брови. – Почему вы так считаете?

- Таков рынок, - Кристина сделала сочувствующее выражение лица. – К сожалению, квартиры в сталинских домах здорово просели в цене из-за новостроек бизнес класса. Клиенты, располагающие деньгами, хотят жить в доме с подземной парковкой и охраной. А у вас в подъезде пахнет кошками, мебель не войдет в пассажирский лифт, а в квартиру нужно вкладывать целое состояние из-за того, что ремонт не делался с момента постройки дома.

- Зато какое место, филевский парк напротив. Лыжи, шашлыки, прогулки по набережной.

- Согласна с вами, но все окна на улицу и очень шумно.

Привычно попрепивавшись, Кристина, наконец, озвучила цену, от которой брови продавца поползли вверх, и он на некоторое время лишился дара речи. Решив, что немного переборщила, Кристина кинула пробный камень.

- Мы можем выставить квартиру немного подороже с условием, если у нас не будет звонков и просмотров, мы будем снижаться. Ведь вам же, насколько мне известно, нужны деньги?

- Мне некогда ждать, - мужчина почесал подбородок. – Мне рекомендовали вас, как опытного специалиста, наверно, вы лучше знаете по какой цене выставить квартиру, - Кристина сочувствующе наклонила голову набок, держа паузу. – Боюсь, мне придется согласиться на ваше предложение.

- Отлично, тогда мы можем заполнить договор сейчас или вы подъедете к нам в агентство?

- Давайте сейчас.

Закончив с договором, Кристина попрощалась и вышла на лестничную площадку. Спустившись на пролет, некоторое время смотрела в окно, собираясь с силами и, наконец, застучала каблучками вниз по лестнице. Чувствуя, как колотится сердце, она быстро нажала кнопку звонка. Дверь, испытывая ее терпение, долго не открывали, но, наконец, замок щелкнул: в проеме появилась женщина средних лет с короткой стрижкой и неприветливым лицом.

- Здравствуйте, я ... – Кристина запнулась, вдруг осознав, что не знает фамилии. Мама называла только имя. Как глупо. А эта женщина вполне могла оказаться по возрасту папиной любовницей. Кристина жадно всматривалась ее лицо. Мама гораздо красивее. Как эта самая обыкновенная тетка в халате смогла понравиться ее отцу?

- Что вы хотели? – от бесцеремонных разглядываний женщина посуровела.

- Я ищу Марину.

- А, Марину. Так они съехали, как продали квартиру всей семьей. Уже как семь лет назад.

Кристина вздохнула с облегчением. Разговор с сестрой откладывался, а некрасивая тетка не оказалась маминой соперницей.

- Ой, как жалко. Мы дружили в школе, я часто бывала у нее в гостях, а потом наши пути разошлись. Но мне надо ее найти. Ведь вы же знаете адрес, куда она переехала?

- Это почему я должна знать?! Она никакого адреса не оставляла. И, вообще, мне эта ваша подруга очень не понравилась. На сделке вела себя вызывающе. Чуть все не испортила. Прямо хотелось встать и уйти.

- Это бывает. Может, она не хотела переезжать?

- Куда не хотела переезжать? В дорогущую квартиру в доме бизнес класса, которую купил для нее отец?! Ненавижу таких. И вам не советую с ней

общаться. Может когда-то она и была другой, но сейчас уверяю вас, вы не узнаете вашу подругу.

Кристина сделала просящее лицо.

- Мне очень надо ей кое-что передать. Уверена, она обрадуется. – Кристина надеялась, что тетка не будет спрашивать, что это такое, потому что сама еще не придумала.

- Да не знаю я ее адреса, девушка.

- Если она была здесь когда-то прописана, то в выписке из домовой книги указано, куда она выписалась.

- Да? А ты откуда знаешь?

- Я – риэлтор.

- Риэлтор? Может, зайдешь тогда, мне проконсультироваться надо, как бывшего мужа выписать. А я заодно тебе эту выписку найду. Где-то ведь валялась.

Кристина выдохнула и переступила порог квартиры, куда приходил ее отец. Зачем-то посмотрела на пол, словно надеялась увидеть на лакированном паркете его следы. Идя за хозяйкой на кухню, с жадностью оглядывалась вокруг. Их квартирка в пятиэтажке ни в какое сравнение с этой не шла.

- Скажите, а вы сами ремонт делали или от прежних хозяев остался?

- Почему спрашиваешь?

- Понравился.

- Ремонт еще с тех пор. Прежние хозяева богатые были, много денег в него вбухали. Вот, даже кухню нам оставили. – Женщина любовно провела рукой по зеленоватой мраморной столешнице. В то время она десять тысяч долларов стоила. Но твоя подруга заявила, что она ей не нужна. Она хай тек уважает. А это натуральное дерево.

Кристина с интересом оглядела стильную, но уже устаревшую кухню. Интересно, отец бывал тут? Пил чай или кофе? А, может быть, они перекусывали здесь после бурного секса?

Женщина щелкнула электрическим чайником и хитро улыбнулась.

- Денег за консультацию не дам, но чаем напою, согласна?

- Согласна, если найдете выписку, - в тон ей ответила Кристина и выглянула в окно на видневшиеся отсюда деревья парка. Интересно, хоть разок папа стоял у этого окна? И если стоял, то вспоминал ли их с мамой? Испытывал ли он угрызения совести или считал, подобно другим мужикам, что иметь любовницу, это нормально? Кристина пила чай маленькими глоточками, остро осознавая, что лучше бы сюда не приходила.

Хозяйка явилась, гордо помахивая белым листком.

- Вот адрес твоей подруги. Записывай, выписку не отдам.

Кристина достала красную книжечку и записала адрес: улица Инициативная, дом семь, квартира сто пять. Это на всякий случай. Она вовсе не уверена, что захочет туда поехать.

- Ну а теперь твоя очередь. – Женщина забросала ее вопросами о выписке бывшего мужа, на что Кристина быстро и сжато ответила.

Уже в коридоре вдруг неожиданно для себя спросила:

- Извините, мне так квартира понравилась, а можно другие комнаты посмотреть?

- Ни в коем случае. Там не убрано. – Женщина загородила проход, Кристина извинилась и поспешно выскочила на лестницу. Даже лифта дожидаться не стала. Более глупого поведения трудно и представить. Что она хотела увидеть в этих комнатах? Кровать, на которой отец изменял матери? Чувствуя себя совершенно вымотанной, Кристина забралась в Кошку. Зазвонил мобильный. Увидев на определителе номер Мухина, чертыхнулась, но ответила на звонок.

- И почему это мы не звоним? Уверен, тебе удалось договориться.

- Удалось даже лучше, чем вы представляете, - буркнула Кристина с воспоминаниями, что приехала в этот дом вовсе по другому поводу и что ей придется еще не раз здесь бывать.

- Не тяни. Какая цена, каковы условия?

- Я еду в агентство, везу договор, там все написано. Мне разговаривать неудобно, - соврала Кристина, чувствуя огромное желание послать Мухина куда подальше.

- Давай приезжай быстрее. Надо рекламу дать.

Кристина бросила мобильный в сумку и повернула ключ зажигания в замке. Кошка мирно заурчала, успокаивая хозяйку, что все будет хорошо. Выруливая на Большую Филевскую, Кристина подумала о том, что Инициативная не так уж и далеко отсюда и можно успеть заехать перед работой, но тут же остановила себя, что на сегодня с нее хватит прошлого. С сестричкой можно познакомиться попозже. К тому же в дом бизнес класса не так просто попасть без приглашения хозяев.

Кристина была настолько выбита из колеи, что даже не стала включать музыку. Ехала и слушала, как шуршат по асфальту шины и мурлыкает кошачий моторчик, думая, что жизнь гадкая и подлая штука. Запел мобильный и она, стоя на светофоре, успела выудить его из сумки. На определителе значилось «Сергея». Она поспешно схватила трубку и, отвечая на его приветствие, попыталась по тону определить, какие у него новости. Впрочем, Сергей не стал долго тянуть.

- А у меня к тебе есть хорошее предложение: забуриться в самый дорогой ресторан и кое-что отпраздновать.

Кристина почувствовала, как задрожали руки от забрезжившей надежды. Не может быть?! Она свободна!?

- Сереж, не мучай меня. Разве у нас есть повод? – Она выговаривала слова медленно, от волнения язык еле шевелился. Все эти дни она старалась вести себя как обычно и гнать мысли, что еще не конец, что опять потребуются деньги, что это никогда не кончится. По несколько раз она клялась, что если сейчас снова прокатит, она больше никогда не тронет никого пальцем, будет жить как все.

- Еще какой! Твое дело удалось замять. Ты можешь забыть обо всем и расслабиться.

Кристина молчала, чувствуя, что не может выдохнуть. Сердце сжалось в комок и заболело. Она поспешно свернула на обочину и припарковалась.

- Алло, ты здесь?

- Здесь, - отозвалась Кристина, выключая мотор. – Я просто боюсь поверить твоим словам. Вот даже пришлось остановиться.

- Понятно, - его голос, подстраиваясь под нее, тоже стал грустным. – Ты за рулем?

- Да, на работу еду. Не могу поверить!

- Поверишь, после того, как я тебе все расскажу.

- Спасибо тебе. Без тебя у меня уже были бы друзья в полосочку.

- Да ладно тебе. Я хочу быть твоим единственным другом. Так как на счет сегодняшнего вечера?

Кристина подумала, что брючный костюм, который она сегодня надела, вполне подойдет для ресторана. Особенно если снять пиджак. Блузочка под ним с глубоким вырезом выглядела достаточно нарядно.

- Мне нравится твое предложение. Куда пойдём?

- Есть одно местечко, где мы еще не были. Живая музыка, хорошая кухня. Или ты сама сделаешь выбор?

- Ты его уже сделал. Назови адрес, куда приехать. Кошку я оставлю на парковке у офиса, раз уж мы собираемся выпить.

Сергей засмеялся.

- Кошку оставлю на парковке. Ты чудо, Кристина! Никогда не встречал никого, кто был бы так привязан к своей тачке.

- Смейся сколько угодно. Если бы ты знал, как тяжело девушке зарабатывать деньги.

- Обещаю подумать над этим, когда ты станешь моей женой. Мне не очень-то нравится твоя работа.

- Работа как работа, - возмутилась Кристина. – По крайней мере, график свободный. К тому же я очень ценю независимость.

- Этим ты мне и нравишься, - заметил Сергей. – Прости, у меня вторая линия.

- До вечера, - Кристина отключила телефон и некоторое время смотрела прямо перед собой, пытаясь поверить в то, что она услышала. И так, она

свободна, и ей только что повторили предложение с отсрочкой. То, что она свободна, прекрасно, но хочет ли она замуж за Сергея? Думать об этом не хотелось. Она не представляла, как они будут жить вместе. Сергей никогда не переедет в Двенадцать сосен, а она не согласится жить в другом месте. И потом она не сможет оставить маму. И, вообще, она не хочет замуж.

Глава 30

Праздничный ужин удался на славу. Видимо, в тот день звезды иначе располагались на небосклоне, чем в момент их празднества с Корзиной. Еда и вино, публика и музыка, ну и конечно, Сергей, который был предупредителен, мил и заботлив. В какой-то момент, когда Кристина ненадолго осталась в одиночестве, ей почудилось, что мир не так уж плох без Витьки. Во всяком случае, более спокоен и уравновешен. К тому же снятие обвинения в убийстве и возникшее чувство благодарности к спасителю позволяли ненадолго вернуться в прошлое, когда она была в него влюблена.

Сегодня Сергей выглядел совершенно очаровательно в новом бежевом костюме, подобранной в тон рубашке и галстуке. Его глаза с нежностью смотрели на Кристину, словно и он чувствовал возрождение чувств. В тот вечер они даже немного потанцевали в полупустом зале ресторана и, поймав парочку завистливых женских взглядов, устремленных на ее избранника, Кристина уверила себя, что будет счастлива. Несмотря ни на что. Она это заслужила. Если бы Сергею в тот вечер пришло в голову сделать ей предложение, она бы ответила согласием. И тогда, возможно, ее жизнь повернула бы совершенно в другом направлении.

Но утром Сергей протянул ей всего лишь ключи от своей холостяцкой берлоги.

- Теперь ты можешь подольше поспать утром, - Кристина разглядывала связку на ладони, пытаясь понять, означает ли это, что он решил больше не приводить сюда других девушек или нечто большее. Она вопросительно подняла брови с загадочной улыбкой без слов. Сергей присел на краешек кровати и улыбнулся. – Может, ты захочешь сегодня остаться на весь день и приготовить нам ужин?

Кристина нахмурилась. А как же Двенадцать сосен и мама? И к тому же она вдруг поняла, что совершенно не хочет здесь оставаться. От съемной квартиры не веяло уютом, несмотря на чистоту, дизайнерский ремонт и порядок. И уж ей совершенно не хотелось проводить здесь целый день и возиться на кухне с обедом. Какой-то новый поворот в их отношениях не то,

чтобы не радовал, а даже напрягал. Она приподнялась на постели и решительно положила ключи на журнальный столик. Изобразила легкую улыбку.

- Пусть пока все останется по-прежнему.

Сергей засмеялся.

- А ты чертовски умна. Хочешь сказать, что если уж я должен забрать тебя, то навсегда?

Кристина улыбнулась и поправила волосы. Как хорошо, что он сам подбросил ей этот мяч.

- Именно.

- Милая, я уже говорил, что готов на тебе жениться. Но чуть позже. Нужно решить кое-какие проблемы.

- Я вовсе тебя не тороплю, - Кристина вылезла из постели и завернулась в махровый халат. – Ходить по ресторанам гораздо приятнее, чем готовить ужин самой. И я не представляю, как я буду жить где-то, кроме Двенадцати сосен.

Сергей нахмурился.

- Не перестаю удивляться, как, несмотря ни на что, ты любишь это место.

Кристина насторожилась. Сейчас он напомнит, что ей пришлось сделать, чтобы заполучить его, но Сергей увлекся завязыванием галстука. Она же, решив поставить точку, поспешила в душ. Наскоро выпив кофе, они одновременно вышли из квартиры. Ключи так и остались на столике. Других предложений не последовало.

Подъезжая к Двенадцати соснам, Кристина поняла, как соскучилась по простору, сосновому запаху и озеру, манящему к себе в любую погоду. Нет, она будет жить только здесь и забудет обо всем и о Витьке в том числе. Теперь можно поставить точку на прошлом и просто жить, наслаждаясь каждым днем.

Дома ждал сюрприз. Приехала Зина.

Они сидели с Иларией в гостиной и пили чай. Кристина почувствовала, как покраснела. Сегодня она предпочла бы остаться вдвоем с мамой. Посмотреть какое-нибудь кино, почитать.

- Привет, мам, - она легко чмокнула маму в щеку. – Привет, Корзина. – Не заметив движения подруги навстречу, спросила, как ни в чем не бывало: - Почему не позвонила, что приедешь?

Корзина молчала, глядя на нее преданным тягучим взглядом, обнажающем все, о чем говорить и даже думать было неприлично.

- Детка, ну что за допрос? – вступилась Илария. - Зина может приезжать и без звонка. Мы беседовали о музыке. Я недавно открыла для себя симфонию номер три Мендельсона, Зина помогла прояснить некоторые моменты.

- Понятно. Поставить чай?
- Конечно, - отозвалась Илария. – Зина привезла торт, мы ждали тебя.
- Хорошо, я сейчас.
- Я помогу тебе, - отозвалась Зина, вставая.

На кухне между двумя подругами возникло неловкое молчание, и это было так не похоже на их прежнюю болтовню, что Кристина с болью поняла: возврат к прошлому невозможен. Она достала из холодильника торт, налила в чайник воды. Корзина подошла к ней ближе.

- Илария сказала, ты была у Сергея.
  - Да.
  - Я не могу без тебя. – Корзина сделала еще два шага и уткнулась Кристине в плечо. – Неужели даже ты меня отвергнешь?
- Кристина решительно отстранила подругу.
- Если бы могли вернуться к прежним отношениям...
  - Я люблю тебя.
  - Что? Нет! – Кристина истерически засмеялась. – Это невозможно. Ты не должна так говорить.

На глазах Корзины выступили слезы, а лицо некрасиво скривилось.

- Бог мой, Ворона, ты спишь со всеми подряд, неужели ты не можешь иногда это делать со мной? Ведь я же не претендую на твою свободу.
  - Ты с ума сошла! И я не сплю со всеми подряд, - обозлилась Кристина. – А только с теми, кто мне нравится.
  - Значит, я тебе не нравлюсь?! Ты переспала со мной по пьяни, и теперь отталкиваешь меня?
- Кристина опустилась на стул и тихо произнесла:
- Замолчи сейчас же. Еще мама услышит.
  - Значит, ты стыдишься меня? – голос Корзины сорвался почти на визг, в котором слышались слезы. - Конечно, ты у нас такая красавица и умница, а я глупая уродина, которая всем позволяет собой пользоваться. Ладно, я ухожу. Но ты очень пожалеешь о том, что сделала. Твой Витька никогда не будет с тобой.

Корзина выскочила из кухни, а Кристина опустилась на стул и заплакала. День, казавшийся с утра таким хорошим, снова показал свою теневую сторону. Почему она всех теряет? Что в ней не так? Она пошла в ванную и умылась. Потом переоделась в домашнюю одежду и, убедившись, что на лице не осталось следов слез, вышла к маме в гостиную.

- Что случилось? Почему Зина убежала?
- Ей позвонили. Родителям срочно требуется помощь. – Кристина поставила на стол торт, не зная, как ей удастся проглотить хотя бы кусочек.

- Странно как-то. – Илария внимательно посмотрела на дочь. – Вы случайно не поссорились?

- Нет, мам.

- Но ты не рассказала ей о... происшествии с Мариной?

- А ты рассказала? – спросила Кристина, чувствуя, как ее охватывает ужас.

Илария кивнула.

- Я и не думала, что ты от нее это скрыла. У нее была какая-то странная реакция. Она собиралась что-то с тобой обсудить.

- Что именно она сказала?

- Не совсем поняла. Что она подозревала или знала, что это произойдет. Откуда она могла знать?

- Ты, наверно, что-нибудь не так поняла, - Кристина начала наливать чай, стараясь унять дрожь в руках. Ей стало по-настоящему страшно. Корзина вполне могла догадаться, что это не был несчастный случай. Ведь Кристина попросила ее забрать маму под предлогом, что ей нужно встретиться с клиентами, а вместо этого осталась дома. Как бы узнать, что мама еще ей наговорила. Может, нужно срочно нестись за Корзиной и соглашаться любить ее, чтобы не угодить в тюрьму? Ей стало гадко от одной только мысли. Они же совсем недавно еще были подругами. Черт бы побрал это происшествие. Да что за странные игры у нее с сексом всю жизнь? Еще немного, и она окончательно возненавидит свое тело, которое порождает у других ненужные желания.

- Детка, ты расстроилась, что я рассказала Зине о том, что здесь произошло? Кристина посмотрела на маму, уютно устроившуюся в кресле. На какой-то момент ей показалось, что они ровесницы, так молодо при этом освещении выглядела Илария. Распущенные по плечам волнистые волосы усиливали впечатление. Оставив мизинец, она элегантно держала в руках фарфоровую чашку.

- Да нет, все в порядке, - соврала Кристина. – Может, телек посмотрим? Там сейчас «Экстрасенсы» начнутся. - Илария любила эту передачу, а Кристине хотелось избежать разговоров и уйти к себе.

- Включай, - согласилась Илария.

Кристина помогла маме устроиться на диване и уже собиралась пойти мыть посуду, как вдруг застыла на месте, слушая как похожая на цыганку, участница, попав на место происшествия спустя месяц, рассказывала в подробностях, как произошло убийство. Кристина оглядела гостиную и вновь подивилась, что находясь на том месте, где она убила соперницу, совершенно не испытывает угрызений совести. Интересно, что могла бы рассказать эта цыганка, если бы ее привели сюда? Неужели здесь до сих пор находится душа ее сводной сестры? Кристина содрогнулась от этой мысли и

поспешно направилась на кухню. Сама не заметила, как перемыла всю посуду.

Убедившись, что на кухне чисто, Кристина вернулась в гостиную. В довершении вечера Кристина захватила еще несколько минут просмотра, как очередной экстрасенс – молодой человек с серьгой в ухе - рассказывал свою версию увиденного, как душа задушенной женщины до сих пор находится в доме, напоминая о себе то легким стуком, то странными вздохами.

Кристина не выдержала:

- Мамуль, пойду к себе. Зайду к тебе перед сном.

Увлеченная передачей Илария только кивнула. Кристина поднялась на второй этаж и совершенно неожиданно решила зайти в комнату, в которую не заходила с того самого дня, как тело Андрея увезли на кладбище. Захлопнутая дверь поддавалась с трудом, протяжно скрипнув. Кристина сделала два шага и остановилась. Затхлый воздух давно непроветриваемой комнаты забил ноздри. Она поспешно подошла к окну и распахнула его настежь. Огляделась.

На деревянном полированном столе слой пыли и забытая книжка с закладкой. Кристина взяла ее в руки. На лаковой поверхности остался чистый прямоугольник. Роман Ефремова «Лезвие бритвы» так и остался недочитанным. Сколько часов она провела здесь, читая Андрею книги, время от времени поглядывая в окно на сосны. В тот день она, как обычно, устроилась на стуле. Андрей выглядел хуже, чем обычно, сыпь превратилась в корку на лице, причиняющую мучения, по рукам пошли темные пятна. Она поставила поднос с завтраком на столик и встретила с его измученным взглядом.

- Сядь. Я не хочу завтракать.

- Но я уже приготовила, - она чуть не расплакалась. Иногда ей казалось, что в доме ест только она одна и неприлично много.

Андрей коснулся ее руки.

- Прости меня за беспокойство. Ты устала от меня.

- Нет, все в порядке. Может, хочешь, чтобы я тебе почитала?

Он усмехнулся.

- Нет. Я хочу попросить тебя об одолжении. Я опять не спал всю ночь.

- Сделать укол?

- Не надо. Дай мне снотворное.

Кристина принесла пузырек с таблетками и стакан воды. Как обычно, она привычно открыла пробку и вытряхнула желтоватую пилюлю на ладонь.

- Держи.

- Не сейчас. Оставь пузырек на тумбочке, - Андрей избегал смотреть ей в глаза.

Кристина почувствовала, как захолонуло сердце, как стало трудно дышать. Она внимательно посмотрела на мужа. В серых измученных глазах таился вызов.

- Я оставлю одну таблетку, - она отвернулась.

- Кристин, пожалуйста, - он взял ее руку в свою, и ей вдруг показалось, что от его ладони потянуло могильным холодом. Пришло осознание, что сегодня ночью он принял решение и сделает это с ее помощью или без.

Она освободила руку и отошла к окну. Безучастные сосны издавали сладкий аромат, в котором ей, словно в церкви, почудился запах ладана. Смерть стояла на пороге. Повисло молчание. Пузырек с таблетками жег руку.

Нет! Она не может. С нее достаточно одного убийства. Она повернулась к нему, не вытирая струящихся по щекам слез.

- Я не оставлю таблетки. Тебе нужно жить.

- Почему ты думаешь, что я живу? Ты можешь знать, чего стоит мне прожить целый день? Знаешь, как невыносимо осознавать себя развалиной, в которую превратила меня болезнь?

- Мама говорит, что болезнь посылается, чтобы человек понял, что он делал не так.

Андрей скривил губы.

- Я понял это с того самого дня, как лег с женщиной. И еще больше понял, когда Бог послал мне тебя. Мне нужно было перебороть свое желание и дожждаться тебя.

- Меня?

- Тебя или такой как ты. Одним словом – женщины. А я поддался слабости, не поняв, что мне устроили испытание.

- Перестань, а? Ты же любил Эдика.

- Я любил Эдика, но трахался не только с ним. Ты никогда не спрашивала, почему Эдик даже не инфицирован.

- Это уже не важно.

- Я хочу, чтобы ты знала правду. Тогда тебе не будет меня жалко. Выслушаешь меня? У тебя есть немножко времени для твоего гребанного муженька, который доставляет тебе одни неприятности? Или ты бросишь меня здесь одного, даже не оставив дурацкие таблетки, чтобы не взять на себя вину?

- У меня есть сколько угодно времени. Я даже могу никуда не ездить сегодня.

Кристина опустилась в стоящее рядом кресло, поджала под себя ноги. Андрей смотрел в потолок. Потом резко повернул голову.

- Ты будешь меня презирать.

- Нет, - она усмехнулась. – Тот, кто однажды убил человека, никого не может презирать. Нет такого права у убийцы. – Его глаза округлились. – Но этого не может быть. Ты не могла никого убить.

- Могла. Мне было шестнадцать, и он это заслужил. Но я не хочу об этом говорить. Сказала только, чтобы ты перестал смотреть на меня, как на мадонну в церкви.

Он дотянулся до ее руки и погладил.

- Знаешь, я верю, что у тебя были для этого основания и не осуждаю тебя.

- Спасибо. – Кристина заметила, что мысли Андрея перенаправились в другое русло. Ее признание выдернуло его из обычной круговерти самосожаления. В серых глазах зажегся огонек интереса. Она была почти уверена, что ему хотелось выслушать подробности, но она настроилась на его историю. – Рассказывай.

- Мы познакомились в кафе для голубых. Он был совсем молоденький. Не больше восемнадцати. Длинные волосы до плеч. Похож на девчонку. Кожа такая нежная. Сидел один за столиком и пил пиво. – Я тоже взял пиво и подсел к нему. Разговор завязался быстро. Он сразу согласился пойти со мной. За деньги. Мол, у него финансовые трудности. С работы выгнали, а надо кредит оплачивать. Меня это царапнуло тогда, но я убедил себя не обращать внимания. Так меня заклинило на нем. После того раза, мне так и не удалось больше с ним связаться. Номер мобильного, который оставил новый знакомый, оказался левым, а в том баре он больше не появлялся. Причину я узнал, когда сдавал анализы. Я тогда перепугался, что Эдика заразил, пришлось ему все рассказать. Но к счастью, обошлось.

- Здорово тебя кукольник наказал, - усмехнулась Кристина. – У меня, знаешь, сколько было таких случайных связей? И ни одной инфекции.

- Так это было с противоположным полом.

- Ага, значит, Бог у нас только однополую любовь не уважает.

- Не юродствуй. Я сегодня молился, и мне показалось, что Он простил меня. Теперь все от тебя зависит. Я не могу больше так жить. И не хочу. – Он решительно повернулся к ней. – Я все равно найду способ это сделать.

- Пожалей меня, ладно? Обещаю проводить с тобой больше времени. Давай сейчас я кофе сварю?

Вместо ответа Андрей отвернулся к стене. Плечи у него тряслись от рыданий.

Кристина почувствовала, что больше не может находиться в комнате. Она встала с кресла, закрыла за собой дверь и спустилась в сад. Солнечный день причинял почти физическую боль. Она выбежала на берег озера и, сбросив майку с шортами, в одном белье бросилась в озеро. Плавала до изнеможения. Потом вышла и пошла к дому. С мокрых волос вода стекала на плечи и на спину, она стучала зубами от холода, пока не забралась под горячий душ.

Когда снова нашла в себе силы войти в его спальню, Андрей все еще лежал в той же позе. Поставила пузырек с таблетками на тумбочку. Легла рядом. Обняла. По щекам снова потекли слезы. Она привыкла к нему, к их разговорам, к тому, что нужна ему. Возвращаясь домой, знала, что ее ждут. Он повернулся к ней.

- Таблетки я оставила. Но прошу тебя, подумай обо мне.

- Я сотру отпечатки твоих пальцев.

- Глупый, я не об этом. Как мне жить, если ты это сделаешь?

- С мыслью, что ты скрасила остаток моей жизни и помогла мне выбрать легкую смерть. А еще пообещай мне заботиться о Двенадцати соснах и никому их не продавать.

- Я не смогу здесь без тебя.

- Сможешь, Крис. Ты любишь это место, так же как и я. Сосны будут дарить тебе силу. Когда тебе будет плохо, подходи к ним и обнимай. Я всегда так делал. А потом ты выйдешь замуж, здесь будут бегать твои дети, а я...буду смотреть сверху и радоваться. Ведь мы же не случайно встретились, а? Только не плачь. Уезжай сейчас. У тебя же есть дела. Не возвращайся до вечера. И попроси Иларию не подниматься ко мне.

Кристина не помнила, как она провела тот день. Она даже не смогла сесть за руль. Поехала на электричке на работу, нужно было прозванивать квартиры для очередного клиента. В офисе забилась в угол и, слушая разговоры коллег о квартирах, представляла, как Андрей высыпает таблетки в руки и глотает их разом. Потом ложится и ждет смерти. Иногда она вскакивала с места, собираясь бежать туда, чтобы попытаться предотвратить неминуемое, но каждый раз ее что-то останавливало, и она возвращалась в комнату и заставляла себя работать.

Звонок мобильного вмешался в сонм голосов маленькой агентской комнатки. Голос мамы прерывался от слез. Она решила принести Андрею чашку чая и обнаружила его мертвым.

Кристина схватила сумку и бегом выбежала из офиса. Мамочка, это должна была сделать я. Я же ведь просила тебя не подниматься.

Кристина постояла, озираясь по сторонам. Позвала Андрея по имени. Несколько раз. Сначала шепотом, потом все громче и громче. Тишина. Тогда она вдруг поняла, что надо сделать. Принесла ведро воды и начала убираться в комнате. Откуда-то пришла мысль, что эту дверь можно больше не закрывать: здесь никого нет. Андрей ушел отсюда туда, куда хотел. К свободе от больного тела, к новой дороге в новую жизнь.

Отмыв все до блеска, Кристина сняла перчатки и приняла душ. Вошла к себе в комнату. Нахлынувшие воспоминания породят новую главу. Пальцы без

ошибок попадали на нужные клавиши. Грусть складывалась в предложения, стекая слезами по щекам.

Глава 31

Я не помнила, как добралась домой. Все было, как в тот раз с Петровичем, только теперь я была взрослой, и я действительно любила Андрея, не как мужчину, как человека, как друга, как спасителя, вернувшего беженке ее статус. Я хотела бы плакать, но не могла, лишь кривились губы, путались слова и дрожали сжатые в кулачки руки. Я настояла, чтобы мама ушла к себе после дачи показаний. Следовательно, видевиший слишком много слез и смертей, пытался изображать тактичность. В конце концов, они все ушли, забрав тело на вскрытие. Все самое главное будет после того, как будут первые результаты. Я налила в два пузатых бокала виски и поднялась к маме. Она, как обычно, лежала на спине со сложенными на груди руками. Я села на краешек постели и протянула ей бокал. Она приподнялась, я подоткнула ей подушку.

- Зря Андрей выпил эти таблетки. Теперь его душа будет мучаться.*
- Его душа мучилась уже слишком давно, и он сделал свой выбор.*
- Это не выбор, это ошибка, за которую придется расплачиваться. Он же крещеный. Только Бог вправе определить, когда ему уходить.*
- Никто не знает, что будет там.*
- Не понимаю, как оказались на тумбочке эти таблетки.*
- Он просил принести ему снотворное. Жаловался, что не спит.*
- И это тоже наша вина. Мы не досмотрели за ним. Надо было предвидеть.*
- Это только моя вина, - я сделала глоток виски. – Хотя если бы я была на его месте, поступила бы так же.*
- Значит, по-твоему и мне...*
- Мам, прекрати. Я не смогу без тебя. Я уверена, врачи найдут лекарство, и ты поправишься. Совсем недавно читала в нете, появились процедуры пчелами. Хотела предложить тебе попробовать.*
- Детка, это не работает. Я все время общаюсь с людьми на форумах. Это очередной обман. К сожалению, есть еще люди, которые наживаются на чужой беде. Я понимаю, как тебе тяжело со мной, но уж видно зачем-то это нужно. – Я уткнулась маме в плечо, вдруг остро понимая, что у меня, кроме нее никого нет. Еще сегодня утром был муж, а вечером я стала вдовой, но я уверена, что поступила правильно.*

И снова кукольник пожалел меня. На пузырьке с таблетками не обнаружили моих отпечатков пальцев, а откуда взялся на тумбочке пузырек, никто не раскапывал. Дело закрыли, как самоубийство. Эдик на похороны не явился,

зато Андрюшкина сестра устроила такой скандал, пообещав судиться со мной за Двенадцать сосен. Но я знала с самого начала, как только приехала сюда, что никому их не отдам. Я обещала Андрюшке. Каждый раз, занимаясь столь ненавистными садовыми делами, я напоминала себе, что делаю это для него.

Кристина оторвалась от экрана ноутбука. Час ночи. Она вспомнила, что не зашла к маме и отругала себя. Каждый раз, когда начинала писать, настоящее распадалось на куски, исчезая в вымысле строк. В этом было настоящее счастье. Как хорошо было бы стать известной писательницей, мотаться по миру, разыскивая интересные сюжеты и зарабатывать этим на жизнь. И тогда она смогла бы показать фигу Мухину и стать свободной, как птица. Мечты. Ни один из ее романов и рассказов так и не был напечатан. Кристина уже потеряла веру в себя, думая, что так и останется интернетной писательницей, удовлетворяющейся несколькими отзывами от неизвестных читателей.

Ради любопытства она начала выкладывать повесть о себе на своей страничке в самиздате. Пошли первые отклики, особенно активной оказался некто, называющий себя сказочным именем Садко. Он комментировал чуть ли не каждую главу, постоянно приставая с вопросами, испытывала ли писательница такие чувства или это плод воображения. Играя с неизвестным собеседником, Кристина отвечала уклончиво. Не разочаровывая, но и не сознаваясь. Беседа продолжалась на многих страницах, иногда Кристине казалось, что оппонент знает ее лично. Страничка в любимом всеми непризнанными авторами Самиздате была создана недавно, и там Кристина назвала Вороной, детское прозвище, которое сейчас уже никто не помнил, кроме Корзины. Но ее подруга не умела пользоваться компьютером, все свои тексты Кристина давала ей распечатанными.

В среду вышла усиленная реклама квартиры на Большой Филевской. С самого утра Кристина только успевала записывать телефоны желающих посмотреть. Около двенадцати позвонил Мухин. Кристина бодро отрапортовалась, что уже назначила троих клиентов со свободными деньгами на вечер, а других, менее перспективных, отфутболила на завтра или когда-нибудь. Клиенты, имеющие наличность, всегда предпочитались среди альтернативщиков – тех, у кого был аванс за их квартиру, и они подбирали другую – и среди ипотечников. Последних особенно не любили риэлторы за лишние телодвижения, которые требовалось сделать, чтобы собрать справки.

- Так, ну ты это, - заволновался Мухин. - Больше трех не води, а то еще хозяин подумает, что цена слишком низкая.

- Знаю, - буркнула Кристина, крася ногти на левой руке и удерживая телефон плечом.

- Так, ну что еще? Желательно всех пригласить на одно время, чтобы у них не возникли мысли, что они единственные.
- Я так и сделала, - Кристина поморщилась: каждый раз одно и то же. Всю технику развода клиента она давно усвоила, да вот только Мухин из-за своей жадности и страха упустить комиссионные каждый раз читал лекцию.
- Ну ладно, это я так. Ты умная девочка, все знаешь. Про скрытку помнишь?

Дав подтверждение и положив телефон, Кристина докрасила ногти и задумалась. Звонки по квартире напомнили о начатом, но незаконченном цикле: поиске сводной сестры. Конечно, при всем своем циничном отношении к жизни, Кристина не верила, что они смогут подружиться, но возникшее после потери дружбы с Корзиной и совпавшее с отъездом Витьки чувство одиночества заставляло действовать. Неуверенная в успехе предприятия, Кристина не стала ничего говорить Иларии, лишь принесла ей в комнату обед и, поцеловав в щеку, сослалась на дела. Попад в пробку по дороге, Кристина отложила встречу, успокаивая себя, что заедет к Марине вечером.

Просмотры прошли на ура, из трех клиентов, все выразили желание ее купить. Устроив соревнование кошельков, Кристина озадачила всех троих, что хозяин, который совершенно не был в курсе, что его квартиру уже покупают, собирается поднять цену. Эти игры Кристина обожала, они поднимали ей настроение, заставляя ее чувствовать себя дирижером небольшого оркестра. Уехала она, напевая песенку.

Припарковав машину у дома, где проживала сводная сестрица, Кристина вышла и огляделась. Двадцатипятиэтажное здание в бело-голубых тонах архитектурными излишками не отличалось и огороженной территорией не обладало. Впрочем, где-то здесь должна быть, как узнала из Яндекс Кристина, подземная стоянка. «Ничего особенного», - пробормотала девушка и уверенно направилась к подъезду. Нажав кнопку консьержа, она долго ждала, пока ее впустят. Консьержек Кристина не уважала за их ничем необоснованное чувство превосходства, но с ними приходилось считаться и даже задабривать, потому что они обладали всей информацией о жильцах дома, который считали своей вотчиной.

Кристина вошла в широкий, оформленный в пастельных тонах подъезд. На стенах висели современные картины, на полу плиточная мозаика, в причудливой напольной вазе икебана из засохших цветов. Консьержка – женщина лет шестидесяти с подкрашенными в синеву волосами – смотрела строго. Кристина заволновалась и вдруг почувствовала желание убежать. Что она здесь делает? Те, кто живут в таких домах, в подругах не нуждаются, а уж в сестрах-беженках тем более.

- Девушка, вы к кому?
- Сто пятая квартира, – Кристина уже собиралась пройти мимо, надеясь на то, что консьержка пропустит ее, не задавая вопросов.
- Подойдите ко мне, пожалуйста, – гораздо мягче сказала консьержка, с которой вдруг слетела вся ее строгость и заносчивость.
- Кристина приблизилась, бесшумно ступая по ковровой дорожке.
- Консьержка смотрела на Кристину, не отрываясь, губы ее как-то странно искривились, словно она собиралась то ли улыбнуться, то ли заплакать.
- Вы знаете, кто живет... – она запнулась, – в этой квартире?
- Моя подруга Марина. Да в чем дело-то?
- Консьержка нахмурила брови, опустила вниз глаза, потом зачем-то встала с кресла.
- Как давно вы видели вашу подругу?
- Я в отпуске была. Телефон у нее почему-то выключен, – для пущей правдоподобности соврала Кристина. – Решила заехать проверить.
- Ну, раз вы уезжали, то могли и не знать. Дело в том, что с ней произошел несчастный случай.
- Что? – Кристина, почувствовав внезапную симпатию к сестре, представила ее в больнице. Она поедет к ней туда. Купит лекарства.
- Она умерла.
- Как?
- Кристина вцепилась в перегородку, неожиданно почувствовав дурноту.
- Странная история. Никто толком не знает. Кто говорит, что от аллергии, кто от отека Квинке. А некоторые здесь поговаривают, что ее убили.

Кристина почувствовала, что может упасть. Странная память, нежелающая ранее сопоставить имена, вдруг высветила перед ней картинку ее врагини, сидящей у нее в гостиной. Длинные светлые волосы. Платье с короткими рукавами в черно-белую полоску.

Но этого не может быть?! Это просто совпадение. Она пыталась вспомнить фамилию на договорах, которые должна была подписать мама. Елизарова.

- Девушка, вам плохо? Может, присядете, – выбежав из комнатки, консьержка участливо заглядывала Кристине в глаза, поддерживая за талию и увлекая за перегородку. Девушка не сопротивлялась, мозг разрывался, сопоставляя факты и пытаясь оправдаться.

Усадив Кристину на диван, женщина подала воды.

- Выпей. Бледная ты какая. Чуть в обморок не упала.

Кристина пила воду, слушая, как звякают об край стекла зубы. Мысли остановились от ужаса.

- Несчастье-то какое. Такая красивая девушка. Такие волосы. Ну просто фотомодел ь. Говорят, она певицей хотела стать.

Кристина поставила пустой стакан на стол.

- Мне все-таки кажется, это ошибка, - почему-то шепотом сказала она. – Может, вы что-то путаете?

На лице консьержки появилось неподдельное сожаление.

- Да разве ее можно с кем-нибудь перепутать? Она одна такая на весь подъезд была. – Консьержка вдруг прижала руку к губам. – Удивительно. Да вы похожи с ней. Только ты черненькая, а она – блондинка с голубыми глазами. А рост такой же, даже фигуры похожи.

Кристина застонала. Похожи? Да она убила свою сестру! Свою сестру!

- Милая, да не переживай ты так. Ну давай я тебе валокординчику накапаю. Подожди. Вы что, дружили? Да я тебя здесь вроде не видела. Хотя я тут всего-то месяц, а ты уезжала. А еще говорят, что женской дружбы не бывает.

В воздухе запахло валокордином. Кристина выпила противную жидкость до конца. Консьержка продолжала сыпать слова утешения, которые девушка уже не слышала. Все ее существо отказывалось жить с мыслью о том, что она убила свою сестру.

- Вы знаете ее фамилию? – спросила она пересохшими губами, все еще испытывая слабую надежду, что это ошибка.

Консьержка деловито сунулась в толстый журнал. Так, фамилия, фамилия. Сейчас посмотрю в списках. Она водила пальцем по разлинованной тетради.

- Ага. Нашла. Елизарова.

Не может быть?!

Но есть!

- Это она? – глухо спросила консьержка. - Кристина кивнула. - Горе-то какое. Такая молоденькая.

Через некоторое время Кристина почувствовала: ужас, окутавший ее всю, отступил. Сказалось действие валокордина. Передышкой нужно воспользоваться. Она встала.

- Спасибо вам. Мне надо идти.

Кристина вышла. В одурманенную голову вдруг пробилась мысль, что у консьержки появился повод рассказывать новую историю.

Девушка подошла к машине и, щелкнув сигнализацией, с трудом, словно старушонка, забралась внутрь. Обняла руками руль и заплакала. Кукольник посмеялся над ней, придумав наказание до конца жизни. Сгущались сумерки, в окнах зажигались огни. Время от времени она поднимала глаза на башню, глядя на двадцать пятый этаж в пустые темные окна, потом снова сжималась в кресле. Звонил и звонил мобильник в сумочке, но она не могла ни с кем разговаривать. Только, когда стемнело, она медленно и осторожно, словно начинающий водитель, поехала домой.

К счастью, мама уже спала, и Кристина быстро прошмыгнула к себе. Впервые с момента убийства, она боялась войти в гостиную. Ей так и казалось, что она увидит там призрак Марины. В комнате она сняла с себя всю одежду и, бросив ее прямо на пол, забралась под одеяло, даже не умывшись. Ночь пролежала, глядя в потолок. Фрагменты из жизни мелькали перед глазами, словно на перемотанной пленке, выжимая из нее последние слезы, пока она не забылась тяжелым сном.

Содеянное навалилось, не успела она открыть глаза. Полученное вчера подтверждение, что она убила сестру, отравляло прекрасный солнечный день. Что ей теперь делать и как примириться с самой собой?

Никак.

Оправдания, которыми она утешалась всю жизнь, неожиданно закончились. Голова раскалывалась от боли, и она решила выпить таблетку. Времени уже было почти одиннадцать, телефон она еще вчера отключила. Мухин, наверно, в ярости.

Все равно.

Босиком Кристина прошла в ванную и с ужасом уставилась на свое опухшее от слез лицо со следами размазанной косметики. Никогда раньше она не позволяла себе ничего подобного. Заставила себя умыться и причесаться. Потом, закутавшись в махровый халат, спустилась вниз. Илария сидела за столом и пила чай. Стул, на котором в тот день сидела Марина, отодвинут от овального стола. Кристина поцеловала маму в щеку и принялась рыться в ящике с таблетками.

- Ты будешь сегодня бегать? – спросила Илария.

Бегать? Кристина прислушалась к своему измученному организму и затрясла головой.

- Ты плохо выглядишь. Заболела?

- Голова раскалывается. Сейчас аспирин выпью.

- Уж не грипп ли у тебя? По радио передавали, началась новая волна.

Кристина вздохнула. Если бы это был грипп. Она достала из аптечки зеленую упаковку растворимого аспирина и чуть не вскрикнула. Та же самая упаковка. Накануне убийства она купила их две. Одну про запас. Что, если она выпьет ту же самую дозу?

Кристина бросила упаковку аспирина в аптечку и, взяв цитрамон, вернулась к маме. Стул снова привлек ее внимание, на долю секунды ей почудилось

ухоженное Маринино лицо в облаке светлых волос. Она тряхнула головой, отгоняя видение, на что голова отозвалась новым приступом.

Кристина выпила таблетку и съежилась на стуле.

- Я хотела тебе кое-что рассказать, - тихо заметила Илария.

- Да, слушаю, – Кристина подперла голову кулаком и посмотрела на маму. Ей показалось или глаза Иларии не были так грустны сегодня. В прозрачной их глубине светился огонек надежды.

- Это очень хорошая новость, - продолжила Илария, улыбаясь.

- Тебе лучше?

- Нет. То есть да. Мне лучше от того, что сегодня одна моя знакомая рассказала, что полностью вылечилась от рассеянного склероза. И это, действительно, правда.

Кристина почувствовала, как сжалось сердце, даже головная боль немного утихла.

- Расскажи скорее. Значит, ты тоже можешь поправиться.

- Вряд ли. К сожалению, это лечение доступно не всем. У Валюши очень обеспеченный сын, владеет сетью ресторанов в Москве. – Кристина нахмурилась, не сводя глаз с просветлевшего лица матери. – В Испании один врач взял нашу методику с иголками, помнишь, я тебе о ней рассказывала? – Кристина кивнула. – Создал целую клинику для больных рассеянным склерозом и пригласил туда этого врача, чтобы он руководил лечением. Появились первые результаты, и моя знакомая в их числе. Я так рада за Валюшу. Она обещала приехать ко мне в гости и все рассказать. Представляешь, она теперь может приехать в гости? А еще год назад ее возили в инвалидной коляске. Конечно, выздоровление далось тяжело. Целыми днями надо ходить в иголках, спать с ними, делать много упражнений и соблюдать определенную диету.

Кристина рванулась к маме, села возле нее на пол и прижалась губами к ее руке.

- Мамочка, обещай мне, что поедешь.

Илария погладила Кристину по волосам.

- Нам это не по карману, детка. Содержание в этой клинике стоит... Да не знаю я сколько. Нам не достать этих денег.

Кристина поднялась на ноги.

- Мамочка, мы продадим этот дом и вместе с тобой поедem в Испанию. Я сниму комнатку и буду жить рядом. У тебя все получится.

- Я не хочу это делать за твой счет. Ты так любишь этот дом. И тебе так тяжело досталось получить его.

- Может, будет неплохо поменять место обитания. Как-то здесь все стало не так.

- С чего бы это? – Илария озабоченно взглянула на дочь. – Неужели из-за Вити?

- Нет, - помотала головой Кристина, поспешно поднимаясь и отходя к окну. – С чего ты взяла? – Она почувствовала, что краснеет. Маму нужно было срочно отвлечь. – История с Мариной не дает мне покоя, – она посмотрела вглубь гостиной, где стоял злополучный стул и задумалась. Это тот же самый стул, на котором сидела Марина, или его передвинули его во время уборки и теперь один из этих стульев в венецианском стиле с высокой спинкой, может оказаться ЕЕ стулом? А возможно она, Кристина, уже сидела на нем. Или сейчас на нем сидит мама. От одной только мысли по телу прошла дрожь, ей захотелось попросить маму пересесть на диван. Появилась мысль, что эти стулья надо выкинуть.

- Перестань. Это был несчастный случай, который нужно забыть. Хотя я понимаю тебя. Ты хотела помочь. Любой на твоём месте чувствовал бы себя виноватым. Постарайся не думать об этом. А что касается твоего предложения, не может быть и речи о продаже дома. Я слишком хорошо помню, каково это: остаться на улице.

Кристина вздрогнула, вспомнив липкие руки Петровича и себя, жалкую, маленькую, подавленную. Видно, ей совсем плохо, если она позабыла об этом.

- Тогда я возьму кредит под дом и буду выплачивать. Я ведь хорошо зарабатываю. А это будет для меня стимулом работать еще лучше.

Илария недоверчиво посмотрела на дочь.

- Но у тебя такой нестабильный заработок. А вдруг не будет сделок?

- Исключено. На самый крайний случай дом можно будет сдавать, а я перееду. - Кристина задумалась, пытаясь прикинуть, за сколько можно сдать дом. Мысль, что в Двенадцати соснах будут жить чужие люди, казалась невыносимой даже несмотря на призрак сестры. Да и куда ей переезжать? Опять в какую-нибудь халупу. Черт. Внезапно она вспомнила о предложении Сергея. Уж лучше к нему: варить обеды. Хотя бы платить не придется. – Сергей предлагал мне ключи от квартиры. Глядишь, там и замуж выйду, когда он ко мне привыкнет.

Серьезное лицо Иларии прояснилось.

- А вот замуж тебе надо выйти. Сергей кажется мне надежным.

«Такой же убийца, как и твоя дочь», подумала Кристина.

- Да, мамуль он часто меня ... поддерживает.

- Конечно, если бы я уехала, ты стала бы свободнее. Ведь я связала тебя по рукам и ногам своей болезнью. Ты все делаешь с оглядкой. А тебе уже пора и о детях подумать.

Кристина наклонила голову набок, не возражая и не соглашаясь. Пусть мама использует любой предлог, чтобы уехать. Сейчас это главное. Только вряд ли получится с Сергеем. Все ее мысли до сих пор о Витьке. Не выходит он из головы, несмотря на разлуку и полное отсутствие связи. А ведь мог бы

прислать ей хотя бы смску или выйти на скайп. При мысли об этом сердце сладко сжалось. И что бы они делали в скайпе? Ему от нее нужен только секс. И отнюдь не виртуальный. Как же она скушает по его поцелуям. Никто и никогда не целовал ее так. Она тряхнула головой, отгоняя мысли и обнаружила, что голова больше не болит. Ну, хотя бы что-то.

Илария пересела на диван, взяла в журнал. Кристина устроилась рядом.

- Мамуль, ну пожалуйста. Я так хочу, чтобы ты поправилась. Это самое главное.

- Хорошо, я узнаю у Валюши, сколько это стоит и как это организовать. А ты, - она ласково взглянула на дочь, - хорошенько подумай, стоит ли тебе ввязываться в кабалу. Мое положение не так плохо, как у некоторых, и я прекрасно провожу время в доме с книгами.

- Нет, ты должна вернуться к нормальной жизни. Пожалуйста. – Кристина спрятала лицо у мамы на коленях и почувствовала, как потекли по щекам горячие слезы. Она должна спасти маму, чего бы это ни стоило. Это единственный шанс оправдать свою жизнь.

Глава 32

В лице маминой знакомой Кристина приобрела неожиданного союзника. Вместе с Валентиной она принялась уговаривать Иларию отдаться в руки докторов. Глядя на светящееся лицо бывшей больной, легко передвигающейся по дому, Кристина прониклась воодушевлением. Она отправит маму, чего бы ей это не стоило. Даже Двенадцати сосен.

А как же Витька? Если она переедет, они больше не увидятся. Она, конечно, не собирается менять номер своего мобильного, но, мало ли что. Современные телефоны такие коварные. У нее самой несколько раз стирались нужные контакты после обновления. Да и, вообще, Витька может найти новую любовницу в Англии. Воспоминания даже о самом замечательном сексе когда-нибудь притупляются, оседая в памяти легкой благодарностью, что это было. У мужчин более короткая память, чем у женщин. Уж если Витька не дал о себе знать за полгода, то ей нужно выбросить его из головы. Ведь жене-то с дочками, он звонит регулярно. А может глупенькая курочка передумала, и вновь обретенная счастливая семейка проживает в Англии.

От этой мысли Кристине стало совсем грустно. Мама-то, конечно, права. Ей лучше обратить внимание на Сергея, но их последняя встреча совсем не порадовала. Кристина даже поймала себя на мысли, что им не о чем разговаривать, а секс в постели стал таким пресным, что она с трудом пару раз кончила. Что-то невозвратно уходило из их отношений, и этого уже

было не удержать. Кристина рассказала, что собирается отправить маму в Испанию, но вместо поддержки услышала, что сейчас, когда она только выкрутилась, ей не стоит делать новых долгов.

- Тебе придется смириться с мыслью, что твоя мать обречена. Рассеянный склероз – болезнь неизлечимая, - холодно заметил Сергей.

- Даже не говори ничего! – возмутилась Кристина, отодвигая тарелку с недоеденным греческим салатом. – Я использую даже малейший шанс. Одну тысячную процента. Одну миллионную процента. Одну триллионную... – Люди оглядывались на них. Кристина поняла, что говорит слишком громко. Ей казалось, что если она никому не позволит усомниться, мама обязательно поправится.

- Кристина! Ты должна понять. - Сергей смотрел на нее как на сумасшедшую. - У тебя ненормальная любовь к матери. Ты трахалась из-за нее с Петровичем, ты вышла замуж за гомика, чтобы мама жила на свежем воздухе, ты...

- Прекрати!

- Нет уж, послушай. Никто не знает столько всего про тебя, сколько знаю я, и никто не скажет тебе правды.

- Замолчи! - голос Кристины прервался, на глазах выступили слезы. – Я делала это и для того, чтобы спасти себя тоже. Мне хотелось восстановить свой статус. - Сомневаюсь, чтобы ты зашла так далеко, если бы делала это для себя, - уже мягче заметил Сергей, вытирая салфеткой губы. – Я вовсе не осуждаю тебя, но в который раз пытаюсь спасти. Как только ты возьмешь кредит, ты потеряешь свои любимые Двенадцать сосен. Кредиторы и испанские врачи будут требовать с тебя столько денег, пока ты не останешься нищей. А после этого твою мать вытряхнут из больницы, потому что вылечить ей нереально, но ее будут держать, подкармливая сказками об улучшении. И ты будешь хавать эти сказки. А если уж говорить о восстановлении статуса, то именно сейчас, когда ты отвоевала свой дом, очень глупо ввязываться в новую авантюру. У тебя нестабильный заработок. Не будет сделок, чем будешь платить ипотеку?

- Сделки будут, я справлюсь. Спасибо за предупреждение и за понимание заодно, - Кристина вздернула подбородок и потянулась за сумкой.

- Ты куда? Нам еще горячее не принесли.

- Я больше не хочу есть.

- И меня видеть тоже, - Сергей усмехнулся.

- Дело не в тебе, - Кристине вдруг стало его жалко. – А во мне. Что-то сломалось во мне, Сереж. Тебе лучше найти кого-нибудь. - Подошел официант, поставил тарелки. Макароны с мидиями под сливочным соусом для нее, и свинина по-французски для Сергея. Наполнил бокалы. Кристине вдруг захотелось есть. Она вымученно посмотрела на Сергея. – Прости меня за испорченный вечер.

- Нет, это ты меня прости. За откровенность. Просто не хочу, чтобы ты все потеряла. Давай закончим на этом.

Некоторое время они молча ели. Кристина чувствовала себя глупо. Взялась за бокал, чтобы сказать тост и вдруг заметила, что Сергей смотрит в сторону. Брюнетка с собранными в валик волосами, глядя на него, призывно улыбнулась.

- А вот и первая претендентка. Оставь ей номер телефона, - тихо заметила Кристина.

Он перевел глаза на нее, красивый рот изогнулся в виноватой улыбке.

- Прости меня, засмотрелся.

- Она красивая, - подтвердила Кристина, подцепляя вилкой макароны. – Вызови мне такси и садись к ней.

Как только она произнесла эти слова, внутренний голос возопил: «Если ты будешь так быстро сдаваться, грош тебе цена. Забери его, даже если он тебе не нужен». Кристина выпрямила спину и бросила взгляд на соперницу, та призывно облизывала губы. Да пошла ты. Кристина нагнулась к Сергею.

- Просто не представляешь, как я вдруг тебя захотела, но... – она бросила взгляд в сторону. – Если ты все же выберешь ее, я отпущу.

- А ты шалунья, - Сергей махнул официанту и попросил счет. Кристина улыбнулась уголками губ в уверенности, что когда она пойдет первой к выходу, кто-то из этих двоих, начавших игру, сделает первый ход, чтобы обменяться телефонами. Она поправила волосы и подняла бокал. – Может, выпьем еще? – Сергей заерзал. Валик уже оплатил счет и красил губы. - Мы можем купить вина по дороге.

- Пожалуйста, - протянула чуть ли не по слогам Кристина.

– Еще два бокала повторить, - нехотя заказал Сергей подошедшему официанту. – Валик приподняла обтянутую узким платьем попку и встала, глядя в их сторону. Сергей прикрыл глаза руками, словно устал. Первый раунд выигран. Кристина улыбнулась, поднимая бокал.

- Хочется выпить за самого красивого из мужчин, – она проводила взглядом уходящую соперницу, думая, что ей бы тоже пошла такая прическа. - Не знаю никого лучше тебя. И надежнее.

Сергей ерзал на стуле. Старое и новое сражались совсем рядом, только старое было нежнее и настойчивее. А новое всего лишь манящим. Играть в неизвестность не хотелось. Он вздохнул и принял решение.

- Ты знаешь, что мы самые красивые люди на земле и все остальные должны хотеть нас.

- Мне нравится эта мысль,- отозвалась Кристина.

Но, оказывается, сдаваться было рано.

Брошенный, но не сдавшийся Валик шел напрямик к их столу. Кристина напряглась. Достойный боец нечасто встречается. Она повела носом, уловив аромат знакомых духов, тех самых, купить которые не позволяла жадность. Один ноль в пользу твоего папочки или любовника. Вряд ли ты сама заработала бабки, чтобы сидеть в этом ресторане за свой счет. А сейчас мы проверим твою стойкость. Кристина, нарочито глядя в сторону, неожиданно встала с бокалом в руке, прямо в тот самый момент, когда Валик плыл мимо нее к Сергею, и вылила на нее целый бокал. Та ойкнула и схватилась за мокрое платье. Казалось, что она описалась. Ни одна женщина не начнет кокетничать, если в области ее трусов расплзается мокрое пятно.

Валик ретировался в туалет или в такси. Кристина улыбнулась.

- Я случайно.

Сергей откровенно смеялся, наслаждаясь моментом.

- Такие, как ты, сдаются только мертвыми. Именно поэтому я хотел, чтобы ты родила мне детей. Мне нравится твоя сила. Другие бабы тебе в подметки не годятся. Иди сюда. – Он похлопал по свободному месту на диванчике рядом с собой.

Кристина покачала головой. Был бы здесь Витька, они сидели бы рядом, обнявшись, на диванчике. А не напротив друг друга. Рука в руке, бесконечные поцелуи. Легкое смущение от непристойного поведения. Но ей вовсе не хотелось целоваться с Сергеем. Она выиграла и не собиралась его баловать.

- Ты не хочешь?

- Я обиделась.

- Ты?

- Почему нет? Ты весь вечер глазел на эту матрешку, ты не поддержал меня, когда я собираюсь сделать очень важный шаг. Ты просто заслужил, чтобы я уехала домой.

- Ты не сделаешь так! – его глаза потемнели от гнева. – Ты не кинешь меня в тот момент, когда я хочу тебя.

- Еще как кину, - рассмеялась Кристина, чувствуя, что настало время поставить этого самого красивого на земле на свое место. – Я устала и хочу спать.

Сергей бросил взгляд на пустой стул Валика, словно прикидывая, сможет ли он ее догнать. Перспектива провести ночь в одиночестве его вовсе не прельщала. Кристина сделала глоток белого вина и совершенно неожиданно для себя произнесла:

- Если ты хочешь, чтобы я поехала к тебе, то попроси меня об этом. – Она сделала паузу. – Как следует. Так, как никогда не просил. – Она улыбнулась уголками губ. – Минутку на раздумье или я вызываю такси.

- Стерва!

- Ну и манеры. Если это все, что ты можешь сказать, мне лучше поторопиться. – Она взяла со стола Нокию и набрала номер такси, чувствуя, как столь знакомое чувство всеильности овладевает ее существо. Она порвет с ним сейчас, если он не подчиниться. И никогда об этом не пожалеет.

Сергей смотрел волком. Четко очерченный рот сжался в упрямую линию. Похоже, никто из его матрешек не осмеливался разговаривать с ним так. Да и она сама тоже. До сегодняшнего дня.

- Ты можешь пожалеть об этом.

Кристина повела плечом и подняла руку. Официант незамедлительно вырос рядом со столом.

– Счет, пожалуйста. – Она посмотрела в глаза Сергею. – Ты же ведь позволишь угостить тебя напоследок?

- Прекрати. Мне не нравятся эти игры.

- А ты думаешь, мне нравится, когда ты считаешь, что можешь иметь любую бабу и что мне обалденно повезло, если ты предлагаешь мне ключи от квартиры? От квартиры, где перебивало больше шлях, чем было лет моей бабушке?

Мозг Сергея усиленно заработал. Пошли подсчеты. Официант вернулся с книжечкой и счетом внутри. Кристина положила белый прямоугольник перед собой и чуть не пожалела о своем капризе. Да что они такое ели, чтобы это столько стоило?! Но тут же мотнула головой. Плевать. На карточке есть деньги. Она заплатит и красиво уйдет. Почему-то это вдруг стало самым важным. Сергей смотрел на нее, ожидая, что она отменит решение, но она, бросив внутрь коричневой папочки карточку виза, откинулась на спинку стула, взяв бокал в руку. Черт, она и подумать не могла, что каждый их поход в ресторан стоит таких денег.

Сергей встал с места и пошел вслед за официантом. Кристина съежилась на стуле, вдруг ощутив неожиданную благодарность. Ей пригодятся эти деньги. Завтра нужно оплачивать коммунальные платежи за дом, покупать маме лекарства.

Сергей вернулся, положив карточку, перед ней. Она убрала ее в сумку. Бравада прошла. Она даже протрезвела. Зазвонил мобильный, на экране высветилась надпись «такси».

Сергей накрыл ее руку своей.

- Пожалуйста, не уезжай.

Она встала, он взял ее за локоть. Ладно. Ей и самой не хочется домой. К нему, так к нему. В конце концов, он водит ее по дорогим ресторанам, надо быть благодарной.

Глава 33

На следующий день после безрадостной встречи с Сергеем, Кристина засела за прозвонку банков и столкнулась с новыми трудностями. Для получения кредита требовалась справка о доходах, которую неоформленным по трудовой книжке риэлторам, никто не давал. Кристина попыталась уговорить Мухина, но тот и слышать не захотел, повторив те же слова, что и Сергей, как глупо с ее нестабильной зарплатой ввязываться в кредиты. Под конец даже самодовольно добавил, что если бы не те варианты, которыми он ее подкармливает, она зарабатывала бы три копейки.

Устав от бесполезных разговоров, Кристина спустилась вниз выпить кофе, стараясь не смотреть в сторону стола, где в тот злополучный день сидела Марина. Устроилась спиной к кофеварке и ждала. Гостиную наполнил уютный запах кофе, она взяла чашку в руки и уже собиралась подняться к себе, как вдруг послышался шорох. Пытаясь понять его происхождение, девушка непроизвольно повернулась. Вздрыгнула. Марина «сидела» на стуле, закинув ногу на ногу, рот скривился в насмешке. Кристина разлила кофе. Горячий напиток обжег руки. Она снова посмотрела в сторону обеденного стола. Стул пуст. Кристина прислонилась к стене, машинально сделал большой глоток. Горячий кофе обжег горло, вернув в действительность. «Схожу с ума», мелькнуло в голове. Кристина прошла к раковине, вымыла руки. По спине ползли мурашки. Хотелось позвать маму на помощь, но она переселила себя и почти бегом взлетела по лестнице, плотно прикрыв дверь в комнату. Когда поднялась, вспомнила, что забыла чашку с кофе возле мойки. Возвращаться не было сил! Да что же это такое?! Неужели теперь и на первый этаж не спуститься?! А что будет, когда мама уедет?

Прошло минут двадцать, прежде чем Кристина снова занялась прозвонкой. Список банков, отказывавших в выдаче кредита безработной, какой она считалась по документам, уже не помещался на странице тетрадного листа. Нельзя сдаваться! Она обязана выкрутиться и отправить маму на лечение. Успокоилась она только после того, как служащий с приятным голосом из банка, название которого она никогда не слышала, назначил встречу на завтра.

Ночью Кристина почти не спала и утром чувствовала себя разбитой. Под глазами, в которых застыл страх, красовались синяки. Больше всего хотелось

провести день дома, но назначенная встреча не представляла такой возможности. К тому же нужно было собирать документы для сделки по Большой Филевской. Умывшись холодной водой и приняв контрастный душ, Кристина почувствовала себя лучше. Вытащила из шкафа темно-синий брючный костюм, подобрала под него бежевую блузку. Волосы закрутила в пучок для солидности и слегка накрасилась, подмазав синяки тональником. Надела шубку из норки. Из зеркала на нее смотрела усталая женщина лет тридцати с потухшим взглядом, коричневый мех, раньше подчеркивающий цвет глаз, сегодня прибавлял лишние годы. Кристина отвернулась от зеркала и, взяв сумочку с приготовленными для банка документами, спустилась вниз.

Времени было мало, и она решила не завтракать. Проходя мимо стола, краем глаза заметила, что призрак Марины на месте.

Она остановилась и уже прямо взглянула на стул. Пусто. Кристина выдохнула с облегчением.

- Что ты хочешь от меня? – спросила она. – Ведь это ты первая хотела меня убить. У меня не было выхода.

Дверь спальни открылась: в проеме двери появилась Илария в длинном кремовом халате.

- Ты с кем ты разговариваешь?

- Тебе показалось, - пытаюсь скрыть замешательство, Кристина подошла к матери и поцеловала ее в щеку. – Доброе утро.

- Я слышала твой голос.

- Наверно, показалось.

- Ты куда-то убегаешь?

- Да, куча дел.

- Выглядишь усталой. Плохо спала? – Кристина кивнула. – Детка, может тебе все отменить? Как же ты невыспавшаяся за руль сядешь? Дорога такая длинная. Пробки.

- Да нет, мамуль, надо ехать. Не волнуйся, все будет хорошо. Я могу водить машину в любом состоянии.

У двери Кристина обернулась и заметила, как мама перекрестила ее. Зная отношение дочери к религии, Илария старалась делать это у нее за спиной. Девушка вздохнула и мысленно сказала: «Попроси лучше призрак Марины исчезнуть из нашего дома». Кристина подошла к Кошке и, открыв багажник, достала щетку, чтобы почистить первый выпавший снег. Вспомнился разговор с Сергеем и его фраза, что у нее ненормальная любовь к матери, из-за которой она стала убийцей. Неожиданно поселившаяся мысль так поразила ее, что девушка замерла с щеткой в руке. Она убила Марину для того, чтобы отомстить за поруганные чувства матери. Сводная сестричка являлась воплощением отцовского греха и Двенадцать сосен были всего лишь предлогом. Кристина тихо застонала. Она никогда не думала об этом.

«Ты не отдавала себе отчета, - зашептал внутренний голос. - Это было на уровне твоего подсознания».

Девушка счистила щеткой последний снег с капота и, открыв ворота, вырулила на улицу. Ехала медленно, поэтому и оказалась в Москве позже обычного. Глядя на электронные часы поняла, что опаздывает. На Каменном мосту огромная пробка. Уже при въезде на мост, она слишком сильно крутанула руль и правым бортом зацепила соседнюю Пежо. Включив аварийку, вышла из машины и заметила длинные полосы на двух дверях. От обиды на глазах выступили слезы. Вот ведь черт. Она проездила без аварий три года. Из Пежо вышла блондинка в норковой шубке:

- И куда ты так торопишься? – спросила она с вызовом.

- А ты куда? – огрызнулась Кристина.

- Я, вообще, стояла на месте. Вызывай ГАИ, пусть разбираются, - она, даже не взглянув на свою машину, забралась на сидение.

Кристина вызвала ГАИ, позвонила менеджеру в банк и объяснила ситуацию. Тот согласился подождать. Гаишники, как и ожидалось, повесили все на Кристину. Забравшись на сидение, она погладила руль и попросила у машинки прощения. Подписав протокол, она, совершенно вымотанная, приехала в банк.

Менеджер – молодой человек в сером костюме и блестящих ботинках с прилизанными волосами, - озвучил проценты, от которых у Кристины отвалилась челюсть.

- Что же вы раньше не сказали, я бы к вам не поехала? – Машину бы не разбила, - добавила она про себя.

- Да вы и не спрашивали, - пожал плечами молодой человек. – Вы интересовались, дадут ли вам кредит, если у вас не будет справки о доходах и копии трудовой книжки. Мы и даем.

- Но это грабеж, а не кредит.

- Банк идет на риск, заключая договор с неимеющими постоянного дохода клиентами. И поверьте, это еще не самый высокий процент.

Кристина вспомнила длинный список банков, отказавшихся с ней работать. Похоже, Прилизанный, как она его мысленно окрестила работника банка, прав. Вопрос, как она сможет выплачивать ежемесячно такую огромную сумму? Только если сдать дом. Но кто возьмет его в аренду зимой? Ладно. Она попробует решить эту проблему. Когда мама уедет, будет работать хоть сутками. Все равно ей больше нечего делать. Она вскинула глаза на Прилизанного.

- Когда будем подписывать?

С губ Прилизанного чуть не слетела просьба «не горячиться и все обдумать», но он вовремя одумался.

- Документы на дом у вас собой?

Кристина протянула ему папку. Прилизанный убежал, Кристина откинулась на мягкую спинку кресла и закрыла глаза, спрятав подбородок в меховой воротник. Задремала. Открыла глаза, когда ее назвали по имени. Перед ней стоял все тот же Прилизанный.

- Я снял ксерокопии, нужно проверить кое-какую информацию. Если руководство даст добро, договорюсь с оценочной компанией. К вам выедет оценщик, сделает фотографии.

- Я в курсе, как это бывает. Скажите, какова вероятность, что я получу деньги?

- Я не делаю прогнозов. Решает руководство. На всякий случай можете подать заявку на кредит в несколько банков. Это не возбраняется.

- Вы очень любезны, - Кристина вздернула подбородок. – Пожалуй, я так и сделаю.

Еще более уставшая она вышла из здания и направилась к стоянке. Взгляд выхватил царапины по правому боку любимой машинки. Когда теперь удастся ее сделать? Во-первых, ремонт встанет недешево, во-вторых, без машины работать невозможно. Она вздохнула и, подавив желание, уехать домой, отправилась за получением справок по Большой Филевской.

Вернувшись домой, Кристина налила чашку зеленого чая и поднялась к себе. Призрак Марины, заметный при боковом зрении и исчезающий, если смотреть в упор, «сидел» на стуле, на который ни она, ни мама не садились. Кристине нравилось поглощать еду, глядя в окно на сосны, а Илария предпочитала место поближе к камину. Но даже сегодня за ужином, стараясь не смотреть на злополучный стул, Кристина чувствовала, что Марина до сих пор там. Говорят, души тех, кого настигла неожиданная смерть, долго не могут покинуть место, где потеряли свои тела.

Оставив Икарию смотреть детектив, Кристина поднялась к себе и включила ноутбук. В почтовом ящичке завалялось семь писем. За недельку до этого она выложила последнюю написанную главу и ее несколько постоянных читателей, в отсутствии занятого земными делами автора, завели на ее страничке целую дискуссию, насколько была права главная героиня, оставив на тумбочке мужа пузырек со снотворным. Обсуждали все за и против эвтаназии. Постоянная читательница Лида, бывшая за легкую безболезненную смерть, спорила с Садко. Кристина раздраженно прочитала обвинения и в резкой форме высказала предположение, что, оказавшись в положении главной героини, ежедневно наблюдающей за страданиями близкого человека, Садко рассуждал бы иначе. Ответ последовал незамедлительно и тоже оказался резким. Садко говорил, что никогда бы не осмелился исполнить волю всевышнего и с нетерпением ожидает следующей

главы о раскаянии, которое должна испытывать героиня. Кристина разозлилась и быстро напечатала, что следующая глава, если будет, - у автора пропала муза дописывать историю, - будет о новом убийстве. В ответ последовали просьбы Лиды, к которой подключились еще несколько самиздатовских читателей, не бросать начатое дело посередине и закончить роман.

Кристина откинулась на спинку диванчика и села по-турецки, опершись локтями в колени. Переписка взволновала ее. Не так уж часто у тебя просят продолжения, и это очень лестно для автора, но сейчас она чувствовала себя слишком усталой, чтобы обрадоваться. К тому же сама цель – она хотела показать роман Сергею перед замужеством – потеряла свою значимость. После их последней встречи стало понятно, что она никогда не выйдет за него замуж. Кристина вздохнула и, попрощавшись со своими читателями, закрыла окно самиздата, решив перечитать свой роман сначала.

Она открыла первую страницу и углубилась в чтение, автоматически делая нужные исправления. Где-то в середине файла обнаружила, что события, мучающие ее всю жизнь, в частности эпоха Петровича, цеплять перестали. Она читала роман о своей жизни, как читают произведение чужого автора. Неужели произошло исцеление? Кристина усмехнулась. Написав двадцать глав и выложив их в интернете, она избавилась от прошлого, словно позанималась с психологом. История убийцы-беженки, насколько она могла судить беспристрастно, показалась ей глубже ее предыдущих работ. «Конечно, - подумала Кристина, - ведь я описывала собственные, а не выдуманные чувства и события моей дурацкой судьбы оказались достаточно интересны для читателей».

Кристина полночи не могла оторваться от своей книги и, прочитав последнюю главу, поняла, что, если она собирается продолжать, то главной героине чего-то не хватает. Ответ появился в голове в виде образа с зелеными прищуренными глазами и тоненькой полоской усов. Витька! Как же я по тебе соскучилась! Сцены их любви замелькали перед глазами так быстро, словно она смотрела фильм на перемотке. Если им не суждено быть вместе, она снова переживет их сумасшедшую страсть, описывая ее в романе. И пусть завидуют читательницы сумасшедшим чувствам, которых не бывают у обычных людей. Она вдруг почувствовала небывалый подъем и благодарность к кукольнику, что он дал ей возможность почувствовать, как это должно быть между мужчиной и женщиной, как высоко можно подняться, когда тебе дано так чувствовать. И, может, даже хорошо, что они расстались на самом пике волшебства обладания друг другом.

Воодушевленная собственными воспоминаниями, Кристина нетерпеливо листала страницы своего романа, прикидывая, куда лучше вставить новые главы. Структуру книги придется изменить. Она начнет с настоящего времени, а то, что выложено в интернете, станет дневником главной героини.

Решив поделиться задумкой с читателями, она щелкнула мышкой на «Закладки» и, оказавшись на своей самиздатовской странице «Ворона», с удивлением заметила, что дискуссия продолжается. Пока она читала, появилось новое письмо. Редактор издательства «АСТ» интересовался, когда планируется окончание ее рукописи, идеально вписывающегося в новую серию остросюжетных романов. Кристина замерла, уставившись в экран ноутбука. Этого не может быть!? Семь ее предыдущих романов постигла неудача и вот последний, который она и посылать-то не собиралась, неожиданно стал пользоваться популярностью. Не в силах больше сидеть, Кристина решила спуститься вниз, чтобы заварить себе чаю. Экран ноута показывал три ноль три, но о том, чтобы спать не было и речи. Удивительно, что в конце такого поганого дня, она вдруг получила этот кусочек счастья, слишком приправленного перцем, чтобы оказаться съедобным.

Только спускаясь по лестнице в темноту гостиной – мама уже давно спала – Кристина вспомнила о призраке и замерла. Ступенька скрипнула под босыми ногами. В голове состоялся диалог со своим внутренним голосом.

«Может не стоит портить своего счастья? Оно так недолговечно. И так ли уж ты хочешь чаю?»

«Но я же не могу все время бояться!» - вслух сказала Кристина и быстро включила свет.

Марина «лежала» на полу. Уложенные волосы красивой волной раскинулись на ковре. Прелестная рука придерживала горло. Огромный язык вывалился изо рта, лицо исказилось от страха. Кристина почувствовала дурноту. Зажмурилась. Когда открыла глаза: на ковре никого не было. Трясущейся рукой она щелкнула кнопкой электрического чайника. Рассыпала по столу чай. Чертыхнулась. С чашкой приготовленного чая Кристина поднялась к себе и села перед ноутбуком. Последний комментарий от Садко.

«Ворона, почему бы тебе не написать еще про одно случайное убийство?»

Кристина похолодела. Да кто такой этот чертов Садко? Может, это Сергей? Она хмыкнула. Представить Сергея, сидящего на форуме в Самиздате, придет в голову только сумасшедшему. Тогда кто же это? Кто этот неизвестный подстрекатель? Ну нет, она не собирается прятаться.

«Всем дорогим читателям и Садко в том числе, - быстро печатала Кристина, - спасибо за комментарии. Они помогли мне принять решение продолжить

роман». Не дожидаясь ответа, она закрыла свою страницу и вышла из интернета.

Кровать показалась слишком большой для нее одной. Она свернулась калачиком на холодной простыне и вытянула руку на пустующую рядом подушку, кутаясь в пуховое одеяло.

Витька, где ты?

Я умираю без тебя.

Глава 34

Крестину разбудил звонок менеджера из банка. Сон слетел, когда она услышала проценты по кредиту. Сумма была еще большей, чем озвучивал вчера Прилизанный.

- Но это грабеж! – возмутилась она. – Я работаю с ипотечными кредитами и никогда такого не слышала.

- Вам решать, принимать наше предложение или нет, - голос менеджера звучал холодно и отстраненно. Похоже, он прекрасно понимал, что у Крестины нет выхода.

- Я подумаю, - Кристина бросила телефон на подушку и села на кровати, обняв колени руками.

Сколько ей придется делать сделок, чтобы ежемесячно выплачивать такую сумму? Конечно, можно отказаться, но в других банках с ней даже не стали разговаривать. А мама последнее время выглядела похорошевшей. Привычная тоска в ее глазах сменилась надеждой. Кажется, она даже стала лучше себя чувствовать и вчера впервые за год нашла в себе силы погулять с Крестиной по берегу озера.

Нет, отступать нельзя. Придется быть с Мухиным поласковее. Похоже, кроме него рассчитывать не на кого. Кристина хмыкнула и, надев стоящие под кроватью кроссовки, перешла в соседнюю комнату, где был ее маленький тренажерный зал, в котором она занималась зимой. Достала из шкафчика гантели, сделала несколько глубоких вдохов и принялась выполнять комплекс для бедер, ягодич. Закончила отжиманиями и упражнениями для груди. Пот лил с нее градом, но в голове прояснилось. Она возьмет этот чертов кредит. Невозможно разочаровать маму. Вспомнив слова Сергея, что она чокнутая со своей любовью к матери, мысленно послала его к черту. Знал бы он, что они вместе с мамой прошли через ад и теперь заслужили самое лучшее.

После душа Кристина позвонила в банк и дала согласие. Потом спустилась вниз и зашла к маме в спальню. Илария, сидя на краешке кровати, расчесывала щеткой длинные волосы. Кристина села рядом и обняла ее.

- Все получилось, мамуль. Мы можем заказывать билеты в Испанию.

На глазах Иларии выступили слезы, и она крепко прижала к себе Кристину.

- Детка моя, на всем свете нет лучшей дочки, чем ты. – Внезапно она отстранилась и посмотрела на Кристину. – Сколько ты будешь платить ежемесячно?

Кристина мотнула головой.

– Не важно. Все получится.

– Я не соглашусь, пока ты не скажешь. - Кристина назвала сумму в три раза меньшую. – Илария ахнула. - Это невозможно. Ты не справишься.

- Я справлюсь, если ты будешь верить в меня. Пойми, я не смогу себе простить, если мы не попробуем.

Они еще долго препирались, но Кристина, как всегда, победила. Уже слишком давно они поменялись ролями: дочка стала мамой, а мама дочкой. Кристина только делала вид, что прислушивается к маминым советам. Позавтракав, Кристина усадила Иларию перед камином и отправилась в банк подписывать документы.

Услышав, что Валентина, которая поедет на проверку, поможет Иларии добраться до места, Кристина вздохнула с облегчением. Как ни хотелось ей слетать в Испанию, деньги стоило поберечь. Расцеловав маму в аэропорту и попрощавшись с Валентиной, Кристина почувствовала спазм в горле. Когда они теперь увидятся? Что, если лечение, на которое возлагали такие надежды, себя не оправдывает или, наоборот, навредит? От одной только мысли глаза стали мокрые. Хотелось, чтобы рядом был кто-нибудь, с кем она могла бы поговорить. Пусть даже не Витька. Корзина, Сережка, да кто угодно. Но она была одна, спешившим на свои самолеты пассажирам не было до нее дела. Кто-то больно толкнул ее в спину, не извинившись. Кристина направилась к выходу. Надо взять себя в руки. Все будет хорошо. Валентина поправилась, и мама тоже поправится, а потом они вместе куда-нибудь поедут. Например, в Италию.

Теперь Кристина срывалась к каждому телефонному звонку и каждому клиенту предлагала свои услуги. Со дня подписания договора прошло несколько дней, а она уже вся издергалась, что не нашла новых объектов. Дело дошло до того, что она позвонила Мухину и спросила: нет ли у него клиентов.

- Попробуй поработать сама, Воронцова, - раздраженно бросил он. – У меня масса проблем и без тебя.

Дав отбой и обозвав начальника козлом, Кристина почувствовала холодок в груди. Она взяла в руки записную книжку и стала обзванивать отложенных клиентов. Теперь ей было все равно, что о ней подумают. Она, никогда не занимавшая денег, чувствовала себя подобно попрошайке на улице. Единицы измерения времени превращались в денежные: секунды в копейки, минуты в рубли, часы в тысячи. За час она перелистала записную книжку и набрала кучу номеров – результат ноль. Наступал вечер. Что она будет делать завтра, если сегодня переделано все?

Не в силах выносить одиночество в пустом доме, Кристина оделась, расчесала волосы и собрала их в хвост. Критически посмотрела в зеркало. Выглядела она хорошо, а пойти некуда и не с кем. Дожила! Может, ей пора завести новых знакомых? Она вспомнила, что недалеко от станции Кратово открылся новый ресторан. Можно сходить туда и выпить пива. Кристина накрасила губы темно-красной помадой и надела короткий меховой жакет. Она скромно сядет в уголке и понаблюдает за посетителями. Усмехнулась. Не обманывай себя, Кристина: тебе просто нужно с кем-нибудь познакомиться и заняться сексом. Польстить своему тщеславию и удовлетворить ненасытные гормоны. Черт. Но ведь заранее известно, что ни с кем ей не будет так хорошо, как с Витькой. Но ведь не оставаться же монашкой? Жизнь продолжается. Уговаривая себя, она заперла калитку и спустилась к озеру. Похолодало, морозец щипал за щеки. Она поежилась и надела капюшон. Проходя мимо Витькиного дома, погрозила ему пальцем и тихонько проговорила: «Я собираюсь тебе изменить».

Телефон зазвонил так неожиданно, что она его чуть не выронила. А уж от одного только звука знакомого голоса сердце сжалось так, что стало больно.

- Мне показалось, что тебе одиноко, - Витькин голос звучал неуверенно. Кристина усмехнулась: настолько одиноко, что я решила с кем-нибудь трахнуться.

- Ты угадал, мне не просто одиноко, а ужасно плохо.

- Что случилось?

- Ты готов меня выслушать? Это дорого.

- Я готов проговорить с тобой всю ночь, если тебе это поможет.

- Хотелось бы спросить, какого же черта, ты не звонил?

В трубке послышался вздох. Связь была на удивление хорошая, словно он говорил из соседнего дома, а не из далекого Лондона.

- Хотел разобраться в своих чувствах.

- И как пошел процесс?- вдруг разозлилась Кристина. Он разбирался в чувствах, а потом позвонил, словно и не было этих дурацких месяцев, когда она не знала, что и думать.

- Может, лучше расскажешь, что случилось.

- Сначала хочу узнать, что с процессом.
  - Крис, я понял, что ужасно скучаю без тебя.
  - А я думала: с глаз долой...
  - Я тоже думал, что разлука расставит все по местам. Она и расставила. Я никого не хочу, кроме тебя. С тобой у меня был самый лучший секс. Совершенный секс. Такого больше быть не может. Понимаешь?
  - Понимаю, - грустно заметила Кристина, вспоминая свои безрадостные встречи с Сережкой. Чистая механика, задабривание гормонов суррогатом вместо шоколадки. На те, подавитесь и отстаньте хотя бы на время. – Слушай, а может тебе не нравятся англичанки?
  - Я повторю для особо одаренных, постарайся услышать. Я никого не хочу, кроме тебя.
- Сердце опять сладко сжалось.
- Витька, черт бы тебя побрал, а я никого не хочу, кроме тебя. Мы испортили друг другу жизнь.
  - Меня удивляет твой пессимизм. Почему испортили? Судьба сделала нам подарок.

Кристина почувствовала, что сейчас заплачет. О чем он говорит? Какой подарок?! Да она перестала нормально функционировать с тех пор, как с ним познакомилась. Все мысли только об этом, вся боль из-за него. Любовь сделала из нее калеку. Даже сейчас он позвонил, когда ему взбрело в голову, а у нее руки трясутся от волнения.

- К таким бы чувствам другую форму отношений, - бросила она с досадой.

Возникла пауза. На том конце было тихо так тихо, что Кристина подумала, что связь оборвалась.

- Ты здесь?
- Я может, такая сволочь, но я до сих пор ничего не решил. Просто не могу. Как подумаю, что с девочками будет. Супруга моя не совсем в адеквате бывает, Аленка мне часто звонит, жалуется. Приходится все улаживать.

Кристина вспомнила большеглазую Аленку, которую она учила плавать. Они хорошо ладили вместе. Если бы только у него была одна старшая дочка.... О чем она только думает?

- Давай не будем. Я не хочу, чтобы ты из-за меня бросал семью. – Кристина вдруг вспомнила тот день в подвале, когда услышала, что отца больше нет. Мир сразу осиротел. Кристина почувствовала слезы на щеках. – Девочкам нужна отцовская любовь. Я это точно знаю, – она всхлипнула. Откуда-то вдруг накатили воспоминания о Петровиче.
- Ты плачешь?
- Нет.
- Ты никогда не рассказывала об отце, он бросил вас?

Кристина вспомнила о Марине. Бросил?

- Нет, Вить, он был как ты. У него была дочь, которую он скрывал.

- Почему была?

Потому что я ее убила.

Если бы она могла рассказать, а он бы понял. Если бы Витька прочитал ее книгу, а потом пришел и сказал, что любит ее, несмотря на то, что она убийца. Несмотря на ее покалеченную психику. Несмотря на ее ненормальную любовь к матери. Любит безусловной любовью и прощает за все, что она натворила. Именно такой в ее понимании и должна быть настоящая любовь. Но так и не бывает. Она вытерла слезы и зашагала к бару.

- Закрыли тему, ладно?

- Как скажешь. Если тебе неприятно, мы не будем это обсуждать.

Ласковый мягкий голос пресек злость. В ней вновь проснулась нежность.

- Займись со мной сексом, Вить,- тихо попросила она. – Я шла в бар, чтобы найти там кого-нибудь на ночь. Но я хочу, чтобы это сделал ты. Пусть даже по телефону.

- Ты будешь себя ласкать под мои слова?

- Нет, я просто представляю.

- Не ходи в бар, Крис. Я не хочу, чтобы тебя кто-то трогал. Я сам хочу гладить и целовать каждый сантиметрик твоего тела. Я хочу войти в тебя. Медленно, нежно. А потом сильно. Коснуться твоей матки, чтобы ты застонала от наслаждения. Мне так нравится, как ты стонешь.

- Перестань, а? Я так соскучилась.

- А я еще больше. Иди домой, налей себе бокал вина и давай поговорим. Я, кстати, уже налил.

- У меня дома нет спиртного. Я все выпила.

- Чудесная девочка. Тогда пойдем в магазин.

- Пойдем? – Кристина засмеялась. От его мягкого теплого голоса становилось теплее, мир, жестокий и злой, улучшался на глазах. Даже зацепившаяся за сосны луна, казавшаяся прежде зловещим фонарем в ночи, сейчас улыбалась. Ей вдруг подумалось, что зима пройдет, настанет лето, и они с Витькой снова будут вместе плавать и валяться на траве под солнцем. Только тогда они будут действительно вместе. Сейчас эта мысль казалась реальной. Они ведь так любят друг друга. Что-нибудь произойдет и соединит их измучившиеся души и истосковавшиеся тела. И не надо будет ничего решать, причинять кому-нибудь боль. - Ты думаешь, я отпущу тебя? Я провожу тебя до магазина.

- Вить, но это же, наверно, дорого... ты же черт знает где.

- Не важно. Сегодня я хочу быть с тобой.

- А завтра?

- Пока еще сегодня, и я здесь. Зачем думать о том, что будет.

В этом был весь Витька. Он умел наслаждаться мгновением, радоваться пустякам. У него было то, чего не могло быть у Кристины при том жизненном чемодане, который она таскала за собой. Прошлое не давало радоваться, тянуло вниз, напоминало, что она обычная дрянь, которой еще посчастливилось остаться на плаву.

А потом они еще долго болтали по дороге, и когда Кристина зашла в гостиную и по привычке посмотрела на Маринин стул, он оказался пуст. Видимо, в момент, когда она была счастлива, призрак сводной сестрички оставлял ее в покое.

Кристина рассказала про маму и как переживает из-за кредита. И Витька, в отличие от Сергея, сказал, что верит в нее и в мамино выздоровление.

- Но, Витька, ты не представляешь, как я дергаюсь. Взять кредит для человека, который работает на окладе, означает просто ходить на работу и отдавать часть зарплаты. Для меня же это постоянная попытка найти клиентов, которые согласятся мне заплатить. А на данный момент у меня просто нет работы. Меня словно кто-то сглазил, сейчас я получу деньги по последней сделке, а потом не знаю что делать. У меня нет квартир, которые нужно помочь продать или купить. Такого не было никогда. Это похоже на то, что кукольник хочет, чтобы я потеряла Двенадцать сосен.

- Крис, успокойся и подумай, что ты сделала не так. Все это полная чушь на счет сглаза. Ты сама себя остановила.

Кристина сделала большой глоток вина. О том, что я сделала не так, она прекрасно знала. Она убила человека. И теперь этот дом навсегда останется вечным напоминанием.

- Если бы только я могла тебе обо всем рассказать, - вздохнула она в трубку.

- Так расскажи.

- Ты что молчишь?

- Я не могу. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Хорошо, - легко согласился Витька. — Знаешь, кто предложил мне дружить по фэйсбуку?

- Не знала я, что ты зависишь в социальных сетях. Так кто это?

- Я вовсе не зависаю. Мне так удобно общаться с Аленкой. А еще нужно для работы. За границей скучаешь по русским.

- Никто не заставлял тебя уезжать. Кстати, когда ты приедешь?

- Не знаю. Работаю даже по выходным.

Через некоторое время связь оборвалась, и звонков больше было. Наверно, у Витьки на мобильном закончились деньги. Они так и не попрощались.

Вспомнив о фейсбуке и о том, что она так и не узнала, с кем он там общается, Кристина включила компьютер. Сама она социальными сетями не интересовалась, хватало общения на литературных форумах с подобными ей непризнанными авторами. Там, они хотя бы обсуждали такие важные вопросы, как идея произведения, финальная развязка и как написать идеальный роман, а на сайтах вроде контакта хвастались своими фотками «я и пальма», «я и море», что казалось пустой тратой времени. Хотя, задумалась, изрядно захмелевшая Кристина, возможно, ей просто не чем хвастаться.

Вредный фейсбук предлагал пройти регистрацию. Кристина выдала левые координаты и хитро усмехнулась. Витьку она нашла почти сразу и некоторое время не могла оторваться от его фотки. Одетый в болотного цвета рубашку с коротким рукавом под цвет глаз, он выглядел настолько сексуальным, что у нее заныло сердце. Так захотелось сорвать с него эту рубашечку. Кристина сделала глоток вина и закрыла глаза. Никогда в жизни она не испытывала ни к одному мужчине такого животного сексуального влечения, от которого она чувствовала себя настоящей зверюгой. Перед глазами замелькали картинки их близости, но зазвонивший телефон прервал эротические грезы.

- Мы так и не попрощались.
- Но я не хочу прощаться, - капризно заметила Кристина.
- Ты хочешь, чтобы я в тебя вошел?
- Да.
- Тогда представь, что я это делаю.
- Я хочу чувствовать, а не представлять.

Витька вздохнул.

- Я же предупреждал, что нам лучше не разговаривать.

Так, препираясь и растравливая друг друга несбывшимися желаниями, они проболтали еще немного, пока их снова не разъединили. Услышав короткие гудки, Кристина отбросила телефон на кровать и, как была в джинсах и водолазке, вышла на балкон. Медленно опускались снежинки, морозный ветер остужал щеки. Каждый раз, когда они встречались, ее раздирало чувство неудовлетворения и жалости к ним обоим. Хотелось прижаться к нему и никуда не отпускать.

Нельзя любить чужого мужа.

Окончательно замерзнув, Кристина вошла в комнату, наслаждаясь охватившим ее теплом. На журнальном столике светился ноутбук. Витька насмешливо улыбался со своего единственного портрета. Наверно, надо все-

таки попрощаться. Она написала ему «до свидания» и начала нетерпеливо щелкать мышкой. На ее счастье здесь не было фоток с женой и дочками. Только Лондон во всех его зимних видах. Она зашла в его друзей и обомлела. На одном из профильных фото красовалась ... Корзина собственной персоной.

Кристина потянулась к бокалу. Корзина в фейсбуке? Что ей здесь надо? Насколько Кристина помнила, она и компьютер включать не умела. Что Корзине нужно от Витьки? Кристина захлопнула фото бывшей подруги. После той ночи она всегда испытывала чувство стыда за содеянное и боль из-за осознания, что между ними, несмотря на годы дружбы, ничего нельзя повернуть назад. Есть такая точка, после которой нет возврата, не взглянуть друг другу в глаза, не прижаться, как в детстве лбами, поддерживая друг друга.

Глава 35

Утром Кристина проснулась в хорошем настроении и некоторое время нежилась в постели, вспоминая разговор с Витькой. В вчерашних его словах звучала та самая нежность, которая делала ее ненадолго счастливой и так же ненадолго вселяла надежду, что когда-нибудь тот, кто пересек их разные жизни, позаботится о том, чтобы собрать половинки в одно целое.

После приятных воспоминаний мысли опять потекли в знакомое русло. Кредит. Деньги. Где взять, как заработать. Сегодня надо съездить в агентство и получить зарплату. Потом заехать в банк и внести первый взнос по кредиту. Надо постараться убедить Мухина дать еще клиентов. Или устроиться еще в одно агентство. Кристина посмотрела на часы. Девять утра. Слишком рано. Мухин не появлялся на работе раньше одиннадцати. Кристина почувствовала забытую потребность в движении на воздухе. Сегодня она побегаёт на лыжах по лесу. Она встала с кровати и подошла к окну. С серого неба падали пушистые снежинки, одевая сосны в белоснежные шапки.

Кристина быстренько умылась, оделась в легкую, чтобы активнее двигаться куртку, и, прихватив лыжи, вышла на улицу. Вдохнула морозный воздух. Все будет хорошо. Витька, любит ее и верит в нее. Второе казалось важнее первого. Он сказал, что на ее месте поступил бы так же. Пришла мысль, что она ничего не знает о его родителях. Она не расспрашивала, а он не рассказывал. Он, вообще, не был откровенным, предпочитал слушать, а не говорить. Надо будет узнать. Интересно, какая у него мама. Похожи ли они? Наверно, Кристина полюбила бы ее тоже, как любит Витьку.

На улице было чудесно. Ей захотелось прокатиться мимо Витькиного дома и послать ему привет. Помечтать, что он не в далеком Лондоне, а ушел на работу и вечером придет к ней. И так хорошо сегодня думалось, даже прежней щемящей боли не возникало, словно жена уже куда-то делась, а дочки чудом выросли, а они остались такими же молодыми. Кристина послала воздушный поцелуй Витькиному дому и, обогнув озеро, въехала в лес.

Сказка. Застыли в безмолвии укрытые снегом деревья. Поблескивала лыжня. Кристина не ехала, летела. Лыжи двигались сами. Она только успевала думать. Бывает же так хорошо, так легко. Почаще бы возникало такое настроение.

Неужели счастье и желание жить всего лишь от одного звонка любимого? Как страшна такая зависимость. Ну и пусть, взмахнула палками Кристина, чувствуя, как замирает сердце. Ну и пусть. Я люблю, и я счастлива. И я, наконец, могу позволить себе принять это неправильное чувство. Не осуждать себя и его. Если мы любим, значит, мы правы. Любовь делает нас правыми. Вдруг подумалось, что Витька скоро придет и у них все будет иначе: сильнее, нежнее, чувственнее. Надо всего лишь перестать таиться друг от друга, открыться, рассказать друг другу правду. Это сложно, но только тогда все станет замечательно.

От быстрых движений Кристине стало жарко, она сдернула с головы красную шапочку и расстегнула куртку. Как же сегодня хорошо. Хорошо от яркости снега, от ровной лыжни, от нежных песен веселых синичек с желтыми грудками. Как же я люблю тебя, Витенька. Как люблю.

Сейчас люблю.

Подольше бы продержалось это состояние.

Вернувшись домой, Кристина не стала включать ни музыки, ни телевизора. Хотелось продлить уютно свернувшееся в груди маленьким теплым комочком счастье. Кофе показался необычно вкусным, крепким и горячим. Она пила его, как Витька, черным, без молока. Хотелось почувствовать еще большую близость с ним. Ей было так хорошо, что не было необходимости в его присутствии. Витька! Витенька! Ты весь мой, а я твоя и спасибо кукольнику за наше чувство.

Раздавшийся звонок телефона вернул на землю. Она поморщилась. Ну кому не стыдно звонить, когда ей так хорошо с этим ее новым чувством и с самой собой? Идя к телефону, девушка посмотрела на часы. Двенадцать.

Но это оказалась мама.

- Как ты там, мамочка?

Голос у Иларии был веселым. Сказала, что чувствует себя ежиком. Первое время никак не могла заснуть на спине, да еще на иголках, но сейчас привыкла. Было очень больно, но теперь, когда кожа загрубела, стало легче. Вечером гуляет у моря. Погода прекрасная, в этой стране все время солнце и это улучшает настроение.

- А ты как там, девочка моя?

Кристина заверила маму, что все в порядке. Сегодня она оплатит первый взнос по кредиту, а на подходе у нее несколько сделок. От своего вдохновенного вранья Кристина приободрилась. Если в жизни случается, что желая отлынить от работы, говоришь, что заболела и на самом деле заболеваешь, то почему бы не быть наоборот? Почему бы придуманной сделке не обернуться настоящей? Она так замечталась, что пропустила пару фраз из рассказа Иларии о ее новой знакомой.

- Чудесно, что у тебя появилась подруга, - заметила Кристина. – Мамуль, а мужчины там есть?

Илария рассмеялась.

- Конечно, есть. Мы вместе гуляем по берегу озера, когда вылезаем из игольчатых шуб. Есть даже один, который ко мне не равнодушен.

- Ну а ты?

- Детка моя, все это совершенно не нужно. Мне бы только выздороветь, чтобы погулять на твоей свадьбе и иметь возможность нянчить внуков.

Кристина почувствовала волнение. Маленькая девочка от Витьки. Нет, лучше мальчик. Хватит ему девчонок. У таких, как она, должны рождаться мальчишки. Сердце сладко замерло, когда она представила, как Витька гладит ее по округлившемуся животу. Черт. Да что с ней сегодня? Сама мысль о детях ей никогда не нравилась. Но если от Витьки, это же совсем другое дело.

- Как Сережа поживает? – спросила Илария.

- Да ничего, работает много.

- Вы встречаетесь?

- Редко.

- Что-то произошло?

- Нет, ничего особенного. Мы, наверно, подустали друг от друга, - заметила Кристина и перевела разговор на другую тему. Ей не хотелось, чтобы мама возлагала какие-то надежды на их отношения.

Когда они попрощались, Кристина подошла к окну. Мама и Витька – два родных человека в этом мире, и если бы они были рядом, здоровые и счастливые, ей больше ничего не надо от жизни. Взгляд снова упал на часы. Если ехать в офис, надо собираться.

Она набрала мобильный Мухина, но он снова оказался выключенным. Кристина задергалась, отыскивая в записной книжке мобильного телефона офиса. Мухин не выключал телефон. Голос у секретарши, как всегда, звучал не приветливо. Отметив про себя, что такие девушки не должны сидеть на входящих звонках, отпугивая клиентов, Кристина попросила соединить ее с Мухиным.

- Его нет и не будет?!

- Что, значит, не будет?! – возмутилась Кристина. – Я сегодня должна зарплату получать.

- Минуту подожди, я тебя соединю.

Послышалась музыка, Кристина почувствовала, как от нехорошего предчувствия забило сердце. Через несколько тактов в трубке раздался спокойный мужской голос. Его обладатель представился Андреем Владимировичем, новым директором агентства. Не дослушав объяснения Кристины, он предложил приехать. Кристина опустила на диван. Пушистый комочек счастья в груди превратился в причиняющего боль ежика.

Кристина плохо помнила, как добиралась до агентства. Ехала медленно, попадая то в пробки, то в красную волну светофоров. Возникало ощущение, что ее хотят задержать, чтобы подготовить к чему-то страшному. Она запретила себе думать. Ехала, как зомби, глядя прямо перед собой на дорогу, лишь иногда посматривая по зеркалам, когда перестраивалась. Нехорошее предчувствие становилось сильнее и сильнее, но она убеждала себя, что все будет хорошо.

Несколько раз Кристина набирала номер Мухина, чтобы вновь услышать, что абонент не доступен. У офиса нашлось место для парковки, и Кристина ловко загнала Кошку между двух машин. У входа в агентство, прямо возле рекламного щита «Мир квартир» толпились агенты. Кристина, холодно поздоровавшись, прошла в холл к охраннику. В голове пульсировала одна единственная мысль: только бы ей отдали ее деньги, чтобы расплатиться с кредитом. Потом будет месяц, чтобы разобраться. Только бы заплатили.

Секретарша выглядела взъерошенной и сбитой с толку. Кристина подошла к ней.

- Может, расскажешь, что случилось?

- Пусть новый начальник объяснит. У меня уже язык отсох. У него как раз сейчас никого нет.

Кристина прошла по коридору в кабинет Мухина. Открыла дверь без стука, остановилась в дверях, чувствуя, как дрожат колени, а все вокруг словно накрыто полупрозрачным покрывалом, вроде бы все видишь, но не замечаешь деталей.

На месте Мухина сидел незнакомый мужчина в костюме и очках. Неопределенного возраста, то ли сорок, то ли тридцать с небольшим. Во рту у Кристины пересохло. Поздоровалась, не узнавая своего голоса.

- Проходите, садитесь, - начальник кивком головы указал на кресло, глядя на какие-то бумаги.

Кристина села, закинула ногу на ногу, поправила юбку в клеточку. Мимоходом заметила, что успела забрызгать ботфорты, пока шла от машины к офису.

Пошуршав бумагами, начальник воззрился на Кристину.

- А вы у нас кто будете?

- Кристина Воронцова. Я вам звонила сегодня.

- Кристина Воронцова, - он растянул тонкие губы в усмешке. – Очень приятно познакомиться. Меня зовут Андрей Владимирович. Может, вы знаете, куда делся Мухин?

Кристина почувствовала приступ удушья, ранее с ней не случавшийся и последующий за ним приступ злости.

- Вообще-то это я хотела у вас спросить.

- Я как раз ничего не знаю. Сегодня второй день на работе. Валерий Николаевич попросил разобраться, что здесь происходит. Думаю, вы знаете, кто это? Он как раз интересовался вами.

Валерий Николаевич являлся учредителем «Мира квартир», которого Кристина пару раз видела и частенько о нем слышала от Мухина, когда наступал период отчетности. У Кристины создалось ощущение, что Мухин его побаивался. До нее начало медленно доходить, что ее подозревают.

- А что ему от меня нужно? – вопрос прозвучал грубовато, но Кристина почувствовала, что от страха начинает терять контроль над собой.

- Информация, конечно. Где может находиться Мухин с деньгами фирмы. В пятницу прошло несколько крупных сделок. В одной из них вы принимали участие. – Он вопросительно воззрился из-под очков на девушку. – Кристина машинально кивнула. – Вечером он забрал деньги из сейфа и скрылся в неизвестном направлении. Может у вас есть какие-нибудь соображения, где он находится?

- Но почему вы меня спрашиваете?
- Ваши коллеги, так сказать, - новоиспеченный директор неприятно ухмыльнулся, - хотел сказать товарищи, но в этом бизнесе вы, к сожалению, скорее соперники, все как один заявили, что Мухин выделял вас из всех. К вам уходили самые сладкие варианты. Вы работали под самый высокий процент на льготных условиях. Могли запросто не явиться на дежурство, подставив своего коллегу, и вам за это ничего не было. В то время как других наказывали рублем. Вы зарабатывали больше всех. У вас коттедж в элитном месте. Кратово, если не ошибаюсь?
- Кратово не является элитным местом, это юго-восток Подмосковья, - разозлилась Кристина. – И мой коттедж достался мне после смерти мужа, а не из-за того, что я много здесь зарабатываю.
- Машинка у вас неплохая, - пропел начальник. – Кашкай. Не каждый агент может себе позволить купить. Или это Мухин помог вам?

Кристина от возмущения не знала, что ответить. Этот кретин считает ее любовницей Мухина. От одной только мысли об этом ее затошнило.

- Так что вас связывало с Мухиным?
- Ничего, кроме работы.

Андрей Владимирович склонил голову, рассматривая Кристину слишком пристально, почти нагло. Словно предмет, выставленный на рынке для продажи, определяя, стоит ли он, сколько за него просят.

- Послушайте, я скажу вам по секрету: ни один мужчина не будет делать ничего просто так.
- Не просто так, а за деньги. Я приносила ему хорошую прибыль за его варианты. – Она помолчала, глядя в упор на начальника. – В том числе и скрытую комиссию могла сделать, что очень приветствовалось. – А те, - она махнула рукой в сторону двери, - дешевки.
- Так-так! – Андрей Владимирович откинулся на кресле с насмешливой улыбкой на тонких губах. – Значит, другие дешевки, а вы девушка дорогая.

Кристина вдруг почувствовала страшную усталость. Она уже поняла, что не сработается с новым начальством. Ей бы получить деньги и свалить.

- Послушайте, я приехала за зарплатой, а не выслушивать подозрения.
- За какой зарплатой?
- У меня прошла сделка по квартире на Большой Филевской. Деньги я сдала Мухину.
- И какова была прибыль, можно поинтересоваться?
- Пятьсот.
- А квартира сколько стоила? – в его глазках зажегся интерес.
- Девять миллионов триста тысяч, - Кристина терпеливо отвечала, пытаясь понять, куда он клонит.

- Но это больше пяти процентов. Чистая продажа?
- Кристина кивнула.
- Знаете, а вы действительно хороший агент, если могли озвучить клиенту пять процентов комиссионных вместо положенных трех? Или там была скрытка?
- Это имеет значение?
- Конечно. Мы сейчас с вами знакомимся, и я должен знать, на что вы способны.
- Двести тысяч.
- То есть объявили триста, а двести прикрыли? – Начальник явно наслаждался беседой, чего Кристина не могла сказать о себе. Она уже начинала понимать, что если Мухин пропал, денег ей не видать.
- Именно.
- Мо – ло – дец! – по слогам произнес Андрей Владимирович. – А сколько вы должны были получить?
- Сорок процентов.
- Но другие получают всего лишь тридцать. - Кристина пожала плечами. – Агентство собирается выплатить мне зарплату? Я принесла комиссию в агентство.
- Улыбка стекла с лица начальника.
- Если вы найдете Мухина.
- Я?! Но почему я должна его искать?
- У вас есть личная материальная заинтересованность и, наверно, если подумаете, сможете вспомнить что-нибудь из его жизни. Например, куда он мог поехать, с кем он общался, какой у него круг его интересов. Подойдет любая зацепка.
- Кристина почувствовала себя бесконечно усталой. Зарплата предназначалась, чтобы погасить два платежа по кредиту. Одна треть оставалась на жизнь. Сбережений не было. Что теперь делать?
- Но я ничего о нем не знаю. Ничего! – повторила она, безуспешно роясь в своей памяти. Даже то, что бывший начальничек рассказывал о себе, она не слушала. Старалась сократить общение до минимума. Ее подташнивало от Мухина, от его скользких шуток, липких взглядов. А теперь этот подонок еще и свалил с ее деньгами. Произошло бы это раньше, можно было пережить, но это случилось именно тогда, когда она взяла кредит.
- Тогда я боюсь, что, как это не жаль, учитывая ваши предыдущие заслуги, с вами придется попрощаться. Не думаю, что наши учредители одобряют вашу кандидатуру.
- Это как вам будет угодно, но прежде выплатите мою зарплату. Я устраивалась на работу в компанию, а не к Мухину.
- За деньгами обращайтесь к Мухину, - улыбнулся новоиспеченный директор. – Может, учитывая ваши хорошие отношения, он с вами поделится или предложит новый бизнес. Не смею вас более задерживать.

Кристина устремила к двери, чувствуя, что готова запустить чем-нибудь тяжелым в новоиспеченного козла козлиного агентства. В коридоре налетела на Олега, с ним они частенько болтали, перебрасывались риэлторскими байками. Из его рук посыпались бумаги.

- Прости! – она нагнулась, помогая их собрать. – Сидя на корточках, поймала встревоженный взгляд Олега.

- Что с тобой такое?!

- Не важно, - она сунула собранные листки в его руки, собираясь убежать. Он схватил ее за локоть.

- Эй, я собираюсь выпить кофе, пойдешь?

- Не хочу! – она рванула руку, но он крепко держал ее. – Послушай, ты же на машине? – Кристина нетерпеливо кивнула. – Подбросишь меня до метро?

- Ладно, только быстрее.

Она забралась в Кошку и уронила голову на руки. Черт! Черт! Черт! Что же теперь делать? Сегодня последний день платежа по кредиту, а ей не у кого занять денег. Вспомнилась Корзина. Если бы они только не поссорились. Сердце защемило от боли. Как плохо, что она осталась совсем одна. В окно с ее стороны постучали. Она опустила окно.

- Твое место справа от водителя, - буркнула она Олегу.

- Выйди-ка, что покажу, - вид у Олега был загадочный.

Она выскочила из машины, запахивая шубку. Олег нагнулся к ее самому уху и отчетливо произнес:

- Говорю как врач, тебе просто необходимо выпить чашку горячего капучино. – Не спрашивая разрешения, он открыл водительскую дверь машины, повернул ключ, прихватив ее сумку с переднего сидения. Щелкнув сигнализацией, взял девушку под локоть. Кристина чувствовала себя такой измученной, что решила не сопротивляться.

Они выпили по две чашки кофе, и Кристина рассказала про кредит и потерянную зарплату. Олег слушал, не открывая от ее лица, внимательных серых глаз. Она поймала себя на мысли, что у него хорошее лицо, не красивое, как у Сергея, не хитрое, как у Витьки, а именно хорошее и доброе. Лицо порядочного человека, как сказала бы мама. К сожалению, мужчины с такими лицами ей не нравились. Но разговаривать с Олегом было очень приятно. Она уже почти успокоилась и даже успела поразмышлять на тему, не занять ли денег у Корзины. Ну, потребует она с нее секса. Так что ж? Что стоит двум одиноким бабам пожалеть друг друга? С одного раза от ее тела явно ничего не убудет.

- Ты не слушаешь меня?! – Олег улыбался. – Наверно, думаешь, где занять денег. - Кристина горько улыбнулась. Знал бы ты милый, какая дрянь, бежал бы подальше от меня и даже кофе не поил. – Я вот что хочу тебе сказать. То, что тебя лишают денег, не случайно. Это перекрытие канала что-то означает. Возможно, тебе стоит поголодать или поменять работу. Ты обязательно разберешься. – Он слегка коснулся ее руки, чтобы привлечь внимание. – Знаешь, что я слышал про ипотеку? – Кристина подняла брови. – Ипотека – дорога в ад. Человек собирается взять больше денег, чем ему положено по карме. Наказание за это очень жестокое. Многие теряют все. Руководители банков прекрасно об этом осведомлены. Лишь очень немногим удастся изменить карму и выплатить проценты. В Подмоскowie даже есть такой поселок из барачков. Там живут те, у кого забрали их квартиры.

- Утешил, называется, - фыркнула Кристина. – Что же ты мне раньше об этом не сказал?

- Откуда я знал, что ты возьмешь кредит?! Видимо, это должно было произойти. Очередной поворот судьбы. Главное правильно вписаться в поворот и не вылететь на встречку. А для этого, что нужно сделать?

Кристина молчала, размышляя, не издевается ли над ней ее знакомый.

- Ну же, ты водитель, - настаивал Олег. - Что ты делаешь перед поворотом?

- Сбрасываю скорость.

- Умница. Остановись и подумай, что делаешь не так. Расскажу о себе. Лет пять назад, я был на грани, подумывал о самоубийстве, а потом вдруг встретил ее. Причем встретил в таком месте, куда бы никогда не попал, не оказавшись на краю. Понимаешь? Она спасла меня и женила на себе. А сейчас я очень счастлив.

- Хотелось бы мне, чтобы меня тоже кто-то вытащил, - пробормотала Кристина. – И замуж взял. – Она вдруг подумала о Витьке, о том, как хочет обнять его, прижаться к нему всем телом, почувствовать его наглый поцелуй. Нет. Витька будет спасать кого угодно, но не ее.

Олег подозвал официанта и попросил счет.

- Посидел бы еще с тобой, но жена ждет на прогулку. Беременная она, а выходить боится.

Сердце Кристины обожгло привычной болью, Витька, наверно, тоже водил жену на прогулку вокруг кратовского озера. Хотя нет, они тогда там не жили. Значит, в парк.

Они вышли на улицу, Олег коснулся щеки Кристины губами.

- Ну что, пока?

- Ты же хотел, чтобы я довезла тебя до метро?

Он смущенно улыбнулся.

- Я на машине. Просто в тот момент, когда ты чуть не сшибла меня в офисе, я понял, что тебя нельзя отпускать. Бывают моменты, когда нельзя садиться на руль.

- Спасибо, - Кристина сжала его руку. – Слушай, а ты, правда, врач?
- Да, работал на скорой помощи, пока не начал выпивать. Моя жена работала психологом в группе анонимных алкоголиков.

Несмотря на то, что во внешнем мире ничего не изменилось, после разговора с Олегом Кристина почувствовала себя спокойнее. Погладила Кошку по панели, включила радио классик. А может, правда, ей не стоит бороться за Двенадцать сосен? Но как же она без них? Без Паши, Пети, Иудушки? Она же обещала Андрюшке, что будет за ними ухаживать и никогда не продаст. А слово надо держать. Да и не представляет она другого места, которое бы стало ее домом.

Глава 36

Третий концерт Рахманинова, который передавали по радио, окончательно примирил Кристину с жизнью и заставил поверить в себя. Завтра будет новый день, и она обязательно что-нибудь придумает. Завтра ей позвонит кто-нибудь из бывших клиентов или по рекомендации. А сегодня нужно слушать прекрасную музыку и смотреть, как на лобовое стекло опускаются и тают пушистые снежинки.

Дом, освещаемый одиноким фонарем, зиял темными окнами, словно пустыми глазницами и казался зловещим. Кристина почувствовала холодок одиночества. Как же хочется тепла и ласки, чтобы дома тебя ждал любимый человек. Она заморозила пальцы, пока открывала металлические ворота и с удовольствием юркнула в теплую машинку, чтобы загнать Кошку внутрь. Щелкнула сигнализацией, справилась с воротами и осторожно пошла по дорожке к дому, оставляя на свежем снегу одинокие следы.

Включив свет, Кристина осторожно прошла в гостиную, содрогаясь от мысли, что Марина опять будет там, напоминая о совершенном зле и непростении. Ее накажут в следующей жизни, а, может быть, уже в этой. Отнимут все, что она с таким трудом добивалась, вновь сделают несчастной беженкой.

Кристина старалась не смотреть на стул, пока проходила мимо, но проклятое боковое зрение услужливо показало светлую прядь волос.

Нет! Не надо! Оставь меня в покое! Я не знала, что ты моя сестра!

Кристина почувствовала, что ей стало трудно дышать.

Не приходи больше.

Она зажмурила глаза, как в детстве, и с вытянутыми руками осторожно двинулась вперед. Кажется, она нашла выход. Ходить с закрытыми глазами. Неожиданно она почувствовала боль в коленке. Вот черт! Наткнулась на угол лестницы. Когда она успела пройти всю комнату? Потирая ногу, она пошла вверх по лестнице в спальню. Очень хорошо, что не хочется есть. Находиться в столовой выше ее сил. Может быть завтра, когда будет светло. Завтра все будет по-другому.

В своей комнате Кристина сбросила одежду и, закутавшись в халат, устроилась на маленьком диванчике, пододвинув к себе столик с ноутбуком. Работа над романом спасет ее. Она опишет свою боль, тревоги, сомнения, свою неправильную любовь к Витьке, их греховно-прекрасный секс. Витька часто говорил, что не испытывает угрызений совести: то, что так чувственно, не может быть плохим.

Она отредактировала очередную главу и выложила ее в самиздате. Зашла в комментарии. Садко уже был здесь, комментируя прочитанное. На предыдущих страницах разворачивалось обсуждение читателей: каково это – любить чужого мужа. Некая читательница под ником «изменница» рассказывала собственную историю, как боролась за свою любовь: она была то нежной и ласковой, то злой и холодной. Назначала свидания и не приходила, и появлялась, когда ее не ждали. Сбитый с толку оппонент начал совершать ошибки. Жена выгнала из дома, соперница приняла, превратившись в мягкую и женственную подругу.

Кристина фыркнула. Она не собирается бороться. Выбор должен сделать мужчина. Нельзя на него давить. Это нечестно. Так и написала в комментах.

Садко едко заметил: автору подобного романа странно говорить о честности. Главная героиня собрала все библейские грехи, да еще и не чувствовала раскаяния. Он просто убежден, что автор пишет собственную историю, банально изливая душу и подготавливая следующее убийство.

Кристина почувствовала, как в груди неприятным зверьком заворочался страх. Кто же этот дурацкий Садко? Можно, конечно, удалить рукопись из интернета, но тогда не будет катарсиса. Нет, уж пусть остается.

Кристина вышла из форума и начала новую главу. Писала до трех часов ночи, не исправляя, запомнила файл и выключила компьютер. Организм требовал, если не человеческого тепла, то хотя бы горячего чая. Но для этого нужно спускаться вниз. Кристина обхватила себя руками. Нет, она не пойдет. Она медленно прошла в ванную и выпила воды из-под крана, завернулась в

теплое одеяло и закрыла глаза. В голову, как всегда полезли картинки. Витька несет на руках, покрывает поцелуями лицо, щекоча нежную кожу усами. Она не заметила, как воспоминания продолжились сном.

Берег голубого океана и белый прогретый солнцем песок, он снимает ей лифчик от купальника, целуя в грудь. Сгибаются к их головам кокосовые пальмы, омывает вода босые ступни. Помогая друг другу, они снимают остальное, забираясь в воду. Она закидывает ему ноги на талию. В воде их прикосновения другие, они слегка размыты и менее чувствительны, зато полны неги и ласки. Океан умиротворяет их нетерпение, обучая нежности и расслаблению. Его загорелое лицо с мокрыми волосами приближается к ней, дразня колючестью усов в предвкушении поцелуя. Его плоть медленно входит в нее, сладко тормозя на каждом сантиметре. Она запускает руку в его мокрые волосы, захватывая его язык, медленно лаская его своим. Но даже океану не справиться с их чувствами, не замедлить нетерпеливости движений. Все сильнее сжимаются ее ноги, и все глубже входит в нее Витька, лаская руками грудь, а языком облизывая ее рот. Во рту и внизу происходит одно и то же, и непонятно где прекраснее. Хочется продлить наслаждение, она хочет замедлиться и не может, одновременный оргазм накрывает их вместе с волной взявшего, наконец, реванш, океана.

Я люблю тебя, так люблю. Кристина проснулась от звука своего голоса, не сразу поняла, что находится одна в своей спальне и то, что было так реально и прекрасно, оказалось всего лишь сном. Уткнулась в подушку и заплакала от разочарования и нахлынувшей женской неостребованности.

Витька, я не могу больше без тебя. Что же ты сделал со мной?

Оторвавшись от мокрой подушки, Кристина посмотрела на часы. Десять утра. Начался новый день. Надо взять себя в руки и сделать хотя бы зарядку. Невозможно все время хныкать и жалеть себя. Уже хорошо хотя бы то, что она выспалась и даже умудрилась получить оргазм во сне. Пусть гормоны захлебнутся и успокоятся.

Не успела она сделать и глотка кофе после вымученной, так как тело отказывалось повиноваться, зарядки, раздался звонок из банка. Холодный мужской голос сообщил, что им не поступил первый платеж по кредиту и в связи с этим назначена пеня.

- Когда вы сможете погасить долг?

- Не знаю, осторожно ответила Кристина. — Возникли непредвиденные обстоятельства. Мне не выплатили полученную зарплату.

- Банку ваши личные проблемы не интересны, - заявил служащий. — Для таких случаев, как ваш, предусмотрено повышение кредитной ставки с

пятнадцати до... - он замялся, послышался шелест бумаг, - до восемнадцати процентов. В этом случае мы можем сделать небольшую отсрочку платежа.

Кристина чувствовала себя так, словно ее сжали щупальца огромного зверя. Дышать было трудно, сердце колотилось о ребра. Пятнадцать процентов, которые она подписывала, уже считались грабительскими. Что говорить о восемнадцати. Ей никогда не заработать таких денег. Мама не сможет продолжить лечение, а Двенадцать сосен будут выставлены на продажу.

- Вы меня слушаете?

- Да, конечно. Мне ... - Кристина разве что не заикалась, слова не шли с языка, словно она только научилась говорить. – Мне нужно подумать. Я перезвоню.

- Хорошо, тогда жду вашего звонка, - голос стал чуть-чуть любезнее.

Кристина медленно опустилась на стул и принялась за кофе. Мысли бегали по одному и тому же кругу: они снова станут беженками. Беженка – это не существительное, это навсегда приклеенный ярлык. И сколько не пытайся, а жизнь подставит подножку.

В голову поползли воспоминания, как она впервые приехала сюда, как ухаживала за Андрюшкой, как таскала его на себе в ванную, как, давясь от отвращения, выносила судно. Зачем? Для того чтобы все потерять? Запах горелого вернул ее к действительности. Черт! Она же совершенно забыла про горячие бутерброды с помидорами и огурцом, которые решила съесть на завтрак, вместо положенной овсянки. Кристина подскочила к плите. Так и есть, нижний край хлеба почернел. Она выбросила бутерброды в помойное ведро и снова вернулась к кофе. Аппетит пропал, а сжавшееся горло, казалось, не пропустит и кусочка хлеба.

Неожиданно Кристина вспомнила про бутылку коньяка, спрятанную в баре. Конечно, в десять утра пьют только алкаши, но ей просто необходимо расслабиться. Она залезла в бар и откупила коньяк. Налила в пузатый бокал и быстро сделала большой глоток. Приятное тепло растеклось по желудку. Она запила его горячим кофе. Мозг устало искал выход. Занять не у кого, заработать в ближайшее время не на чем. Откуда взялась ее самоуверенность, что она сможет платить каждый месяц? Надо было не занимать, а накопить. Поздно. Она подперла голову рукой и допила коньяк. Немного легче. Кажется, даже мысли в голове стали не такими тяжелыми. Появился соблазн выпить еще. Кристина потянулась за бутылкой. Может, если она выпьет, процесс общения с потенциальными клиентами пойдет легче? Внутренний голос завопил, что у нее нет потенциальных клиентов и звонить некому. Она просто хочет напиться, чтобы отодвинуть проблему.

Чистая правда. Толстая красная книжечка прозвонена вдоль и поперек. Как такое могло произойти с ней, везунчиком, легко вытягивающим сложнейшие сделки? Как там, Олег сказал – перекрытие канала. Но работа, хотя и нельзя сказать, что Кристина ее любила, всегда у нее спорилась. Какого черта ее надо было наказывать? Она итак уже за свою недолгую жизнь получила больше уроков, чем надо.

Она нахмурилась и уставилась перед собой. Ахнула. На стуле сидела Марина, перекинув на грудь белые ухоженные волосы. Она даже явно услышала ее немного хриловатый голос. «Неужели ты так самонадеянна, раз думаешь, что тебе сойдет с рук убийство?». Кристина вскочила. Стараясь не смотреть в эту сторону, схватила бутылку коньяку, пустой бокал и бросилась в мамину комнату, захлопнув за собой дверь. Здесь пахло лекарствами и любимыми духами Иларии «Шанель номер пять», и Кристине, как маленькой, вдруг почудилось, что мама придет и успокоит ее. Она бросилась на кровать и уткнулась в подушку. Mamochka, помоги мне. Спаси меня от меня самой.

Кристина не помнила, сколько пролежала, уткнувшись в подушку, она даже вроде бы задремала, а когда проснулась, ей стало намного легче. Некоторое время она сидела, глядя по сторонам на столь знакомые мамины вещи. Книжный шкаф с аккуратно выстроенными корешками книг, старенькая стереосистема «Пионер», которую мама не давала заменить на более современную. Вышитая подушка с гроздьями сирени, клетчатый плед. Кружевной тюль на окнах, сквозь который проглядывали темные стволы сосен. Кристина провела рукой по лбу, словно пыталась стереть ненужные мысли. Раскисать нельзя. Надо собраться. Позвонить в банк, сказать, что она принимает их предложение. Найти работу. Ее примут в любое агентство недвижимости, и ей придется наравне с другими искать себе работу, а не ждать милостей. Она должна справиться. В свободное время будет писать свою книгу. Она заставила себя подняться с кровати и выйти из маминной комнаты. Выплеснула недопитый коньяк в раковину, спрятала бутылку в шкаф. Взяла в руки телефон, бодрым голосом объявила менеджеру банка, что она согласна выплачивать восемнадцать процентов. Она справится, обязана это сделать. В конце концов, в ее жизни бывали проблемы и пострашнее. Стоит только вспомнить историю с Петровичем.

Глава 37

Слова Олега повисли над Кристиной, словно предсказания астролога. Иногда ей хотелось позвонить и попросить, чтобы он взял их назад. Получив отсрочку у банка, Кристина устроилась в одно из лучших агентств

недвижимости в Москве. Она приходила в офис самой первой и уходила последней, когда язык уже не ворочался от бесконечных предложений помочь продать или обменять квартиру. Но кукольник продолжал свои издевательства. В то время как ее напарница снимала с рекламного телефона вполне реальных клиентов, Кристине доставались лишь бестолковые консультации тех, кто просто хотел узнать, сколько стоит их квартира и тех, чьи проблемы решить было невозможно.

Новый менеджер – грузный мужчина около пятидесяти – только удивлялся.

- Кристина, я не понимаю в чем дело, я слушал, как ты общаешься с клиентами, я вижу, как ты хочешь работать, но тебя словно заколдовали. Может, ты... - он посмотрел на нее добрыми глазами, - в церковь сходишь, что ли?

- Я справлюсь. Дайте мне еще месяц сроку, - Кристина прятала глаза, не желая окунаться в его жалость, ощущая легкое презрение. В церковь ходят лишь те, кто не могут сами справиться. Это не для нее.

- Да, я конечно готов тебя поддержать, но ты сама-то как?

- Все будет хорошо.

Она вышла на улицу, остановилась в нерешительности у небольшой группы дымящих сигаретками агентов. Потом решительно подошла, скользнула по лицам, никого особенно не выбирая.

- Кто-нибудь сигареткой угостит?

Ей протянули сразу две пачки. Мужской белый Кент и женский лиловый Вог, она выбрала Вог. По дороге домой остановилась у киоска и купила себе первую в жизни пачку.

Она чувствовала себя автоматом, который заставляет себя ходить на работу и уговаривать, уговаривать, уговаривать. Первая победа пришла в виде заключенного договора на однокомнатную ликвидную квартиру на Домодедовской. Подписывая договор, начальник улыбался:

- Неужели твое невезение закончилось? Откуда взяла вариант?

- Вызвонила по базе, - Кристина улыбнулась. – Еще полгода назад она смеялась над такими агентами, которые реагировали на каждое новое объявление. В ту счастливую рабочую пору у нее не было отбоя от заказов.

Отъездив неделю на просмотры, Кристина уже договаривалась с контрагентом о получении аванса, когда собственница заявила, что решила сделать ремонт и сдать квартиру в аренду. В тот день Кристина ушла с работы с обеда. Для борьбы сил не осталось. Два дня просидела дома за компьютером, отстукивая главы из своей жизни. На третий день из агентства позвонила секретарша и сказала, что в график дежурств ее не поставили, и ее ждут только с заключенными договорами. Кристина фыркнула. Если бы у

нее были клиенты, она бы сделала их частным образом под сто процентов, а уж никак не отнесла бы в агентство оставшиеся семьдесят. И все равно от звонка на душе заскребли кошки, а по спине прокрался холодок.

Кристина накинула куртку и вышла на балкон. Достала из пачки дрожащими пальцами сигарету и закурила. Дело было вовсе не в агентстве, можно пойти в любое другое, вопрос в том, как избавиться от опутавшей ее невезучести? Она вдруг подумала о том, что последнее время была так занята, что почти не думала о Витьке и ее вдруг вместо привычной нежности охватила злость. И нечего о нем думать. Хотел бы узнать, как у нее дела, позвонил бы еще. Но ему дело только до себя и своей карьеры. А с ней только секс, а по телефону сексом не займешься.

Она выбросила окурок в пепельницу и вгляделась вдаль. Сегодня даже сосны не радовали, а уж укрытое снегом озеро и вовсе навевало тоску. Хотя уже и наступил март, за городом по-прежнему распоряжалась зима. Когда еще все зазеленеет, выглянет солнце и можно будет купаться? И, вообще, где она будет тогда? В том подмосковном поселке, куда ссылают должников? Кристина вздохнула. И все же, как она будет жить без этого места? Подходил срок по новой выплате, и еще совсем недавно ей казалось, что она сможет погасить этот платеж. Чертова тетка, которая решила сдавать квартиру. Опять зря потраченное время.

Она вернулась в теплую комнату и только взяла в руки телефон, как он зазвонил сам.

- Привет! – голос у Олега был веселый. – Как в новом агентстве?
- Похоже, ты был прав на счет периода невезучести, - она вкратце рассказала о том, как ее только что уволили. Поинтересовалась, как у него дела.
- Олег с гордостью рассказал про свою почти слепленную сделку. Слушая знакомые риэлторские словечки, Кристина сильнее ощутила свою неполноценность. Уж Олег-то никогда не был хорошим риэлтором и то делает сделки, а уж она-то звезда... Ну да, закатившаяся звезда.
- Слушай, а у меня предложение к тебе. Я как раз сегодня без машины. Может, встретимся, выпьем? Я угощаю.
- Слушай, а я не пью с женатыми мужчинами, - в тон ему ответила Кристина.
- Выпей дома с женой.
- Олег сразу сник.
- Ну, я хотел тебя увидеть. К тому же у меня есть предложение из другого агентства. Мы можем пойти туда вместе. Там неплохой процент и много работы.
- А как жена отнесется, что когда ты поздно вернешься домой и от тебя будет пахнуть спиртным?
- Жена в больнице на сохранении.

- Класс! А ночевать пойдём к тебе или ко мне?

Олег затих. Кристине стало стыдно. У нее уже нет друзей, и ей ужасно коротать вечера дома. И в кафе хотелось посидеть. Одеться красиво. Можно было бы надеть ботфорты и короткое коричневое платье. В Москву съездить. Книжку в электричке почитать. На людей посмотреть. Вдруг это ее встряхнет?!

- Извини меня, ладно?! – уже вполне миролюбиво ответила, прикидывая, успеет ли она накрасить ногти. Маникюр делался сто лет назад. А как без него бокал держать? – У меня зуб на женатых мужиков. Может, если ты меня основательно напоишь, я расскажу почему.

- Понятно, - в голосе Олега послышалось облегчение. – Я всего лишь хотел поднять тебе настроение. Давай через два часа на Пушкин?

- Через три, а то я не успею.

Повесив трубку, Кристина вихрем понеслась собираться. Так, сначала накраситься, потом уложить волосы, потом... Черт! Да она про душ забыла и голова грязная. Вот что значит дома сидеть. Может, у нее, в конце концов, получится подружиться с мужчиной? Она вроде никогда не чувствовала, чтобы Олег как-то показывал, что она ему нравится.

И вечер удался на славу. Восседая за столиком напротив Олега, в своем любимом коричневом платье с бокалом в руке со свежим алым маникюром, Кристина чувствовала, что жизнь понемногу возвращается к ней, а вместе с ней уверенность и надежда, что совсем скоро все обязательно сложится так, как надо.

- За тебя, Кристина!

Они чокнулись. Выпили. И ей показалось, что очень скоро, а, может быть даже завтра, подвернется какой-нибудь сладкий вариант, и она сможет расплатиться с банком. Тогда любимые Двенадцать сосен останутся при ней. Олег что-то рассказывал, она видела движения его губ. Что-то не очень интересное про жену, и как они долго выбирали имя будущему ребенку, но ее это не раздражало. Белое вино оставляло восхитительное послевкусие и дарило радость.

- Давай еще выпьем. Пусть у тебя все будет.

- Угу! – Кристина наклонила голову, успевая заметить, как смотрит на нее мужчина средних лет в сером костюме. Она улыбнулась ему. Конечно, она справится, она же звезда. Чудесный вкус у вина. Двенадцать сосен останутся с ней, а призрак убитой сестрички испарится без следа.

- Ну что, мы осилим еще бутылку и закажем суши?

- Вне всякого сомнения, – улыбнулась ему Кристина и заметила взгляд еще одного симпатичного мужчины, который разговаривал по телефону. Как она соскучилась по вниманию. Витька совсем ей голову заморочил. – Давай выпьем за тебя, Олег. Ты мой спаситель. То за руль не дал сесть, то от тоски загнуться. Какое вино замечательное. Она сделала несколько глотков. – Мне кажется, что это вино еще вкуснее. – А из-за Витьки не надо грустить. Он вернется к ней. И будет любить ее одну. И она даже согласна родить ему маленького мальчика с такими же, как у него кудрявыми волосами.

Мир складывался пазлом до того момента, когда ей на следующий день позвонили из банка и сказали, что вынуждены из-за ее неплатежеспособности выставить дом на продажу.

- Когда вам удобно, чтобы подъехал риэлтор?

Кристина задохнулась, услышав знакомое до зубной боли слово.

- Риэлтор? Да я сама риэлтор. Лучше других.

- Если бы это было так, вы бы проценты вовремя платили. Он вам перезвонит, время согласуете. Его зовут Никита.

Глава 38

Никита Одинцов оказался рыжим с россыпью веснушек на лице молодым человеком двадцати пяти лет. Искренняя улыбка и слишком открытое для риэлтора лицо. Кристина даже не смогла ему нагрубить, настолько он казался безопасным. Тютя какой-то, подумала она, подставляя лицо ласковому весеннему солнышку. Стоя на тропинке, она со злорадством наблюдала как, пытаясь сделать хороший снимок, Никита несколько раз наступил в грязь начищенными ботинками. Сама она стояла в расстегнутом зеленом пуховичке и цветных резиновых сапожках с распущенными волосами, дымя сигареткой, словно кого-то другого, а вовсе не ее собирались выселить из дома.

Сделав несколько фотографий и окончательно испачкав ботинки в грязи, Никита подошел к ней.

- Снаружи я все снял, можно переходить в дом, - он бросил взгляд на засохшую сосну. – Вам бы лучше ее убрать, портит вид.

Кристина повернулась спиной и направилась в дом. Убрать Иуду? Да что понимает этот рыжий?! Ее любимая сосна. Родная. Не справившаяся с жизнью, как она. Кристина слышала шаги риэлтора за спиной. У двери повернулась:

- Внутри необязательно фотографировать, там неприбрано.

- Это не имеет особого значения. Будущего собственника интересует качество ремонта, а не разбросанные вещи.

Будущего собственника? Да она расцарапает ему лицо, как только он войдет в дверь.

В гостиной Никита удивленно застыл. Неубрано? Даже стулья стояли на своих местах.

- Думаю, вы зря волнуетесь, здесь полный порядок и очень хорошее освещение, - Никита достал фотоаппарат.
- Мне бы не хотелось, чтобы фотографии моего дома попали в интернет.
- А как тогда мы будем продавать? – смущенно спросил Никита.
- Не мы, а вы, - подчеркнула Кристина. – Заметьте, я, хоть и риэлтор, но помогать вам не собираюсь.
- Вы риэлтор? – Никита удивленно посмотрел на нее. – Как-то не похожи.
- А вы тем более, - ехидно заметила она.
- Послушайте, но если мы коллеги, вы должны понимать, что фотографии привлекают внимание покупателей. А вам нужно продать, как можно быстрее, проценты растут... А рынок загородной недвижимости сейчас стоит.

Кристина отвернулась. Умом она все понимает, но сердце понимать отказывается. Этот рыжий знать не знает, сколько всего ей пришлось вытерпеть, чтобы получить этот дом.

- Меня вполне устраивает, если покупатели появятся не завтра, - она сцепила кулачки. – Будет время что-нибудь придумать.
- Наш бизнес непредсказуем, возможно, вы сделаете хорошую сделку и купите дом еще лучше. – Никита посмотрел на часы. – Если вы все же позволите, я бы пофотографировал внутри. А то мне еще баннер вешать, а я уже опаздываю на встречу.

Кристина почувствовала зависть. Черт! У него столько клиентов, сколько когда-то было у нее. А сейчас все прошло, и она как полная неудачница стоит и слушает этого рыжего.

- Какой еще баннер? – возмущенно спросила Кристина, сдвинув брови.
- Баннер, что ваш коттедж продается. Очень эффективное действие. Вдруг кто-то из соседей захочет купить...

Кристина почувствовала, что готова вырвать все его рыжие волосы. Эти кратовские выскочки будут показывать на нее пальцем и любой из них сможет прийти на экскурсию? Да ни за что!

- Никакого баннера не будет, я не хочу, чтобы соседи знали.

Нежная кожа Никиты пошла красными пятнами.

- Послушайте, я понимаю ваши чувства, но мне дали задание, и я должен его выполнить, а вы мне мешаете. Я позвоню в банк и расскажу о вашем...

- Поведении, - закончила Кристина. – Валяйте, жалуйтесь. - Она отошла к окну. Солнце скрылось, стало серо и слякотно. Так же, как у нее на душе. Ей не вырваться, судьба сделает ее все равно. Она резко повернулась.

- Ладно, фотографируйте, вешайте ваш баннер. Делайте, что хотите. – Она отправилась в гостиную, оставив Никиту одного. Лучше не видеть, как он это делает. Она выпьет рюмочку коньячку для успокоения нервов. Ведь не каждый день к ней приходит риэлтор.

Когда Никита, наконец, убрался, она решила выкурить сигарету и посмотреть, как смотрится баннер снаружи. Как и ожидалось, выглядело это отвратно. Половина резного балкончика была завешена белым полотном, на котором синим цветом значились большие буквы «дом продается», ниже шли цифры телефона Никиты. Она нервно сделала несколько затяжек, думая о своем позоре. Может, ей стоит сменить профессию? Стать профессиональным килером, а не дурацким риэлтором, зависящим от обстоятельств? Может, кукольник простит ей еще одно убийство? Интересно, сколько за это платят? Хватит ли, чтобы расплатиться с кредитом?

Она вдруг вспомнила о Сергее, звонок которого проигнорировала вчера, когда сидела в ресторане с Олегом. Он больше не перезвонил. Как раз есть повод. Она вытащила мобильник из кармашка и ткнула пальцем в знакомый номер.

- Какой сюрприз! – голос Сергея звучал с легкой издевкой. – Я вчера ждал твоего звонка.

- Извини, голова кругом.

- Моя малышка снова кого-нибудь накормила аспирином?

- Прекрати, а?

- Да ладно тебе, рассказывай.

Сбиваясь и путаясь, Кристина рассказала про кредит, про сорвавшиеся сделки, про то, что ее любимые Двенадцать сосен выставлены на продажу.

- Слушай, ну я же тебя предупреждал?! Ну что ты как маленькая.

- Сереж, помоги мне еще раз, я ... в долгу не останусь.

- Сколько ты должна?

Она назвала сумму. Сергей выругался. Повисло молчание. По лицу Кристины текли слезы.

- У меня нет столько денег и в долг никто не даст, - холодно заметил Сергей.

- Надо было слушаться старших.

- Но что мне делать?

- Продавай дом, на оставшиеся деньги купишь поменьше и подальше. Тебе главное развязаться с кредитом, пока тебя проценты по миру не пустили.

- Но я не могу без Двенадцати сосен, - в голосе Кристины звучали слезы, но ей было все равно. Пусть ругает ее, только поможет. – Ты меня всегда спасал, Сереж.

- Это было раньше. Сейчас кое-что изменилось.

Крестину вдруг осенило. У него кто-то появился. Вот он и разговаривает с ней, как с чужой.

- У тебя кто-то есть...

- Да, не хочу больше скрывать. Я собираюсь жениться.

Кристина обомлела. Сколько они не виделись? Три или четыре недели? Какая притя. С ней он встречался несколько лет и так и не созрел. Впрочем, на таких, как она, не женятся, таких берут в любовницы и бросают, когда попадают более подходящие для совместной жизни матрешки. Ладно, не велика потеря. Кристина вытерла слезы и нарочито спокойным голосом поинтересовалась:

- На свадьбу пригласишь?

- Чтобы ты купала невесту в шампанком? – Сергей искренне засмеялся, вспоминая эпизод в ресторане.

- Можешь не сомневаться, - Кристина тоже улыбнулась. – А как же с твоим заявлением, что у нас в связи общей склонности к убийствам родились бы боевые дети?

- Я решил стать честным человеком.

- О! И твоя невеста чиста, как ангел. Впрочем, мне плевать. Не до нее сейчас. Может, если ты вышел из игры, то меня познакомишь с кем надо. Мне очень нужны деньги, и я готова еще кого-нибудь угостить аспирином.

- Это опасная дорожка, девочка.

- Знаю. – Она сделала паузу. – Мальчик.

- Ну ты и наглая, Кристина. Я бы тебя отшлепал. Мальчиком меня еще никто не называл.

- Так ты им раньше не был.

- А ты становишься настоящей стервой.

- Для меня это комплимент.

- Пожалуйста. Для тебя ничего не жалко. Объясняю ситуацию, чтобы не обижалась. Устал я работать на мафию, а, если женюсь на этой малышке, буду греть пузо на вилле в Испании до конца дней моих.

- О, твоя невеста не только чиста, как ангел, но еще и богата. Тебя можно понять.

- Так получилось, - в голосе Сергея послышался отголосок прежней нежности. - И, вообще, если честно, ты мне, конечно, ближе по духу. Но жить с тобой, как на пороховой бочке.

- И мои Двенадцать сосен ничто по сравнению с ее виллой на берегу моря.

- Перестань сравнивать. – Его голос снова стал отстраненным. - Слушай, у меня вторая линия. Ты подумай еще и позвони мне, если ты готова предложить свои услуги. По старой памяти свяжу тебя с кем надо.

Послышались гудки. Кристина выключила телефон и закурила. Готова ли она снова рисковать своей жизнью? На этот раз, кроме денег у нее не будет никакой мотивации. Она посмотрела на баннер на доме, чтобы придать сил своему намерению. Даже попыталась погрозить ему кулаком, но рука опустилась. Нахлынуло отчаяние. Еще один человек ушел из ее жизни навсегда. Интересно, почему она раньше думала, что они с Сережкой поженятся? Сейчас это казалось абсолютно нереальным. Какая выйдет жена из убийцы? А дети? С бойцовским характером, как считал Сергей. Но, тем не менее, он собирается жениться на матрешке. Все они одинаковые. И Витка такой же.

Ну и пусть. Она справится и без них. Было бы у кого денег занять, чтоб ипотеку отдать. Все остальное неважно. Навстречу ей, опустив голову от ветра, шла высокая девушка со светлыми волосами. Некая схожесть с Мариной. Кристина задумалась: а сможет ли она убивать за деньги? Она посмотрела вверх на сосны, вдохнула такой родной сладкий запах. Как хорошо здесь будет летом. Жить где-нибудь в другом месте? Невозможно. Варианты? Никаких. Как и тогда в пятнадцать лет. Во всяком случае, честных. В кармашке куртки завибрировал мобильный.

- Как ты там, доченька? – от родного далекого голоса стало теплее. Ах, мама, мамочка, ты, верно, почувствовала, что мне плохо, вот и звонишь.

Придав голосу бодрость, Кристина принялась расспрашивать, как идет лечение, попутно увильывая от вопросов. Илария деловито перечисляла победы: прошла боль в тазобедренном суставе, гораздо лучше со спиной, и вчера она впервые за долгое время вышла к морю без палки. Они гуляют по берегу. У Иларии здесь много знакомых и за ней ухаживает один мужчина. Испанец. Кристина улыбнулась.

- На каком же языке вы разговариваете?

- На английском. Но он принес мне испанский разговорник, и я понемногу учу слова. Он исправляет мне произношение. Уже могу что-то заказать в ресторане.

Как было бы здорово, если бы они поженились, подумала Кристина и тут же ругнула себя. А вдруг он такой же больной?

- Mam, a он тоже лечится?

- Нет, доченька. Он здоровый. Бегает по вечерам по набережной. - Кристина затаила дыхание, сжала кулачки. Пусть он полюбит ее, пусть они поженятся, пусть у мамы, наконец, будет свой кусочек счастья.

Кристина воспрянула духом. Возвращаясь домой, уже смогла погрозить баннеру кулаком: я не позволю никому купить мой дом. Я буду делать все что угодно, и, если понадобится, даже убивать.

Она вошла в гостиную, включила свет и замерла. На стульях сидели двое. Марина и отец.

Кристина потрясла головой, но все осталось по-прежнему. Марина в платье в полоску с распущенными волосами и папа в знакомом ей сером костюме и рубашке с голубым галстуком. Такой же, как он остался в памяти двенадцатилетней девочки. Рука его лежала на плече Марины, словно он ее защищал.

Кристина замерла.

- Иди сюда, дочка, - послышался родной папин хрипловатый голос. – Настала пора во всем разобраться. – Марина немного склонила голову на его плечо, и Кристина ощутила ревность. Привыкла считать себя единственной дочерью. Папина любовь, папино внимание – все только для нее. Как же она тогда ошибалась.

- Как ты мог?! – прохрипела Кристина, не узнавая свой голос. – Как ты мог предать нас?! Мама верила тебе, а ты завел другую семью.

- Так иногда случается, - Кристина явно чувствовала грусть и сожаление. - Ты должна знать, уже взрослая.

Кристина вдруг вспомнила Витьку, свое неумное, совсем неженское желание. Наверно, так же было и у отца когда-то. Кристина медленно направилась к столу, мелькнула мысль, что надо бы сделать чаю. Только вот пьют ли чай призраки?

- Иди сюда, Кристина, - отец снял руку с плеча сестры и поднялся ей навстречу. Когда они оказались рядом, Кристина ощутила, что выросла и теперь была лишь немного ниже отца. А раньше он казался ей высоким.

- Пап, это, правда, ты?

- Конечно, милая. Надо верить себе.

- Я схожу с ума. Сначала она, потом ты. Но я не знала, что она моя сестра. – Кристина посмотрела на Марину и удивилась, что та смотрела на нее не так, как всегда, а с пониманием, словно жалела ее.

- Знаю, - отец подвел ее к столу и усадил так, чтобы она могла видеть их обоих. У Кристины что-то случилось со зрением, исчезла четкость, словно в глаза закапали. – Ты сделала то, что казалось тебе правильным. Это был твой выбор и, - он кивнул на Марину, – ее. Ваши судьбы должны были пересечься, чтобы каждый сыграл свою роль. Но речь сейчас не об этом. Ты должна остановиться. То, о чем ты думаешь, неправильно. Это не выход.

Кристина вдруг осознала, что отец непостижимым образом узнал ее мысли, которые появились в ее голове лишь после прихода риэлтора.

- Но я должна спасти дом! – Кристина не удержалась от оправданий. - И мама у меня на руках. Я не могу позволить, чтобы она осталась на улице. Ты ведь не знаешь, что произошло.

Отец грустно кивнул.

- Ты хорошая дочь, отлично ее поддерживаешь.

Кристина не знала, сколько они повели времени, обмениваясь мыслями и показывая друг другу картинки.

Потом отец и Марина встали из стола и ... растворились в воздухе.

Кристина почувствовала жуткую усталость, словно не спала неделю. Не было сил даже добраться до дивана. Голова сама собой опустилась на руки, и она провалилась в сон, устроившись на стуле. Кристина встала, потянулась. Несмотря на неудобную позу, ей было удивительно хорошо. Отец появился, чтобы уберечь ее.

Ворона должна остановиться.

Глава 39

В ту ночь Кристина удивительно хорошо спала, а утром чувствовала себя так, словно стала ребенком, и в ее жизни снова появился тот, кто позаботится о ней лучше, чем она сама и все неприятности скоро разрешатся. Выполнение обычных упражнений превратилось в некий приятный ритуал, она с удовольствием наблюдала, как хорошо работают мышцы, как глубоко дышится, и как с каждым движением в ее тело вливается сила. Не думалось о том, что сегодня, как и вчера, нужно садиться за обзвонку, снова получать бесконечные отказы, наталкиваясь на наглых риэлторов, раньше нее успевших отхватить лакомые куски. Сегодня, совсем как раньше, казалось, что в свое время ей позвонит тот, кто должен позвонить, и об этом вовсе не надо беспокоиться. И, вообще, все в ее жизни правильно и хорошо, даже если вчера это же все казалось несправедливым.

А была ли, вообще, вчерашняя встреча? – задумалась Кристина или это было сном наяву? Неважно, отмахнулась она. Ей хорошо и ладно. Последнее время ей так редко бывало хорошо.

А, может, сегодня по случаю такого удивительного настроения стоит отключить телефон и отдохнуть? Сходить в лес погулять, а потом, налив

чашку горячего зеленого чая, завалиться с ноутбуком на диван и писать, писать, пока не устанут бегать по клавиатуре пальцы и будут мысли в голове. И пусть ее роман никогда не выйдет в печать, у нее все же есть виртуальные читатели, которые спорят, переживают и очищаются, проходя вместе с ней через ее жизнь, полную грязи и ошибок. И, может быть, правдивая история убережет их от подобного пути. Ко всему прочему был еще один приятный момент. Теперь, когда она решила переписать роман, она могла вновь пережить волнующие моменты, которые были у них с Витькой и даже немножко пофантазировать.

Кристина допивала третью чашку чая, а вокруг валялась кучка оберток от конфет. Погружение в прошлое было настолько глубоким, что временами ей казалось, что она чувствует вкус Витькиных губ, наглый язык и нахально-нежные пальцы, которые успевали погладить каждый сантиметр горячей от возбуждения кожи.

Развернув еще одну конфету, Кристину осенило, что с отсутствием секса, она превращается в Корзину. По статистике неудовлетворенные женщины пытаются компенсировать нехватку нежности сладким. Да уж, раньше ее и вовсе не тянуло на сладкое. Скорее на горькое и соленое. А теперь-то вот как получилось. Ну и пусть. Даже если она поправится, то ее это волнует гораздо меньше, чем раньше. С отъездом Витьки исчез вкус к жизни, пропала необходимость быть красивой и ухоженной. Она взглянула на облезший лак на ногтях. Когда последний раз она делала маникюр? Кажется, когда ходила с Олегом в кафе. Нужно срочно выходить на работу, подумала она, сделав последний глоток чая и вновь углубляясь в файл, делая нужные поправки. Как же хочется секса с Витькой и наплевать, что он женат. Это ведь его дело, а не ее. Так хочется...

Кристина не сразу услышала звонок в домофон. Кто это мог быть? Она уже успела забыть этот мелодичный звук. Как давно у нее последний раз были гости? И сама же хихикнула. Вчера. Папа с сестренкой. Да вот только им двери и стены вовсе не преграда. Домофон продолжал настойчиво звонить. Она накинула куртку и выбежала к калитке. На пороге мужчина лет сорока с несколько напряженным выражением лица.

- Продаете?

- Что продаю? – не сразу сориентировалась Кристина, почему-то пытаясь вспомнить какие квартиры у нее висели в рекламе.

- Ну как что?! Дом, конечно.

- А-а-а, дом, - она не смогла скрыть разочарования в голосе. – Откуда вы узнали?

- Но у вас же баннер висит на балконе. Вы что, не хозяйка? Я посмотреть хотел.

- Хозяйка, я просто не ожидала, что вы придете без звонка.
- Да я звонил. Ваш риэлтор сказал, надо заранее созваниваться, он сегодня занят, показать не может. А я свет увидел в окне и решил рискнуть. Мне риэлтор-то без надобности.
- Знакомое дело, - кивнула Кристина.
- Ну так что, посмотреть можно? Вы продаетесь или нет?
- Я – нет, а дом, к сожалению, выставлен на продажу. Проходите. – Кристина посторонилась.

Мужчина вошел на участок, посмотрел на сосны, на дом. Остановил взгляд на сосне-Иудушке.

- А почему вы ее не уберете? Я хороших ребят знаю. Аккуратно сделают.
- Если кто купит, сам уберет. А я считаю, что эта сосна имеет право на жизнь.

Кристина скрестила руки на груди, пытаясь унять забившееся сердце. А вот и первый покупатель. А вдруг ему понравится. Как же она будет жить без своих Двенадцати сосен?

- Вы какая-то странная, - заметил мужчина. – Не решили еще продавать или нет?
- За меня решили, - коротко ответила Кристина. – В дом пойдете?
- Если пригласите. Хотелось бы отделку посмотреть и планировку. Симпатичный коттедж.

Кристина пошла вперед быстрыми шагами. Еще не хватало слышать то, на что она сама купилась. Покупатель явно никуда не спешил, задавал бесконечные вопросы. А потом вдруг пристально взглянул в самые глаза Кристины:

- А вы ведь не хотите продавать, правда?
  - Это относится к делу?
- Он смущенно улыбнулся.
- Не хотел признаваться. Да я, вообще-то, не покупатель.
  - А кто?
  - Не пугайтесь. Такой же продавец, как и вы. Зашел из любопытства посмотреть, что вокруг меня продается. Ну, чтобы руку на пульсе держать, цену правильную выставить.
  - Вам нужен хороший риэлтор, чтобы людям голову не морочить, - Кристина еще сама не знала, разозлилась она или обрадовалась.

Пока назвавшийся покупателем обходил дом, она рассматривала его. Скорее по привычке, чем из интереса. Такие мужчины ей никогда не нравились тем, что напоминали ленивых домашних животных. Вот и этот типчик, наверняка, сразу после работы бежит домой к телевизору с пивком, от чего у него небольшое брюшко, потом с удовольствием поедает приготовленный

супругой ужин и вновь укладывается, чтобы подремать под любимую передачу. От такого не жди, что набросится с порога и возьмет, не доходя до постели. У него размеренный супружеский секс по выходным или, в крайнем случае, вечером после душа. На его кругловатом тщательно выбритом лице полная удовлетворенность жизнью и скука. В выходные ходит в зоопарк с детьми и вяло ругается с женой, чтобы совсем не расслабиться.

- Простите, что отнял у вас время. Я на ваш коттедж давно засматривался. Еще когда на озере загорал. Интересно было, как тут внутри. А хорошего риэлтора сейчас днем с огнем не сыщешь. Все хотят комиссию срубить, а работать не желают. Показывай сам, рекламу давай, документы собери. А за что тогда платить, если я сам все сделал? Вот вы за что риэлтору платите? Неужели сами не можете пару объявлений кинуть?

Кристина не смогла сдержать улыбки.

- У меня другая ситуация. А где находится то, что вы продаете?
- На Чехова. Знаете?
- Конечно. Я местная.
- Вот мне и кажется, что я вас где-то видел.
- На озере.
- Возможно. Лицо знакомое. Так, может, скажете, почему продаете?
- А вы почему?
- С женой развожусь.
- Такое бывает? – удивилась Кристина, как обычно подумав о Витьке.
- Еще как бывает. Дочку жалко, мне-то не отдадут, а жена снова замуж собралась. Любовь у нее, видите ли. Кто вас, женщин, поймет, что вам надо?
- Да и вас, мужчин, понять сложновато, - Кристина почувствовала неожиданную симпатию. Даже жалость. Интересно, почему женщины не ценят своего тихого семейного счастья? Наверняка, супружница нашла какого-нибудь мачо, чей феерический секс постепенно исчезнет, как только появится возможность вкушать его каждый день.

Вспомнив о жене, покупатель погрузился, направился к двери, потом вдруг оглянулся.

- Извините меня за вторжение.
- Ничего. – Кристина вдруг поняла, что не хочет, чтобы он уходил. Наверно, ей просто осточертело быть одной. Захотелось поговорить. Видимо, ему тоже, потому что он топтался на месте.
- А вы-то почему продаете, если не секрет?
- Не секрет. С банком попала. Проценты платить нечем.
- Так вы этот коттедж в ипотеку взяли?
- Нет. Взяла кредит под него. Думала, что справлюсь. Но знаете, говорят, ипотека – дорога в ад. Это правда. Никогда не берите.

- А что случилось? Работу потеряли?
- Наверно, можно и так сказать. Клиентов нет.
- А чем занимаетесь?
- Недвижимостью, - она улыбнулась уголками губ, еле удерживаясь от смеха и анекдотичности ситуации.
- Недвижимостью?!
- Да-да, риэлтор, о работе которого вы только что так нелестно отозвались. Только я на просмотрах всегда присутствовала и рекламу сама давала. И мои клиенты всегда после сделки мне говорили, что без меня бы не обошлись.

Мужчина выглядел смущенным. Переминался с ноги на ногу, чувствуя, что вляпался. Было заметно, что он с трудом справляется со сложными ситуациями. Не борец. Работает явно не там, где челенж нужен. Бухгалтер какой-нибудь или инженер. Чистый исполнитель. Кристину вновь охватила жалость. Что она на него накинулась? Она только рот открыла, чтобы предложить чаю попить, как он вдруг застенчиво произнес:

- Так, может, вы это... мне поможете дом продать?

Кристина нахмурилась.

- Знаете, это вряд ли. У меня сейчас период невезения. Думаю работу поменять.

Некоторое время он внимательно рассматривал ее.

- Мне кажется, это у вас временное. Может, возьметесь за меня? Я неудачник, вы недачица. Минус на минус дает плюс. Сколько стоят ваши услуги?

Кристина расхохоталась. Ну, вот и дождалась нового определения. Хотя при ее-то судьбе, наверно, так и есть. Удача в том, что она еще на свободе, а не в тюрьме. И даже еще пока в своем доме, а не на выселении. Кукольник чрезвычайно любезен.

- Мои услуги стоят дорого, забудьте о них, - махнула она рукой с облезлыми ногтями. — Могу я предложить вам чаю?

Удивительное дело, когда клиентам отказывают, они начинают канючить. Так же и этот.

- Дорого это сколько? Ведь не дороже денег?! Неужели пять процентов от стоимости?
- Десять, - Кристина по привычке сделала паузу. Вспомнился Мухин. Учил ее, когда они только начинали. Объявила большую комиссию и жди. Не оправдывайся, не объясняй, что ты вся отдашь за эти деньги. Держи паузу. Здесь, кто первый заговорил, тот проиграл. Она молча смотрела в окно на сосны. Хорошо, что этот товарищ не покупатель. Надо же, даже про чай забыл.

Прошло еще немного времени.

- Но это же грабеж?! Никто не берет столько денег. Знаете, неудивительно, что у вас нет клиентов.

Пауза. Никогда это упражнение не давалось Кристине так легко. Она совершенно не собиралась помогать этому неудачнику, записавшему ее с собой в одну когорту. Никогда в жизни минус на минус плюс не дает. Еще больший минус – да. И она все же, если уж неудачница, то временная. И, вообще, десять процентов никто не брал. То есть брать – брали, но не объявляли. Пять было слишком много, в основном работали за три, а то и за два.

Чай по-прежнему забыт.

Послышался вздох.

- Вы так и не сказали, как вас зовут.

- А должна была? Вы не спрашивали. – Улыбаться уголками губ уже не получалось, они растягивались в широкую улыбку.

Пауза.

- Хорошо, как вас зовут?

- Кристина.

- Михаил.

- А я ваше имя не спрашивала.

Они смеялись вместе до слез. Кристина обрадовалась, что не накрашена. Все бы потекло. Кстати, когда она последний раз красилась? Отсмеявшись, она снова предложила чай.

Михаил вытер платком лоб.

- Может, вы все-таки согласитесь взглянуть на объект продажи. К тому же я варю вкусный кофе.

- А вы что, уже согласны на десять процентов?

- Конечно, нет.

- Тогда зачем же смотреть? Если вы желаете кофе, у меня прекрасная кофеварка.

- А вы знаете, что пьете бездушный кофе? – Кристина удивленно приподняла брови. – Да-да! Не удивляйтесь. Кофе издревле считается волшебным напитком, и когда вы варите его в турке на огне, помешивая, вы вкладываете в него частичку своей души, или если вы не верите в душу, то свою энергию. В этот момент вы можете вложить туда необходимое вам вдохновение, если вы музыкант или писатель.

Кристина потянулась к куртке.

- Считайте, что вы меня убедили. Вдохновение мне просто необходимо.

Кофе оказался действительно великолепным, в меру крепким, сладким и горячим. Они пили его из темно-синих чашечек, отделанных золотым ободком. Поставив чашку на стол, Кристина взглянула на Михаила.

- Ну что ж, спасибо за вдохновение. Пойду к себе и допишу свой роман.

- Вы пишете? – в карих глазах удивление плюс восхищение. – Почитать дадите?

- Вряд ли вам будет интересно. Это смесь детектива с любовным романом. Скорее женское чтиво, чем мужское.

- Вы профессиональный писатель или любительница?

- Выкладываю в интернете, люди читают, пишут отзывы.

- Ссылку кинете?

Как он настойчив, подумала Кристина. То хочет, чтобы я ему дом продавала, то книгу мою хочет почитать.

- Нет, вам не понравится.

- Знаете, что я думаю?! Вы все время мне отказываете.

- Так получается, - Кристина пожала плечами и лукаво улыбнулась. – Я вряд ли могу быть вам сейчас полезна. Период у меня такой.

Некоторое время Михаил что-то обдумывал. Даже поднес пустую чашку ко рту и пытался из нее накапать в рот. Потом понял, поставил на блюдце.

- О кей. Я согласен.

- На что?

- На ваши грабительские проценты. Жена, конечно, будет против, но я заплачу из своей доли.

Кристина открыла рот, чтобы напомнить, что она не в форме, но, прикинув сумму продаваемого дома, подсчитала комиссионные и призадумалась. Внезапно в голове появилась идея. Можно ничего не делать. Тех покупателям, которые придут к ней, перенаправлять сюда. Никто не откажется пройти триста метров, чтобы посмотреть еще один дом, хотя бы для сравнения. Можно даже договориться с Никитой. Сказать ему, что тот дом хуже и дороже, и, посмотрев его, покупатели обязательно сделают правильный выбор в ее пользу. Двенадцать сосен станут приманкой. Тем более, банк дает платную рекламу во всех печатных изданиях, какую она сама бы никогда не осилила.

- Да что же вы молчите?! – напомнил о себе Михаил.

- Размышляю, действуют ли законы арифметики в жизни.

- Что?

- Пытаюсь убедить себя, что минус на минус дает плюс. Помните, вы говорили, что я неудачница, вы неудачник...

- О, забудьте. Я сделал подобное предположение, потому что знал вас недостаточно хорошо. Но вы так мастерски продаете себя, что я понял: вы можете продать все, что угодно и по любой цене. А мне нужно разъехаться с

женой и начать новую жизнь. Уверен, ваши неудачи временные. Они были нужны, чтобы привести вас ко мне. Я молился сегодня о помощи, и вот она пришла в вашем лице.

Кристина неожиданно почувствовала себя лучше. Неизвестно, продаст она этот дом или нет, но она выиграла первый и самый сложный раунд по переговорам с заказчиком, объявив самую высокую цену за свои услуги.

- Ну так с чего мы начнем осмотр? – спросила она, надевая непроницаемую маску риэлтора и сосредотачиваясь, чтобы ничего не упустить.

Глава 40

Иногда бывает, что не везет. С этим можно смириться и переждать. Но что делать, если период «иногда» затягивается и угрожает превратиться в «навсегда»?

Кристина, подперев голову руками с безупречным маникюром, смотрела в стол, пытаясь справиться со слезами. Прямо перед ней лежала распечатка прозвоненных квартир, которую она подготовила для своего теперь уже бывшего клиента, который передумал менять свою двушку на трешку.

Передумал, нашел другого агента, изменились обстоятельства, решил отложить на полгода, заниматься сам, продать подороже: список полученных отказов можно продолжать до бесконечности. Кристина подняла глаза и некоторое время тупо смотрела в базу виннер, не видя строк, испытывая одно единственное желание: двинуть по компьютеру кулаком и сбежать из офиса.

Прошло два месяца с тех пор, как они с Олегом устроились в новое агентство «Мир квартир» по рекомендации. За это время ее знакомый успел провернуть одну сделку - стыковку, показал квартиру из базы случайно позвонившему клиенту, и заключил три договора, из которых два были реальными на сто процентов. Кристина только получала отказы. Доходило до смешного: они с Олегом дежурили вместе, секретарь соединял их с клиентами по очереди. Олегу доставались реальные звонки, с которыми можно было работать, Кристине только консультации и нереальные варианты вроде: хочу переехать из двухкомнатной в трехкомнатную в том же районе, но без доплаты.

Последний клиент Кристины – продажа двухкомнатной на Пражской – вчера решил сделать ремонт и поднять цену на миллион и это на следующий же день после получения аванса и обговаривания дня сделки.

- Кристина, ну не расстраивайся ты так, - тронул ее за плечо Олег. - Хочешь, я тебе чаю сделаю или кофе? У меня печенье есть.

Кристина скривилась.

- Я лучше покурю, а ты оставайся на телефонах, - прихватив пачку сигарет и зажигалку, она вышла на улицу. Офис «Мира квартир» находился в помещении бывшей трехкомнатной квартиры на первом этаже, и все здесь ей нравилось и расположение, и место для парковки и даже реклама, которую давало агентство. Здесь можно было заработать денег.

Но у нее не получалось. Кукольник был против.

Заметив, как на парковку подъехал черный джип директора, Кристина спряталась за угол. Сейчас ей не до вопросов, почему у нее нет сделок и не до намеков, что она занимает чье-то место.

Кристина посмотрела на голубое небо с проплывающими белыми пушистыми облачками. Первое июня, уже тепло, что было заметно по участвовавшим просмотрам Двенадцати сосен. Каждый звонок Никиты, что сегодня придут клиенты, раздирал душу. Нужно отдать должное ему, как риэлтору, что он каждый раз лично присутствовал на просмотрах, пытаясь продать ее дом. Несколько клиентов они вместе сводили к Михаилу, но каждый из них говорил, что ее дом намного лучше своей близостью к озеру и соснами. Однажды Никита уже потирал руки от близости сделки, а Кристина провела бессонную ночь, прощаясь с соснами, но у клиентов сорвалась сделка по продаже квартиры, и они остались без денег. Каждый раз после очередных просмотровщиков, Кристина тщательно мыла полы и проветривала комнаты. Она понимала, что это глупо, но ничего не могла с собой поделать. К тому же это занимала время и давало ощущение, что она хоть что-то делает. Безделье сводило с ума и вгоняло в депрессию.

Когда Кристина вошла в офис, Олег разговаривал по телефону. Судя по репликам и по серьезному лицу, это был реальный клиент. Она закусила губу от досады, что так невовремя вышла покурить, когда была ее очередь принимать звонок. Олег положил трубку и посмотрел на Кристину.

- Ну как? – спросила она.

- Реальная тетка звонила, двушку хочет продать на Войковской. – Олег уставился в компьютер. – Цена вроде ничего. Я договорился посмотреть съездить. - Он собирался что-то еще сказать, но в комнату вошел директор.

- Кристина, мне нужно с тобой поговорить, - вид у него был слишком серьезный, чтобы предположить, что это будет обычный разговор. Он пододвинул стул и сел. – Как у тебя дела?

Кристина вздохнула.

- Похоже, никто не хочет работать со мной.

Повисла пауза. Начальник прочистил горло.

- Боюсь, я не смогу дальше держать тебя здесь. Не знаю, что происходит, но у тебя все срывается, а мне нужен план. С меня тоже спрашивают.

- Понимаю, - Кристина схватилась за сумку.

- Подождите! – заговорил Олег. - Сейчас клиентка звонила, реальный вариант. Я договорился на просмотр. Но это был звонок Кристины. Вот, - он перегнулся через стол и положил перед ними бумажку с адресом. – Готова заключить договор на месте.

Начальник, скользнув взглядом по корявому почерку Олега, покачал головой и вышел. Кристина нерешительно смотрела на листочек. Вариант и в самом деле был неплох. Она подняла глаза на Олега:

- Езжай лучше сам. Ты же с ней договорился.

- Для тебя это сейчас важнее, - он кивнул в сторону директорского кабинета. Она улыбнулась.

- Спасибо тебе. Я в долгу не останусь.

- Знаю, поспеши.

Кристина начала собирать сумку, потом сходила к начальнику и пропечатала пустые договора. Когда вышла, Олег с кем-то разговаривал, она кивнула ему и взяла сумку. Олег повесил трубку и, нахмурившись, посмотрел на нее.

- Тебе не надо никуда ехать. Тетка передумала. Ей, видите ли, дочь позвонила, продажей квартиры будет заниматься ее знакомая.

Кристина медленно опустилась в кресло и начала рвать договора на мелкие кусочки. Потом тщательно собрала их и бросила в урну. Поднялась. Обвела прощальным взглядом стены. С нее хватит унижений.

- Сейчас дежурство заканчивается, давай кофе попьем, - предложил Олег.

Она перекинула ручку сумки через плечо.

- Я лучше дома выпью... водки. За то, что ухожу из большого спорта.

По дороге в магазин Кристина решила, что возьмет не водки, а пива, а потом сядет на берегу озера и выпьет за то, что с недвижимостью покончено. Сегодня был очередной знак, который невозможно игнорировать. Пора заняться чем-то другим. К тому же ей уже тошно от всего, что связано с риэлторством. В конце концов, можно попробовать получить какое-нибудь образование. Правда, к тому времени ей будет тридцать с лишним. И кто будет деньги зарабатывать, пока она будет учиться?

Солнце, выскочив из-за сосен, заставило ее прищуриться. Как хорошо, что наступило лето. Скоро можно будет купаться. Надо только как-то решить вопрос с работой и все будет хорошо. Внутренний голос поспешил высказаться, что новые хозяева могут выставить ее из дома, не дожидаясь

начала купального сезона. Она с жадностью оглядела сгрудившиеся над озером сосны, вдохнула сладкий запах. А я ведь не смогу жить без всего этого. Сердце привычно защемило, усталый мозг попытался найти выход.

На двери магазинчика висело объявление: «Требуется продавец». Кристина уставилась на объявление, забыв, зачем пришла. Она, конечно, всегда считала, что работать продавцом не для нее, но сейчас ей просто необходимы деньги на еду и бензин. Это, конечно, не решит проблем с кредитом, но ее последняя заначка подходила к концу.

- Девушка, вы так и будете стоять? - раздался визгливый голос сзади. Кристина отошла от двери и смерила взглядом входящую женщину: низенькая, пухленькая с яркой помадой на тонких губах и презрительным выражением лица. Кристина закурила сигарету и задумалась. Когда сигарета превратилась в окурок, решение было принято, если ее возьмут, она выйдет на эту работу. Когда нагруженная пакетами пышка вышла, Кристина вошла в магазин и, взяв три пива, попутно предложила свои услуги. Продавщица покосилась на пиво, но вызвала директора. С директором – благо он был мужского пола и как, оказалось, знал Кристину, как постоянную покупательницу, - они поладили быстро.

Настроение у Кристины слегка улучшилось. Прекрасный день: одну работу потеряла, зато другую нашла. Зарплата, конечно, оставляет желать лучшего, но хватит на еду, бензин и сигареты. В голове возникла мысль, что она уже пристрастилась к курению, но думать об этом не хотелось. Жизнь наладится и брошу, решила она. Надо учиться жить сегодняшним днем: а сегодня у нее были и озеро, и сосны, и даже работа.

Когда Кристина допивала третью бутылку пива, на берегу возник Михаил.

- Какие люди! – смерила его Кристина взглядом. - Угостила бы пивом, да вот все выпила, - она мотнула головой в сторону валявшихся на траве бутылок.

- Однако, - Михаил пересчитал бутылки и посмотрел на Кристину с подобием уважения. – Пьете вы не по-женски.

- А я и не женщина, - хмыкнула Кристина.

Карие глазки Михаила осторожно ощупали ее фигуру, но не продвинулись дальше ремня на джинсах. Видимо то, что ниже, было большим табу.

- Скажете тоже. Фигура у вас, любая позавидует.

- Фигура к делу не относится. Это ошибка кукольника.

- Кого?

Кристина закатила глаза к начинавшему темнеть небу.

- Я называю его кукольником.

– Наказания не боитесь?

- Уверяю вас, уже наказана, - она легко поднялась с бревна и потянулась. – Михаил поглазел в сторону озера и решил сменить щекотливую тему.
  - У вас что-то случилось? Ведь не просто же так девушка устраивает такую пьянку на берегу озера в одиночестве.
  - Я завязала с продажей недвижимости и устроилась на работу в магазин на станции. Так что заходите ко мне за пивом. Обещаю держать для вас пару бутылок в холодильнике, - она насмешливо уставилась в его удивленное лицо. – Так что с продажей дома на меня не надейтесь. Могу порекомендовать Никиту. Вы его видели, мы вместе приходили на той неделе.
  - Мне он не понравился. Слишком прогибается под клиента, - заметил Михаил.
  - Может и надо прогибаться?! Я вот не прогибаюсь и без работы.
  - Я не знаю, что у вас случилось, - осторожно начал Михаил, но мне кажется, у вас все получится. Так что имейте в виду, я по-прежнему рассчитываю на вас и сам рекламу не даю.
- Кристина улыбнулась, почему-то ей это было приятно.
- Вы не дадите мне уйти в отставку.

Возникла пауза. Когда Михаил появился на озере, Кристина хотела послать его за пивом и продолжить вместе. Но вдруг вспомнилась чередя поступков, которые случались после того, как она перебирала. Механизм требовал срочной остановки. Она протянула руку:

- Спасибо за доверие. Мне уже пора. Завтра с утра на новую работу.
- Он пожал ее руку двумя ладонями.
- Помните, что я надеюсь на вас. Все ваши неудачи временные. В любом случае успеха с новой работой.

Кристина побрела к дому, в котором не светилося ни одно окно. Хотела бы я верить, что неудачи временные. Все были бы такими клиентами, тогда бы и проблем с кредитом не возникло.

Глава 41

Утром Кристина проснулась в хорошем настроении. Сунула ноги в кроссовки вместо тапочек, натянула майку и лосины. Что может быть лучше утренней пробежки вокруг озера в летний денек? Было еще прохладно, но солнечно. Радостно заливались птички. Кристина привычно пробежала три круга, слегка задохнувшись. Мысли несколько раз крутились вокруг новой

работы. Как-то все оно будет? И справится ли она, ведь она никогда не работала продавцом? Эта работа, конечно, не для нее, но ей нужны хоть какие-то деньги. Надоело экономить каждый рубль. Дома даже кофе закончилось. Пришлось выпить зеленого чая с жасмином и съесть овсянку на воде. Мама бы сказала, что очень полезно.

Кристина оделась попроще, слегка подкрасилась и, мурлыча песенку, отправилась по берегу озера на работу. Магазин еще был закрыт, и она постучала в дверь. Открыла вчерашняя продавщица. На невыспавшемся лице при взгляде на Кристину недоумение.

- Я на работу, - напомнила Кристина. Та удивилась еще больше.

- Но он уже... - замялась женщина, потом посторонилась. - Входи, я позвоню директору.

Кристина почувствовала неладное. Вошла. За прилавком расставляла товары показавшаяся знакомой девушка с хвостиком.

Продавщица, набрав номер, ушла в подсобку. Кристина тупо смотрела на холодильник, заполненный пепси, фантой и пивом. Мысли остановились в тревожном ожидании.

Продавщица вышла, пряча телефон в карман синего халата.

- Послушай, ты извини, что так получилось. Наша прежняя продавщица вернулась. Что-то не сложилось у нее на новом месте. Директор сказал, пусть лучше она работает. Тебя еще обучать надо, а эта все знает.

Кристина не могла выдать из себя ни слова, горло перехватило.

- Да ты не расстраивайся. Другую работу найдешь. Здесь платят мало, - пыталась утешить ее женщина.

- Конечно, - наконец пробормотала Кристина, желая поскорее оказаться подальше отсюда. От нового позора и нового отказа. Кажется, изощренным издевкам кукольника не будет конца. Она медленно повернулась и вышла из магазина. Как только оказалась на улице, вытащила из пачки сигарету и закурила. Сигарета была предпоследней. В кошельке еще оставались пара тысяч рублей. Их надо поберечь для оплаты мобильного, чтобы поддерживать связь с мамой.

Девушка медленно дошла до другого магазина, положила тысячу рублей на мобильный и купила блок сигарет. На оставшиеся деньги приобрела банку кофе и батон белого хлеба. В кошельке осталась лишь мелочь. Она вышла на улицу и посмотрела в небо. Ну что, кукольник, доволен? Ты сделал со мной что хотел. Но я не сдамся. И денег занимать не собираюсь.

Кристина вернулась домой, приготовила себе кофе и с наслаждением выпила. Сделала обзор шкафов. Остались гречка, макароны, горох и немного овощей.

Хорошо, что последнее время аппетит пропал. Пару недель проживет. Что будет дальше, думать не хотелось.

Поднялась к себе и включила ноутбук. До окончания книги осталось совсем немного. А не умертвить ли героиню голодной смертью? – нервно хихикнула Кристина. Интересно, сколько пройдет времени прежде, чем ее найдут? Хотя, что думать об этом? Она не может так поступить с мамой. Она несет за нее полную ответственность. Ее вдруг, впервые в жизни, охватило раздражение. А ведь она с четырнадцати лет, только и делает, что борется за выживание. Живет с оглядкой на маму. Старается, чтобы ей было хорошо. Но ведь это неправильно. Это было слишком много для четырнадцатилетней девочки и это много для нее теперь. И ведь она победила бы в этой борьбе, если бы не осмелилась расправить крылышки и помечтать о том, что можно справиться с болезнью. Она настолько поверила в это, что даже заставила поверить маму. А еще она поверила в себя, в свои силы и свою удачливость. Думала, что справится, у нее появится стимул, она будет много и хорошо работать.

Рассчитывала на одно, получила другое. Кукольник всегда окажется лучшим игроком. Если хочешь наказать меня, наказывай. Я больше не стану даже пытаться заработать денег и посмотрим, что будет. Я больше не могу получать отказы, у меня нет сил для борьбы. Ты отнял у меня все, что мне было дорого и всех, кого я любила. Ты отнял все, кроме уверенности в себе. Но я еще не проиграла, это всего лишь перерыв. Мне нужно время для себя самой, время зализать раны.

Кристина села за стол. Последняя глава. Потом вычитка. И пусть спорят интернетные читатели за ее судьбу. А сейчас, несмотря ни на что, она побудет немножко в своем мире, где есть тепло Витькиных рук, где они хотят друг друга, несмотря ни на что и вопреки всему. И этого не отнять ни одному кукольнику. Это у нее в сердце и на кончиках пальцев, прикасающихся к клавишам, и это передастся в сердца читателей и, может быть, кому-нибудь станет немного теплее. И неважно, что Витька забыл ее и никогда не будет с ней, воспоминания оживут, если хочет автор.

Целую неделю Кристина дописывала и переписывала, правила и улучшала, пока не поняла, что исповедь готова и больше уже невозможно подобрать лучших слов и не заметить ошибок, даже если они есть. Она загрузила файл в Самиздат и спустилась в гостиную выпить кофе. Загрузив последнюю порцию зерен в кофемашину, вздохнула. Завтра придется обойтись без любимого напитка. Хотелось курить, все-таки реклама оказалась права, курение вызывает привыкание, но у нее слишком много гордости, чтобы выйти к озеру и стрельнуть у кого-то сигарету. Уж если решила терпеть,

надо терпеть. Пока у нее оставалось любимое занятие, вынужденная аскеза почти не раздражала. Ела она мало, один раз в день, макароны или гречку. А вчера вот гороховый суп сварила, получилось невкусно без зажарки и картошки, но она, занятая своими мыслями, ела машинально.

С чашкой кофе в руках Кристина уселась под кронами Петра и Павла. Похоже, ей уже недолго осталось здесь жить. Вчерашним покупателям - молодой паре с сынишкой - похоже, понравился дом, они долго ходили, цокали языками, планировали убрать сосну-Иудушку, спускались к озеру, снова возвращались. Никита суетился возле, забегал то вперед, то притормаживал сзади, в общем, вел себя, как настоящий агент, который почувствовал добычу и которому до смерти надоели ее Двенадцать сосен. Кристина оставалась безучастной наблюдательницей, чувствуя лишь, как глухо бьется в груди сердце. Один раз к ней подбежал мальчик и уставился прямо на нее.

- Теть, а что ты здесь сидишь?

Кристина улыбнулась.

- Нравится мне здесь сидеть.

Улучив свободную минутку, Никита подошел к ней.

- Кристина, вы что-то э-э-э плохо выглядите?

- Спасибо за комплимент.

Агент смутился.

- Не понимаю, отчего ваш дом не продается. Столько денег ушло на рекламу, и место такое хорошее. Лето сейчас, красотища вокруг.

Кристина промолчала. Это, наверно, от того, что к ней не приходит денежный поток. Уж если ее не взяли на работу в магазин, то о чем можно говорить? Хотя сейчас, может быть из-за появившейся слабости, у нее почти иссякла способность сопротивляться. К тому же вчера на своем месте появилась Марина. Увидев ее, Кристина пролила чай на руку. Остановилась, так и не дойдя до стола.

«Тебе не нужно было меня убивать. Это мой дом, а не твой. Я останусь, а тебя вышвырнут», - появились в голове то ли ее, то самой Кристины мысли. Вздохнув, она вытерла обожженную руку и села напротив. Громко сказала.

- Пусть меня и вышвырнут, но я живая, а ты призрак. Так что победила я, а не ты.

«А ты посмотри на себя в зеркало. Какая ты живая, ты тоже почти умерла».

Допив чай, Кристина подошла к зеркалу. На самом деле она давно на себя толком не видела. Так, машинально, когда забирала волосы в хвост. Из зеркала на нее смотрела незнакомка со впалыми щеками, синяками под глазами и желтоватым цветом лица. Она отошла подальше и скинула халат.

Ничего себе, она похудела. Живот в идеальной форме. Полосочки и квадратики, это, несмотря на то, что она уже давно не делала упражнений. С той самой пробежки вокруг озера, когда ее не взяли на работу продавщицей. Да она из дома-то не выходила. А зачем? Только иногда подходила к запылившейся Кошке и гладила ее драный бочок. Бензина в баке оставалось только доехать до заправки. Сергей сказал бы, что машину в ее теперешнем состоянии лучше продать, но этого Кристина делать не будет. Они выедут отсюда вместе или вместе останутся тут.

Вчера звонила Илария, обеспокоенная тем, что улучшения, хоть и есть, но слишком незначительны, чтобы продолжать. Может, ей стоит вернуться домой? Кристина еле смогла ее убедить, что нельзя терять надежду. Надежда – это главное, без нее не сработает ни одна методика. Она отбросила телефон в сторону, смахнула слезы. Верить! Не сомневаться! Мама поправится!

Девушка некоторое время походила по тропинкам. Сад начинал показывать все признаки запустения. Трава уже была высокой, клумбы заросли сорняками, сквозь которые пробивались лимонные ирисы. Она наклонилась к ним и вдохнула любимый леденцовый запах. Потрогала пальчиками нежные лепестки. Бедные вы мои, никто за вами не ухаживает. Ей вдруг стало стыдно, и она, не надев перчаток, как всегда это делала, начала вырывать голыми руками сочную траву. Больно обожглась крапивой, но не обратила на это внимания. Выполов клумбу, улыбнулась ирисам. Некоторое время постояла, чтобы дать отдых затекшим ногам, а когда снова нагнулась к земле, почувствовала накатывающую слабость.

Кристина открыла глаза, глядя на голубое небо сквозь сосновую паутину иголок. Что с ней было? Обморок? Впервые в жизни. Она осторожно встала. Голова не кружилась. Наверно, надо поесть. Траву можно убрать и потом, главное, что ирисы свободны. С озера доносились детские и взрослые голоса. Почему-то подумалось, что она ни разу не купалась этим летом. Хотя куда ей купаться, если она траву собрать не может? Так и утонуть можно.

Кристина поплелась в дом. Кивнула сидящей на стуле Марине.

- Слушай, а ты права: выгляжу я хреново и чувствую себя не лучше. Но я не сдамся и сейчас сожру столько гречки, что сил прибавится.

После обеда Кристина расстелила одеяло под соснами и улеглась с книгой. У Иларии было много книг, и она перечитывала одну за другой. Читалось медленно, в охотку. Когда текст казался скучным, перелистывала страницы, чтобы посмотреть, что будет дальше. Иногда отбрасывала книгу, прочитав до половины, иногда после нескольких страниц, а иногда читала задом-наперед. Вымышленные миры не слишком захватывали ее, нечто подобное

происходило и с фильмами, которые она смотрела теперь в большом количестве. Куда-то же надо было девать свободное время?

Если бы у нее в голове родился хоть какой-нибудь сюжет, она писала бы сама, но там, как и внутри нее, поселилась пустота. Она перестала думать о Витьке. Положенная на слова любовь растворилась в прямых и ровных строчках исповеди. Конечно, первые комментарии появились от Садко. В сладеньких словечках он писал, что хэппи-энд не уместен: ни один мужчина не станет жить с женщиной, которая отправила на тот свет троих человек. Кристина улыбнулась. Да, да, она и сама знала, что конец романа – там, где Витька, прочитав ее книгу, приходит к ней насовсем, прощая и принимая ее такой, какая она есть, нереален и слаб. Таких, как она не прощают, таких наказывают. Садко совершенно прав. Она планировала превратить роман в трагедию. История должна была вернуться к тому, с чего начиналась. Есть в писательских правилах такая разновидность сюжета: история делает полный круг. Беженка остается беженкой, а ворона вороной.

Но это был как раз тот случай, когда герой перехватил инициативу у автора. Начал действовать сам. Витька вернулся к ней и обнял, принимая ее и жалея, становясь соучастником всех ее преступлений и принимая ответственность за них двоих. Он узнал обо всем, потому что Корзина прислала ему этот роман. Прочитав его, он вернулся к ней навсегда. СКАЗКА! Хорошие мальчики из хороших семей, где не приняты разводы, не бросают свои семьи из-за убийцы-беженки. Да и, вообще, они не бросают их даже ради действительно хороших и преданных женщин. Они оправдываются детьми и разрешают себе завести любовницу. Беднягам, у которых плоховато стоит на жену, необходим хороший секс на стороне, чтобы листая картинки феерического секса, хоть как-то исполнять супружеский долг.

Это жизнь. И об этом писали мои читатели, то требуя, то советуя переписать финал.

Кристина улыбнулась и написала ответ всем читателям:

«Я не могу переписать финал, потому что я, несмотря на весь мой цинизм и пережитый опыт, остаюсь в душе чистой и хорошей девочкой, которая верит в сказки. И я верю, что мужчина, который может так целовать, способен прийти к соединению со своей половинкой, какой бы она ни была. И я не могу оставить моего любимого Витьку героем-любовником, успешно работающим на две стороны. И оставьте меня с моей мечтой».

Первым пришел ответ от незарегистрированного пользователя, с которым Кристина никогда не общалась. Его имя состояло из набора букв, а фраза

звучала весьма странно. «Спасибо тебе от всех представителей мужского пола за доверие. Мы возвращаемся к тем, кого любим».

Кристина улыбнулась. Ей вдруг стало тепло и хорошо. Даже появилась мысль снова выйти за калитку и пройтись вокруг озера. Может, мир не так уж и плох? Она спустилась по лестнице, держась за перила. Голова кружилась, ей пришлось сесть. Ладно, прогулка отменяется. Ей хорошо и здесь. Может быть завтра, когда пройдет проклятая слабость. Да и, вообще, не очень-то хочется проходить мимо Витькиного дома. Роман останется романом, а Витька героем-любовником, и от этой мысли захотелось плакать и стало холодно. Так холодно, что, несмотря на жаркий день, пришлось завернуться в плед. Кристина сжалась в комок на диванчике, стараясь вобрать в себя побольше тепла от пледа. Все кончено. И все же я прощаю тебя, любя. Ведь невозможно же не любить свою половинку, даже когда она причиняет тебе боль. Даже когда она не оказалась такой, как ты мечтала, даже когда она не сделала ничего из того, чтобы тебе хотелось. И даже когда тебе кажется, что ты разлюбила, на самом деле ты просто вбираешь в себя эту боль и продолжаешь любить еще сильнее.

Глава 42

Утром Кристина проснулась от телефонного звонка. Теперь ей редко звонили, а она сама почти никому. Недавно звонил Олег, сказал, что у него родилась дочка. Кристина поздравила его, они обменялись общими фразами и простились. Она понимала: разговор скорее всего последний. Он, конечно, поинтересовался, как у нее дела, но больше говорил о том, как малышка кушает, сколько спит, и как им приходится подстраиваться под детский режим. И эта его отцовская гордость отчего-то причиняла боль. Сославшись на дела, Кристина быстро закончила разговор и удалила его номер из записной книжки.

Телефон продолжал разрываться надоевшей мелодией, и Кристина, подумав о том, что надо бы сменить неактуальной для ее образа неудачницы мелодии «Крестного отца», вылезла из кровати и отправилась на звук. Взглянув на определитель, почувствовала, как сжалось сердце. Никита. Не отвечая на звонок, она уже знала, что он скажет. Последние покупатели хотят купить ее Двенадцать сосен. Игра проиграна.

- Кристина, добрый день! Есть хорошая новость...

- Семья, которая смотрела вчера, хочет купить мой дом, - закончила она за него, почему-то подумав, что не выдержит, если он скажет это первым. Уж лучше она сама.

- Да, верно. Сегодня они собираются внести аванс, вам нужно будет подъехать для подписания документов.

- Каких документов?

- наших внутренних. Согласование цены, наших комиссионных и ...

- Я сегодня не могу, - выпалила Кристина, даже не успев подумать. – Заболела, извините.

Она поймала за хвост мысль о том, что не может никуда поехать. Нет денег на электричку и метро. Бензин тоже закончился. Она покачала головой. Вот, дожидается.

- Но что делать? Мне тогда придется приехать к вам, а я сегодня занят.

- Давайте завтра, - обрадовалась Кристина. – К тому же завтра... - она замялась, сама не зная, как продолжить.

- Что завтра?

- Ну я буду себя лучше чувствовать. Наверно.

- И вы сможете подъехать к нам в агентство?

- Давайте созвонимся, - Кристина испытывала желание отделаться от навязчивого агента, чтобы остаться одной.

На ее счастье Никите кто-то позвонил по второй линии, и, воспользовавшись этим, она быстро выключила телефон и устало, словно не спала ночью, снова опустилась на кровать.

Итак, свершилось. Здесь, в ее доме, будут жить совершенно другие люди.

А она... Они с мамой снова окажутся на улице. Кристине вдруг отчаянно захотелось курить. Сигарета принесла бы хоть маленькое, но облегчение. Или кофе. Чашка ароматного кофе из кофемашины. Впрочем, она согласилась бы и на чай, которого тоже не было. Она пила горячую воду с вареньем из черной смородины, но банка уже пуста.

Посидев немного, Кристина решила умыться. Потом медленно, держась за перила, спустилась вниз и начала обзор кухонных ящиков. Может быть, где-нибудь завалился пакетик чая или кофе, который она не заметила? Ей всего лишь нужно выпить чаю и подумать. Немножко горячей жидкости, чтобы примириться с мыслью о том, что Двенадцать сосен... Сердце сжалось в груди, колотясь о ребра. Продать Двенадцать сосен невозможно. Об этом лучше не думать. Или после чая. Она должна найти пакетик. Очень хочется чаю.

Она выбрасывала прямо на пол то, что осталось от продуктов. Нашла пачку зеленых макарон. Но чая не было. Она яростно схватила пакет с пшеникой, прорвала ногтем бумагу, зерна рассыпались по полу.

Раздался звонок домофона. Она никого не ждет. Если это очередные покупатели, которых привлек баннер, пусть уходят к черту. Нет сил ни с кем разговаривать. Звонок настойчиво лез в уши, и она заткнула их пальцами. Она никому не будет открывать. Очень хочется чаю. Зеленого с жасмином. Она неожиданно ощутила его вкус во рту. Кристина тупо смотрела на рассыпанное пшено. Обнаружила, что пол на кухне очень грязный. Как давно она убиралась? Звук изменился. Она опустила руки и услышала, что кто-то колотит в дверь. А это означало, что некто перелез через забор и это явно не покупатель. Черт бы всех побрал. Звук в дверь стал настойчивее, ей показалось, она услышала свое имя. Наверно, что-то случилось. Она выглянула в окно, но никого не увидела. Раздраженно подошла к двери и отперла.

На крыльце стоял Витька.

- Кристина!

Он потянулся к ней, но она отступила на шаг, не веря появившемуся перед ней реальному образу. Она похоронила Витьку в своих мыслях и на страницах исповеди. Откуда он, вообще, взялся? Может, это очередной галюник? Некоторое время они молча смотрели друг на друга, и по его удивленному взгляду она поняла, как должно быть ужасно выглядит в длинной до колен футболке, которую носила вместо халата с растрепанными волосами. Герой-любовник привык видеть совсем другой образ любовницы.

Кристина вздернула нос, она не ждала ни его, ни кого-либо вообще. Слишком поздно.

- Можно мне войти? – Витькин голос звучал неуверенно, а в обычно насмешливых глазах появилась тревога.

- Зачем? – ее голос звучал глухо. Она все же уже пережила, отказалась от него даже в мыслях, отпустила, вернула жене, девочками и работе. Какого черта он пришел сейчас, когда в ее жизни появились равнодушные и покой.

- Кофе попить, - тихо сказал он, чуть наклоняясь вперед и кладя руку на косяк двери.

Кристина издала смешок. Наивняк какой! Кофе кончилось уже давно. Да и, вообще, у нее ничего нет. Даже крыльцо, на котором он стоит, и порог дома уже принадлежат банку. А еще у нее нет ничего внутри. Там все сгорело. Он слишком долго пропадавал. Даже не звонил. Что ему нужно теперь?

От слабости Кристину качнуло, и она схватилась за дверь, чуть сдав позиции, Витька быстро сделал шаг, приблизившись почти вплотную. Она

почувствовала его запах. Не запах туалетной воды, а запах мужчины. Ей вдруг показалось, что от него пахнет солнцем, соснами и водой. И жизнью. А от нее пахнет плесенью и затхлостью, несмотря на то, что большую часть времени она проводила в саду под соснами. Кристина отодвинулась.

- У меня нет кофе.

- Тогда чаю.

Кристина почувствовала, что сейчас расплечется. Какого черта он пришел сейчас, когда она чувствует себя такой разбитой? Зачем он пришел в тот день, когда она должна принять решение о продаже частички своей души?

- Чаю тоже нет.

Его лицо стало более серьезным, он схватил ее за плечи и немного потряс:

- Да что такое происходит? Что с тобой? Ты больна?

Кристина обмякла в его руках, чувствуя родное тепло. Еще немного тепла. Еще чуть-чуть, и она его выгонит. Ей показалось, что в нее по капельке начала вливаться жизнь. Она немножко постоит в его руках, а потом пусть идет к жене и дочкам. У нее ничего нет для него. Даже чаю. Он прикоснулся губами к ее губам. Не почувствовав ответа, отстранился.

- Ты не хочешь меня видеть?

- Не хочу. И не только тебя. Я ничего не хочу.

Он начал что-то говорить о том, что виноват, ему нужно было подумать. Кристина отвернулась. Слишком поздно. Она не сможет быть той, которой была. Да ее, вообще, больше нет прежней. Внезапно его речь оборвалась на полуслове, словно он что-то вдруг понял. Он с удивлением разглядывал ее лицо, потом обойдя ее, прошел в гостиную. Увидел рассыпанную крупу, пустые полки, зачем-то открыл холодильник, который Кристина давно отключила. Потом рванулся к ней, встал на колени и прижал губы к ее руке.

- Прости меня, прости. Я не должен был тебя оставлять. Мне и в голову не могло прийти, что все так плохо. Я хотел зайти позже, но увидел баннер, что дом продается. А потом ты сказала, что нет чаю. Я идиот. Но я не знал, что...

- Он смотрел на нее с жалостью, которую уже не могла выносить Кристина.

Вся ее борьба – а точнее то, что она называла борьбой, когда перестала выходить из дома и решила не занимать денег и довела себя почти до обморочного состояния недоеданием – вдруг показалась ей бессмысленной. Через его полные жалости глаза до нее докатило, как она была не права. Это была не борьба, она сложила лапки, как побитая собачонка и позволила кукольнику себя запинать.

Она опустилась на пол рядом с Витькой и тихо сказала:

- Только не надо меня жалеть. У меня уже все хорошо: нашлись покупатели на дом, - Кристина почувствовала, как защипало глаза. Она изо всех сил моргнула, удерживая слезы внутри.

- Ты не сможешь продать Двенадцать сосен!

- Мне придется. Как только я взяла этот кредит, все пошло кувырком. У меня сразу закончились сделки. Я не заплатила ни одного взноса, - она вытерла слезы рукой, - мой начальник кинул меня, а потом я перестала зарабатывать.

- Она всхлипнула. - Меня уволили из двух агентств и даже не взяли на работу в магазин.

Витька обнял ее, и она уткнулась в его шею, вдыхая родной запах, убеждая себя, что сейчас прогонит его. Немного успокоившись, сама отстранилась.

- Я напоила бы тебя чаем, но его, правда, нет.

- Господи, какая же ты гордая! - он смотрел в ее бледное лицо, не веря самому себе. - Зачем тебе понадобилось доводить себя до этого?

- Я решила, что не дам выиграть кукольнику. Уж если он решил наказать меня деньгами, я не буду их занимать. - Она вымученно улыбнулась.

- Почему ты мне не сказала?

Кристина почувствовала, как ее обожгло, словно он ударил ее по щеке. Она вся подобралась, как кошка, готовая прыгнуть.

- Сказать тебе?! Но кто я такая для тебя?! Ты даже мне номер телефона не оставил, потому что на расстоянии не потрехаешься. А кроме секса тебе от меня ничего не нужно. Ты ведь и сейчас пришел ко мне за сексом, да? Но только я, извини, слегка не в форме.

- Мой телефон был включен по прежнему номеру. Другое дело, что ты не звонила и не собиралась звонить. А сейчас одевайся.

- Зачем? Тебе что, не нравится моя футболка?

Он обнял ее и прижался щекой к щеке.

- Мы пойдем в магазин. Я мог бы сходить один, но боюсь тебя оставить. Ты куда-нибудь исчезнешь или не откроешь мне дверь. А я все-таки хочу выпить с тобой чаю или кофе. И поговорить.

Кристина отстранилась.

- Зачем ты приехал, Вить? Я не хочу больше мучиться. Я не хочу так, как было.

Он грустно кивнул.

- Я понял. Собирайся. Давай мы это обсудим за чаем.

Магическое слова «чай» подействовало на Кристину, словно бальзам. Как ей хотелось сегодня чаю, и вот судьба смиростивилась над ней и прислала ей Витьку. Да разве так она представляла себе их встречу после разлуки? Думала, они накинутся друг на друга, срывая одежду прямо у двери, а потом

он возьмет ее на руки и войдет в нее, держа на весу, а она обхватит его ногами, прижмется всем телом, чтобы глубже вобрать его в себя, запуская руку в его мягкие волосы ... И вот как оно вышло. Вряд ли она вызывает у него такое же желание, как раньше.

Неожиданно она почувствовала теплый поток, словно подул легкий ветерок, так, как было в прошлом, когда они на расстоянии чувствовали желание друг друга. Витька смотрел на ее голые коленки. Она перевела взгляд на его сильные жилистые руки. Не может быть?! Она снова чувствует желание. Он ласково посмотрел на нее.

- Ты зря обижалась, что мне нужен только секс. Я хотел через секс показать мою любовь.

- А других способов не было?

- В то время нет. Одевайся.

- Может, ты один сходишь, а я пока себя в порядок приведу.

- Приводи, я подожду. Но без тебя не уйду. – Он положил руку на ее голую коленку. – Мне нравится эта футболка. Ты в ней выглядишь сексуально.

- Не выдумывай, я похожа на смерть, - хихикнула Кристина. – Сама пугаюсь себя в зеркале.

- Ты для меня всегда красивая, - он поднялся и протянул ей руку, поднимая ее с пола. - Иди, собирайся. На улице замечательно: солнышко светит и тепло.

- Мне надо принять душ, накраситься.

Витька кивнул.

- Я никуда не спешу. Телевизор посмотрю. – Он взял в руки пульт, и Кристине ничего не оставалось делать, как отправиться наверх, чтобы привести себя в порядок. В результате усилий зеркало оказалось не таким жестоким, как прежде. Благодаря румянам и косметике, она больше стала похожа на выздоравливающую, чем на умирающую, даже в усталых глазах чуть затеплился озорной огонек.

Витька скользнул взглядом по ее бежевому в разводах летнему платью и босым ногам. Выключил телевизор, поднялся навстречу. Наверно, этот поцелуй был самым жадным и откровенным за все время их знакомства. В конце у нее так закружилась голова, что она упала бы, если бы он ее не поддержал.

- Тебя нужно срочно покормить. Ты стала совсем слабенькая.

Когда Кристина вышла за калитку, она озиралась, словно впервые увидела это озеро, загорающих людей, вытопанную тропинку и зеленую траву. Она подняла вверх глаза и засмотрелась сквозь игольчатые шапки сосен в голубое небо. Какой прекрасный мир, подумала она. Зачем же я лишила себя всего это? Почему сидела за забором, словно в клетке? Она направилась к

озеру, Витька шел следом. Некоторое время она смотрела на воду, потом повернулась и увидела такие родные зеленые глаза, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди от нежности. Снова лето и Витька рядом.

Его глаза ласкали ее лицо. Казалось, он читает мысли. Мир хорош, это правда. Внезапно ей стало больно. Как же невыносимо будет жить где-нибудь, кроме этого места. Она отвернулась и быстро пошла по дорожке вперед. Пусть Витька купит продуктов, потом они выпьют чаю, и она объяснит ему, что невозможно жить с вырванным сердцем. Вся эта история произошла с ней еще и потому что она жутко влюбилась. И у нее просто не осталось сил для борьбы. Все, что ей нужно было тогда: его крепкие руки, его любовь и его присутствие. Если бы он был с ней, она перевернула бы для него мир. А он бросил ее, уехал. И скоро снова уедет, а если не уедет, то уйдет к жене и дочкам, вывернув ее наизнанку своей временной нежностью. И что удивительно, он успеет там и здесь, дома трахнет жену и почитает дочкам сказку, и даже на карьере хватит времени, а она останется жалкой нищенкой. Страшное понимание навалилось так сильно, что она почувствовала, что сейчас ударит его. За все, что могло быть и не состоялось, за обман и потерянную веру в жизнь. Она замахнулась, но от резкого поворота закружилась голова и она, вместо того, чтобы ударить, лишь покачнулась и чуть не упала.

- Ты что?

Витька держал ее в своих руках точно так же, как она хотела бы, чтобы он делал всю жизнь. Но это было временно. Она оттолкнула его, но он обнял ее за талию, и Кристину опять пронзило удивительное ощущения удобства, когда они были вместе. Ей было удобно с ним под одним зонтом, уютно под одеялом, когда их тела сплетались одним клубком после секса. Тела настолько подходили друг к другу, что, казалось, даже их сердца бились в такт. Вот и сейчас это сумасшедшее чувство комфорта мешало сбросить его руку и пойти вперед. Ее принадлежавшее ему тело желало чувствовать эту руку именно там, где она была, точно на том же месте, ни сантиметром ниже или выше и, несмотря на узкую тропинку, идти было удивительно удобно. И станет совсем волшебным, если еще обнять его. Он коснулся губами ее волос.

- Обними меня.

Ее рука послушно легла на то место, где она должна быть, и по Витькиному удовлетворенному вздоху она поняла, что для его тела это так же важно, и что она точно попала на то самое место, которому нужна теплота. Так бывало и в сексе, если она хотела, чтобы он закинул ее руки в вверх, он тут же это делал, если хотела, чтобы он провел губами, он проводил, оставляя полоску именно там, где в ней нуждались. Так не бывает! Но ведь есть!

Тяжелая сумка с продуктами не мешала Витьке обнимать ее за талию и на обратном пути. Кристина хотела бы поиронизировать, с чего бы он так осмелел, что не боится соседей, но слова замерли в горле, и она лишь крепче прижалась к нему, тут же ощутив, его более крепкое ответное движение руки. Она уже успела забыть, как это здорово.

А еще лучше было выбирать вместе продукты в магазине, шутливо препираясь из-за сорта чая или кофе.

Это было так, словно они – страшно подумать – вместе живут и сейчас придут домой и начнут готовить еду. Не сразу, после секса, конечно.

Едва оказавшись за забором, Витька, бросив сумку на траву, прижался к ее губам. Языки начали свой вальс, лаская друг друга.

- Крис, я больше не могу. Так хочу тебя. А тебя надо кормить.

- Не надо, - ее руки забрались под футболку.

Он взял ее на руки и внес на крылечко. Здесь, не расцепляя рук, пришлось остановиться, чтобы отпереть дверь. Далее последовал совершенно сумасшедший наглый поцелуй в гостиную, от которого ей захотелось разорвать футболку прямо на нем. Витька встал на коленки и поцеловал ее в пупочек, продвигаясь ниже. Его усы щекотали нежную кожу, она застонала, вцепляясь в его волосы, ощущая их мягкость и податливость. Они раздевали друг друга, целуя обнажающиеся места. Кожа прилипала к коже, руки тормозили в нужных местах. Когда с одеждой было покончено, он взял ее на руки и вошел в нее. Оба издали одновременный стон и замерли в блаженстве, осознавая свое единение и зависимость друг от друга.

До спальни они так и не добрались. Диванчик в гостиной остался нераздвинутым. Время остановилось, хотя стрелки настенных часов продолжали свой бег, до которого им не было никакого дела. А потом они лежали, свернувшись в один большой клубок с закрытыми глазами, удерживая свой мир внутри нежности. Витька уткнулся ей в шею. Она обняла его рукой, не ощущая тяжести его тела.

«Если он сегодня уйдет, я не смогу больше жить», - поняла Кристина и зажмурилась, чтобы не заплакать. Она отдала всю себя, а то, что отдано, никогда не возвращается назад.

Витька открыл глаза.

- Не спишь?

Она мотнула головой. Спать? Как можно спать, когда тебя больше нет? Это тебе все нипочем. Ты отдаешь, забирая во много раз больше, чем отдал и веселой птицей, насвистывая, улетаешь по своим делам, дарить другим

внимание и улыбки, а она остается одна, растерянной, жалкой и несчастной, без возможности сделать что-нибудь для себя.

- Пойдем в душ? - Витька походил на довольного кота Матроскина из мультфильма.

Совместный душ был еще одним из их ритуалов, которые Кристина обожала. Обхватив его за шею и прижимаясь к нему, она вечно стояла бы под теплыми струями, чувствуя, как он намыливает ее тело. Она бы тоже помыла его, если бы у нее остались силы разомкнуть руки.

- Ну что, выходим? – Витька повернул кран, выключая воду и блаженство.

Обычно это означало конец процесса. После душа они одевались, и Витька куда-то спешил, оставляя ее полностью удовлетворенной физически и с полным неудовлетворением в душе. У него всегда так много дел. Как и положено отцу двоих детей.

Невыносимо. Если он бросит ее и сейчас, она не выдержит.

Витька деловито подал ей полотенце, быстрыми точными движениями, вытирая свое ладное мускулистое тело, которое теперь уже стало только его. А еще пять минут назад было и ее.

- Крис, ты вытирайся, я пойду поставлю чайник, – он подошел к ней, прижался мокрыми усами к щеке. – Чаем я так тебя и не напоил.

- Угу, - Кристина отвернулась, чтобы скрыть слезы. Они выпьют чаю, и он уйдет к жене и дочкам.

Обернув вокруг узких бедер полотенце и, весело насвистывая, Витька вышел из ванной. Кристина начала вытираться, глотая слезы. Так больше невозможно. Надо поговорить. Сейчас они заварят чай, и она расскажет ему все, что чувствует. Пусть убирается и оставит ее в покое. Кристина заставила себя подкраситься. Надела короткую маечку, подчеркивающую похудевший животик и свободные льняные брючки. Волосы оставила распущенными. Посмотрелась в зеркало. Выглядела она хорошо. Почти как раньше. На бледном лице даже появился легкий румянец. Как долго можно питаться только сексом?

Она спустилась вниз и направилась к столу, желая, чтобы Витька посмотрел на нее и сказал, что она хорошо выглядит. Но он деловито раскладывал по тарелкам нарезки сыра, колбасы. Движения у него были уверенными и точными. Словно у домашней хозяйки. И это раздражало. Она села на стул и закинула ногу за ногу. Витька удивительно ловко нарезал мягкий хлеб.

- Кушать подано.

Кристина вдруг почувствовала, что умирает с голоду. Она съела бы все, что лежит на тарелках. Кажется, никогда в жизни она так не хотела есть. Разговор подождет. Сначала она поест.

- Я заварил молочный чай, он придаст тебе сил.

- Спасибо.

Как давно она мечтала о зеленом чае. Она сделала глоток и зажмурилась от удовольствия. Она никогда в жизни не пила такого вкусного чая, не ела такого вкусного сыра. Неудивительно, что голодание считается таким полезным, после него любые продукты кажутся восхитительными.

Но счастье не бывает ни долгим, ни вечным. Сжавшийся желудок Кристины не мог принять так много еды, сколько хотелось. Два ломтика сыра и чай. Она откинулась на диван, наблюдая, как Витька делает себе еще один бутерброд с сыром и колбасой. Счастливый, он может много есть. Он не грустит. У него все хорошо.

- Вить, нам надо поговорить.

Он поперхнулся чаем, закашлялся. Коронная женская фраза, которую бояться не только герои-любовники, но и все мужчины. Странно, но до их встречи Кристина, никогда не выясняла отношений. Она, подобно, мужчине расправляла крылышки и улетала из дома любовника, оставив после себя легкий аромат духов. Раньше ничто и никто не цеплял ее так. Секс только прибавлял сил.

Витька сделал глоток чаю и положил на тарелку недоеденный бутерброд.

- Хорошо, давай поговорим. Я и сам хотел.

Хотел сказать, что так больше не может продолжаться? Решил меня бросить, а напоследок трахнуть? Кристина вдруг почувствовала в себе прежние силы. Чай что ли помог? Ну уж нет, она сделает это первой. Ей не пережить, если он это скажет. Наверно, и его замучили угрызения совести. Вот он сначала и уехал от греха подальше, а теперь решил расстаться. Но, увидев ее в таком виде, решил накормить на прощанье. И не удержался, еще и трахнул. Она сделала вдох, чтобы унять сердцебиение.

- Вить, нам лучше расстаться.

Он усмехнулся. Быстро пересел к ней на диван, взял ее лицо в ладони, проник глубоко языком. Потом быстро отстранился.

- И ты можешь от этого отказаться?

- Конечно да.

Он повторил пытку. Язык проник глубже, лаская все те места во рту, которые казались чуть раньше неприступными, а теперь умоляли о ласке.

- Уверена? - он отстранился, хитро улыбаясь, убежденный в своей мужской власти. А кто бы спорил, что у Витьки самая сильная власть над ней? Он такой страстный, такой нежный, ласковый. Такой весь для нее.

Кристина сглотнула. Кто бы когда-нибудь сказал, что перемешивание слюней и облизывание языков может быть таким волнующим. Наверно, она очень порочна. Но как такие чудесные ощущения могут быть неправильными? Остается только пожалеть тех, кто этого не знает. Не знает, как сладка минута первого вторжения, как сносит голову от одного легкого касания ладошек, случайного соприкосновения плеч.

Ей показалось или Витька искоса взглянул на часы. Это движение его глаз, завело Кристину. Он уже спешит. Конечно, семья требует внимания и заботы, а от нее он уже все получил и теперь понесет свое хорошее настроение туда.

Стоп! Хватит сантиментов. Лучше один раз зажаться, пережить эту боль, переплакать, перестрадать. Лучше все что угодно кроме мыслей, что так он целует не ее одну. Лучше все, чем эта временная нежность. А честнее сказать – ворованная. Пусть убирается к своей жене. Отныне ей не нужно чужих слюней, не нужно ворованной нежности, пусть от нее ничего не останется, пусть она даже умрет. Не умрет, конечно, только чуть-чуть съезжится душа и станет черствее сердце и больше никогда не почувствуешь такого желания.

Мой!

Чужой!

К черту все!

Кристина встала.

- Все, уходи! Я решила. И не задавай вопросов. Я сама скажу. Не могу больше тебя делить. Я слишком влюбилась. Я хочу всего тебя и навсегда. Разорвать твою грудную клетку и подержать в руках твое сердце, отдать тебе свое взамен и чтобы мы отныне не могли друг без друга. Пусть этот важный орган зависит от того тепла, который каждый из нас может дать другому.

- Крис, остановись!

- Я больше не могу, - по ее щекам текли слезы. – Я уже прошу пожалеть меня. Ты так любил меня, что я уже на дне. – Она усмехнулась. - Любовь должна поднимать, а не опускать. Я не хочу жить покалеченной. Я любила тебя и у тебя все хорошо. У тебя есть работа, семья, карьера. А я потеряла все за что боролась.

Он бросился к ней, обнимая и целуя. Из последних сил, она оттолкнула его.

- Меня унижают твои временные ласки.

Его лицо скривилось. И в нем не стало привычной насмешки, даже тонкие усики стали серьезными и опущенными, а зеленые глаза чуть более прозрачными, чем обычно.

- Ты не даешь мне сказать, я приехал, потому что прочитал твою книгу.

Кристина дернулась, словно он дал ей пощечину. Черт, а ведь она совсем забыла про книгу. Она вовсе не предназначалась для Витьки. Она писала ее сначала для Сергея, потом для себя, чтобы выговориться и не сойти с ума.

- Откуда ты ... - она остановилась, погребенная под новым грузом. Как она могла забыть, что публично призналась в трех совершенных убийствах?

- Ты я... - Кристина покраснела, язык улез куда-то глубоко, не желая выговаривать оправдания.

- Хочешь знать откуда? Твоя подруга прислала мне ссылку на твою страницу в Самиздате.

- Какая подруга? – машинально спросила Кристина.

- Ты говорила, что у тебя одна единственная подруга.

- Корзина?

Мысли вихрем пронеслись в голове. Так вот кто был этот проклятый Садко. Не зря ей казалось, что он знает правду. Она усмехнулась. Надо же какой себе Корзина ник выбрала. Наверно, рассчитывала, что она догадается. И действительно все было проще простого: Садко тоже играл на гуслях, как и сама Корзина.

- Да, твоя подруга нашла меня через фейсбук и прислала мне ссылку на твой роман.

Кристина сжалась в комочек, желая исчезнуть, провалиться, умереть, но только не присутствовать. Сейчас она чувствовала себя окончательно преданной и опозоренной. Даже больше, чем тогда с Петровичем. Слезы высохли, боль превратилась в засохшую грязь. Теперь уже все равно, хватит чистить перышки. Она Ворона и питается падалью. И пусть все держатся от нее подальше. Она вздернула подбородок, пытаясь сохранить гордость. Душу нельзя открывать даже компьютеру и уж тем более нельзя вывешивать в сети под псевдонимом. И не надо считать других глупее, чем они есть на самом деле. Корзина прекрасно вычислила и сдала ее самому важному человеку в ее жизни.

- Уходи! Все это уже не важно.

Витька встал. Сердце упало на пол и растекалось по квадратикам плиткам. Он сейчас уйдет.

Она закрыла глаза. Только не кричать, не плакать, не просить. Молчать. Сохранить проклятую гордость. Пусть идет. С такими, как она не остаются. На свете полно хороших баб, не уляпавшихся в такой грязи. Пусть идет.

Она так отрешилась, что не слышала шагов и не сразу поверила теплоте рук на плечах, шепоту горячих губ и прижавшемуся к ней лицу.

- Я принимаю тебя такой, какая ты есть. И если ты убивала, я верю, что у тебя не было другого выхода. И если даже он был, то я тоже его не вижу, потому что вижу мир твоими глазами. И я пришел к тебе.

- Что?

Она отстранилась, но он прижал ее голову к себе и зашептал в самое ухо.

- Я пришел к тебе жить. Ты возьмешь меня?

Кристина отстранилась, но, увидев боль в его глазах, снова прижалась к нему.

- А что с женой? Она тебя отпустит? А как же дочки? Аленка?

Витька вздохнул. Отодвинулся.

- Она нашла другого. – Он усмехнулся. - Съездила в Турцию отдохнуть и вот... А я не хочу, чтобы какой-то турок воспитывал наших детей. Мы договорились, что Аленка будет жить со мной, а Катюша с родителями. Ты вроде ладила с Аленкой? Я не могу ее оставить.

Кристина вспомнила красивую, похожую на Витьку, девчущку с толстой косой. Она такая вся, словно ее. Его дочка. Она всегда чувствовала к ней нежность.

- Конечно. Здесь так много места. Она может жить на втором этаже в комнате... - внезапно Кристина хлопнула себя по лбу. – Черт. Какая я дура. Ведь Двенадцать сосен проданы. Ну почти проданы. У меня нет дома, Вить. Я все потеряла. Мне некуда вас взять.

Он прижал ее к себе.

- Я не позволю никому купить Двенадцать сосен. Мы выкрутимся.

- Но как?

- Потом, Крис. Я не хочу думать сейчас о деньгах. Давай пойдем в спальню. Я так тебя хочу.

Глава 43

Уютно устроившись у Витьки на плече и свернувшись с ним одним комочком, Кристина задремала. Ей снилось, что она в воде, еще не тонет, но уже не может плыть, ноги и руки запутались в водорослях, берег совсем рядом, а она не может туда добраться. Никого нет, чтобы позвать на помощь. Гигантским куполом нависли над темным небом сосны. Зловещим серпом зажегся золотой месяц. Страшное чувство тоски в сердце, ослабевшее тело с веревками вместо мышц.

Телефонный звонок выдернул в реальность. Она, еще во власти сна, не понимая где находится, привстала на кровати, но увидев Витьку, снова прижалась к нему. Он улыбнулся.

- Телефон звонит.

- Пусть звонит, я не хочу ни с кем разговаривать. Обними меня, мне снился сон, что я тону и я совсем одна.

- Ты больше не одна, - он крепко обхватил ее двумя руками.

- Неужели ты снова хочешь?

Он залюбовался ее счастливыми глазами.

- Только войти, почувствовать тебя. Ни с чем незабываемое и несравнимое ощущение.

Телефон настойчиво зазвонил снова.

- Не обращай внимания, - Кристина подвинула бедра навстречу, чтобы он глубже вошел в нее. Где-то там внутри нее укрылось наслаждение, сладко отзывавшееся в сердце при каждом глубоком толчке. Оргазм начинался медленно, захватывая всю ее женскую суть и отдавая Витьке и забирая у него его мужскую, возвещая о себе краткими, ни с чем несравнимыми сладкими намеками на обещание большого взрыва.

Уставшие и удовлетворенные, они снова растянулись рядом, держась за руки, чтобы дать подсохнуть мокрым телам. И даже сейчас он умудрялся ласкать ее взглядом.

- Так как с тобой только с тобой.

Кристина улыбнулась.

- Я не думала, что смогу еще кончить. Удивительно, что у меня не наступает насыщения.

- Ты снова хочешь? – он хитро сощурился.

- Чуть по... - телефон зазвонил снова. – Да что же это такое?! Почему людям не дают побыть вместе после разлуки? Кому же там так нейдет? Я сейчас его вырублю, – Кристина кошачьим движением спрыгнула с постели и вырыла из-под кучи одежды на полу телефон и тут же отбросила его, словно он укусил ее.

- Это Никита, - Кристина застыла посреди комнаты. В ответ на Витькин непонимающий взгляд, пояснила. – Агент из банка, который продает мой дом. Он хочет договориться на счет внесения аванса.
- Скажи ему, что ты больше не продаешь, - подперев голову рукой, Витька серьезно посмотрел ей в глаза.

Кристина выключила звук телефона и села на кровать, закутавшись в халат.

- Вить, давай поговорим серьезно. Ты даже не знаешь, сколько я должна. Никита нашел покупателей, они хотят внести аванс, - на ее счастливом удовлетворенном лице начала проступать боль. – А покупателя нельзя потерять. Я должна кучу денег. Сама не могу представить, что Двенадцать сосен будут проданы. Я никогда больше не смогу купить такого места, где мне было бы так хорошо.

- Крис, иди сюда, - он отвернул край одеяла, и она снова забралась в спасительное тепло его рук, уткнулась в курчавые волосики на груди, стараясь не плакать.

Витька нежно перебирал ее волосы, что-то обдумывая. Потом, когда она подняла лицо, серьезно посмотрел ей в глаза.

- Похоже, нам придется выбраться из кровати и сесть за подсчеты. Как ты смотришь, чтобы выпить чаю.

Глядя на колонку цифр с калькулятором в руке, Витька улыбнулся.

- Слушай, но это гораздо меньше, чем я думал. Это я вполне смогу потянуть. Когда нужны деньги?

- Вчера, - усмехнулась Кристина, нервно облизывая губы. Ей вдруг стало неудобно, она никогда не думала, что наделает долгов, да еще впадет в депрессию. – На самом деле гораздо раньше. И если бы проклятый Мухин заплатил мне мою зарплату за Филевскую, я погасила бы два первых взноса, и все было бы проще. Черт, а ведь когда-то я была хорошим риэлтором.

- Успокойся, у тебя все впереди. Я верю в тебя. Звони своему риэлтору и скажи, что ты не продаешь.

- Правда?

- Да, это мой шанс хоть как-то поправить статус. Думаешь, легко мужчине будет переезжать к тебе с дочерью?

- Вить, ну прекрати, - она обняла его за шею. – Я просто счастлива, что ты теперь весь мой. И я уже люблю Аленку. Я научу ее плавать, мы будем вместе бегать, мы... - Кристина остановилась, глядя на дергавшийся уголок его рта. – Что-то не так?

- Ты просто чудо. Не знаю, почему мне так повезло.

Она улыбнулась, крепче прижимаясь к его плечу.

Кристина потянулась за конфетой и вдруг, прямо напротив, совершенно отчетливо увидела Марину. Уронила конфету на стол. Некоторое время сидела, уставившись перед собой, не слушая, как Витька рассказывает ей

что-то. Счастье, только что укутывающее их двоих покрывалом, растворилось в воздухе, оставляя вместо тепла пронизывающий холод. Кристина вдруг осознала: Марина появилась напомнить ей, что убийца не имеет права на счастье. К таким, как она возвращаются только когда от них что-нибудь нужно.

Какая же она идиотка. Витька пришел к ней, не потому что сделал выбор, а потому что ему негде жить. Он решил использовать ее. И это очень удобно, даже переезжать далеко не нужно. Витька, так же, как и она, любит это место у озера. И если она когда-нибудь захочет заявить о своих правах или поставить его на место, он легко может сдать ее, предоставив в качестве доказательства ее же книгу. Да он в любой момент может засадить ее за решетку лет на пятнадцать за преднамеренное убийство. И спасти ее больше некому, Сергей благополучно предпочел иметь рядом богатенькую невинность. Так же потом и сделает Витька. Он перезимует с ней, расправит крылышки, и уйдет к другой. Если бы он любил ее на самом деле, он бы принял решение независимо от того, бросила его жена или нет.

- Крис, ты что? – он вдруг заметил, как она побледнела.
- Но я ведь убийца, Витька. Я убила троих человек. Как ты будешь жить со мной? Как ты хочешь, чтобы я воспитывала твою дочь?
- Зачем ты снова начинаешь? Я уже сказал, что прочитал твою книгу и поэтому приехал.

Кристина недоверчиво покачала головой.

- Ты приехал, чтобы решить проблему с женой. И ты никогда бы не ушел ко мне, если бы она не предпочла тебе турка. Вы, мужчины, слишком трусливы, чтобы сделать выбор в пользу любви. Для вас есть только секс, а этим можно заниматься с любовницей, а потом приходить в дом, принося жене прикосновения ее рук и запах ее тела. И вам даже не стыдно за это. Через какое-то время вы неплохо исполняете парочку супружеских долгов, пропитываясь уже запахами законной половины и, осознав, что все-таки чего-то не хватает, делаете маленький перерыв, чтобы нижний дружок оказался на высоте, и отправляетесь к любовнице. Разве это не так, Витенька? – Кристина развернулась к нему, поджав под себя босую ступню.

Витька казался сбитым с толку, видимо, не мог понять, каково черта ее так понесло. Мужчины никогда не поймут, что нас несет только тогда, когда вы начинаете вытирать ноги о коврик нашей души. И начинаете возмущаться, когда мы откровенно говорим, что поняли вашу тайную игру и пытаемся отнять коврик, чтобы хотя бы попытаться отмыть грязь.

- Слушай, ну я не понимаю, почему для тебя это так важно? И зачем, вообще, это обсуждать?

- Ты не понимаешь?!

- Нет! – Витька пожал плечами. – Ведь я же здесь, с тобой. Разве не это важно? Зачем копаться в прошлом, когда можно наслаждаться настоящим?

- И как долго мне отпущено сего наслаждения? – Кристина сузила глаза. – Ведь ты не ко мне приехал и вовсе не потому что прочитал книгу, ты приехал, чтобы спасти свою семью. Но твоя жена устала отмываться от моих запахов и решила завести другого. Только вот понимаешь, она оказалась более честной и даже более сильной: она сразу объявила тебе о том, что не может жить с двумя.

Витька побледнел, на шее мелко задергался кадык. Он даже отодвинулся. Сердце у Кристины сжалось. Счастье помахало ручкой. Между ними валялись лишь острые обломки нежности, впивающиеся в бока.

- Какого черта ты лезешь в мою жизнь? Тебе не понять, что значит выбирать между семьей, где есть дети и...

Он остановился.

- И... - Кристина смотрела с вызывом, чувствуя себя удивительно спокойной. Этот Витька не был тем Витькой, которого она любила. Этот Витька был трусом. Впрочем, трусом он был всегда, только раньше она не хотела этого видеть. Любой мужик, превращающий хождение к любовнице в стабильность, трус. А она всегда ненавидела трусов. – Ты даже слова-то не придумал. Не хватает смелости называть вещи своими именами? Хочешь, я сделаю это за тебя? Выбирать тебе нужно было между законно-скучным трахом и страстно-греховным.

- Да причем здесь секс? У меня дети. Я не мог разрушить то, что создавал годами. Ты думаешь, если бы уходил я, а не она, мне дали бы возможность забрать Аленку? Да она из обычной женской вредности запретила бы мне даже встречаться с дочками.

- Никто не может запретить отцу воспитывать своих детей. И для этого вовсе необязательно оставаться с женщиной, которую ты разлюбил. Более того, это унижительно.

Кристина вдруг поняла, почему начала эти разборки. Из-за матери. Она помнила застывшее унижение на ее лице, когда та рассказывала о найденном письме. Ей было больно вспоминать об этом, даже спустя годы после смерти отца. И причиной той боли был именно обман. Было бы гораздо легче, если бы отец честно пришел к ней и сказал, что полюбил другую, и что та ждет ребенка. Мама сильная, она бы отпустила его с миром в душе, несмотря на боль. Никто не виноват, когда приходит любовь, надо только иметь мужество ее принять, а не стыдливо прятать в тайных встречах, звонках и письмах. Если бы так сложилось, Марина выросла бы другим человеком. Да и что от

себя скрывать, и она сама не стала бы убийцей. Они с ней две девочки, выросшие на обмане отца, и одна другой стоит. Да и Андрюшка, если бы его воспитывал другой человек, а не обманутый отец, возможно, не стал бы жалким гомиком.

Кристина, забыв о Витьке, сидящем рядом, опустила голову на руки, опершись на журнальный столик. Как все оказывается глубоко. Гораздо глубже, чем она представляла. Какой же кукольник хитрец. И как он наказывает жестоко. Всех. Никого не пожалев. Не послушались голоса любви, не хватило смелости, нате вам проклятия на души ваши и пороки пороков на души ваших детей.

Возможно, и мама бы не заболела, если бы на ее теле не оставляли чужих запахов.

На плечо Кристины легла Витькина рука, и сердечку мгновенно стало теплее. Какое же счастье так чувствовать.

- Тебе плохо?

Она подняла голову, посмотрела в такие любимые глаза: для нее нет и не будет никого лучше Витьки. Но как же больно, от того, что ее половинка трусливо плетется по жизни, не пытаясь бороться и отрицая самое главное чудо, подаренное нам судьбой. Не будет другого Витьки и такого слияния друг в друге. И пусть она столько всего понаворочала в жизни, нужно попытаться встать на ноги и сделать смелый поступок ради своей любви. Не принимать подачек. Все или ничего. Кристина легко, почти нежно освободилась от его руки и пересела напротив, чтобы избавиться от чувства, которое диктовало тело, заставляя предавать душу.

- Мне уже не плохо. Мне сейчас хорошо. Я поняла одну вещь и сейчас попытаюсь тебе ее объяснить. Я очень люблю тебя, Вить, так люблю, как никого не любила и уже не полюблю, потому что мы, хоть ты и не веришь, половинки. — На лице Витьки появилось знакомое выражение, какое бывало раньше, когда она пыталась что-то ему сказать, но он, не дослушав тащил ее в постель со словами, что проблемы им ни к чему, лучше уж заняться сексом. Она улыбнулась, удивляясь спокойному ритму сердца и чувству любви, которое он снова вызывал в ней. Только это чувство было другого порядка: не схватить в охапку и утащить в постель, а отпустить, прощая и любя, потому что одна только страсть теперь не принесет удовлетворения. — И от этого мне еще больнее, что ты меня не любишь. И ведь ты меня не полюбишь, раз еще не полюбил.

- Если я что-то не говорю, это не значит, что я этого не чувствую.

- Если бы ты меня любил, слова распирали бы тебя и просились наружу. Ты не смог бы сдержаться. А ты все время себя контролировал, не говорил лишнего, не давал обещаний, не звонил лишний раз, чтобы не вселять

надежду. Я была тебе нужна лишь на то время, которое ты для меня выделял. И тебе было все равно, как я живу, когда тебя нет.

- Но я боялся, если мы будем что-то менять, мы все испортим: ты перестанешь меня хотеть или я перестану. У нас появится быт, он съест наши чувства.

- Неужели ты, правда, наивно надеялся, что мы не растеряем это в чужих, снятых за деньги, постелях? Неужели ты не думал, что туда, куда ты водил меня, водят проституток, и когда ты доставал из бумажника деньги, чтобы заплатить за номер, мне казалось, это плата за мое тело?

Витька дернулся, как от удара.

- Крис, ну прости меня за это. Я не знал, что ты так чувствуешь. Мне было хорошо с тобой в этих гостиницах.

- И знаешь, почему тебе было хорошо, а мне плохо? Знаешь почему, когда ты, насвистывая, удалялся по своим делам или к жене, я не знала, куда деть себя, все еще желающую быть с тобой, но уже благополучно брошенную ради новых свершений в твоей безупречной жизни? Потому что я на самом деле тебе отдавалась вместе с душой, а ты давал мне попользоваться своим телом. И пусть даже ты по-настоящему впахивал в постели, чтобы мне было хорошо, там все и заканчивалось. И сейчас, когда ты пришел ко мне, ты не пришел ко мне с распахнутой душой, потому что ты уже не можешь без меня, это не было твоим выстраданным решением, мне просто повезло с обстоятельствами, и ты снова ничего не принес мне.

Витька выглядел до того растерян, что ей даже захотелось рассмеяться и взъерошить его кудрявые волосы, а потом целовать до одури, забыться в нежности рук и языков. Снова вырвать у судьбы эту ночь, час, минуту.

Стоп!

Нельзя снова предавать себя. Он должен принадлежать ей или целиком, или не нужен вовсе. На Витькином лице читалась почти обида: да что же я должен принести еще? Я же здесь.

- Вить, я хочу твою грудную клетку.

- Что?

- Да, именно так. Я хочу, чтобы ты отдал мне свое сердечко, чтобы я могла подержать его в руках, погладить, поцеловать и отдать тебе взамен свое. Я хочу, чтобы твоя душа, наконец, вылезла из тела и обняла мою?

- А как же тогда наш секс?

Кристина улыбнулась и поднялась, чувствуя неожиданную легкость. Ах вот как, оказывается, бывает, когда находишь смелость быть самой собой. И это

чувство сильнее боли предстоящей разлуки. Он не понимает, не выстрадал, слишком легко складывались их отношения, слишком рано она бросила ему свою душу под ботинки. Он-то ей не ничего не бросил, даже самого маленького клочочка, чтобы не так больно было после этого столь превозносимого секса оставаться без себя самой.

- Уходи! – тихо, но твердо произнесла Кристина.
- Ты знаешь, что ты сумасшедшая? Любая баба на твоём месте радовалась бы такому исходу, а ты начинаешь копать, куда не надо?
- Вот и иди к этой любой. А я хочу твою грудную клетку.
- Ты ненормальная.
- Вот и держишь от меня подальше.

Витька обвел взглядом гостиную, вспоминая, с чем он пришел и что нужно не забыть.

- Телефон...
- Что телефон?
- Я оставил телефон в спальне, - он испытывающе посмотрел на нее. – Ты принесешь мне телефон или мне самому подняться?

Смятые простыни и запах самого лучшего в мире секса. Так как у них бывает только у них. Может быть еще один разочек, самый последний? Витька сделал маленький шагочек навстречу, она отступила, он шагнул еще и еще. Она отступала дальше и дальше, пока не уперлась в стену. Он тут же схватил ее в крепкие мужские объятия. Язык раздвинул губы и начал свой прекрасный танец с ее языком. Невыносимое блаженство охватило Кристину, но она не находя в себе силы вырваться, все же не поднимала рук, чтобы его обнять.

Он отстранился, заглянул в глаза.

- И ты можешь потерять это?

Ключевое слово «это» опять относится лишь к сексу. Он так ничего и не понял.

- Ведь ты сама говорила, что так, как у нас не бывает. Кто будет так целовать тебя, Крис? Кто будет входить в тебя так нежно и глубоко?

- Не знаю, - Кристина покачала головой.

Что она делает? Не надо было с ним целоваться. Его тело имеет власть над ее душой. Ее тело принадлежит ему, больше, чем ей. Ее мысли только о нем. Нельзя так чувствовать и так любить. Это слишком больно, когда тебя не

любят в ответ. И то, что она оказалась на дне, это из-за того, что она не смогла остаться верной себе. И ей нужно подняться не от того, что он пришел, а самой.

- Вить, сходи за телефоном.

- Ты не пойдешь со мной?

- Я подожду тебя на улице.

Кристина вышла в сад. Смеркалось, было прохладно. Она обхватила себя руками, чтобы не дрожать. Больше он не пытался ее остановить, легкой походкой подошел к калитке, возле которой она его ждала.

- Ну что, пока?

- Пока, - тихо отозвалась она, избегая мелодраматичного «прощай». Кристина задвинула щеколду и вернулась в дом. Пришла мысль, что нужно готовиться к переезду. Хорошо, что не успела позвонить Никите. Нужно уехать отсюда и начать все сначала.

Глава 44

Утром Кристина проснулась в хорошем настроении, словно все, тянущее назад и плохое в ее жизни, исчезло. Но как же так может быть?! Постельное белье еще пахло Витькой, а они уже расстались навсегда. Тогда откуда же эта легкость, как в детстве, когда просыпаешься и понимаешь, что тебя ждет еще один замечательный день, в котором обязательно случится что-нибудь хорошее. Ей хотелось прыгать, бегать, она была полна сил и энергии.

Ребенок.

Зазвонивший телефон выдернул ее из кровати. Витька? Одумался? Решил сказать, что любит. Ах, нет. Всего лишь, Михаил.

- Привет, Кристина. Извини, что так рано. Я собираюсь уехать и хочу отдать тебе ключи от коттеджа. Вдруг кто захочет смотреть.

Кристина вздохнула, испытав знакомое чувство неудобства, когда ты не помогла клиенту с продажей объекта, подарив ему ложную надежду. А продажа домов и дач, как правило, завязана на разрешении какой-нибудь сложной семейной ситуации.

Ладно, хорошо, она возьмет ключи. Пришло осознание, что нужно принимать, брать, что идет в руки. Просится. Как часто мы делаем правильный выбор, отвергая? Не мое. Не нужно. Бесполезно.

Зачем ключи, если нет клиентов и не откуда их взять?

Не думать. Высшая сила, которая ведет.

Проделки кукольника? А, может, она погорячилась, обозвав Его так и поэтому жизнь под откос?

Не думать. Там, кто наверху, простите, за кукольника! Должно быть другое слово, оно придет позже, когда исчезнет неверие. Она сейчас ребенок, а дети верят, что дед Мороз принесет подарки.

Да какие могут быть подарки, если она сама все везет на себе еще с четырнадцати лет и сама определяет свою судьбу?

Ну, только если сегодня?

Завтра она сама, а сегодня поступать, как ведут свыше.

Как сложно и просто одновременно.

Я ничего не решаю.

Только возьму ключи.

- Хорошо, Михаил. – Кристина сделала над собой усилие и слова полились с языка. – Как раз у меня есть клиент. Хотел посмотреть.

Что я несусь? Никого нет. Зачем обнадеживать?

Но голос на том конце повеселел.

- Я верил, что ты мне поможешь. Ситуация в семье невыносимая. Нужно продать настолько срочно, что я готов торговаться. Цена завышена. И твоя комиссия в полном объеме от той цены, что договорились. Не от той, что с торгом.

- Спасибо.

За что благодарить-то? Денег этих ей все равно не видать, клиентов-то нет.

Просто возьми ключи, Кристина, - закричал внутренний голос.

- Хорошо, как мы встретимся?
- Я зайду через пару часов, - Михаил зевнул. – Соберу чемодан и выпью кофе.
- Отлично, я пока сделаю пробежку вокруг озера.
- Давно хотел сказать, - он замялся. – Фигура у тебя что надо. Или не надо, - смутился Михаил от собственной откровенности. – Мужикам на беду. Глаз не отвести.

- Еще раз спасибо. Результат ежедневного труда.
- Я знаю. Давно тебя заметил. Девушка, которая имеет силу воли бегать каждый день вокруг озера и проплывать его вдоль и поперек, достойна самого лучшего.

- О! Это всего лишь следствие страха.
- Страх? Да я не видел никого бесстрашнее тебя. В твоих глазах вызов миру. И не важно, где он и где ты. Ты на коленях, как другой с пистолетом.
- Боюсь, мир меня сделал.
- Это временно. Мир уже на твоей ладошке. Такие как ты только делают передышку, чтобы восстановить силы. И если ты снова собираешься бегать, с тобой уже все в порядке.

Кристина вытащила из-под кровати запылившиеся кроссовки и надела под спортивную форму купальник. Пора возвращаться к физическим упражнениям, а, значит, и к самой себе. Как только она могла так опуститься? Никакая даже самая замечательная любовь не должна делать из девушки размазню.

С бегом дела обстояли не очень хорошо. Круг дался с большим трудом. Возле Витькиного дома сердце сжалось, но не так болезненно, как раньше, легкая боль, которая давала надежду, что со временем, она перерастет в приятные воспоминания о феерическом сексе.

Добежав до своего дома, Кристина остановилась и отдышалась, с наслаждением вдыхая сосновый запах и подставляя солнцу свое незагорелое лицо. Удивительно, уже июль, а она еще не купалась и не загорала. Страшное дело – депрессия из-за любви.

Сняв футболку и шорты, она некоторое время постояла на берегу, наслаждаясь ласковыми лучами, потом медленно и осторожно, а не с разбегу, как раньше, вошла в воду.

Плавание пошло гораздо лучше, и она осилила свою норму, переплыла озеро вдоль. Уже на середине, в поле зрения попал ее дом, которым она всегда

любовалась. Как она сможет жить без всего этого великолепия? На всей земле нет такого озера и таких сосен и такого дома, простого и изящного одновременно.

Кристина перевернулась на спину и взмолилась в голубое небо: «Пожалуйста, там, наверху, умоляю, помогите в последний раз. Обещаю больше ничего не просить, даже Витьки».

Решение проблемы появилось в голове так быстро, словно кто-то нашептал его в ушко. И все это было так легко и естественно, что можно было только поражаться, что она, опытный риэлтор, не догадалась об этом раньше.

Не снимая купальника, она бросилась на второй этаж за телефоном, отжимая на ходу мокрые волосы. Рука дрожала, выискивая номер телефона. Как хорошо, что ей оставили его, несмотря на возражения Никиты. Но если получится, она расплатится с Никитой. Сейчас хотелось быть доброй и правильной: отказываться во имя чего-то высшего, не обманывать, не убивать и даже не бороться. Я открылась вся. Берите меня беззащитным новорожденным котенком и утопите. Такой слабой я никогда не была.

И такой спокойной.

И таким же спокойным был ее голос, когда она объяснила то, что решилось еще вчера с Витькой, но осталось решено и сегодня, несмотря на то, что Витьки уже не было в ее жизни.

Решение не так просто отменить.

Двенадцать сосен не продаются.

Шквал эмоций.

Выслушать и предложить свой выход. Это просто и она, Кристина, последние годы только этим и занималась.

-Знаете, нас самом деле есть вариант, который, судя по тому, что у вас дети, подходит вам гораздо больше. На озере, где живу я, слишком шумно для семейной жизни. Но есть другое место на этом же озере, всего в трех минутах ходьбы, которое идеально вам подходит.

Кристина выдохнула, считая удары сердца.

Убеждать пришлось недолго. Просмотр назначили через пару часов после того, как Михаил принес ключи.

И клиенты, уже влюбленные в сосновый запах, сразу согласились, а Кристина позвонила Никите и сказала, что смогла решить вопрос с деньгами, слезно предупредив бывших клиентов Двенадцати сосен, чтобы они взяли паузу. Пока они не покупают дом. Некоторые проблемы с финансами у покупателя – чудесный конек, чтобы Никита оставил их в покое. Клиент без финансов перестает быть клиентом. Впрочем, так было всегда. На этом стоит весь риэлторский бизнес.

На обмане.

Ну, еще и на лучших побуждениях: не обманешь тех и этих, не поможешь никому и сама останешься ни с чем.

Все ни с чем или в новых квартирах и решившимся вопросом.

Только не узнавайте истинной цены у риэлтора. Называя вам, он уже ее искренне забыл. Вспомнит только при отчетности в агентстве или когда будет забирать нечестно нажитое из ячейки.

Кристина подошла к дому. Подошла к озеру и вдохнула родной сосновый запах.

Спасла!

Надо подождать радоваться. Сколько уж раз жизнь, помахав морковкой, отнимала не только ее. Надо собраться. Сейчас самое важное: правильно разыграть карты. Кристина взяла ручку и принялась за подсчеты. Если они возьмут за ту цену, которая в рекламе – а они должны, поскольку уже на крючке – то она не назовет ее Михаилу. Для него будет та самая цена, которую он сегодня озвучил. Тогда ее комиссионные составят хотя и не всю сумму кредита, но вполне достаточную, чтобы вести переговоры с банком.

Кристина выдохнула, бросила бумажку и ручку на стол и вышла на балкон. Оперлась на горячие резные перила, чувствуя, как проникает через кожу накопленный металлом, жар.

Невозможно потерять Двенадцать сосен.

Уже достаточно Витьки. Того, что она никогда не уткнется носом в волосики на груди, не проведет губами медленно спускаясь вниз к животику и еще ниже, там, где к этому моменту – а на самом деле гораздо раньше, еще до раздевания - заявляла о себе его мужская сила. Ей больше не почувствовать

его нетерпеливых рук на своем теле, не засунуть глубоко в его горячий рот свой язык и тут же почувствовать, как он ласкает его со всех сторон. Никто из мужчин никогда не целовал ее так страстно и неприлично. Это почти то же самое, что происходило внизу, от его поцелуев можно было кончить, и это именно он научил ее целоваться. Он открыл ей затертую чужими грубыми руками – а по сравнению с его руками, другие руки казались грубыми – женскую способность отдаваться. Из груди вырвался стон. Все это было несколько дней назад, и она сама все разрушила. Но разве кто-то виноват, что ей уже мало просто секса? Ей нужен он весь целиком, а он хоть и пришел к ней, но все равно не готов любить и отдавать. А без этого никак нельзя.

Зазвонивший телефон привычно вызвал мысль, что это Витька, но, уже спускаясь по лестнице в гостиную, она знала, что это не так и ругала себя за женскую способность все время думать о нем.

- Мы подъезжаем, - голос клиентки казался отчужденным и далеким.

Кристина вышла в коридор и подошла к зеркалу, мазнула блеском по губам, серьезно посмотрела себе в глаза. Соберись и не делай глупостей. Сейчас или никогда. Другого шанса не будет. Она взяла щетку, провела по распущенным волосам и собрала их в хвост, чтобы выглядеть серьезнее. За то время, пока сидела дома, она привыкла к себе без макияжа и сейчас красилась гораздо меньше и выглядела менее ярко, но и более молодо. Лицо немного загорело во время плавания и не казалось таким бледным.

Все неплохо, подумала она. Если бы не разбитое сердце, злорадно запел внутренний голос. К черту. Витька не стоит, чтобы так много о нем думать. Он-то уже, наверняка, веселый как птенец, радуется жизни, несмотря на бросивших его жену и любовницу. Надо же, они сделали это почти одновременно. Неужели он ласкал жену, так же, как и ее?

Черт, до сих пор больно.

Кристина подошла к дому Михаила и, увидев припаркованную тойоту камри клиентов, в который раз приказала себе собраться. Она плохо помнила, как делала замечания, открывала двери комнат, выходила на балкон и спускалась по витой деревянной лестнице, стараясь, чтобы ее голос звучал не слишком заинтересованно, а скорее равнодушно. Она вся сжалась в комок, когда они втроем вышли в сад, и супруги посмотрели друг на друга. Женщина еле заметно пожалала плечами, мужчина кивнул, словно соглашаясь с неизбежным выбором. Оба одновременно посмотрели на Кристину:

- Озеро, вы говорили, рядом? – спросила жена.

- Пяти минут не будет, хотите прогуляемся?
- Не стоит. Не хочется смотреть на ваш дом, который уже не продается, - заметила грустно клиентка.
- А почему все же вы передумали продавать? – спросил муж. – Риэлтор говорил у вас долг по кредиту.
- Я... выхожу замуж, - неожиданно для себя сказала Кристина. – Муж решил оплатить расходы. Ему нравится это место.
- О! – сказали оба одновременно. – Поздравляем, - добавил мужчина.

Дальнейшее шло, как по маслу. Прокатило даже без торга. Кристина мысленно прибавила полмиллиона к комиссионным и вздохнула с облегчением. Детали, как скрыть от Михаила и не дать обсудить цену, можно обдумать позже.

До озера Кристина дошла в состоянии эйфории. На берегу остановилась, вытащила сигарету из пачки и закурила. Очень хотелось позвонить Витьке, но она вместо этого набрала номер Михаила и сообщила ему радостную новость. Потом долго стояла на тропинке и с любовью оглядывала свой дом, пытаясь убедить себя, что для беженки спасение дома гораздо важнее разрушенной личной жизни.

Глава 45

Две недели Кристина была очень занята. Настолько занята, что почти не вспоминала о Витьке, но это «почти» было огромным воздействием разума на область чувств. Она сознательно блокировала все зарождающиеся мысли, стараясь думать о чем угодно, только не о нем. Конечно, не последнюю роль сыграла прошедшая разлука, во время которой она научилась жить без него. И даже не только без него, Кристина научилась жить одна и находить утешение в самой себе. Целебная сила одиночества. В свободное время она старалась не оставаться наедине со своими мыслями, а что-нибудь смотреть или слушать. Ее уши были постоянно заняты прослушиванием какой-нибудь аудиокниги, которая не позволяла спуститься в ту самую женскую область чувств, в которой она должна быть от боли и тоски. Но даже в те краткие мгновения, когда мыслям о Витьке удавалось разрушить созданные барьеры, Кристина понимала, что была совершенно права.

Невозможно отдавать, не получая взамен и не разрушая себя. А уж на той помойке, где в доме даже не было чаю, больше находиться не хотелось. Она возобновила и даже увеличила все свои физические нагрузки: бегала, плавала, занималась на тренажерах. Появилась странная потребность стать не просто сильной, а очень сильной, чтобы больше никогда не оказаться в таком

состоянии, которого никак не могла простить ее поднявшая голову гордость. Променять свои лучшие чувства на просто секс, стать игрушкой в руках хорошего любовника - насмешка судьбы после всего того, что ей пришлось пережить.

Кристина училась радоваться просто жизни: солнцу, теплой воде озера и запаху сосен и тому, что ее жизнь, пусть и без любимого, но все-таки налаживается.

После оформления сделки, Кристина погасила долг банку и даже заплатила вперед. Каждый риэлтор живет ради такой сделки. Кристина улыбнулась. Закон бизнеса: чем меньше комиссионные, тем больше проблем и чем большая цена за услуги объявлена, тем глаже проходит сделка. Так было и с Михаилом. Он не только не узнал о скрытой комиссии, но остался таким довольным, что прислал к ней еще двоих знакомых.

А еще Кристина с нетерпением ждала домой маму. Илария должна вернуться на следующей неделе. И пусть она полностью не выздоровела, но значительное улучшение ее состояния давало надежду, что при самостоятельном применении процедур, она поправится. А уж она постарается, чтобы мама выполняла все инструкции. Так что ее одиночество скоро закончится, и ей снова будет для кого жить.

Кристина налила себе чашку зеленого чая с жасмином и вышла в сад. Было около девяти вечера, ее любимое время, когда стволы сосен, впитывающие лучи заходящего солнца, становились оранжевыми. Она поставила чашку на стол и подошла к умершей сосне-Иудушке, чей ствол, несмотря на чарующую теплоту оставался безжизненно серым. Кристина прижалась к нему щекой. В голову пришла мысль о том, что никогда ее сердце не станет прежним, и никогда ни одни мужские руки не зажгут огнем ее тело. Все прошло, не успев начаться. Их любовь, нет, ее любовь, он так и не смог ответить ей, осталась в гостиничных номерах и на заднем сидении автомобиля, где сидели его дети и, может быть, жена. Началось с обмана и обманом закончилось. Она обманывала себя, веря, что он особенный. А он даже не мог сказать ей в ответ трех простых слов, которых ждет любая женщина.

Кристина почувствовала, как выступили на глазах слезы, с которыми сегодня не было сил бороться. Хотелось, обняв гладкий ствол мертвой сосны, плакать и жалеть свои мечты, свои мысли, все то, что оказалось ненужным. Ведь за весь прошедший месяц, он так и не появился. Чему удивляться не приходилось: ему она была нужна только для секса, все остальное предназначалось жене.

Кристина так увлеклась своими мыслями, что не слышала, как Витька сначала звонил, а потом стучал в калитку. А когда понял, что ему не откроют, перемахнул через забор.

- Обними лучше меня, - услышала Кристина такой знакомый голос. Она обернулась.

- Что... ты здесь делаешь?

Он подошел так близко, что она уже чувствовала его мужской запах, от которого снова, как и всегда, сносило напрочь крышу и хотелось только одного: отдать ему все. И уже неважно, что будет с ней, с гордостью, со всем, что она так чудесно решила. Неважно. Только он и она. И их чудесный секс.

- Ты не подходишь к телефону.

Еще маленький шаг и она, все еще отступая, прижалась к сосне, чтобы отдарить неизбежное, продлить сладкую муку и сдаться.

- Зачем ты пришел? – еле выговорила она, задыхаясь от нахлынувшего чувства, как обычно предававшего разум и жившего своей независимой жизнью, управляя танцем тел.

Я пришел к тебе.

- Ты не любишь меня.

Он засмеялся.

- Но я хочу тебя.

- А я не хочу просто секса, я хочу тебя целиком, хочу, чтобы ты любил меня.

Его губы захватили ее рот, язык продвинулся внутрь и погладил все вокруг, захватывая в плен ее язык. Его крепкое тело почти вжалось в нее, требуя, умоляя и рассказывая о том, о чем, возможно, не хотел говорить хозяин.

- Скажи еще раз, что ты не хочешь меня. Только скажи и я уйду, – зашептал он ей на ухо, одновременно умудряясь ласкать ее во всех местах.

- Тогда скажи, что ты меня любишь...

Витька засмеялся, убрал руку с ее талии и что-то вытащил из кармана.

- У меня есть для тебя подарок. В тот раз ты сказала, что хочешь мое сердце. Так возьми его. Сама.

Он вложил в ее руку кинжал в ножнах.

Кристина оторопело рассматривала его. Потом, повинуясь любопытству, вытащила кинжал из ножен.

- Осторожно, он острый, я сам наточил его.

Она улыбнулась уголками губ:

- Значит ли это, что я могу...

- Попробуй, - Витька дернул рубашку, верхние пуговицы разлетелись по траве.

Кристина улыбнулась.

- Играешь с огнем. – Она провела острым концом по груди, где сразу выступила красная полоска. – Витька смотрел с удивлением, морщась от неприятного ощущения.

- Эй, полегче. Я в шутку.

- Да уж какие тут могут быть шутки, если я хочу посмотреть, есть ли, вообще, у тебя этот маленький комочек, который не умеет любить.

- Я этого не говорил.

Кристина не отводила взгляда от полоски крови. В голове мелькнула странная мыслишка: а не убить ли его за все мучения, которые он ей доставил? Но вместо этого опустила руку и провела языком, слизывая солоноватую жидкость. Жизнь без Витьки бессмысленна. Четвертое убийство вряд ли сойдет с рук. И, вообще, лучше отправиться с ним в спальню и черт с ней с этой любовью.

Он пробрался пальцами через волосы и почти силой притянул ее к себе, впиваясь в губы.

- Слушай, что бы ты ни делала, меня это только возбуждает. Да хоть изрежь меня целиком, только дай войти в тебя.

Кинжал выскользнул из разжавшихся пальцев, когда Кристина потянулась к его ремню.

- Прямо здесь? – прошептала она ему в ухо. – Даже в дом не зайдем?

- Здесь, - еле выдохнул он, стягивая ее трусики, предоставляя ей право бороться с молнией на джинсах и вытаскивать то, что она хотела больше всего на свете. Промелькнувшая мысль, что соседи могут смотреть из окон, вылетела из головы, как только его горячая плоть нежно и медленно, продлевая сладкую муку, входила в нее. Она поудобнее обвила его ногами, двигаясь в такт его движениям, одновременно понимая, что больше никогда не сможет отказаться от него. Даже если он ее не любит.

Истосковавшиеся организмы быстро и неумолимо взорвались одновременным оргазмом, сопровождаемым сдавленными стонами.

Витька осторожно поставил Кристину на землю и тихо, не глядя в глаза, выдохнул с горячим дыханием ей в самое ухо:

- Я люблю тебя.

Кристина отстранилась и впиалась взглядом в его еще нежное после страсти лицо.

- Мне кажется, ты просто испугался предстоящей операции.

Оба рассмеялись, а потом он вдруг хлопнул себя по лбу.

- Черт, я идиот. Совсем забыл.

- Только не говори, что тебе надо идти. Если ты скажешь, что у тебя дела, и ты бросаешь меня, я тебя точно убью.

- Глупышка, я забыл про Аленку. Она ждет.

- Где ждет? – удивилась Кристина.

- Сидит на берегу и ждет. Я не был уверен, что ты меня примешь, поэтому сказал, что виноват перед тобой и должен попросить прощения. Если все будет хорошо, я вернусь за ней.

- То есть ты меня опять обманул. Вместо того чтобы просить прощения, ты трахнул меня?

- Крис, прости меня за то, что я так мучил тебя. – Он посмотрел ей в глаза и уже серьезно спросил: - Ты уверена, что забираешь нас двоих?

- Даже если у тебя был бы десяток детишек, я не смогла бы от тебя отказаться, - усмехнулась она. А потом серьезно добавила: - Уж не знаю почему, но я люблю твою Аленку.

- Тогда пойдем к ней вместе?

Кристина оглядела Витьку в разорванной рубашке с сочившейся кровью царапиной.

- Давай лучше я схожу за ней, а ты пока приведешь себя в порядок. В шкафчике рядом с холодильником есть аптечка. Чуть позже вернемся к прерванной операции.

Кристина натянула валявшиеся на траве трусики и вышла из ворот. Открывая калитку, она оглянулась. Витька стоял, прислонившись спиной к сосне-иудушке, сложив руки на груди. Надо же, - подумала Кристина, - мы занимались сексом у мертвой сосны. И я вовсе не удивлюсь, если после наших эмоций, она оживет.

Выйдя из калитки, Кристина сразу увидела Аленку. Ссутулившись, она сидела на траве и смотрела на воду. Бросилась в глаза ее неумело заплетенная коса.

Кристина опустилась рядом на траву.

- Привет!

В ясных детских глазах стояла взрослая печаль, но уже не было слез. Некоторое время они смотрели друг на друга, потом Кристина сказала:

- Я за тобой.
- А где папа?

Кристина сглотнула, вспомнив растерзанного Витьку. Какие же они сволочи, предавались своей страсти, а бедный ребенок сидел в одиночестве. Ей стало стыдно, несмотря на то, что она и не знала, что Аленка здесь. А Витька-то хорош, папашка. И вот так всегда: стоит им встретиться, и прощай разум.

- Он... хм... у него важный разговор по телефону.

Аленка повернула голову:

- Мы теперь будем жить вместе?
- Да. — Кристина помолчала. — Если ты, конечно, не против.
- А меня кто-то будет спрашивать?

Сердце у Кристины сжалось. Как же сложно в ее восемь лет понять отношения взрослых, надо найти какие-то особенные слова, чтобы детское сердечко смягчилось. Кристина закусила губу. Мягкая и ласковая Аленка сегодня казалась выставившим иголки ежонком. И ее можно понять: мать влюбилась в одного, отец в другую, а ей-то что делать, чтобы не разорваться между запутавшимися взрослыми?

Кристине хотелось сказать, что у них все будет хорошо, она будет заботиться о ней, научит плавать, они вместе играть и бегать вокруг озера, но слова не шли и тогда, Кристина протянула руку и обняла Аленку за плечи и девочка прижалась к ее руке, подобно бездомному котенку.

